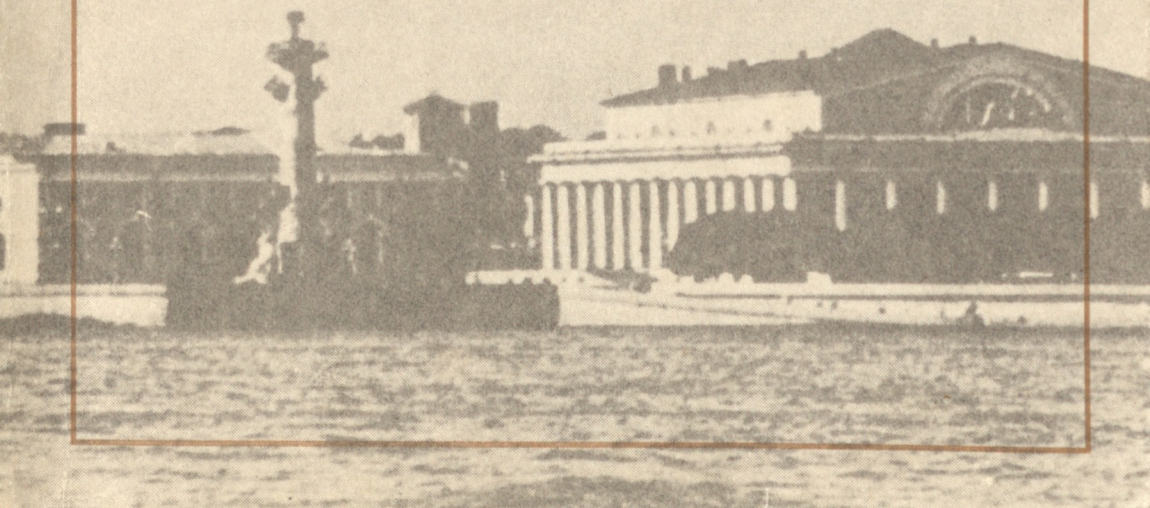

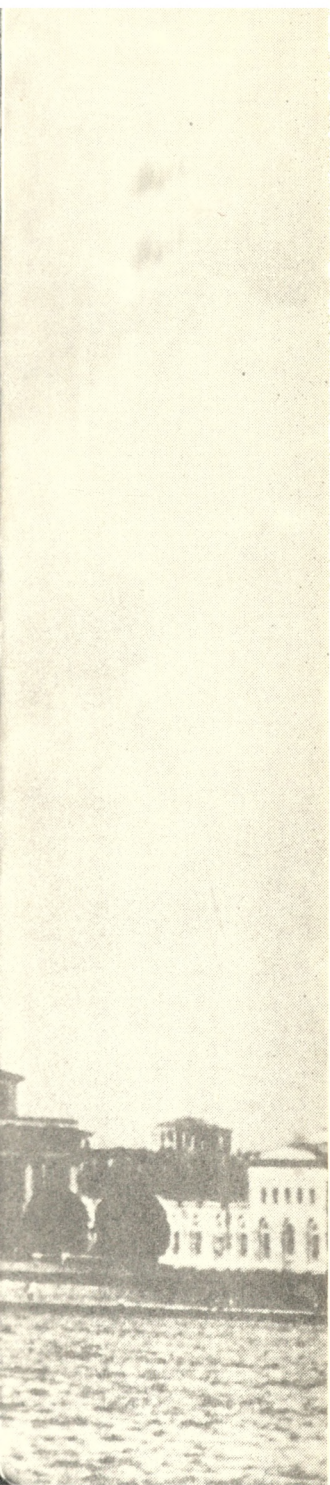
АКАДЕМИЧЕСКОЕ

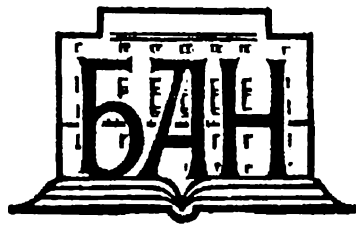
ДЕЛО

1929—1931 гг.

2 (2)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**Академическое дело
1929–1931 гг.**

**Документы и материалы следственного дела,
сфабрикованного ОГПУ**

Санкт-Петербург
1998

БИБЛИОТЕКА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**Академическое дело
1929–1931 гг.**

Вып. 2

**Дело по обвинению
академика Е. В. Тарле**

Часть вторая

Санкт-Петербург
1998

Редакционная коллегия:

Ж. И. Алферов, Б. В. Ананьич,
В. П. Леонов (*ответственный редактор*), Е. В. Лукин,
В. М. Панеях, С. В. Степашин, А. Н. Цамутали

Издание подготовили:

С. К. Егоров, М. П. Лепехин, Э. А. Фомина

Издание подготовлено при содействии
Российского фонда фундаментальных исследований
(Проект № 95–06–18633)

ISBN 5–201–00216–1

© Б. В. Ананьич, Б. С. Каганович, В. П. Леонов
М. П. Лепехин, В. М. Панеях, А. Н. Цамутали —
статьи, 1998.

© М. П. Лепехин — составление, 1998.

© Библиотека Российской Академии наук, 1998.

ДЕЛО

по обвинению
Евгения Викторовича
Тарле

Часть вторая

Показания Е. В. Тарле

[не позднее 29 июня 1930 г.]

1. Любавскому и Егорову было известно о Бенешевиче и его переговорах с Ватиканом от Платонова. Когда в 1928 г. я был в Москве, то у Егорова тоже говорил об этом предмете с Любавским, который этим интересовался, причем Любавский уже знал об этом, Егоров также. Разговор об этом у меня с ним был небольшой, говорили о проекте унии, о трудностях этого проекта.

О провинциальных ячейках с ними (с московской группой вообще) говорил Платонов и на них тоже рассчитывал, как на лучше его знающих провинциальную интеллигенцию.

Лично мне приходилось с Любавским и Егоровым задевать этот вопрос в разговорах, которые приходилось вести, встречаясь с ними то в Москве, то в Ленинграде. О составе будущего правительства я с ними не говорил, помню это твердо; если они утверждают обратное, то это ошибка их памяти.

2. О поляке и финне, с которыми сносятся Измайлов, я слышал от Платонова, который о поляке сказал, что тот — пом[ощник] секретаря в польском посольстве в Москве (слово «разведка» он не произнес при этом, по крайней мере ручаться, что он произнес это слово, я не могу); что этот поляк бывает в Ленинграде и тогда видится с Измайловым, что он бывш[ий] офицер русской армии.

Относительно финна — что тот ездит курьером между Гельсингфорсом и финским консульством в Ленинграде, что он бывает в Ленинграде еще с самого начала революции, ездил еще в эпоху разных финских и американских присылок в голодные годы, и общался тогда с Домом ученых на этой почве, — что с Измайловым он знаком давно и встречается с ним давно и что рассказывает Измайлову то, что знает.

Что Измайлов с своей стороны ничего не мог сообщить финну и поляку, чего они уже не знали бы. Что он (Измайлов) надеется в будущем получать от них интересующие его сведения.

3. О военной группе Измайлова мне приходилось говорить из москвичей только с Егоровым. Его с деятельностью Измайлова знакомил Платонов, у которого он жил в Москве и с которым он виделся гораздо чаще и больше, чем со мной. О существовании московской военной группы он знал от Платонова или от самого Измайлова, в точности сказать не могу, но с ними личных сношений не имел, по крайней мере не только не говорил о таких сношениях, но из его слов прямо выходило, что он здесь, у Платонова, об этой группе узнал.

4. Егоров говорил на политические темы и вел таким путем пропагандистскую работу — 1) в кружке историков, группировавшихся вокруг него с давних пор, на почве работы по критико-библиографическим разборам новой исторической литературы, 2) среди молодежи, собиравшейся в их доме, знакомых его детей и т. п., 3) среди сослуживцев по Румянцевскому музею.

5. Структура организации была такова, что со всеми отдельными членами ее сносился прежде всего Платонов, который в тех случаях, когда находил нужным, давал отдельные вопросы на обсуждение собранию членов организации (ленинградской группы и тех москвичей, которые оказывались в данный момент в Ленинграде). Что касается военной группы, то о ней знали все исключительно Платонов и Измайлов. Лишь крайне редко Измайлов на заседаниях организации упоминал о военной группе, никогда не говоря при этом о ее личном составе. Платонов мне однажды сказал, что, намечая будущие военные ячейки в разных городах, Измайлов и его товарищи стремятся к выяснению и учету политических единомышленников из б[ывших] офицеров, на которых в будущем можно было бы положиться, что это, конечно, делается и должно делаться крайне конспиративно и что каждая ячейка знает лишь того или тех, кто ее организовал, что через этих лиц ячейки связываются и будут связываться с Измайловым, что ему помогает очень московская военная группа, непосредственно только с ним и сносящаяся. Богословский же тоже подтвердил это, сказав мне, что знает о моск[овской] военной группе от Платонова и что эта группа сносится с Измайловым непосредственно.

Ближайшими доверенными людьми Платонова были: Богословский, Любавский и Рождественский, но и от Любавского я никогда не слышал о военной москов[ской] группе (с Рождественским лично я не разговаривал и поэтому не могу сказать, что он об этом знал).

Знали члены организации о самом факте существования воен[ной] группы, о планах восстания, о сношениях Платонова и Измайлова с Лохвицким — но деталей, имен, всей деятельности военной группы и, подавно, ячеек, не знал никто, кроме Платонова и Измайлова.

Определенно можно утверждать, что военные ячейки заводились совершенно независимо от провинциальных групп организации и связывались не с этими группами, а непосредственно с Измайловым.

6. В 1927 г. по просьбе Платонова я говорил с Бенешевичем перед его поездкой в Рим и передал ему, что Платонов с ним хотел бы поговорить о том, что как он, Платонов, слышал, Бенешевич ведет с католическим духовенством переговоры об унии, что он, Платонов, и организация хотели бы знать мнение Бенешевича о том, что эти связи с католич[еским] духовенством следует укрепить в Риме, заручиться их поддержкой, сообщить об антисоветском движении, и в частности об организации, и т. д. Бенешевич сказал, что он об этом и сам уже думал, что у него в Риме, в Ватиканской библиотеке, настолько близкие отношения, что он совсем свободно может говорить с ними (высшими духовными лицами Ватикана) о любых вопросах, что он, во всяком случае, хочет дать им понятие о ведущихся против церкви преследованиях. Я передал все это Платонову. Бенешевич весной 1927 г., перед своим отъездом, на одном вечере у меня виделся с Платоновым, и они вдвоем некоторое время беседовали (я был занят с другими гостями и не присутствовал при их беседе). Затем Платонов сказал мне, что Бенешевич заходил к нему в Акад[емическую] библиотеку. Приехал я из-за границы в 1927 г. гораздо позже Бенешевича и виделся с Платоновым раньше, чем виделся с Бенешевичем, и Платонов мне рассказал о разговорах Бенешевича в Ватикане, не говоря при этом, что именно Бенешевич ему все это лично рассказывал, но мне и в голову не пришло, что он мог это через кого-нибудь передать. Затем (в ноябре, кажется) был вечер у меня, были среди гостей Бенешевич и Платонов, и тут-то Бенешевич, отойдя со мной в сторону, рассказал мне в общих чертах о своих разговорах в Ватикане. Платонов подошел к нам во время разговора, но слушал именно так, как слушают уже известное, и

даже в середине рассказа Бенешевича отошел зачем-то на несколько минут от нас, потом опять подошел.

Копия; машинопись; дата и подпись отсутствуют. Документ озаглавлен Дополнительные показания Е. Тарле. Датируется по содержанию и местоположению. Т. 3. Л. 27–30.

76

Собственноручные показания Е. В. Тарле

[не позднее 29 июня 1930 г.]

В дополнение к своим показаниям показываю <теперь> еще¹, что Бенешевич рассказывал о своих разговорах в Ватикане также у Платонова на квартире, в присутствии Платонова, моем и, кажется, Измайлова. Он виделся и говорил с Платоновым и у меня.² Он говорил по существу то же, что говорил мне лично; прибавил, что Пальмьери сказал ему, что у них, в Ватикане, собираются данные (статистические) о числе погибших в СССР духовных лицах всех христианских исповеданий, причем принимаются в расчет не только католики, но и православные, и протестанты, и армяно-грегорианцы. Сказал Платонову, что для помощи духовенству Ватикан ассигнует крупную сумму, триста тысяч (или триста пятьдесят тысяч ?) рублей. Он сказал еще, что они (в Ватикане) сами считают вопрос об унии недостаточно созревшим; что они предлагают русским богословам съехаться в Риме на конференцию с католиками по этому поводу. Он рассказал Платонову также, что говорили о положении русской церкви, что там интересовались вопросом: были ли предприняты изъятия церковных ценностей для чисто материальных целей или чтобы унижить религиозные обряды. Он ответил, что было и то, и другое, но что цель основная была материальная. Платонов его спросил, были ли предъявлены со стороны лиц, с которыми он беседовал, какие-либо непосредственные требования к Бенешевичу как представителю известной группы известного общественного течения. Он ответил, что они выражали надежду, что будет общее со стороны всех антисоветских элементов содействие проведению унии, как только это окажется возможным. Они же говорили ему, что у них шла речь — незадолго до того — о том, чтобы выхлопотать приезд

¹ Слово еще вписано Тарле вместо зачеркнутого теперь без особой отметки.

² Данное предложение вписано Тарле без особой отметки.

(легальный) какого-либо уполномоченного от Папы лица для подачи помощи нуждающимся и голодающим католикам в СССР, но что мысль эта была оставлена, так как имелось сначала в виду действовать через итальянское правительство, а оно, после некоторых колебаний, отказалось <от> помочь переговорам. Бенешевич изложил дальше Платонову, что Ватикан очень заинтересован его сообщением об увеличении, очень заметном, числа молящихся в церквях, сравнительно с дореволюционным временем. Он сказал, что Ватикан заинтересован примирением партий Антония и Евлогия, так как хочет связаться с какой-либо единой церковной русской властью за границей, а не с двумя враждующими. Ватикан предложил Бенешевичу приехать тогда, когда съедутся представители Антония и Евлогия.¹ Он говорил еще Платонову, что в Ватикане хотели бы, чтобы уже и сейчас было негласное, но постоянное представительство или уполномоченное лицо от той организации или того союза организаций, который будет проводить унию, чтобы Ватикан был всегда в курсе того, что делается в России. Он сказал также, что и Пальмери, и другие обещали как решенное уже давно у них дело — поднять широкую в мировом масштабе организацию против гонений на христианские церкви в России, что к этому готовятся еще с 1923 года. Сказал также, что они просят (и он обещал) выслать им все печатные или писанные материалы по всем церковным процессам, какие только он сможет раздобыть. Платонов на это сказал, что это в самом деле совершенно необходимо сделать. Он сказал также, что в Риме хотели бы, чтобы была составлена небольшая книжка с биографиями «мучеников церкви» и их процессами² в России за время совласти. Эту книжку Ватикан беретса издать на нескольких языках. Он сообщил также, что папа желает отправить доверенное лицо, знающее русский язык, для объезда СССР и личного потом доклада ему. И Бенешевич обещал, что тут в России будет сделано все возможное для помощи этой поездке. Даже была речь о том, что именно этот посланный и повезет деньги для помощи духовным лицам. Это должен был быть поляк, аббат или епископ, но путешествовать должен был в светском платье.³

¹ Данное предложение вписано Тарле без особой отметки.

² Слова и их процессами вписаны Тарле без особой отметки.

³ Здесь оканчивается первая часть показаний Тарле, написанная на лл. 31–32 об. Вторая часть показаний (лл. 33–35 об.) имеет сделанную Тарле нумерацию страниц <1>, 3, 2, 4, 4, 5; л. 35 не пронумерован. Позднее почерком Тарле сделана общая нумерация листов всего текста — лл. 1–5.

Платонов летом 1928 г. в Париже просил меня (я отказывался дважды, хотя он теперь и будет, конечно, в р а т ь , что я не отказывался) сопровождать его на свидание с одним патером, которого, по поручению из Рима, отрядил парижский архиепископ для разговора с ним, Платоновым, об унии. Он сказал при этом, что будут присутствовать Карташев и Струве, которые очень интересуются вопросом об унии и положении церкви в СССР. Я ему сказал, что я лично, как он знает, никакого отношения к этому вопросу не имею, но он настаивал, говоря: «Хоть поможете мне во французском языке». В конце концов я согласился. Он в назначенный день заехал за мной в Национальную библиотеку, и <. . .>¹ мы поехали на какую-то частную квартиру, <-тор> где и застали француза-монаха, Карташева, Струве и еще каких-то двух русских, из которых один, хоть и одетый в штатское, оказался священником. Разговор был довольно скучный, хотя Карташев, француз и священник вели его с оживлением. Потом француз стал говорить с Платоновым, <в> больше всего интересуясь вопросом, думает ли он, что начать пропаганду унии, с надеждой на успех, можно <ли> даже сейчас, еще при советской власти? Этот вопрос приводил в досаду Карташева, который говорил, что лишь новый строй может дать эти возможности. Но Платонов говорил, что можно и при соввласти, которая не разберется в церковных тонкостях и, может быть, даже будет рада, вбив клин в старую православную церковь. Разговор перешел на преследование духовенства и верующих, причем Платонов сказал, что верующие так запуганы, что боятся записываться в группы, материально поддерживающие церковь. Француз спросил Платонова, видит ли он какое-нибудь движение дела (антисоветской агитации) вперед за последний год? Платонов ответил, что видит. Русский священник говорил, что живущее в Югославии русское духовенство имеет симпатии к делу унии, только выставляя непременным требованием сохранение <русского> церковно-слав[янского]² языка в богослужении без всяких введений латинских (сам он все обращался в своих речах³ к Югославии). Был еще русский (не то Мосолов, не то Молосов) — он говорил по-французски лучше всех — и переводил часто французу то, что силился сказать Карташев или Платонов. Француз держал перед собой большую записную книжку, куда все время записывал то, что

¹ *Рукой Тарле вымарано одно слово.*

² *Слово церковно-славянского вписано Тарле вместо зачеркнутого русского без особой отметки.*

³ *Слова в своих речах вписаны Тарле без особой отметки.*

говорилось, и то, что он сам говорил. Он сказал между прочим, что Ватикан организует в будущем сбор пожертвований в пользу пострадавшего в СССР духовенства. Карташев сказал, между прочим, что Антоний больше за унию, чем Евлогий, хотя раньше — в первые годы революции — дело обстояло прямо обратно. Француз еще в начале разговора сказал, что его просили (его начальство) поговорить с русскими приверженцами унии и прежде всего с Платоновым, когда узнали, что Платонов в Париже, и дал понять, что его дело — передать посланным его то, что он выслушает. Карташев или Струве заговорили о Вл[адимире] Соловьеве, проповедовавшем унию; француз, оказалось, не только знал это имя, но и читал Соловьева, что заставило потом Платонова сказать мне, что он, Платонов, Вл[адимира] Соловьева не читал. Француз сказал, что в Риме хотят печатать в массе и для раздачи даром небольшие брошюры на русском языке, где объяснялась бы «<правильно>» каноническая правильность унии и ее полезность, и что непременно нужно, чтобы была подпись под такими брошюрами — православного священника или, еще лучше, епископа. Разговор продолжался больше часу. Последние слова француз к Платонову были таковы (по смыслу, слов не помню), что католич[еская] церковь сделает все, чтобы исполнить желание Папы, а желание Папы, чтобы возрождение России совпало с возрождением единства церкви в России и что-то еще в том же роде. Споров не было, были взаимные выспрашивания, только Карташев пытался спорить, но трудно было понять, чего он хочет, я совсем не могу уже теперь передать его мыслей. Француз просил Платонова и Карташева (и рус[ского] священника) побывать у архиепископа Парижского, и все трое они согласились. Был ли Платонов — не знаю¹.

Мне все это напомнило один факт, который я также забыл, а теперь вспомнил именно по поводу этого патера и всего этого разговора: перед своим отъездом из Парижа Платонов мне сказал, что его уведомили, что в Италии происходят какие-то молебствия о спасении России, но при этом он ни звуком не вспомнил о патере на том маленьком собрании, куда он меня водил.

Платонов говорил, что ему важнее Евлогий, чем Антоний, потому что подавляющее большинство эмигрантов признает Евлогия единственно законным представителем русской церкви за границей как назначенного Тихоном.

¹ Два последних предложения вписаны Тарле без особой отметки.

Француз сказал между прочим, что очень желательно, чтобы о случаях религиозных преследований давать знать по телеграфу (через какое-либо дипломатич[еское] представительство), так как иначе агитация крайне запаздывает и вследствие этого теряет силу.

Платонов говорил, что он и раньше виделся с представителем Ватикана [—] священником, который знал русский язык (виделся в Париже, тоже в 1928 году). Это лицо мне известно, оно работает над биографией Чаадаева, и хотя я фамилию его (это — патер) сейчас не помню, но без у с л о в н о смогу ее назвать справившись. Он (это патер) говорит по-русски и говорил с Платоновым больше всего об унии. Говорил он от имени Ватикана, будучи послан через посредство парижского архиепископа. Он между прочим спрашивал Платонова, возможно ли будет использовать галицийских и буковинских униатских священников, говорящих по-украински? Платонов сказал, что для всей русской Украины. Спросил, возможно ли начать работу еще при совласти, Платонов сказал, что возможно.

Во время разговора при мне француз пустил в ход выражение «крестовый поход». Это же выражение было употреблено в разговорах ватиканских духовных лиц с Бенешевичем.

В Париже Платонов однажды просил меня вместе с ним поехать в кафе, где он должен был встретиться с двумя представителями лондонской эмиграции Петрищевым и другим (близким человеком к Гальперну, б[ывшему] управл[яющему] делами Врем[енного] правит[ельства]). Я был с ним в этом кафе, они знали от Ростовцева об этой организации, расспрашивали Платонова, обещали связи с лондонской прессой через супругов Вильямсов (Вильямс — член ред[акции] Times). Платонов настаивает, что его организация сейчас единственная в России и поэтому заслуживает поддержки, что это собственно не партия, а союз партийных организаций, борющихся с совластью.

Подлинник; рукопись, автограф; подпись отсутствует. Датируется по содержанию и местоположению. Т. 3. Л. 31–35 об.

77

Собственноручные показания Е. В. Тарле

[не позднее 29 июня 1930 г.]

В самом конце 1928 года Измайлов при Платонове, мне, Рождественском заявил, что он, вступив в сношения с Лохвицким, будет ему

посылать периодически отчеты о своей деятельности по части как выяснения будущих кадров и т.п., так и по части всякого рода планов и программ военных действий на случай выступления в будущем. Он говорил (в тот раз, как я его об этом впервые слышал), как о чем-то уже решенном между ними и Платоновым (обращался он, говоря, исключительно к Платонову и реплики подавал ему тоже только Платонов). Спустя некоторое время Измайлов тоже в кабинете Платонова, причем, когда я пришел, Измайлов, еще до моего прихода начавший читать изготовленное им письмо Лохвицкому, продолжал это при мне. То, что я запомнил, могу привести в том самом виде, в каком запомнилось. Начала совсем не помню. Он говорил о настроении б[ывших] офицеров, которое осталось настолько прежним, что они, напр[имер], вовсе не интересуются современным военным делом и его постановкой в Красной армии и что это затрудняет его, Измайлова, в собирании нужных сведений, т. к. его связи с б[ывшими] офицерами оказываются сплошь и рядом с этой стороны непродуктивными. Он говорил далее, что имеет надежду наладить сношения с лицами, занимающими крупное положение в армии и через них быть в курсе. Дальше речь шла об авиации. Я запомнил лишь мысль, что эта часть в Кр[асной] армии очень слаба и что поэтому даже маленькая военная сила, выступающая против Кр[асной] армии, может оказаться победоносной, если будет обильно снабжена авиаторами и аэропланами, не для бомбардировки городов, а для прямого участия в военных столкновениях. И еще: перед моим отъездом в Швецию в марте 1929 г[ода] тоже у Платонова Измайлов, когда я заехал проститься, сидел в кабинете и рассказывал Платонову, перебирая черновые листки о том, что он снова собирается писать Лохвицкому. Там было что-то о финляндских возможностях, о том, что десант невозможный непосредственно у русских берегов, возможен в Финляндии, и что об этом он подробно еще узнает, обследует и напишет. Но это было еще как будто в конспекте, он не читал, а рассказывал. Там говорилось еще о том, что целый ряд руководств по военному делу открыто продается в магазинах, что поэтому он их все купит и вышлет немедленно. Это было вроде ответа на запрос о возможности достать эти книги. Говорилось также о том, что не только технический материал, оружие и т. п. отсутствуют и будут отсутствовать даже, если кадры и организуются, но даже и людей, которые к этому материалу привычны и умеют с новым оружием управляться, среди этих кадров нет и не будет. В частности, указывалось, что нет и не будет в виду даже таких людей, которые сами бы понимали и могли других научить управляться с пулеметами. Поминались некоторые

топографические подробности (Ижора, Красное Село, Выборгская сторона), имевшие отношение к тому, как может быть занят Ленинград, но никакого общего в этом смысле плана не было. Было это как будто продолжение и пояснение чего-то, уже раньше посланного. Была фраза о том, что все, что сколько-нибудь интересно[е], можно узнавать в Ленинграде и в Москве, но не на границах (т. е. не в частях, там стоящих) и что о войне с Польшей не думают в ближайшее время.

Он писал также, что со временем придет более или менее выработанную программу того, в чем уже сейчас за граница могла бы помочь делу подготовки будущих сил. Обещал навести справку об участии лиц, о которых его спрашивают, но предупреждал, что это крайне трудно и долго. (Речь шла о каких-то военных товарищах, о которых парижские корреспонденты хотели узнать). Сообщал, что Реввоенсовет по-прежнему высшее учреждение армии и что протоколов его заседаний не ведется вовсе.

Измайлов писал также, что единственной легальной возможностью являются кружки физкультуры, которые можно образовывать в любом и значит в подобранном личном составе, но что это не так существенно, как выявление, учет и некоторая политическая подготовка кадров из б[ывшего] офицерства. Указывал еще, что в смысле управления армией Ленинград — провинция, все сосредоточено в Москве. Говорилось еще, что старые военные специалисты все сосредоточены в Москве, но они активной роли не играют, а существуют в виде экспертов, и что он с ними свяжется. И в докладе, уже написанном, и в черновых заметках другого доклада было сказано, что настроение деревни очень сказывается на казарме и что есть ропот, но сдерживается дисциплиной. Что, кроме того, в провинции пища красноармейцев незавидная, и это тоже отражается на их настроении, но что в Москве пища достаточная, в Ленинграде — почти как в Москве.

Измайлов работал над выяснением и созданием кадров из б[ывшего] офицерства.

Измайлов при мне говорил, что у него уже есть начало кадров и притом в полном смысле слова отборное. Ядром этой отборной группы является 70 человек, относительно которых он утверждал, что они необычайно преданные люди, «легко мобилизуемы», по возрастному составу около 30 лет уже у них старики. Подобная группа, по его словам, в февральскую революцию подавила бы движение. Это не только б[ывшие] офицеры, там есть дети лиц, погибших при занятии Крыма сов[етскими] войсками («мстящие за родителей»). Каждый из них, по

его словам, является организующей ячейкой, способной не только найти, но и дисциплинировать нескольких человек. У них уже образовались даже свои правила поведения (вроде бойскаутских). Между ними были б[ывшие] воспитанники Павловского училища. Измайлов, выезжавший на лето в Пушкинский заповедник (в Псковской губ[ернии]), носился с мыслью собрать туда это ядро в 70 человек (это было в 1927 году). Личный состав приурочен был к Ленинграду, Москве, Крыму (поскольку мне известно). Он в своем первом отчете говорит об этой группе отдельно и отличая ее от общих указаний на кадры, под котор[ыми] он понимает, обыкновенно, б[ывших] офицеров, которых отчасти уже привлек и отчасти собирается привлечь.

Н а с ч е т о р у ж и я . Начал образовываться небольшой запас оружия, о котором он поминает в рапортах, но прибавляет, что его мало, что он — случайный подбор и что эта нужда остается острой.

В Пушкинском Доме, в отдельных закр[ытых] помещениях библиотечных зал и не чердаке.

Евг. Тарле

Переслал это письмо-доклад Платонову через германское консульство в Берлин, откуда оно тоже германской дипломат[ической] почтой должно было следовать в Париж.

Евг. Тарле

Подлинник; рукопись; автограф. Датируется по содержанию и местоположению. Т. 3. Л. 36–38 об.

Копия; машинопись; подпись отсутствует. Т. 3. Л. 57–60.

78

Собственноручные показания Е. В. Тарле

[не позднее 29 июня 1930 г.]

Платонов сказал мне перед моим отъездом в Париж, что имеет ко мне он и вся организация большую просьбу. Состоит эта просьба в том, чтобы я виделся и говорил в Париже с ответственными государственными деятелями 1) по вопросу о германском вмешательстве в русские дела, 2) по вопросу о том, на каких условиях и при каких обстоятельствах сами французы приняли бы участие в таком вмешательстве и 3) на каких условиях и при каких обстоятельствах они позволили бы, не принимая лично участия, < — принять > участвовать в

этом деле своим вассалам: Польше, <и> Румынии, Финляндии, Латвии, Эстонии. Он сказал мне при этом, что и лично несколько раз беседовал об этом с Отто Гетчем и Йонасом, что и они ему писали об этих вопросах, и что и он, и они находят, что только я могу выяснить эти обстоятельства, потому что я имею очень большой авторитет во Франции, меня знают и будут со мной говорить такие лица, которые, как выразился Платонов, обыкновенного смертного не пустят к себе на порог: Пуанкаре, Бриан, Эррио. Он прибавил, что немцы панически боятся французов, которые, как они (немцы) говорят, могут с ними сделать все, что угодно, и уже делали над ними все, что угодно. Речи не может быть о реальных действиях со стороны немцев, если они не будут знать, что Пуанкаре и Бриан не сердятся на эти действия. Французы, прибавил Платонов, уже об этих сношениях немцев с организацией знают, и немцы очень этого боятся и считают абсолютно необходимым заговорить об этом с французами; и не самим, а чтобы с русской стороны зашла речь. Словом, необходимо зондирование почвы в Париже, потому что вести такое дело против воли Парижа — абсурд. Я опускаю тут то, что уже говорил в прошлых показаниях. Скажу только, что я согласился об этом узнать от компетентных людей в Париже.

В Париже я виделся сначала с Пуанкаре, потом с Брианом. Свидание с Пуанкаре устроил через Камилла Блока — сенатор <Пуанкаре> Онора; свидание с Брианом устроили Шарлети и Альбер Матъез.

Свидание с Пуанкаре было приурочено к открытию новых отделов Музея войны 1914–1919 гг. и состоялось на рауте по поводу этого открытия, причем присутствовал сенатор Онора. Камилл Блок, квартира которого — непосредственное продолжение зал Музея проводил нас трех в свою частную квартиру и усадил в кабинете, а сам пошел к гостям, обратно.

К тому содержанию разговора, которое я приводил уже в прошлых показаниях, прибавлю следующее. Первую комбинацию — выступление одних немцев — он отклонил безусловно. Интересно, что он спросил несколько раз, какие обязательства немцы потребовали от организации Платонова в возмещение за свое выступление? И о т с е б я сказал: не потребовали ли торгового договора? Когда я ответил утвердительно, Пуанкаре рассмеялся. Сказал он, между прочим, что уже немало времени знает об этой комбинации. Относительно второй комбинации (выступления французов) сказал то же, что говорили и Пенго, и Сегье, и Ревиньи, и Сенпор: оно мыслимо только при прямой опасности завоевания Польши советскими вооруженными силами. Я спро-

сил, на чем бы остановилось <оно> выступление французов¹? Пуанкаре ответил: на освобождении польской территории и занятия стратегических пунктов на русской пограничной территории. Я спросил: мыслим ли дальнейший поход на Москву или Ленинград? Он ответил, что нет, но что если и против разбитой соввласти не произойдет успешного восстания, значит антисоветских сил не существует в сколько-нибудь серьезном количестве. А если так, то в таком случае всякое внешнее вмешательство бесцельно. Я сказал, что при таком образе действий выиграет только Польша, но не Россия, которая все-таки даже в результате проигранной войны не перейдет к другому строю. Пуанкаре сказал, что даже и в помощь Польше франц[узское] правительство пошлет военных руководителей с очень небольшой численно охраной и относительно² небольшим отрядом, которого хватит для освобождения Польши, но не для похода на Москву. Я сказал, что организация, которая уполномочила меня справиться о его мнении, считает, что если бы были оккупированы некоторые русские территории, то на них мог бы быть организован набор добровольцев или даже всеобщее ополчение против соввласти, могла бы возникнуть русская антисоветская армия, — но без такой предварительной оккупации это немислимо, а без такой армии восстания гражданского населения осуждены на неудачу. Пуанкаре тогда вдруг перешел к вопросу о царских долгах и о том, в состоянии ли будет Россия, даже избавившись от советской власти, заплатить? («La Russie sera-t-elle solvable?»). Я ответил, что не сразу, постепенно заплатит. Он спросил, правда ли, что предполагается монархия? Я сказал, что организация предоставляет это будущему Собранию народных представителей, но она будет от себя предлагать монарха, из бывшей династии. Он сказал, что французы могут помочь русским антисоветским силам деньгами и оружием. Я ответил, что все-таки не представляю себе, где возникает живая сила антисоветского характера, если французы освободив Польшу, на этом заключат мир. Он ответил, что мира не заключат, а будут долго стоять еще в Польше и оттуда грозить вторжением в СССР, и что, конечно, соввласть при подобных условиях не продержится. Говорил, что французский гарнизон, который на несколько времени останется в Польше для ее охраны от покушений со стороны СССР, будет усиливаться постепенно новым и новым притокам войск и самое присутствие такого вооруженного

¹ Слова выступление французов вписаны Тарле вместо зачеркнутого оно без особой отметки.

² Слово относительно вписано Тарле без особой отметки.

французского отряда побудит других соседей СССР взяться за оружие и покончить с вечной угрозой на Востоке. Но об этой (третьей) комбинации он почти не говорил ничего, а я снова обратил его внимание на первую комбинацию (относительно которой платоновская организация и хотела прежде всего узнать его мнение). <Он> Я сказал, что так как при новом строе французское правительство много выигрывает (отдача долгов, прекращение или сокращение¹ агитации во Франции и в колониях), то среди организации распространено мнение, что за труды и расходы, которые понесет в этом деле Германия, она вправе рассчитывать на некоторое смягчение режима на Рейне и на некоторые льготы со стороны французов, без чего им невозможно предпринять решительные шаги. Он стал спрашивать (не отвечая пока на этот вновь поставленный вопрос), надеется ли организация и другие антисоветские элементы на успешность восстания, есть ли подготовка к нему. Я ответил, что о восстании организация думает, и оно наверное состоится, но только в результате внешней войны, и <вм> появление, напр[имер], немцев было бы сигналом. Он сказал, что Германия захватила бы Россию в свои руки, как она думала того добиться войной 1914 и сл[едующих] годов. Я возразил, что обстоятельства переменялись, и еще что-то в таком роде. Пуанкаре сказал, что ни позволять, ни препятствовать немцам Франция в этом не будет, но будет только следить за немцами из собственных интересов, и если сделает какие-либо послабления Германии, то, во-первых, лишь удостоверившись, что Германия захватила (ассарагега) Россию в результате своего вмешательства, а, во-вторых, эти льготы не затронут ни в каком случае размеров тех платежей, которые Германия обязана <во> по Версальскому миру вносить французам.

II. Я просил ректора Сорбонны Шарлети, который говорил мне о своем личном знакомстве с Брианом, познакомить меня с ним, если это не будет ему, Шарлети, неудобно. Я мотивировало свое желание тем, что мне как историку хотелось бы лично познакомиться с историческим лицом, так как бесспорно Бриан связал свое имя неразрывно с последними 30 годами французской истории и т. д. Шарлети сказал, что с радостью это сделает, что вскоре предстоит очередное собрание Общества сближения с иностранными учеными (Société du rapprochement, как оно вкратце называется), причем это собрание в форме большого раута состоится в зале Левендаля, в Сорбонне. Там я позна-

¹ Слова или сокращение вписаны Тарле без особой отметки.

комился с Брианом и там начал с ним разговор, который потом был продолжен (спустя неделю) у Шарлети, где мы с Брианом встретились в 5 ч[асов] вечера, за чаем (это было заранее условленно). Там и был закончен разговор, начатый в Сорбонне. Шарлети не присутствовал, видя что Бриан отвел меня в сторону, в соседнюю с залой гостиную, он только принес туда сигары и папиросы, а сам ушел в залу, где было еще человека 3 гостей. Кроме Бриана при разговоре моем с ним присутствовал только что познакомленный со мной хозяином дома, приехавший вместе с Брианом начальник какой-то экспертизы (очевидно, экспертной комиссии Министерства иностранных дел) Лемуанон. Его уже потом назвал по фамилии и назвал его звание Шарлети, а когда знакомили я не расслышал. Эти два разговора, или, вернее, один, но происходивший с перерывом в двух местах, сводится, к р о м е т о г о , что я о нем уже сказал, еще к следующему. Бриан начал как раз с того пункта, которого Пуанкаре коснулся гораздо поверхностней, чем двух других. Бриан сказал так: если СССР будет воевать с Польшей, то на стороне Польши, безусловно, по всем договорам и соглашениям выступят: Румыния, Латвия, Эстония, а кроме того, может быть, и Финляндия. И вот тогда-то, в разгаре этой войны, должны выступить Германия и Франция. А войну СССР т о л ь к о с Польшей он, Бриан, даже себе и не представляет. Еще меньше он представляет себе войну одной Германии с СССР. Но французы могут принять участие только, если всех сил этой коалиции лимитрофов не хватит для освобождения Польши и вообще территории тех лимитрофов, которые подвергнутся нападению. Он спросил, какова численность той антисоветской русской вооруженной силы, которую создаст организация, желающая вмешательства? Я ответил, что не могу сказать в точности, что все будет зависеть от того, будет ли дана возможность и будет ли дан срок организовать ее. Бриан сказал, что это — не его, собственно, дело, но без такой армии большевистский строй не может быть изменен. Тут дело идет не только о Москве: даже при занятии Москва, соввласть удаляется за Волгу, потом за Урал, и продолжает борьбу. А туда никак лимитрофы не пойдут. Я сказал, что при проигранной войне и занятии хотя бы одной-двух близких к Ленинграду губерний там сейчас же организуется военная сила, которая и пойдет на Ленинград. Лемуанон тут спросил: кто именно организует эту <всю> военную силу? Я не понял вопроса. Он тогда пояснил: военные или невоенные люди? Я ответил, что военные, что предвидится оружие из Германии. Лемуанон сказал: это внезапно не делается (ça ne s'improvise pas). Я сказал, что нельзя же требовать, чтобы на глазах у советской, диктаторской власти

создавалась армия восстания. Бриан прервал этот обмен мнений, сказав, что еще может быть занят Ленинград, но относительно Москвы он сильно сомневается. Туда никакая иностранная армия не пойдет. Будет как в Китае, заметил он: север и юг, со своими особыми государственными формами и с постоянной войной. Я сказал: но если Германия берет на себя своими силами помочь перевороту и только просит о смягчении в это время собственной своей участи на Рейне, — как и Бриан сказал, что он уже высказался, что они не могут делать немцам подарки за то, что те будут воевать с соввластью, что немцы сами не забудут своих интересов и компенсаций, когда войдут в Ленинград, но что он может сказать только одно, что никакого нападения на Германию или давления на нее, никаких притеснений она в это время на западной своей границе не испытает. Мало того, эра заслуга ей зачтется всей Европой. Но нужно, чтобы она дала гарантии своего бескорыстия, чтобы все свои договоры и соглашения с советской властью она бы согласилась представить в Лигу Наций для обсуждения и регистрации. Он спросил: как отнесутся к немецкому вмешательству среди населения СССР. Я ответил, что крестьяне — положительно, а крестьянство — большинство населения России. Он спросил, в случае вмешательства французов, кто возместит им издержки этого похода? Сможет ли сделать это будущая Россия? Я сказал, что, наверно, она (будущая Россия) причислит эту сумму к долгу, которого огромная цифра лежит на России по отношению к Франции. (Лемуанон почти все время записывал в свою книжку). Бриан сказал, что соввласть удалится на юг или юго-восток и будет там существовать одновременно с антисоветской властью в Ленинграде. Я сказал, что имеется в виду овладение не только Ленинградом, но и Москвой, а без Москвы юго-восток долго не продержится. Он сказал, что в случае присоединения к Польше части Украины (Правобережной Украины), Польша возместит французам часть их расходов, но нужно, чтобы было возмещено все. Он сказал, что есть ли связь между прежней Белой армией Деникина или (позднее?) Врангеля — и организацией Платонова? Я сказал, что никакой связи, кроме разве одинаково отрицательного отношения к совласти. Затем, на мои слова, что поляки, много приобретя новых территорий, должны будут дать какие-нибудь компенсации Германии в области Польского коридора, Бриан сказал, что немцы держат себя так, как если бы они предъявляли счет за уже состоявшееся избавление Парижа от совласти, а не как люди, которые еще только обещают, выпив лишнюю рюмку, освободить Ленинград и Москву: они ищут компенсации не только за счет поляков, но и за счет французов, на

Рейне. Тут он стал расспрашивать о признании царских долгов (то, что я уже показывал раньше, теперь не буду повторять) и сказал: французы явятся в качестве свежих резервов, когда война СССР против коалиции лимитрофов уже сильно истощит СССР. Но для этого они должны знать, с кем они имеют дело? <Я позволил себе заметить> Не будут ли <они> французы¹ воевать за сохранение всех интересов, которые им чужды: 1) за интересы Германии и 2) за интересы <российской> монархии <Р>, династии Романовых. Я на это возразил, что о Романовых решит Собрание нар[одных] представителей, а пока требуется лишь помочь создать такие условия, когда подобное Собрание было бы мыслимо. Он сказал в конце, что представляет себе дело так: 1) сначала война Польши, в соединении с лимитрофами, против СССР; 2) в случае неудачи этой борьбы Польша и лимитрофы не заключают мира, а ждут помощи, которая одновременно приходит из Германии и Франции; 3) французы по германским линиям перебрасывают войска к границам Польши, где соединяются с германской армией, идут в Польшу и вытесняют оттуда вторгнувшихся русских. Французы остаются в Польше на время, охраняя ее, немцы переносят войну уже в чисто русские области, где создается ядро восстания против соввласти; 4) наконец, после падения соввласти и замены ее новой временной военной диктатурой, созывается экстренная сессия Лиги Наций, Россия вступает в Лигу Наций. Лемуанон прибавил, что все-таки его удивляют антисоветские силы, которые без иностранной помощи не могут сами ничего создать. Я ответил, что условия таковы, что нет ни малейшей физической возможности скрыть от соввласти создаваемое против нее оружие, и что при таких условиях никто бы ничего, на месте антисоветских людей, не сделал бы. Бриан расспрашивал о Платонове, сказал, что о нем, Платонове, есть сведения, что он германофил. Я сказал, что это объясняется только тем, что немцы первые откликнулись.²

Говоря со мною о необходимости переговоров с французами, Платонов сказал, что Гетч и немцы вообще приписывают очень большое значение установлению некоторого прямого обязательства со стороны французов компенсировать их на Рейне за русский поход. «Если французы на это пойдут, то вся Германия будет за нас,» — так передавал Платонов слова Гетча. Сам Платонов советовал мне обещать францу-

¹ Слово французы вписано Тарле вместо зачеркнутого они.

² Лист 13 показаний Тарле (т. 3. Л. 45) заполнен до половины первой страницы; оборот листа чистый.

зам, что они получают долги, что они вообще очень много выиграют от падения соввласти, но стараться не накладывать на организацию никаких запретов по части сношений и обещаний, которые дает или может в будущем дать организация — немцам. Он просил меня помнить, что французы, даже если проявят неудовольствие по тому поводу, что мы сносимся с немцами, все-таки будут с нами считаться больше, чем тогда, когда немцев около нас не будет. Он сказал еще, что организация стоит накануне больших сдвигов, что если удастся успокоить немцев, то совсем по-другому сами немцы будут относиться к организации и ее делу; что Отто Гетч под вечным страхом грозы и неприятностей, которым из-за него, Гетча, может подвергнуться германское правительство со стороны Бриана, который внешне мягок, но на деле более злостен, чем даже Пуанкаре.

Что говоря с французскими правителями, даже если нельзя будет добиться от них непосредственно полного сочувствия, организация выигрывает уже то, что прекращается игра в прятки, бесполезная, потому что немцы ему, Платонову, сообщили, что Бриан знает об их сношениях (немцев) с антисоветской организацией в СССР. Платонов сказал, что если удастся поладить с французами, то перед организацией ставятся гораздо более близкие перспективы, что тогда французские вассалы-лимитрофы и Польша могут начать действия на несколько лет раньше, чем без них начала бы одна Германия; наконец, что станут возможными, в случае необходимости, небольшие займы; что Кокцов давно настаивал на неотложной обязанности организации войти в сношения с французскими правителями. Отто Гетч писал Платонову, что у меня в Париже не только большой авторитет научный, но что меня считают антантофилом и германофобом и что об этом писали и в германской прессе, и во французской. И что именно поэтому особенно авторитетно будет, если в пользу немцев буду говорить с французами я, а не кто-либо другой. Все содержание того, о чем следует организации справиться у французов, было выработано самим Отто Гетчем и его политическими друзьями. Это содержание распалось на следующие главные пункты: 1) французы выигрывают больше, чем любая другая держава, от падения советской власти: во-первых, получают долги, во-вторых, прекращение агитации в Марокко, Алжире, Тунисе и Индокитае; в-третьих, — получают¹ союзника против Англии. 2) Получая так много, они должны признать справедливым смягчить

¹ Слово получают вписано Тарле без особой отметки.

ужасный режим на Рейне в оккупированной территории, ускорить разрешение вопроса о Саарских копях и всей Саарской области. 3) Очень важно также внушить французам, что сейчас же после удаи переворота — Россия и Германия вступают в союз с Францией, давая ей большие возможности в борьбе против Англии и Америки.

Платонов сказал мне, что организация становится величиной, с которой должны будут считаться («европейской величиной», сказал он), что Отто Гетч ему говорил, что с фактом существования этой организации он и его друзья считаются, как с элементом германской внешней политики. Что именно оттого, что я свой человек среди французов и лично чужд Германии, я могу тут сыграть роль в переговорах благотворную, так как мне французы поверят.

Об организации он рекомендовал говорить, как об объединении наиболее выдающихся сил страны, как о такой политической величине, которая в своем распоряжении имеет и военных специалистов, и инженеров, и наиболее выдающихся духовных лидеров, и ученых, что она может рассчитывать на несколько сот людей, вполне готовых содействовать ее целям, что нет ни одного учреждения культурного характера, в котором она не была бы представлена, причем нередко — на командующих высотах; что эта организация — единственная в своем роде и в своем характере; что она имеет право говорить от имени всех антисоветских сил, что эта организация — единственное хранилище русской национальной души в настоящее время.

*Подлинник; рукопись; текст почерком Тарле; подпись отсутствует.
Датируется по содержанию и местоположению. Т. 3. Л. 39–47 об.*

79

Собственноручные показания Е. В. Тарле

[не позднее 29 июня 1930 г.]

1) Стараясь вспомнить, где и с кем вообще говорил о Париже, об организации и об антисоветских настроениях, — кроме тех случаев, о

которых уже была речь. 1) У Эйзенбергов в 1927 г¹. Это семья старых эсеров, эмигрантов еще с царских времен. У них собиралось несколько гостей, я был приглашен, также были Минор, Лопатина, Фундаминские², Высотские муж и жена, еще несколько человек, фамилии которых не знаю. Я рассказывал о быте в Ленинграде, о настроениях в интеллигенции и говорил о группе, существующей около Платонова, фамилий не называл, кроме Платонова, о котором они уже знали. Они отнеслись к вопросу о возможности восстания против соввласти (о чем кто-то из них, кажется, Минор заговорил) очень скептически, и большинство говорило, что только при войне и военном вторжении подобное восстание было бы возможно. Интересовались очень деревней, но тут я им мог лишь передать то, что слышал от Платонова и Рождественского, так как сам я никогда, ни до, ни после революции, в деревне не жил. Спрашивали о беспризорных детях, я сказал, что видел их целые толпы в Москве, но в Ленинграде не видал, а в других городах вообще не был ни разу с начала революции. Минор спросил, проникает ли в СССР журнал «Современные записки». Я сказал, что лично мне не попадал в руки ни один номер, но что я слышал, что в Москве его все-таки достают. Он же (Минор) сказал, что если б у их организации были налаженные возможности получить литературу, то их партия (эс-эры) посылали бы с готовностью все, что только могли бы.

2) У французского адвоката Дюмюра. С ним меня познакомил Олар, еще в 1924 году. Бывал я у него почти всякий раз, как приезжал в Париж, но только обменивались визитами. А в 1927 году он пригласил меня вечером, сказал, что будет публика, очень интересующаяся сов[етской] Россией, и кое-кто, имеющие родственников в СССР, и все меня хотят расспросить и послушать. Я пошел туда, нашел человек 15 гостей, сплошь французы, русских не было. Из знакомых мне французов были: Лера, Леритье, Гюйо (проф[ессор] Сорбонны), Жорж Ренар (проф[ессор] Коллеж де Франс) < . . >³, были между гостями молодой человек, которого познакомил со мной хозяин дома и которого он знакомя назвал «профессор Военной академии генерал Сенпор». Были дамы, из которых одна лично знает М. П. Кристи и имеет родню в Киеве (фамилия ее Дежан или Дежант, что-то в этом

¹ Слова у Эйзенбергов в 1927 г. вписаны Тарле поверх одного слова (не разборчиво) без особой отметки.

² Фамилия Фундаминские вписана Тарле без особой отметки.

³ Рукой Тарле вымарано четыре слова без особой отметки.

роде). Разговор сначала был общий, меня расспрашивали, как всегда, прежде всего о продовольствии, и я сказал что в Ленинграде и Москве перебои в получении продуктов бывают, но никогда не длятся долго, потому что власти прежде всего заботятся о Москве и Ленинграде, но в провинции, как говорят, дело обстоит значительно хуже. Спрашивали насчет продовольственного вопроса на Украине, я ответил (вспомнив рассказы Бузескула), что там тоже обстоит нехорошо, особенно в конце зимы и весной, перед новым урожаем. Спрашивали о положении ученых. Я сказал, что после смерти Ленина их положение ухудшилось в том отношении, что гораздо нетерпимее относятся ко всему, что хоть немного уклоняется от официальной догмы. При Ленине печатались даже в годы гражданской войны такие журналы и книги, которые теперь (1927 г.) ни в каком случае не были пропущены. Говорил о цензуре (очень отрицательно). Спрашивали, не преследуют ли иностранцев. Я ответил, что не слыхал. Много спрашивали о Троцком: не может ли он совершить переворот и т. д. Я ответил, что по всем сведениям, Троцкий был очень популярен в рабочей среде и в Красн[ой] армии, но пропустил удобный для себя момент, его приверженцев удалили с главных постов, и что теперь он бессилен что бы то ни было решительное предпринять. Были еще вопросы о советской литературе, о какой-то пьесе В. Булгакова¹ и т. п., что неинтересно для следствия. Затем гости занялись пением и музыкой, а ко мне подсел профессор Военной академии² генерал Сенпор, хозяин дома, Дюмюр и Лера, который сказал мне, что профессор Военной академии² Сенпор тоже работает у него в Библиотеке и что хотел, узнав от него обо мне, поговорить со мной, так как интересуется Россией, где он был (в Одессе) в 1919 году. Он после нескольких незначительных вопросов спросил меня, насколько правильны слухи об антисоветском движении в СССР, которое, как говорят, очень растет. Я ему сказал (как говорил и другим в это время), что хотя нет никаких выступлений антисоветского характера и даже никаких попыток сколь угодно демонстративного характера, и хотя советская диктатура безусловно господствует, не подвергаясь никаким нападениям, — но все-таки антисоветское настроение существует, во-первых, в деревне среди зажиточных слоев крестьянства, во-вторых, в интеллигенции, которая вся, правда, находится на правительственной службе, но среди которой царит горечь и недовольство, так как ее держат под подозрением, про-

¹ Так в подлиннике; правильно М. А. Булгакова.

² Слова профессор Военной академии вписаны Тарле без особой отметки.

гоняют без вины со службы, травят и т. д. Он очень интересовался, есть ли тайные общества антисоветского характера. Я сказал (не называя Платонова¹), что есть организация, объединяющая часть оппозиционно настроенной интеллигенции. Сказал в дальнейшем разговоре, что какие бы то ни было выступления этой ли организации или подобных ей, если они возникнут, возможны будут только при какой-либо внешней войне, не иначе. Сенпор сказал, что внешняя война СССР будет на Дальнем Востоке, а не в Европе, так что, очевидно, первой освободится от советской власти Сибирь.*

с) Каждое лето я подолгу работал во французском Архиве Министерства иностранных дел (я там, между прочим, делал фотографические снимки с документов XVIII века, которые потом переслал Рязанову в его институт). Директор этого Архива, как я уже сказал в прежних показаниях — Пенго. Он привел в кабинетик, где я работал во внутренних помещениях Архива, двух лиц: помощника начальника Восточного департамента (кажется, так он называется) Ревиньи и — в другой раз — вице-директора канцелярии министра Сегье (или Секре). Они оба присаживались к столу и говорили со мной. Пенго, и в первом, и во втором случае, постояв несколько минут, уходил в свой кабинет (по тому же коридору). Этот коридор соединяет разные части колоссального здания Министерства иностранных дел, и служащие в разных департаментах часто проходят по нем[у]. Но конечно, и Ревиньи, и Сегье пришли не случайно, а хотели со мной говорить. Нового в этих разговорах, впрочем, сказано не было ничего: они в разных вариантах говорили о сочувствии французского правительства всякой попытке ввести в России, как выразился Ревиньи, «свободный режим» (*un regime libre*), и больше всего (раз десять в общем, в разных формах, предлагали этот вопрос) интересовались, собирается ли СССР напасть на Польшу и на Румынию и когда именно. Когда я отвечал, что абсолютно не осведомлен об этом обстоятельстве, то Сегье не поверил, сказал: «Но быть не может, чтобы там у вас этого не знали, нам говорят, что после перевооружения артиллерии. . .» Я удостоверил его, что

* Сенпор еще сказал, что хотел бы встретиться с Платоновым, когда он будет в Париже. Но в 1928 г. Платонов виделся не с ним, а с Данну. Может быть, впрочем, другой, с которым он виделся в конце, и был Сенпор. (*Примечание Тарле*).

¹ *Фамилия Платонова вписана Тарле без особой отметки.*

и о перевооружении артиллерии < . . >¹, и датах этого события тоже не имею представления. Ревиньи спрашивал о платоновской организации, причем интересовался, почему она связана именно с немцами. Я сказал, что немецкие друзья Платонова удостоверили его в своем полном сочувствии и желании оказать помощь деятельности организации в будущем. А кроме того, они часто ездят в СССР, и это тоже облегчило и упрочило их отношения. Тот же Ревиньи высказал мне недоумение, как же я объясняю, раз я высоко ставлю ум и характер² Довгалеvского, что Довгалеvский оборвал переговоры о долгах, когда начато было все очень хорошо. Я сказал, что очевидно, пришли внезапно новые директивы из Москвы. Непосредственно после этого Ревиньи сказал, что вопрос о долгах есть коренной вопрос франко-русских отношений и теперь, и в будущем. И тут он мне сказал нечто, не относящееся ни к организации, ни к следствию, но что мне лично представляется крайне важным: они (французы) были совсем готовы (*nous été sur le point*) заключить с СССР общее соглашение и крупно изменить курс своей политики относительно всей Восточной Европы, если бы принципиальное признание долгов последовало бы со стороны соввласти. И он прибавил: то же самое будет и относительно любого другого режима, который может установиться в России. Ревиньи сказал между прочим, что этим объясняется устойчивость червонца и даже то, что он, правда по очень низкой расценке, но все-таки покупается у лимитрофов. Я сказал, что не интересовался специально этим вопросом, но что червонец действительно держится прочно. Неожиданно Ревиньи сказал, что ему Нольде говорил, что Платонов стоит за союз будущей России с Германией и что это очень любопытно (*bien curieux*). Ни одной фамилии, кроме Платонова и Нольде, он не называл. Сегье сказал, что Нольде бывает у Филиппа Бертело, главного секретаря мин[истра] иностр[анных] дел (первое лицо после Бриана по своему значению), и держит его в курсе всех русских дел. Сегье много расспрашивал, нет ли французов в СССР, которых не пускают отсюда (он спрашивал об этом не бегло, как Бриан, а с этого начал и потом к этому же вернулся, и было видно, что, узнав, что я бываю ежедневно в Архиве Мин[истерст]ва, он специально для этого вопроса и пришел). Я ответил, что слышал в 1919–1920 гг., что были французы, которым не давали паспорта, но что с тех пор ни одного такого случая не знаю. Он явственно не верил, что я не знаю, и сказал, что ручается за полную тайну, чтобы

¹ *Рукой Тарле вымарано одно слово без особой отметки.*

² *Слова ум и характер вписаны Тарле без особой отметки.*

я не боялся ни в коем случае ему сказать, что я этим делаю доброе дело, потому что, конечно, сейчас же Москва разрешит, если ей назвать их и т. д. Я категорически подтвердил, что никогда не слышал о французах, до сих пор задерживаемых в СССР. Он сказал, что ему это определенно известно от живущей в Париже¹ эмигрантки Тепловой, вдовы командира Семеновского полка. Я сказал, что почему же она, в таком случае, не называет фамилий. Сегье ответил, что она знает самый факт, но не знает фамилий. И по этому поводу сказал, что Бертело хотел справиться об этом через Нольде у Платонова, но Платонов уже уехал. Сказал еще следующее: что поляки говорили Бертело, будто все русские партии, враждебные большевизму, стоят за пересмотр Рижского договора, и этим поляки раздражены и встревожены. Я сказал, что не слышал об этом, по крайней мере, от тех лиц, с которыми встречаюсь, и напр[имер] от самого Платонова. Разговор потом зашел об англичанах, и Сегье² выразился так: что в своей политике в Азии, направленной против Англии, советскую власть поддерживают еще и другие элементы кроме коммунистов. Это известие доподлинно. Чем это объясняется? Я ответил, что, действительно, это так и что даже среди эмиграции возникло евразийство, которое, будучи враждебно во всем прочем советской власти, приветствует политику соввласти в Китае и вообще во всей Азии, и при том политику как мирную (по отношению к Турции), так и воинствующую в Китае. Что есть аналогичные настроения и внутри СССР. Не передаю, так как это не совсем касается интересов следствия, остальной беседы.³ У меня осталось настолько сильное впечатление именно от этой остальной беседы, что я все же в двух словах скажу, к чему она сводилась: Сегье стал говорить, что если бы не провокации газеты «Юманите» (он так выразился: provocations quotidiennes de l'Humanité*), если бы вообще⁴ не рука «Коминтерна», то французское правительство могло бы вступить с СССР немедленно во вполне благожелательные отношения, что об этом думал Эррио, думает Бриан и Бертело, но что Коминтерн ведет с Францией настоящую войну и открыто поддерживается сов[етским] правительством, что и заставляет франц[узское] правительство зани-

* Дословно: ежедневные провокации «Юманите» (фр. — Примечание составителя).

¹ Слова живущей в Париже вписаны Тарле без особой отметки.

² Фамилия Сегье вписана Тарле без особой отметки.

³ Данное предложение вписано Тарле без особой отметки.

⁴ Слово вообще вписано Тарле без особой отметки.

мать выжидательную и враждебную позицию. Перерыв переговоров о долгах был страшным разочарованием: дело было не в деньгах, которых ни у кого нет и которые никто не потребовал бы у СССР фактически, а дело в принципе.

Говоря о Ревиньи, я забыл упомянуть, что он говорил о Финляндии, куда ездил, сказал, что там меньше бояться нападений со стороны СССР, чем в Польше. Он это приписывал тому, что финская армия лучше оборудована, чем польская, с технической стороны, и что Финляндию охраняет английский флот (он так и выразился: *garde*). Следствию может быть интересна еще и такая мысль, высказанная Ревиньи (точных слов не помню, и эти слова были нарочно двусмысленны, — по существу дела они и не могли быть более ясными, но мысль я уловил вполне): не знаю ли я, к кому можно было бы обращаться за сведениями и справками, если таковые понадобятся, по разным русским делам и чтобы можно было получать достоверные сведения, а то приходится довольствоваться фантазиями¹. Мысль была выражена так, что это даже не было обращение ко мне или к моему совету и указанию, а просто будто бы высказывалось желание найти такое лицо. Я так и построил свой ответ: «Да, обыкновенно эти осведомители много лгут». И сейчас же разговор перешел на другие темы. Тут же прибавлю, что еще в более прикрытой, но также ясной по существу форме, нечто подобное сказал мне Лера однажды: что ему говорили работающие у него чины Генерального штаба, что они тратят большие деньги для получения сведений об СССР, и результаты — посредственные. Русские эмигранты берут деньги и приносят им сведения, вычитываемые в русских газетах, — что они ищут какого-либо офицера, живущего в СССР и который бы давал им сведения. Так как вопрос не был сформулирован, то на этом дело и кончилось, я не ответил ничего.

3) Бенешевич мне лично и не² говорил, что видался с Папой, но в Академии об этом говорили упорно, Платонов тоже говорил это, даже пронизировал, выражая это в форме фразы «папскую туфлю целовал». С Папой, — так утверждали, — Бенешевич говорил о том же, о чем с другими духовными лицами Ватикана, о положении русской церкви и об унии. И будто бы Папа спрашивал подробности о гибели Вениамина, потом какого-то расстрелянного польского ксендза (в СССР), о

¹ Слова а то приходится довольствоваться фантазиями *вписаны* Тарле без особой отметки.

² Частица не *вписана* Тарле без особой отметки.

закрытии Римско-католической академии в Ленинграде. Бенешевич же говорил так же, как в беседах с Пальмьери и кардиналом, заведующим Ватиканской библиотекой. Говорил также о процессах церковников вообще, о борьбе за изъятие церковных ценностей и т. п.

4) Я старался содействовать примирению Бенешевича с Платоновым, который ненавидел Бенешевича и всячески ему вредил. Я имел в виду таким путем содействовать избранию Бенешевича в Академию, чего он по научным данным не заслуживал. В Академию он не попал, — но отношения между ним и Платоновым значительно смягчились. Я передал Платонову то, что Бенешевич мне рассказал о своей римской поездке, о разговорах его и т. д. Но спешу отметить, что меня уже тогда немного удивило, что Платонов все это уже знал и даже дополнил мой рассказ деталями, которых я не знал. Он же утвердительно говорил о том, что Бенешевич виделся не только с кардиналами, но и с Папой. Платонов у меня же и встречался с Бенешевичем, поэтому мог лично с ним беседовать (и беседовал) и до, и после его поездки в Европу. Но и через меня Платонов тоже передавал Бенешевичу, напр[имер], совет разузнать за границей, как обстоят дела Палестинского общества, и сказал такую фразу: Бенешевич все носится с унией, неужели он не спросит в Риме, как и чем они сами могут этому помочь, и я ему передал и эти слова.

О процессе церковников Бенешевич говорил кардиналам подробно. О положении церкви говорил в Варшаве с теми, кого видел в доме тестя. Но там (в Польше) он констатировал крайне острые и неприязненные отношения между католическим духовенством и православным. Но об этом он мне сказал в двух словах, и я ничего не запомнил, кроме вот этого основного факта. Помирить же я их старался так: Платонов имел жесткий конфликт с Ф. И. Успенским, отказав ему в комнате для Византийской комиссии (в здании Библиотеки Академии наук). И Платонов всю вину приписал Бенешевичу, который, по его мнению, нарочно раздражил Успенского против Платонова. Я, на основании уверений Бенешевича, доказал Платонову, что его подозрение неосновательно.

5) Конечно, конспирация, осторожность соблюдались членами организации (кроме Васенки¹), и рекомендовалось Платоновым соблюдать это правило. Даже когда предстояли выступления, напр[имер], в

¹ Так в подлиннике; правильно Васенко.

Академии, то Платонов тоже всегда стремился с внешней стороны поставить дело так, чтобы не было заметно никакого предварительного сговора между данной группой лиц. Особенно настаивал Платонов в Париже у Краевичей о необходимости соблюдать строжайшую тайну и осторожность во всем, что касается существования его группы. Он лично, как я уже сказал, был крайне конспиративен и никогда не говорил ничего тем членам организации, которых прямо не касалось. Исключение он делал для Богословского и, конечно, для Измайлова. О прятаньи документов в Академии, кроме него, Рождественского, Измайлова и Андреева, никто ничего не знал, вплоть до обнаружения и оглашения дела. Во всяком случае, Платонов при мне несколько раз рекомендовал осторожность Лихачеву, Васенко, даже Любавскому.

б) В разговоре Платонова с представителем франц[узского] Генер[ального] штаба был затронут вопрос о проходе франц[узских] войск через Германию к польской границе, причем француз сказал Платонову, что об этом уже в 1920 г. была речь и в штабе у них есть разработанные до подробностей планы, чуть не по этапам — как, по каким железным дорогам, в каких вагонах будут перевозиться войска. Тогда предполагалось даже не вступать с Германией в договор по этому поводу, а просто заявить об этом — и перевезти войска в своих (франц[узских]) вагонах — по немецким дорогам. Германия, предполагалось, конечно, смирится и ограничится бумажным протестом. Но теперь, после Локарно и франко-германских соглашений, а также после приема, наконец, Германией в Лигу Наций, уже признано неудобно с нею так обращаться, а поэтому придется ей дать льготы, послабления и компенсации, тем более что речь идет уже не только о проходе войск через ее территорию, но и об участии самой германской армии в спасении Польши. Еще он сказал, что есть соглашения с сетью прусских жел[езных] дорог, но что теперь это устарело, так как прусские жел[езные] дороги обязаны, по плану Дауэса, отдавать все свои доходы Антанте, и теперь нужно было бы говорить с особой комиссией (чтобы обеспечить перевозку войск и военного материала). И тут же прибавил, что нельзя знать, будет ли через несколько лет даже и план Дауэса еще существовать, и с кем тогда надо будет говорить и улаживаться насчет жел[езных] дорог.

Notgemeinschaft. Это организация полуофициального характера создана была для поддержки немецкой науки и научных работников в самые тяжелые дни послевоенной германской истории, когда катастрофическое падение марки и хроническая голодовка дошли до крайних

размеров (когда, напр[имер], знаменитейший историк Гарнак должен был продать свою библиотеку, которую он собирал всю жизнь, чтобы купить для своей семьи шесть пар сапог и туфель). Но у этой организации, начиная с министерства Ратенау, завелись тесные связи с политикой. Сначала — с Министерством иностранных дел, потом, под влиянием Эдуарда Мейера, знаменитого историка древности и ректора Берлинского университета, — с правыми партиями, с националистами (Отто Гетч), с расистами (Фрейтаг фон Ларинговен) и т. п. Одна из неофициальных задач этой организации — поддержка германского научного и политического влияния и германских национальных интересов всюду за границей. В особенности внимание ее направляется по двум направлениям: 1) поддержка фламандского движения в Бельгии (так называемых *flamingants*) и 2) поддержка немцев в Эстонии, Латвии, Литве, Польше и в СССР. Французы (особенно Леритье) говорили мне, что эта *Notgemeinschaft* финансировала Платонова и что журнал, при ее содействии основанный Отто Гетчем и другими, «*Zeitschrift für Osteuropäische Geschichte*», был предлогом для и прикрытием для поддержки Платонова (постоянного сотрудника) и других русских ученых. Эта же *Notgemeinschaft* поминалась Платоновым, когда он устраивал экспедицию в Эски-Кермен: именно она должна была отправить в Крым для помощи в раскопках — немецких делегатов. О ней Платонов говорил часто, о ней же говорил Егоров, который живо интересовался ее деятельностью. Я запомнил слова Платонова, что *Notgemeinschaft* заботится не только о немецких, но и о русских ученых.

7) Я хочу вспомнить и сформулировать отношение Платонова к лимитрофам, поскольку он говорил об этом со мной или при мне или поскольку кое-что я узнавал и из чужих уст. Он мне лично говорил, еще в первые годы революции, что ждет вторжения «конницы Маннергейма» (его точные слова) в Ленинград, что одним ударом сметет соввласть. Потом он тоже всегда относился к Финляндии как к небольшой, но очень сильно вооруженной державе: об аннексии ее после переворота нечего было и думать, тем более что Англия не позволит. Он восторгался организацией внутренней военно-политической силы в Финляндии (забыл название), специально созданной для борьбы против революционных попыток низвергнуть строй. Приводил Финляндию как образчик страны, спасенной от большевизма исключительно немецкой высадкой в 1918 году. К Латвии его отношение было двойственным: он, с одной стороны, полагал, что Латвия в том или ином виде войдет в состав будущей России или с ней тесно соединится в нераз-

рывный союз. А с другой стороны, Латвия могла не очень желать такой перспективы, между тем как ее участие в борьбе против соввласти было бы крайне ценным. К этому прибавлялось еще и то, что немцы-националисты, с которыми связан был Платонов, глубоко недовольны положением немцев в Латвии и выражали Платонову надежду (Гетч, кажется), что Россия будет способствовать улучшению положения¹ немцев в Латвии. Ему говорили в Германии, что в Латвии работают французские и английские офицеры, специально командированные соответственными штабами, но одновременно работают и немецкие офицеры, уже не командированные, а просто поступившие на службу. Мне же Л. К. Крутлевская, живущая в Риге, говорила это об английских и французских офицерах, а о немцах — ничего. О Литве Платонов говорил мало, хотя выражал как-то давно желание увидеться и поговорить с диктатором Литвы Вальдемарсом (бывшим прив[ат]-доц[ентом] Петрогр[адского] университета). Точно так же мало он говорил и об Эстонии, где у него никаких связей не было. Эстонии в будущем он предсказывал (как и Латвии) соединение в той или иной форме с Россией. Он утверждал, что без русского рынка им не прожить. Я лично держался тоже этого мнения. (Я и может быть, Финляндия — и теперь, при СССР, со временем найдут способы войти в СССР в такие отношения, когда их пустили бы на русский рынок, и что для этого пойдут на большие (и очень большие)² жертвы и уступки.

Е. Тарле

Подлинник; рукопись; автограф. Датируется по содержанию и местоположению. Т. 3. Л. 48–56 об.

80

**Сводный протокол показаний Е. В. Тарле,
составленный А. Р. Строминным**

29 июня 1930 г.

В дополнение моих предыдущих показаний, с целью последовательного изложения своего политического прошлого и всех причин, приведших меня к активной контрреволюционной деятельности в составе монархической организации, действовавшей в течение ряда лет

¹ Слово положения вписано Тарле без особой отметки.

² Слова (и очень большие) вписаны Тарле без особой отметки.

под руководством акад[емика] С. Ф. Платонова — должен сообщить следующее:

Октябрьскую революцию я не признал. Разделяя настроения враждебно настроенной по отношению к соввласти интеллигенции, я все время мучительно переживал нововведения революции, видоизменения в стране и никак не мог согласиться с принципом диктатуры пролетариата.

Я не верил в прочность сов[етского] строя и думал, что его ликвидация последует в результате победы белого движения Колчака, Деникина, а затем Врангеля, или от вмешательства иностранцев. Когда же этого не случилось, и гражданская война доказала жизнеспособность соввласти и, главным образом, то, что существуют силы, ее поддерживающие, я стал на позиции «пассивного сопротивления» соввласти и занялся только своими учеными трудами. Белое движение показалось мне скомпрометированным и бессильным привести свое дело к победе. Доклад В. А. Мякотина, приехавшего тогда в Ленинград из лагеря Деникина и Врангеля, устроенный в Доме литераторов, служившем местом собраний оппозиционной интеллигенции, убедил меня в этом в особенности. Характеристика его белого движения, данная в самых мрачных красках, вполне доказывала, что Добровольческая армия занимается грабежами, погромами, пьянством, допускает ряд серьезных ошибок и близка поэтому к полному крушению — оставила на меня большое впечатление.

Затем наступило время приближения до некоторой степени интеллигенции к соввласти в надежде на то, что введение НЭПа есть начало внутренней эволюции коммунистической партии вправо. Мне, как уже выше указал, казалось поэтому наиболее подходящим занять выжидательное положение. Я старался отдаляться от политики, от всяких случайностей, и не участвовать в работах сов[етского] строительства; но когда вскоре начались обычные явления, обостряющие классовую борьбу и выпрямляющие линии коммунист[ической] партии во всех областях жизни, оппозиционное настроение у меня резко усилилось, и поняв, что уклонение от сотрудничества с соввластью является сопротивлением недостаточным, а также то, что я не могу отказаться от участия в политической жизни, я стал принимать активное участие в различных антисовет[ских] выступлениях, в частности в журнале «Экономист» и в Доме литераторов.

Дом литераторов (Бассейная ул.) в те годы, как уже указал, был местом собрания оппозиционной интеллигенции. Там устраивались различные враждебные соввласти лекции, в том числе лекции С. Ф. Платонова, Александра Флита, мои (по текущим моментам международн[ой] политики). Во главе Дома литераторов стояло правление из нынешних эмигрантов: Владимира Азова, Ник[олая] Григ[орьевича] Волконского (б[ывший] зав[едующий] конторой газеты «Речь»), Харитона (литератора), Кауфмана (б[ывший] кадет, умер в 1923 г.), Гумилева Ник[олая] Степ[ановича] (поэт, расстр[елянный] по делу Таганцева) и Александра Флита. Мои лекции о Версальском мире, Лиге Наций, по¹ мемуарной литературе (Людендорфа, Гофмана, Гинденбурга и др[угих]) носили явно оппозиционный и полемический характер по отношению к сов[етским] газетам. Отношение мое к сов[етской] внешней политике было отрицательное, и я это высказывал в своих публич[ных] лекциях, которые производили агитационное влияние на собравшихся, вызывая потом <бесконечные>² обсуждения и многочисленные разговоры. Лекции Платонова носили тот же характер, он читал свои воспоминания о членах быв[шей] династии в сочувственных им тонах, и это также производило большое впечатление. В таком же духе были лекции остальных выступавших: Венедикта Александровича Мякотина (быв[ший] преподаватель Лицея, член Петрогр[адской] Гор[одской] Думы при Временном правительстве, работал по дипломатической линии в армии белых, ныне эмигрант, живет в Праге и сотрудничает в журнале «Современные записки», «Последние новости»), б[ывшего] генерала Измestьева (читал о причинах поражения Германии) и др[угих]. В журнале «Экономист» я напечатал статью о Гаагской конференции и принимал участие в заседаниях редакции журнала. Во главе его стояли: Лутохин (затем эмигрировал), проф[ессор] Зубашев (был выслан соввластью за границу) и др[угие]. Журнал обсуждал вопросы экономические и финансовые и стоял за возвращение частной собственности, за сотрудничество европейского капитала, за признание старых долгов и восстановление внутренней и внешней частной торговли. Моя работа в журнале была очень кратковременной, т. к. вскоре журнал был закрыт, а редакция выслана за границу. Я читал, кроме того, лекции в зале Певческой капеллы, в школе Петра и Павла³ и других местах, носили они такой

¹ В подлиннике предлог по вписан Строминым без особой отметки.

² В подлиннике слово бесконечные зачеркнуто без особой отметки.

³ Так в подлиннике; правильно Petrischule.

же¹ оппозиционный характер. В общем всюду, где мне приходилось бывать, будь то в частных домах среди знакомых, или в Университете, или Исследовательском институте истории, где я был председателем секции, я высказывался критически соответственно моим настроениям. Говоря об Университете, я имею в виду свое участие в собрании антисоветски-настроенной профессуры (Гревса Ивана Мих[айловича], Добиаш-Рождественской Ольги Антоновны, Заозерского Александра Ивановича, Приселкова Мих[аила] Дмитр[иевича]², Вульфуса Ал[ексан]дра Германовича, Кареева Николая Ивановича, Карсавина Льва Платоновича, Лосского Николая Ануфриевича³ и др[угих]), когда предполагалась организация кружка для периодического обмена мнениями по вопросам политики, науки и религии⁴. Там выдвигались предложения заняться серьезной проработкой указанных вопросов, но выяснилось, что по внешним причинам (собирались в Физическом институте Университета) дальнейшие заседания неудобны. Это было в 1919 г., когда Университет был без топлива и света. В частных квартирах мы не пытались собраться. В 1923 г. с целью объединения старых историков, создания независимого ученого органа и предоставления возможности печататься историкам оппозиционного направления, по моей инициативе, поддержанной в Академии наук, начал появляться журнал «Анналы».⁵ В течение 1923–26 гг. вышло четыре книги этого журнала. Первый номер этого журнала заключал статьи, носящие несоветский характер. Между прочим, вокруг журнала группировались молодые⁶ историки: Тхоржевский, Романов, Измайлова Наталья Сергеевна, Гринвальд, Либталь⁷, Данини, Шебунин⁸, Шатило-

¹ В подлиннике частица *же* отсутствует; восстановлена по копии.

² В копии текст от слов *В общем всюду до* Приселкова Мих[аила] Дмитр[иевича] подчеркнут красным карандашом.

³ Так в подлиннике и копии; правильно Онуфриевича.

⁴ В копии слова *когда* предполагалась организация кружка для периодического обмена мнениями по вопросам политики, науки и религии подчеркнуты красным карандашом.

⁵ В копии текст от слов *когда* предполагалась до слова «Анналы» отчеркнут красным карандашом.

⁶ В копии начало данного, а также три предыдущих предложения подчеркнуты черным карандашом.

⁷ В копии фамилия Либталь подчеркнута черным карандашом двойной чертой.

⁸ В копии фамилия Шебунин подчеркнута черным карандашом-двойной чертой.

ва и др[угие], составившие потом кружок «Молодых историков», о котором указываю отдельно¹.

Остальные три книги представляли из себя материал, освещавшийся с точки зрения немарксистской. Существование журнала прекратилось в 1926 г. из-за отсутствия средств и цензурных условий. В 1927 г. была попытка на специально созванном Платоновым заседании Историко-археографической комиссии воскресить этот журнал в измененном виде. К нему прибавлялся русский отдел, которым должен был заведовать сам Платонов, и постоянный секретарь — Александр Игнатьевич Андреев. Проект продолжения журнала «Анналы» не успел осуществиться. К числу моих антисоветских выступлений нужно отнести мое сотрудничество в редакции издательства «Петроград», где я неоднократно на заседаниях редакции высказывался против распоряжений соввласти, за свободу частной торговли, против цензуры и экономической политики соввласти, <которая нашла логическое завершение в Кронштадтском восстании>². Редакция издательства «Петроград», состоявшая из Петра Константиновича Губера (б[ывший] сотрудник газеты «Речь», под псевдонимом «Арзубьев»), Лифшица Якова Львовича (б[ывший] сотрудник «Киевской мысли»), Гессена Арнольда (привлекался органами ГПУ за антисов[етскую] деятельность) и др[угих], была проникнута антисоветскими настроениями.

В 1924 г. я впервые выехал в научную заграничную командировку во Францию для работы в парижских архивах. Я встречался там с рядом белых эмигрантов, как, напр[имер], Агафоновым Валерианом Константиновичем (эсером), Милюковой Анной Сергеевной, Вернадским Владимиром Ивановичем (академиком), Вернадским Георгием Владимировичем (теоретик евразизма), Гинзбургом (сионист, автор книги «Рим и Иудея»), Гурвичем Григорием Давыдовичем (проф[есор] философии, меньшевик), Айзенбергом Вениамином Александровичем, меньшевиком, служ[ащим] торговой фирмы Найдича, Церетели Иракл[ием] (меньшевик), Лозинским Григорием Леонидовичем (монархист, препод[аватель] Париж[ской] высшей школы и член эмигрантской Академической группы), Познером С. (кадет, милюковец,

¹ В копии слова составившие потом кружок «Молодых историков», о котором указываю отдельно *подчеркнуты черным карандашом; слово составившие подчеркнуто двойной чертой.*

² В подлиннике слова которая нашла логическое завершение в Кронштадтском восстании *зачеркнуты; в копии эти слова оставлены.*

литератор), Горовидовым (монархист), Петром Рысс[ом] (монархист, член редакции «Борьба за Россию»), Минорским Михаилом (б[ывший] консул императорской России в Персии), Бурцевым Влад[имиром] Львовичем (монархист, член редакции журнала «Борьба за Россию»). Со всеми ими мне пришлось разговаривать о положении Сов[етской] России и интеллигенции. С Церетели я вел также разговор о грузинском восстании и репрессиях сов[етского] правительства. В общем наши беседы сводились к критике действий соввласти и коммунист[ической] партии и освещению разных сторон сов[етской] действительности с отрицательной точки зрения. В 1925 г. во время вторичного пребывания в Париже я опять встречался с Агафоновым, Гинзбургом, Айзенбергом, Лозинским, Горовидовым и, кроме того, с Краевичами (по поручению Платонова), Васильевым Александром Александровичем (монархист, быв[ший] проф[ессор] Петрогр[адского] университета), Ольденбургом Сергеем Сергеевичем (монархист, сын академика), Шамониным (монархист, быв[ший] белый офицер, родственник Платонова С. Ф.), Нольде Борисом Эммануиловичем (монархист, б[ывший] проф[ессор] междунаро[дн]ого права Петрогр[адского] Политехнического института, быв[ший] товарищ министра иностранных дел Временного правительства), Фундаминским Ильей Исидоровичем (эсер, литератор) и Сватиковым Сергеем Георгиевичем (монархист, быв[ший] эмиссар Временного правительства в Париже и др[угих] местах по выявлению секретной агентуры царского правительства). Разговоры были опять об экономическом и политическом положении СССР, о положении печати, высших учебных заведений, о государственном аппарате, соввласти и т. д., характеристика положения, даваемая мною, была в общем опять-таки отрицательная для соввласти.

Здесь следует отметить особо знакомство мое с Краевичами, Надеждой Сергеевной и Борисом Константиновичем. От имени С. Ф. Платонова я передал им пятьдесят долларов и различные сведения родственного характера о жизни семьи Платонова. Борис Конст[антинович] Краевич, сын б[ывшего] проф[ессора] физики и помещика одной из средних русских губерний. Он принимал активное участие в белом движении на юге России, был при ставке Деникина и Врангеля, работал по линии Освага и в качестве адъютанта генерала Кутепова. После поражения Белой армии эмигрировал вместе с семьей в Константинополь и находился продолжительное время, до переезда в Висбаден (район германской территории, оккупированной французскими войсками), в Галипольском лагере при генер[але] Кутепове. После

Висбадена переехал в Париж, где и поселился, оставаясь видным деятелем монархических кругов белой эмиграции, поддерживая связь с Высшим монархическим советом и отдельными бывшими начальствующими лицами белых армий.

По возвращении в Ленинград я рассказал Сергею Федоровичу Платонову все, что я мог наблюдать в Париже, о жизни Краевичей. К этому времени относится мое более тесное сближение с Платоновым.

Знакомство наше, хотя и продолжается давно, примерно с 1905 г., со времени нашей совместной работы на историко-филологическом факультете Петербургского университета, но на дому у него я стал бывать только в 1920 г., когда нас особенно сблизила служба в Главархиве и выступления в Доме литераторов, а также долгие дружба моя с его старшей дочерью Ниной.

Политически с Платоновым мы также быстро сошлись. Он знал о моих выступлениях в Доме литераторов и мое отрицательное отношение к соввласти, я же не возражал против его политических взглядов и позднее развиваемой им программы борьбы с соввластью, которая должна завершиться установлением нового государственного строя на началах созыва народных представителей для решения вопроса о форме правления.

Возникновение «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России»

Конкретный разговор о моем вступлении в подпольную организацию, названную впоследствии «Всенародным союзом борьбы за возрождение свободной России», имел место весной 1926 г. в квартире Платонова, когда я, приняв его предложение, фактически начал в ней активно участвовать.

Платонов сообщил мне тогда, что образовалась организация из людей, поставивших себе непосредственной целью освобождение России от советского строя путем планомерной подготовки вооруженного восстания, которое разразится в момент, безусловно, неизбежной иностранной военной интервенции. Другой насущной задачей организации является подготовка необходимых кадров, а также политической программы для создания нового государственного строя.

Говоря об организации, Платонов прибавил, что она ведет свое существование с 1925 г., хотя мысль о создании ее зародилась у него¹ задолго до этого, еще в 1918 г., когда часть русской территории была оккупирована немецкими войсками и на Украине был провозглашен гетман.

Называя отдельных членов организации, Платонов указал на Лихачева Ник[олая] Петр[овича], Измайлова Ник[олая] Вас[ильевича]², Андреева Александра Игнатьев[ича], Богословского Мих[аила] Мих[айловича], Любавского Матвея Кузьмича и Карского Евфимия Федоровича. Он выразил полную уверенность в предстоящем быстром росте организации и конечной победе ее программы, обусловленной самим ходом событий и внутренней политикой сов[етского] пр[авительст]ва, в особенности в отношении крестьянства. Он отметил завязавшиеся с некоторых пор (около шести месяцев) сношения с влиятельными германскими политическими³ партиями, которые, не допуская укрепления коммунизма в Германии, заинтересованы в ликвидации соввласти как гарантии общего подавления коммунистического движения.

В конце этого первого разговора Платонов особо указал на необходимость окружения организации и ее деятельности полной тайной.

В дальнейшем я стал посещать Платонова систематически. В его кабинете я почти всегда заставал членов организации Лихачева, Измайлова, Рождественского, Андреева, а иногда приезжавших из Москвы, вступивших в организацию позднее, Богословского, Любавского, Егорова Дмитрия Николаевича, Готье Юрия Владимировича, Яковлева Алексея Ивановича и приезжавшего из Харькова Бузескула Владислава Петровича.

На этих собраниях обсуждались вопросы текущего момента, устанавливалась точка зрения на тот или иной факт и прорабатывались вопросы чисто организационного и⁴ программного свойства.

¹ В копии вместо него напечатано его.

² В копии далее следуют слова Рождественского Сергея Васильевича отсутствующие в подлиннике.

³ В копии слово политическими отсутствует.

⁴ В подлиннике слова организационного и вписаны Строминым без особой отметки.

Собрания устраивались чаще всего в квартире Платонова, реже в моей квартире, в Библиотеке Академии наук (каб[инет] Платонова) и в Археографической комиссии, а иногда в квартирах Рождественского и Лихачева.

После нескольких таких собраний и откровенных бесед с Платоновым я получил полное представление о возникновении и росте организации. Оказалось, что, действительно, с тех пор, как немцы оккупировали Украину и возвели там гетмана, Платонов, бывший и до этого крайним германофилом, пришел к заключению, что ликвидировать сов[етский] строй, вернуться к дореволюционному правлению во главе с твердой властью можно только при помощи германского вмешательства. Внутренние силы, по его словам, думавшие свергнуть соввласть путем только саботажа, срыва мероприятий и агитации против совласти, жестоко ошиблись.

Платонов по этому поводу много рассказывал о положении России во время войны и революции, причем приводил различные факты, когда группы интеллигентов после поражения белых армий приходили в уныние и покорно отдавались на милость победителей большевиков, как бесславно кончались многочисленные противокommунистические заговоры только лишь потому, что они рассчитывали на собственные силы. О борьбе эсеров и меньшевиков он отзывался как о безрезультатной, т. к. эти партии утратили былой престиж и неспособны прийти к власти.

Он сказал, что он давно учел факт сохранения совласти, несмотря на голод и другие лишения, и организованного нападения многочисленных белых армий, пользовавшихся полной поддержкой стран Антанты, и сделал вывод, что борьбу за изменение государственного строя нужно вести по-иному и, главным образом, на началах иностранной военной интервенции.

Из этих соображений во время поражений белых армий, годы крушения надежд, разброда и растерянности интеллигенции он начал постепенную работу по созданию антисоветской организации из части наиболее активных, готовых к дальнейшей борьбе людей, главным образом ученых, органически связанных с дореволюционной Россией и непримиримо настроенных по отношению к совласти.

Эта организация, бывшая сперва маленькой группой одинаково мыслящих личных его сторонников и друзей, по мере своего роста

ставила себе целью осторожное вовлечение в свой состав отдельных разрозненных, нелегально существующих кружков антисоветской интеллигенции, в особенности из молодежи, и использования появившейся у части интеллигенции тяги к религии и церкви с тем, чтобы все объединить и направить на пользу нового антисоветского движения, поддержанное на этот раз не только бывшими союзниками, но и Германией.

Ориентация Платонова на Германию усилилась в особенности после разгрома белых армий и заключения договоров с сов[етской] Россией — Англией и Францией. Это было воспринято как измена белому движению и как бы убедило, что если бы не Версальский мир, существованию соввласти был бы положен конец германскими войсками в течение нескольких недель.

На заседаниях, состоявшихся впервые в моем присутствии на квартире Платонова, когда речь заходила о предстоящей германской военной интервенции и роли собственнического крестьянства и других враждебных соввласти и оппозиционных сил, которые будут участвовать в борьбе с Красной армией за полное освобождение России, Платонов с восторгом отзывался о силе германской армии, которая, по его словам, достаточно оправилась от нанесенных ей последней войной поражений. Он говорил о германских возможностях и готовности Германии вмешаться в русские дела настолько уверенно, что для меня это оказалось даже странным. Только позднее я узнал от него, что эта его уверенность имеет под собой реальную почву, т. к. он имел по этому поводу специальную встречу с лидерами Германской националистической партии — О. Гетчем и Шмидт-Оттом, бывшими в Ленинграде в 1925 г. (во время юбилея 200-летия Акад[емии] наук) и обещавшими Платонову полную свою поддержку как до, так¹ и после монархического переворота в Германии.

Подробности о содержании первого разговора Платонова с немцами в Ленинграде мне не сообщили. Я знал только, что немцам была оказана торжественная встреча, на банкете Платонов и Лихачев провозглашали тосты за «Германию» и т. д., что перед самым их отъездом имел место принципиальный разговор, в котором Платонов в роли представителя русских националистов и руководителя антисоветской организации потребовал от них, своих единомышленников, финансо-

¹ В подлиннике слова как до, так вписаны Строминным без особой отметки.

вую поддержку и вооруженное вмешательство в борьбе с коммунизмом и что этот разговор, имевший положительный для обеих сторон результат, должен был быть закончен в Берлине, куда для этой цели должен был выехать Платонов под видом научной командировки от Академии наук.

Уже перед самым отъездом Платонова, летом 1926 г., состоялось заседание организации, на котором Платонов сообщил, что в Берлине состоятся окончательные переговоры с лидерами германских националистов о помощи организации, которая должна будет развернуть работу в более широком масштабе. Я лично на этом заседании не присутствовал, т. к. был уже в Париже, узнал же я о разговорах, быв[ших] на этом заседании, от самого Платонова в Париже и от Богословского по возвращении из-за границы. Платонов рассказал мне, что члены организации, участвовавшие на заседании, вполне одобряли его программу действий за границей.

Первая поездка Платонова за границу и переговоры в Берлине и Париже

О своих переговорах в Берлине он сообщил мне следующее.

Он виделся с О. Гетчем, Ионасом и Шмидт-Оттом на квартире у О. Гетча. Разговор носил деловой характер. После подробного сообщения о политическом и экономическом положении СССР и росте антисоветского движения Гетч и Шмидт-Отт выразили удовольствие по поводу планов организации расширить свой состав и деятельность. Со своей стороны они предложили уточнить конкретный вопрос, как о материальной помощи организации, так и характера будущего вооруженного вмешательства Германии.

Они сообщили ему, что впереди много различных затруднений, главным образом, дипломатического характера¹, ввиду безусловного запрета, наложенного Версальским миром, выводить из пределов Германии армию под каким бы то ни было предлогом. Поэтому они уже после первой встречи², вскоре после <своего> возвращения из Ленинграда, начали переговоры с организациями патриотического характера, в том числе со «Стальным шлемом», которые, как частные организа-

¹ В копии вместо характера напечатано свойства.

² В подлиннике слова уже после первой встречи вписаны Строминым без особой отметки.

ции, своим выступлением против СССР не так скомпрометируют германское правительство. Они прибавили, что переговоры со «Стальным шлемом» и другими обществами носят пока предварительный характер, им ничего еще не сказано о составе организации и ее характере; идет лишь речь об их участии в борьбе против СССР, на что получено принципиальное согласие. (Оформление участия «Стального шлема» в будущем походе последовало в 1928 г., во время вторичной поездки Платонова в Берлин). Платонов передал мне, что он получил от них формальное (не письменное) обещание субсидировать организацию из средств Германской националист[ической] партии и родственных ей организаций и поднять общественную кампанию для подготовки почвы к участию Германии в будущей военной интервенции в СССР. Из этой беседы явствовало, что Отто Гетч и Шмидт-Отт говорят с Платоновым не только от своего имени, но и от имени германских правительственных кругов, с представителями которых О. Гетч говорил на эти темы при встрече Нового года (1926 г.). Платонов вынес впечатление, что здесь имеется в виду статс-секретарь по иностранным делам Штреземан. Когда же¹ Платонов рассказал мне об этом, я лично пришел к заключению, что дело идет не о Штреземане, которого Гетч назвал бы по фамилии, но о президенте Германской республики Гинденбурге. Говорилось это с тем, чтобы дать понять о полученной от германского правительства фактической санкции на продолжение переговоров с Платоновым и об участии Германской националистической партии в антисоветском движении. Тогда же было решено определить общий характер будущих экономических взаимоотношений Германии и России. Гетч настойчиво требовал ясности в этом вопросе, указывая на то, что только благоприятное для Германии разрешение этой проблемы сделает возможным будущие действия националистической партии в русском вопросе. Будущий государственный строй в России обеими сторонами не мыслился иначе, как в форме монархии (конституционной). По этому поводу произошел обмен мнений, причем Платонов согласился с доводами Гетча в пользу кандидатуры на российский престол б[ывшего] в[еликого] к[нязя] Андрея Владимировича, которая в противоположность французским кандидатурам Николая Николаевича и Кирилла Владимировича считалась кандидатурой, поддерживаемой немцами ввиду определенно у него выраженной германской ориентации. В общем были затронуты все вопросы о сношениях между националистическими партиями Германии и организацией

¹ В подлиннике частица *же* вписана Строчиным без особой отметки.

в лице Платонова, но окончательное их разрешение было отложено до следующего приезда Платонова, который предполагался в 1927 г. Это было вызвано желанием Гетча предварительно выслушать по всем этим вопросам мнение компетентных лиц, в особенности по вопросам экономическим и военным.

Тогда же в Берлине, вслед за переговорами с Гетчем и другими, последовало первое свидание Платонова с Андреем Владимировичем. Содержание их разговора Платонов передал мне в Париже лишь крайне отрывочно, без малейших подробностей. Из его слов явствовало, что он сообщил Андрею Владимировичу о существовании организации, которая предполагает выставить его как кандидата на престол.

В Париже Платонов остановился у своей дочери Надежды Сергеевны Краевич, проживающей в Ванве¹ (предместье Парижа), мы виделись с ним три раза (один раз в квартире Краевичей, два раза в кафе). Он встречался в Париже с Владимиром Николаевичем Коковцовым, Василием Александровичем² Маклаковым, Борисом Эммануиловичем Нольде, Петром Бернгардовичем Струве, Сергеем Сергеевичем Ольденбургом, Н. К. Кульманом и с двумя членами Монархического совета, фамилии коих он почему-то не назвал. О своих переговорах со всеми вышеуказанными лицами, с которыми³ он говорил на политические темы, он рассказал мне следующее:

В. Н. Коковцов. Ему он сообщил об экономическом и финансовом положении СССР, характеризуя и то и другое как близкие к катастрофе, сообщил об организации, ее характере, целях и задачах и о том, что организация рассчитывает на полную поддержку со стороны белой эмиграции и в частности его, Коковцова. Коковцов с большим интересом и сочувствием отнесся к деятельности Платонова и согласился ее поддерживать. Со своей стороны Коковцов снабдил его, Платонова, информацией о положении белой эмиграции и ее настроениях, а также об общих взглядах французского правительства на русские дела и своевременности военной интервенции.

В. А. Маклаков. Они говорили о политических настроениях в СССР, в частности крестьянства и интеллигенции. Платонов характеризовал общее настроение как антисоветское, причем отметил, что с

¹ В копии вместо Ванве напечатано Нанве.

² Так в подлиннике; правильно Алексеевич.

³ В подлиннике слова с которыми вписаны Строминным без особой отметки.

каждым годом продления советского строя шансы монархии, как будущей формы государственного правления в России, увеличиваются. На вопрос Платонова, может ли организация на него рассчитывать, Маклаков ответил утвердительно.

Н о л ь д е . С ним он говорил о политике французского правительства по отношению к белой эмиграции и СССР и перспектив организации, которая предлагает ему стать ее членом. Нольде выразил свое согласие работать для организации, указал на многочисленные трудности, которые ждут организацию во Франции, т. к. она не согласится на инициативу Германии в деле интервенции. Сам Нольде был сторонником германской ориентации¹.

С т р у в е . Разговор со Струве свелся к обмену информацией об антисоветских настроениях в СССР и за границей. Струве обещал содействовать организации и предложил использовать газету «Возрождение», главным редактором которой он тогда состоял.

С Ольденбургом и Кульманом он виделся у Краевичей, с первым из них в моем присутствии (один раз). Он рассказывал им о положении СССР, интеллигенции и крестьянства. Говорил ли он им об организации, мне неизвестно, т. к. об этом он мне ничего не сказал. Между прочим, С. С. Ольденбургу он передал деньги в виде помощи от отца академ[ика] С. Ф. Ольденбурга.

С представителями Монархического совета он говорил о растущем антисоветском движении и наличии в народе симпатии к бывшей династии, которые далеко не исчезли как в деревне, так и в городе.

В общем он вынес из поездки², судя по его словам, сказанным уже в ноябре 1926 г. на одном из заседаний организации, впечатление очень оптимистическое: уверенность в поддержке со стороны как немцев, так и политических деятелей белой эмиграции, и убеждение, что среди белой эмиграции есть достаточно сил в количественном и качественном отношениях, которые будут полезны и в момент борьбы за власть и при ее укреплении в случае победы.

Будучи в Париже, он имел также встречу с представителем вдовствующей б[ывшей] императрицы Марии Федоровны, кажется, Шебеко, который, посетив его у Краевичей, передал ему приглашение посетить

¹ В копии вместо ориентации напечатано интервенции.

² В подлиннике слова из поездки вписаны Строминным без особой отметки.

Марию Федоровну в Дании, которая желает говорить с ним об участии некоторых знакомых ей лиц и передать им через него денежное вспомоществование. Платонову было предложено оплатить его поездку в Данию и указать, что Мария Федоровна интересуется им как человеком, во-первых, недавно прибывшим из СССР и, во-вторых, как лицом, который был ей рекомендован Андреем Владимировичем. Рассказывая мне об этом еще в Париже, Платонов с сожалением констатировал невозможность выполнить эту просьбу Марии Федоровны вследствие тяжелой болезни его жены и необходимости из-за этого немедленно возвратиться в Россию.

Давая показания о переговорах С. Ф. Платонова с перечисленными деятелями белой эмиграции в Париже 1926 г., должен¹ заметить, что т. к. со всеми ими говорил и в 1928 г. и² по тем же вопросам, то у меня сведения об этих двух его поездках в памяти иногда сливаются в том отношении, что не могу ручаться во всех случаях, не отнес ли я разговор Платонова с тем или иным лицом, бывший в 1928 г., к 1926 г. и обратно.

После возвращения Платонова из-за границы он сообщил членам организации о своих переговорах с немцами и деятелями белой эмиграции. В связи с этим стал вопрос о форме захвата власти и об участии немецких патриотических организаций в деле помощи восстанию.

Я лично вернулся из-за границы в конце 1926 г. и поэтому не могу точно сказать, что именно говорил Платонов сразу же после своего возвращения, но из разговоров с Платоновым и отдельными членами организации, я убедился, что он им рассказал все то, что передал мне. Рождественский сверх того прибавил, что Платонов будет теперь встречаться с Андреем Владимировичем каждый раз, когда будет за границей. На одном из заседаний организации уже в моем присутствии Платонов обратил внимание всех присутствовавших на просьбу О. Гетча, чтобы ведущиеся переговоры с германскими националистами остались полной тайной от Брокдорфа-Ранцау, который, хотя и догадывается о самом факте сношений, но является противником сепаратных переговоров отдельных политических партий с русскими. Кроме того, он сообщил, что в Берлине он виделся с Брауном Федором Алек-

¹ В подлиннике слово *должен* вписано Строминным без особой отметки.

² В подлиннике союз *и* вписан Строминным без особой отметки.

сандровичем и Фасмером, и что они оба всецело примкнули к организации и будут работать для нее в Германии.

Из вопросов, обсуждавшихся на заседаниях организации в течение 1927–28 гг., я помню следующие:

1. Об организации международного союза борьбы с коммунизмом. Этот вопрос, возникший еще в 1926 г., становился неоднократно предметом обсуждений в последующие годы, причем разбирался он в двух направлениях: во-первых, указывалось на существование такой организации и желательность войти с ней в сношения, а во-вторых, говорилось о том, что при будущем строе в России и в будущей Европе (после монархического переворота в Германии) необходимо способствовать созданию такой организации международного характера, куда входили бы делегаты от всех правительств и которая ставила своей целью общую вооруженную борьбу против коммунистической революции в любой стране, где бы она ни вспыхнула.

По этому вопросу высказывались все члены организации, вносились различные предложения. Имелось ввиду пропагандировать эту идею, связаться через посредство Германской националистической партии с центром этой организации в университетских <центрах> городах¹ СССР. Из предложений Платонова, касающихся деятельности этой международной организации в будущем, вытекало, что эта организация после переворотов в России и Германии должна возникнуть по инициативе правительства или Римского Папы. Она поддерживается взносами как частных лиц, так и правительств, принимающих в ней участие и подчиняющихся ее решениям. Развивая эти планы, члены организации (Платонов, я, Рождественский, Измайлов, Андреев, Любавский, Богословский, Лихачев) были того мнения, что эта организация должна собираться на сессии, иметь свой бюджет, свои бюро во всех странах, своих агентов, орган пропаганды, органы осведомления, и полиция всех представленных государств должна оказывать помощь ей в ее действиях. Рождественский при этом выразился, что это будет вроде «Священного Союза», который на этот раз будет сильнее, чем сто лет тому назад. Эта последняя фраза была возражением на мои

¹ В подлиннике слово *городах* вписано *Строминым* вместо *зачеркнутого* *центрах* без особой отметки.

слова, что в XX в. «Священный Союз» немыслим, т. к. даже и в XIX в. он просуществовал очень короткое время и оказался бессильным.

Любавский предложил назвать этот «Союз» — «Союзом борьбы за цивилизацию», как кто-то из членов организации находил, что «Союз» должен быть вне Лиги Наций, доказавшей свое бессилие, хотя Андреев высказал мнение, что без Лиги Наций не обойтись.

Организация в общем возлагала большие надежды на этот будущий «Союз», который, располагая громадными силами, поддержит новый строй сразу после переворота и придет на помощь в случае нового коммунистического восстания.

Между прочим, члены организации считали, что именно этот международный союз должен будет взять на себя издание (на всех языках) истории того, как протекала и к чему привела коммунистическая революция в России, и комиссия из иностранных корреспондентов, разъезжая по России, должна будет знакомиться с итогами сов[етского] строя тоже для опубликования с пропагандистскими целями. Мысль эта возникла сначала у немцев, а под их влиянием у Платонова. Образоваться он (Союз) должен был в Германии и, подобно Коминтерну, он должен был развивать свою деятельность в международном масштабе. Самой Германии, по словам О. Гетча, будет отведена в этом «Союзе» особенно важная и ответственная роль ввиду ее географической близости к России и лимитрофам — наиболее угрожаемым с указанной точки зрения.

2. О положении крестьянства и Красной армии. Этот вопрос обсуждался также неоднократно ввиду его актуального значения. Взгляды организации в этом отношении сводились к тому, что большинство крестьянства никогда не примирится с уничтожением частной собственности на землю и что крушение соввласти последует именно из-за враждебного отношения деревни. Настроениям деревни постоянно придавалось большое значение не только потому, что крестьянство составляет большинство населения России, но и вследствие тесной связи между крестьянством и Красной армией, которая не может не жить теми же настроениями. Здесь приводились различные доказательства вроде, например, ненадежности Красной армии при подавлении беспорядков в деревнях, куда посылаются для этого только особо надежные воинские части (части особого назначения).

Организация считала бесспорным, что конечная победа рано или поздно обеспечена именно в связи с отношением крестьянства к соввласти. Настроения деревни тщательно учитывались. Всякие слухи о волнениях в деревнях комментировались на заседаниях организации. Более подробно о Красной армии я укажу ниже, когда коснусь деятельности военной группы организации. Что касается агитационной деятельности среди крестьянства, то таковая только налаживается, кроме того, считалось, что деревня и без того настроена резко против соввласти, ждет только случая для выступления и будет нуждаться скорее в сдерживании ее страстей, чем в их разжигании.

3. О положении в Академии наук и новом уставе. Об этом говорилось почти все время, в особенности в связи с новым уставом (1927 г.) и новыми выборами академиков (1928 г.).

Академия наук рассматривалась организацией как важная позиция культурно-политической борьбы с соввластью, с одной стороны, и средство связи с заграницей, с другой. Академия наук, имевшая тесные придворные связи¹ в общем сохранила свое лицо и в послереволюционное время, превратившись в место службы, пристанище быв[ших] людей, с наукой часто ничего общего не имеющих, из коих многие <они> оказались активными деятелями против соввласти. Академия наук долго² не допускавшая в свою среду коммунистов или просто советски настроенных элементов, превратилась в руках Платонова в орудие борьбы организации с соввластью, протекавшей в легальных формах.

Из этих соображений как новый устав, так и обусловленные им выборы новых академиков, встретил со стороны организации враждебное отношение. Устав всячески критиковался в беседах с отдельными академиками и на собраниях (чаепитиях) у президента, где предварительно намечались важнейшие решения общего собрания А[кадемии] н[аук].

Особенно критиковались два пункта: способ выборов (участие представителей автономных республик) и устранение академиков из состава А[кадемии] н[аук] по политическим причинам. По этим пунктам членами организации велась соответствующая агитация, обострившаяся в момент выборов и имевшая своим последствием провал

¹ В подлиннике слово связи вписано Строминным без особой отметки.

² В подлиннике слово долго вписано Строминным без особой отметки.

трех кандидатов в академики — коммунистов: Деборина, Лукина и Фриче.

4. О положении в высших учебных заведениях. Этот вопрос обсуждался несколько раз, и положение ВУЗов признавалось в высшей степени неудовлетворительным. Лично я присутствовал при обсуждении этого вопроса дважды, в марте и ноябре 1927 г., и высказывался отрицательно против преподавательской массы, недостаточно подготовленной для своих функций и не удовлетворяющей студенчество. Я разделял мнение организации в смысле несправедливости приема в ВУЗах по классовому признаку, хотя утверждал, что общий уровень студенчества ничуть не понизился по сравнению с дореволюционным временем. На заседаниях говорилось об отсутствии свободы преподавания, о полуголодном существовании студентов, о финансовой и цензурной невозможности печатать ученые работы, если они расходятся сколько-нибудь с господствующей идеологией и т. д.

Заходила также речь о проектах постановки высшего образования в будущей России. Здесь я также высказывался и предлагал восстановить ученые степени, основательные магистерские экзамены и требования научной продуктивности.

Я стоял также за предоставление профессорам полной свободы в преподавании, не подчиняя их какой-либо обязательной идеологии, и за автономии высших учебных заведений.

5. О средних учебных заведениях. Этот вопрос обсуждался в 1927 и 1928 гг., и занимался им главным образом Рождественский, который группировал вокруг себя преподавателей средней школы и должен был подготовить план реформ средней школы к моменту переворота. Мы рассматривали дело постановки сов[етской] школы как совершенно антипедагогическое. Указывалось на то, что преподавательский состав не подготовлен, он подбирался исключительно по политическому признаку, что в школе поощряется доношительство, что молодежь после окончания школы выходит невежественной и т. д.

Большое внимание уделялось будущей школе и приисканию кадров преподавателей, которые бы ничего общего не имели с коммунизмом. Планы Рождественского в своей основе сводились к воскрешению (с некоторыми изменениями) дореволюционной школы. Имелось в виду создание новой педагогической литературы.

6. О церкв и . О церкви говорилось в связи с изъятием церковных ценностей, преследованием духовных лиц, разрушением церквей, наблюдаемым притоком верующих и устройением церковных дел после свержения соввласти.

Указывалось на необходимость созвания Собора, избрания Патриарха и учреждения Министерства вероисповеданий. Идея Собора и патриаршества была выдвинута Бенешевичем, который вместе с тем, являясь сторонником церковной унии, вел от имени организации переговоры с Ватиканом и содействовал получению отсюда денежной субсидии для нужд православного духовенства.

Более подробно см. мои показания от 26 июня 1930 г. и ниже.

7. О подготовке военных кадров для захвата власти . Этой областью занималась военная группа организации во главе с Николаем Васильевичем Измайловым. Группа эта разрабатывала вопросы, связанные с созданием будущей военной силы для вооруженного восстания, захвата и организации власти. Она должна была производить вербовку быв[ших] офицеров старой и белых армий и создать учет активных сов[етских] работников, подлежащих физическому уничтожению при захвате власти.

Более подробно об этом укажу ниже, когда коснусь деятельности Измайлова и его военной группы.

8. О необходимости собирания информации о положении крестьянства в различных частях СССР. Для этой цели Платоновым намечалось использование академических ученых экспедиций и в будущем, в случае развития организации, предусматривалось осуществление широкой анкеты об экономическом положении крестьянства по всему Союзу. Эта анкета, долженствовавшая носить внешне чисто научный характер, должна была вместе с тем явиться основной для деятельности организации, ее планов и целей. Осуществить эту мысль организация не успела.

9. О конспирации . Этой темы касались также неоднократно, и Платоновым указывалось на необходимость соблюдения конспирации и большой осторожности. Рекомендовалось не говорить о существовании организации, ее деятельности и планах абсолютно ни с кем из посторонних лиц, не исключая и родственников, и Платонов делал постоянные предупреждения об опасности по всякому поводу, указывая на возможность провала при малейшей оплошности.

10. О выпуске журнала. В 1926 г. был поднят вопрос о создании журнала общественно-политического и литературного содержания в духе идей организации. Выдвигались различные предположения как политического, так и идейного характера. Было намечено, что Платонов будет главным редактором и будет заведовать политическим и историческим отделами. Я должен был¹ возглавлять отдел иностранный (внешней политики), а Измайлов отдел литературный. Предполагалось близкое участие: В. Вернадского, Ольденбурга, Анциферова, Леонида Гроссмана и других членов организации и отдельных кружков. Однако мысль эта была отвергнута вследствие явной цензурной невозможности. Между прочим, имели в виду издавать этот журнал при содействии издательства «Время» или «Академия». Когда это дело окончательно провалилось, Платоновым была высказана мысль, что подобно тому, как с отсутствием свободы собраний должны бороться путем создания нелегальных кружков, так с отсутствием свободы прессы мы будем бороться нелегальной печатью. Вопрос этот (о создании журнала) вставал позднее, разбирали практические возможности и приходили к отрицательному выводу. Оставлен он окончательно не был, Платонов постарался сблизиться с И. П. Сойкиным и В. А. Бонди, чтобы войти в редакцию «Вестника знания». Имелось в виду использовать это издательство и его обширный аппарат распространения в своих целях. Мы вместе, т. е. я и Платонов, были в составе редакции журнала, но соответствующим образом на него повлиять мы не успели.

Самое нахождение Платонова во главе редакции очень распространеного журнала должно было расширить его влияние и содействовать завязыванию новых связей со специалистами, по естественным наукам в особенности. Кроме того, пребывание в редакции должно было дать возможность теснее связаться с белоэмигрантами и этим (печатание их произведений) оказывать им известную материальную поддержку.

Практическая деятельность организации. Переходя к изложению практической деятельности организации, должен указать, что главными моментами ее деятельности были:

а) Ведение агитации в духе идей организации с использованием также связанного с организацией духовенства.

¹ В подлиннике слово был вписано Строминным без особой отметки.

б) Захват командных высот в различных учебных и ученых учреждениях.

в) Организация вредительства в экспедиционном деле Академии наук и в других местах, с привлечением различных специалистов в области технической деятельности.

г) Борьба за молодежь и кадры будущих деятелей нового строя (организация и объединение нелегальных кружков и групп антисоветски настроенной интеллигенции).

д) Подготовка военной интервенции и сил и средств для вооруженного восстания и захвата власти.

е) Подготовка организации новой власти, правительства и его органов, а также планов государственного переустройства на основе восстановления права частной собственности и установления формы правления, согласно решения Собрания народных представителей.

Сама организация предполагала предложить конституционную монархию во главе с [бывшим] вел[иким] кн[язем] Андреем Владимировичем (я лично стоял за полное предоставление решения вопроса о форме правления Собранию народных представителей).

По пункту «А». — С целью агитации против соввласти были приняты меры к организации протестов в печатной форме внутри СССР и за границей, по следующим поводам:

1. Против (против)¹ продажи Госфондом за границей старинных икон и художественных ценностей. (Об этом появилась статья в газете «Возрождение» в 1927 г.). Во время обсуждения этого вопроса организация имела в виду составить обращение к европейскому обществен[ому] мнению в надежде затруднить этим продажу и остановить вывоз. Члены организации: Лихачев, Любавский и Измайлов следили за появлением в берлинских каталогах известий о русских художественных ценностях. Кроме того, было решено выяснить на месте через служащих Эрмитажа и Русского музея, какие именно ценности предположены к продаже. Когда речь шла о служащих, могущих осведомить организацию о работе Госфонда, рассчитывали на служащих Эрмитажа Струве Василия Васильевича, Орбели, Философова и Флитнер Наталью Давыдовну. «Обращение»

¹ Так в подлиннике и копии.

должно было¹ говорить о расхищении достояния русского народа и т. п., составлено же оно не было и дело ограничилось только появлением заметки в газете «Возрождение» и соответствующим сообщением Платонова О. Гетчу.

2. Против разрушения старинных церквей и преследования духовенства. По этому поводу организация также имела в виду составить протест с опубликованием за границей. Имелось в виду привлечь к этому протесту официально Академию наук, общест[в]о «Старый Петербург» и соответствующие московские организации, но от этой мысли пришлось отказаться, т. к. предварительные переговоры с указанными организациями выяснили полную невозможность официального выступления. Поэтому организация ограничилась сообщением сведений о положении церквей и духовенства в Ватикан (через Бенешевича) и в редакцию «Возрождения» (посредством личной беседы <ред> Платонова с редактором «Возрождения» Семеновым в 1928 г.) и широкой устной агитацией через всех членов организации. Что касается обращения организации в Ватикан, то все, что мне по этому поводу известно², изложено в моих показаниях от 26 июня с. г. Некоторые сведения, касающиеся церквей и церковных ценностей, Платонов получал через служащего Музейного онда НКП в Москве — Анисимова.

3. Против цензурных строгостей в СССР к писателям всего мира. Об опубликовании такого протеста на заседаниях организации не обсуждалось, и Платонов принял участие в его составлении персонально. О широком распространении этого протеста я знаю от Платонова, сообщившего мне, что он (протест) был составлен по инициативе издателей и главным образом писателей, в частности Алексея Толстого, Константина Федина и Булгакова.

4. Против расстрела ОГПУ в 1928 г. б[ывшего] князя Долгорукова. Я лично не присутствовал на этом заседании (был за границей), но знаю, что имелось в виду опубликовать такой протест с указанием, между прочим, что соввласть не имеет морального права протестовать против казни Сакко и Ванцетти вследствие аналогичной казни ОГПУ князя Долгорукова. До опубликования дело, однако, не дошло. В белой прессе хотя и появились заметки по-

¹ В подлиннике слово было вписано Строминым без особой отметки.

² В подлиннике слово известно вписано Строминым без особой отметки.

добного содержания, но я не имею данных констатировать участие организации в их составлении.

На заседаниях организации, а также в личных беседах Платонов неоднократно указывал на необходимость снабжать зарубежную прессу фактами сов[етской] действительности, доставать копии документальных данных (вроде статистического доклада Громана). Сам Платонов поддерживал связь как с редакцией газеты «Возрождение», так и с редакцией «Россия и славянство» через посредство Семенова, Нольде и Струве.

Мне лично неоднократно приходилось читать в этих органах, в особенности в «России и славянстве» статьи идеологического характера по вопросам о настроениях крестьянства, о возрождении русского национального чувства, являющиеся точным воспроизведением мыслей Платонова, как по содержанию, так и по форме.

С целью антисоветской агитации члены организации пользовались как заседаниями ученых¹ обществ (заседания в Пушкинском Доме, Комиссии по истории знаний, Археографической комиссии, Об[щест]ве любителей древней письменности), так и собраниями интеллигенции, устраивавшимися по разным поводам. (Ежегодные собрания 8-го февраля по случаю годовщины основания Университета), таких же собраний быв<ших> профессоров и слушательниц быв<ших> Бестужевских курсов, собраний по поводу юбилеев отдельных лиц (Кареева, Кони и др[угих]). В общем, использовывались всякие возможности, как в местах публичных, так и частных квартирах, где собирались представители интеллигенции.

Главными мотивами антисоветской агитации были: тяжелое материальное положение интеллигенции, отсутствие свободы собрания и прессы, отсутствие свободы преподавания, изгнание из учебных заведений прежних деятелей, аресты среди интеллигенции и другие направленные против политики соввласти моменты.

Наиболее активно в этом отношении выступали: Платонов, Рождественский, Гревс, Кареев, Приселков, Заозерский, Вульфийс, Добиаш-Рождественская О. А. и др[угие].

¹ В копии вместо ученых напечатано учебных.

Систематическая агитация велась также против советизации Академии наук, ее реформы и введения в ее состав коммунистов (более подробно см. выше¹).

Много внимания организация уделяла соответствующей антисоветской обработке приезжавших в СССР иностранцев. Началась эта работа еще во время юбилея 200-летия Академии наук, когда были предприняты все меры, чтобы изобразить положение науки и интеллигенции в мрачных красках. Такая же работа продолжалась затем до последнего времени при посещении СССР отдельных иностранцев, как, например, Мазона, Рене Мартеля и др[угих], приезжавших (из Америки, Чехословакии, Германии и др[угих] мест). Обработкой приезжавших ученых из славянских стран больше всего занимался член организации Е. Ф. Карский.

Между прочим, организацией для более систематической агитации против вывоза Госфондом художественных ценностей за границу был создан особый комитет, куда должны были² войти: Богословский, Измайлов³, Рождественский, Лихачев, Анисимов, Приселков⁴, Гирс и какие-то два священника из гор[ода] Москвы, фамилии коих я не знаю. Этот комитет ставил себе целью, помимо агитации, препятствовать изъятию ценностей из музеев и их продаже за границей.

После смерти Богословского, стоявшего во главе этого комитета, его должен был заменить Измайлов. Последнему приписывается доставление сведений об указанной работе Госфондов, легших в основу статьи, помещенной в 1928 г. в газете «Руль» и перепечатанной затем в газетах «Возрождение» и «За свободу». В этой статье говорилось, что провал концессионной политики соввласти заставляет ее прибегнуть к продаже художественных ценностей, легче реализуемых. Статья обращалась к общественному мнению с указанием на расхищение этих ценностей. Судя по планомерной работе этого комитета, нужно полагать, что он существовал и активно⁵ действовал.⁶ Измайлов в моем

¹ В копии вместо ниже напечатано выше.

² В подлиннике слова должны были вписаны Строминым без особой отметки.

³ В копии фамилия Измайлов подчеркнута красным карандашом.

⁴ В копии фамилия Приселков подчеркнута красным карандашом.

⁵ В подлиннике слово активно вписано Строминым без особой отметки.

⁶ В копии данный и предыдущий абзацы отчеркнуты красным карандашом.

присутствии сообщил, что комитет располагает теперь точными сведениями относительно ценностей, предназначенных к вывозу и имеет возможность знать, куда именно предположено их вывезти. Зимой 1927 г. Измайлов сообщил, что с целью предупредить продажу ценностей удалось «выпроводить» (буквальное выражение Измайлова) одного человека, котор<ому>ый <удал> скрылся накануне ареста и который в Германии должен передать сведения, касающиеся распродажи музейных ценностей. Фамилию этого человека Измайлов не назвал, но он опасался, благополучно ли он добрался до Финляндии. Деньги для перехода гос[ударственной] границы этот человек получил от организации.

Что касается роли¹ духовенства, то в составе организации был специальный кружок из духовных лиц, который и проводил агитационную работу в своих приходах среди верующих. (Более подробно об этом кружке см. ниже).

По пункту «Б». Организация в лице Платонова и других основных ее членов предпринимала все меры к использованию различных легальных возможностей для проведения своих задач и, прежде всего, к захвату командных мест в разных учреждениях с тем, чтобы иметь возможность не только соответственно регулировать жизнь этого учреждения, но оказывать материальную поддержку полезным для организации людям.

Сам Платонов постепенно сделался и был одновременно: 1) членом Президиума Академии наук, 2) секретарем Исторического отделения А[кадемии] н[аук], 3) директором Пушкинского Дома, 4) председателем Археографической комиссии, 5) директором Библиотеки А[кадемии] н[аук] и 6) председателем Об[ществ]а любителей древней письменности. С конца 1928 г. предпринимались меры к тому, чтобы он, Платонов, мог стать президентом А[кадемии] н[аук] и этим самым окончательно подчинить Акад[емию] наук своему влиянию, расширить и укрепить свой личный авторитет за границей и, главным образом, в глазах немецких единомышленников.

Организация имела в виду использовать краеведческие учреждения, имеющие большие связи с провинцией и, главным образом, Центральное бюро краеведения в Ленинграде, во главе которого стали

¹ В копии слово роли отсутствует.

Гревс и Анциферов (последний был арестован и осужден в заключение в концлагере по делу «Воскресения»). Местное Бюро краеведения направляло свою деятельность вразрез интересам и заданиям соввласти и, пользуясь легальными возможностями, вело антисоветскую работу в провинции. Я лично не был в курсе этой работы, но несколько раз сталкивался с фактами протестов советски настроенных лиц, связанных с краеведческим движением и выступавших на заседаниях Бюро краеведения против линии руководителей Бюро Гревса и Анциферова.

В 1929 г. проводилась соответствующая работа по захвату Университета посредством проведения на должность ректора своего человека — Ферсмана или Дерюгина. Вокруг этого¹ была поднята кампания с тем, чтобы кого-нибудь из них сделать ректором Университета. В первое время выборов я имел предложение Наркомпроса стать во главе Университета, однако Платонов, почему-то был против моего назначения и предложил от него отказаться.

После провала кандидатур Ферсмана и Дерюгина и избрания² ректором коммуниста Серебрякова стало ясно, что надежды на захват Университета не оправдались, и была предпринята тактика, которая свелась к дискредитированию как Университета, так и оставшихся там профессоров. За границей распространялись слухи о том, что Университет потерял всякое научное значение, а потому командируемые им научные работники за границу не заслуживают внимания и приема.

Результатом такой агитации за границей явилось то, что Министерство иностранных дел Франции, и без того крайне разборчиво разрешающее въезд командируемых из СССР ученых, стало отказывать почти³ совершенно в визах. Мне точно известно, что в Париже русскими визами заведует русский б[ывший] офицер Белой армии Повало-Швейковский, который в каждом случае дает свое заключение.

Устранение из Университета профессоров: Кареева, Платонова, Гревса, Приселкова, Заозерского, Вульфуса, Добиаш-Рождест-

¹ В подлиннике слово этого вписано Строминым без особой отметки.

² В подлиннике слово избрания вписано Строминым без особой отметки.

³ В подлиннике слово почти вписано Строминым без особой отметки.

венской, Николаева, Маяковского, Рождественского¹ и других — являлось постоянным аргументом для дискредитации Университета. Для точности должен еще² прибавить, что я отказался от ректорства в Университете, не чувствуя себя в силах взять на себя ответственность за ведение такого учреждения.

Организация вела также соответствующую работу среди школьной молодежи, сводившуюся к противодействию влиянию сов[етской] действительности и политич[ескому] воспитанию сов[етской] школы. Для этой цели через преподавателей средних учебных заведений, близких к организации, на молодежь влияли в сторону пробуждения любви, интереса и сочувствия к минувшему строю и возбуждения антипатии к комсомолу, пионерорганизациям, антирелигиозным кружкам, выставкам и т. д. Этому противопоставлялось воспитание детей на дому, группами, с приглашением подходящих преподавателей, влияние семьи и домашней обстановки.

Как уже выше было указано, Платонов постепенно превращал собрания в квартире президента А[кадемии] н[аук] Карпинского в орудие для достижения целей организации. Так как все наиболее острые вопросы разрешались там предварительно в неофициальном порядке, Платонов постоянно проводил свои планы именно в этом порядке. Так ему удалось провести в А[кадемию] н[аук] Жебелева, Любавского и много других в члены-корреспонденты А[кадемии] н[аук]. Там же ему удалось провести защиту Жебелева во время общественной кампании против последнего из-за его статьи в белогвардейском сборнике памяти³ Смирнова (Семинариум Кондаковичанум). Аналогичную роль он сыграл и во время кампании против Карского за его идиллическую⁴ картину жизни польского крестьянства, помещенную в своем отчете по научной заграничной командировке.

Там же проводилась определенная линия, которая в одном случае тормозила, а в другом ускоряла и облегчала начинания и мероприятия, которые были выгодны организации. Это имеет отношение к экспеди-

¹ В копии слова Устранение из Университета профессоров: Кареева, Платонова, Гревса, Приселкова, Заозерского, Вульфуса, Добиаш-Рождественской, Николаева, Маяковского, Рождественского *подчеркнуты красным карандашом.*

² В подлиннике наречие еще вписано Строминным без особой отметки.

³ В копии вместо памяти напечатано в память.

⁴ В копии вместо идиллическую напечатано идеологическую.

ционно-исследовательским работам А[кадемии] н[аук]. Проводилось это вместе с Ферсманом (об этом см. ниже).

Имела также место известная работа по захвату Палестинского Об[ществ]а, имеющего, во-первых, большую собственность в Сирии и Палестине, а, во-вторых, громадные связи и влияния во всех восточных патриархатах и в православном духовенстве вообще, как в СССР, так и за его пределами. После смерти акад[емика] Успенского делами Палестинского общества занялся В. Н. Бенешевич, который совместно с Платоновым должен был создать также управление Об[ществ]ом и его имуществом, при котором вмешательство сов[етских] органов власти было бы устранено. По предложению Платонова для перевозки в СССР библиотеки и имущества б[ывшего] Русского Археологического ин[ститу]та в Константинополе был командирован в Константинополь близкий к организации М. Д. Беляев (сотруд[ник] Пушкинского Дома). Здесь тоже сказалось стремление Платонова взять в свои руки и это дело.

Влияние в духе идей организации проводилось также в деятельности Об[ществ]а любителей древней письменности — членами организации Платоновым, Лихачевым, Рождественским и Приселковым. Последствием такого влияния было то, что Об[ществ]о превратилось в место собрания¹ единомышленно настроенных людей и место возможного хранения и сокрытия ценностей и других необходимых² организации предметов.³

Секретарь Об[ществ]а Мария Семеновна Майкова, по директивам Платонова, должна была, между прочим, во время изъятия церковных ценностей содействовать сокрытию в помещении Об[ществ]а церковных ценностей, которые должны были быть туда доставлены из угрожаемых (в смысле изъятия церковных ценностей) церковных помещений. Платонов, Лихачев и Рождественский, говоря об этом плане, называли, кроме этого Об[ществ]а, и музей Лихачева. От Богословского мне стало известно, что в Ленинграде и Москве удалось таким путем кое-что спасти. Имелось в виду скрыть таким образом и вещи художе-

¹ В копии это и предыдущее предложения подчеркнуты красным карандашом.

² В подлиннике слово необходимых вписано Строчиным без особой отметки.

³ В копии абзац отчеркнут красным карандашом.

ственного значения, принадлежавшие частным владельцам, причем при возможной в будущем их продаже помимо соввласти часть вырученной суммы шла бы в пользу их быв[ших] владельцев, а часть в пользу организации. Как мне известно от Нины Сергеевны Платоновой, Майкова в 1929 г. распродала некоторые вещи из Об[щест]ва с целью поддержания бедствующих членов семьи Шереметьевых¹, живущих в Москве.

По пункту «В». Одной из главных задач организации было создание инженерно-технических кадров, которые могли бы в своей практической работе служить ее целям как до, так и после восстания против соввласти. На заседаниях Платонов указывал, что вредительство должно стать необходимой формой борьбы во всех областях жизни, где только представляется возможность нанести ущерб соввласти.

Эта деятельность стала особенно заметной после тесного сближения Платонова с акад[емиком] Александром Евгеньевичем Ферсманом, который сочувственно отнесся к идеям организации и согласился использовать свое влияние и связи для организации такой работы среди инженеров и техников.

Платонов мне рассказывал в 1928 г. по этому поводу, что Ферсман, будучи враждебно настроен по отношению к соввласти с первых времен революции, всегда старался использовать свою деятельность в ущерб соввласти, и когда он предложил ему работать в контакте с организацией, Ферсман сразу же согласился.

Сплочению инженеров, техников и других специалистов придавалось очень большое значение, и в этом отношении Платонов всецело надеялся на Ферсмана.

В том же 1928 г. Платонов сообщил мне лично, что Ферсман развивает работу довольно успешно и что налицо имеются уже результаты, выражающиеся в том, что экспедиционно-исследовательская деятельность используется соответствующим образом, что образован кружок инженеров и техников, что Ферсман усиливает свое влияние в клубе инженеров и что завязываются тесные сношения с отдельными крупными фирмами за границей, которые окажут помощь антисоветскому движению.

¹ Так в подлиннике; правильно Шереметьевых. В копии вместо Шереметьевых напечатано Шереметьева.

В связи с этим Платонов рассказал мне, что Ферсман в одной из последних экспедиций определил местонахождение ценных залежей какого-то металла и продал это¹ топографическое указание крупной германской фирме за очень большую сумму, из которой передал на нужды организации 50 000 марок.

Говоря о соответственном использовании экспедиционных работ А[кадемии] н[аук], Платонов имел в виду то, что эти работы направляются сплошь и рядом с целью сбора сведений о естественных богатствах СССР и утилизации этих сведений во вред соввласти.

Ведение экспедиционных работ в отдаленных местностях СССР позволяет также проводить агитационную работу среди инородцев. Платонов при этом утверждал, что во всякой сколько-нибудь значительной экспедиции руководящие посты заняты хорошо проверенными Ферсманом людьми, и что вообще экспедиции комплектуются им по личному выбору, а те экспедиции, в которых Ферсман так или иначе не заинтересован, почти не реализуются, т. к. они не проходят через Президиум и другие органы Акад[емии] наук, а если и проходят, то в очень урезанном виде в смысле широты работы и ассигнования средств. Вообще все направление материальной жизни А[кадемии] н[аук] зависело больше всего от Ферсмана, чей авторитет был решающим. Говорилось даже, что в А[кадемии] н[аук] создано такое положение, будто осуществляются такие планы работ, которые стоят в прямом противоречии Госплану (имеется свой Госплан).

Из отдельных подробностей вредительской работы в области экспедиционных исследований следует отметить, что, помимо того, что секреты о местонахождении подземных богатств продавались частным фирмам за границу, на организацию экспедиции тратились несоразмерно большие суммы, и не все действительные результаты произведенных исследований производились² достоянием гласности.

Касаясь организации Ферсманом кружков среди специалистов разных областей, Платонов сообщил мне, что существует кружок инженеров, в котором, между прочим, состоят близкие к Ферсману Двигубский, Длугановский, кто-то из членов правления клуба инженеров,

¹ В копии вместо это напечатано ес.

² Так в подлиннике.

Вейнберг, Тихонов¹, Петров, Езерский, Гальнбек, Домбровский, Кононов и Крыжановский. Более подробно об этом кружке показать ничего не могу и допускаю, что эти фамилии были названы не в связи только с кружком, а и в связи с другими сторонами деятельности Ферсмана.

С вредительством в экспедиционно-исследовательских работах А[кадемии] н[аук] связываются как-то близкие к Ферсману лица, работающие в аппарате А[кадемии] н[аук]: Руденко, Халтурин, Раевский и Виттенбург, но ничего определенного об их деятельности я не знаю.

К характеристике Ферсмана могу еще прибавить, что в первые годы после Октябрьской революции Ферсман выступал против соввласти публично и, стараясь еще² тогда объединить технические силы России во «Всероссийскую Ассоциацию научных работников и специалистов», дал лозунг, сводящийся примерно к тому, что «все мы отрицательно относимся к большевизму и стараемся сохранить при этой по существу разрушительной стихии все культурные ценности, какие можно сохранить». Тогда эта ассоциация вскоре была ликвидирована как антисоветское объединение специалистов. Между прочим, известен такой факт: Ферсман, будучи приглашен в первые годы после революции для оценки бриллиантов короны, дал, во-первых, не соответствующую действительности оценку, а, во-вторых, лично связался с предполагаемыми покупателями и вел с ними какие-то переговоры. Это рассказал мне акад[емик] Федор Иванович Успенский, узнавший об этом, в свою очередь, от отца Ферсмана.

По-видимому, с конспирацией у ферсмановской группы не совсем обстояло благополучно. Мне совсем случайно в квартире доктора Римана пришлось говорить с проф[ессором] ЛГУ Владимиром Даниловичем Зеленским, который, рассказав мне что-то о Ферсмане, назвал его «обер-вредителем», вредительствующим соввласти в пользу иностранного капитала. На мое возражение и указание, что он за границу вовсе не ездил, Зеленский ответил, что «он нужен за границе и она едет к нему».

Платонов желал также привлечь к организации акад[емика] Иоффе и группу его учеников, т. к. думал, что Иоффе, продавший свое изобретение в Америку, держится антисоветских взглядов. Стремление было

¹ В подлиннике фамилия Тихонов вписана Строминным без особой отметки.

² В подлиннике наречие еще вписано Строминным без особой отметки.

создать такое положение, при котором на транспорте, водопроводе и электростанциях были свои люди, которые в решительный момент могли парализовать эти учреждения; вообще считалось, что организовать инженеров не так трудно, что на них можно рассчитывать и что вредительство есть поэтому неизбежный и роковой факт для соввласти.

Большой ущерб соввласти наносило также участие Платонова в польско-советской комиссии по выполнению Рижского мирного договора в части, касающейся возвращения Польше культурных ценностей в виде книг и рукописей, хранящихся в Гос[ударственной] Публичной библиотеке в Ленинграде.

В этой комиссии Платонов постоянно, в случаях разногласия между советской и польской делегациями, становился на сторону поляков, которые таким образом получали много ценностей, на которые они не имели никакого права рассчитывать. Я также был членом этой комиссии и непосредственно наблюдал эту деятельность Платонова.

Платонов был связан с председателем польской делегации Усасом, который каждый раз выражал полную уверенность, что претензии польской стороны будут поддержаны, удовлетворены Платоновым, имеющим по своему авторитету и положению (представитель Наркоминдела) решающее значение. Все это отчасти делалось Платоновым в видах установления хороших отношений с Польшей, участие которой в будущей интервенции учитывалось Платоновым.

Сокрытие актуальных государственных секретных документов в учреждениях Акад[емии] наук, проводившееся в течение ряда лет, носит сугубо политический характер, т. к. в этих документах были данные о деятельности отдельных лиц и групп, которые важно скрыть от соввласти. В особенности имеет политическое значение сокрытие актов об отречении от престола Николая и Михаила Романовых. Сокрытие подлинников отречения могло бы при известных обстоятельствах в интересах реставрационных целей позволить отрицать добровольный характер отречения быв[шего] царя и всей династии Романовых. Здесь следует отметить, что второй подлинник отречения Николая II-го, увезенный из Пскова Шульгиным и Гучковым, пропал 3-го марта 1917 г. в Петрограде (об этом было заявлено самим Гучковым).

Как уже было выше указано, вредить соввласти следовало, где только возможно. Даже работая в Центрархиве, Платонов полагал, что возможно и нужно снимать копии с документов для опубликования или отсылки за границу, в особенности тех из них, которые могут быть скрыты соввластью.

То же самое делал сам Платонов в бытность свою зам[естителем] зав[едующего] Главархива. Он же, по словам эмигранта, быв[шего] приват-доцента Ленингр[адского] университета Готовцева, намерен был снабдить редактора «Архива русской революции» Гессена Иосифа Владимировича историческими документами.

К этой же области фактов относится <намерение> деятельность¹ организации по части срыва участия А[кадемии] н[аук] в торжествах правительственного характера. Между прочим, когда в Ленинграде был назначен прием б[ывшего] афганского падишаха Амануллы Академией наук, организацией была проведена агитация за бойкот академиками этого приема, чтобы продемонстрировать отсутствие солидарности А[кадемии] н[аук] с соввластью, и действительно, в день приема было всего до 15, а может быть, и меньше присутствовавших. Президиум был доволен, что вследствие внезапной болезни жены Амануллы прием не состоялся, т. к. иначе эта демонстративная неявка произвела бы большое впечатление. Я лично на приеме был.

По пункту «Г». Серьезной задачей организации считалась подготовка кадров будущих деятелей нового строя, причем одним из средств для этого являлось завоевание молодежи, объединение и в отдельных нелегальных и полулегальных кружках и организациях антисоветски настроенной интеллигенции, причем одновременно в разных городах СССР и прежде всего в городах университетских.

Филиалы организации.

Ответвления организации в других городах начали образовываться с 1926 г.² и уже к концу 1929 г. существовали в Москве, Харькове, Минске, Киеве, Одессе, Саратове и Полтаве, основаться должны были

¹ В подлиннике вместо зачеркнутого намерение Строминим вписано деятельность без особой отметки.

² В копии слова Ответвления организации в других городах начали образовываться с 1926 г. подчеркнуты красным карандашом.

еще в Самаре, Перми, Курске, Тифлисе, Баку, Томске, Владивостоке и Екатеринославе.¹

В местных филиалах состояли²:

1) Москва — Богословский, Любавский, Егоров, Яковлев Алексей Иванович, Бахрушин Сергей Васильевич³, Готье Юрий Владимирович, Веселовский Степан Борисович, Дживилегов Алексей Карпович, Бого-явленский (служ[ащий] Центрархива) и другие в общем количестве до 30 чел[овек]. Инициаторами и руководителями московского филиала организации были Богословский и Любавский. После смерти Бого-словского руководство осталось за Любавским и Егоровым.

В основном задачи филиалов, и, в частности, филиала московского, сводились к проведению тех же принципов, что и в центре. Поддерживая тесную связь с центром в лице Платонова и моем, руководители московской группы Любавский, Егоров и Готье снабжали организацию сведениями о настроении местной интеллигенции, о ходе антисоветской агитации, о слухах и новостях политического характера, исходящих из правительственных кругов, о деятельности группы по расширению своего состава, о работе вновь образованного исторического кружка Д. Н. Егорова, о положении церкви в Москве и центр[альных] губерниях, о текущей работе Наркомпроса и Ученого комитета при Совнаркоме и деятельности Коммунистической академии с критическими замечаниями, о деятельности оппозиционного крыла в Научно-исследовательском институте истории, о подготовительной и практической работе по распределению денег среди духовенства (полученных от Ватикана), о работе среди духовенства вообще (кружок недуховных лиц устраивал периодические собрания, на которых участвовали помимо членов кружка духовные лица ближайших провинциальных городов, как то: Клин, Тверь⁴ и т. д.), о работе среди преподавателей и учащихся высшей и средней школ, о полученных через члена группы Яковлева Алексея Ивановича, работающего в ВСНХ, сведениях об экономическом положении СССР, о распространении гектографированного, непериодически выходя-

¹ В копии вместо Екатеринославе напечатано Екатеринославле.

² В копии слова В местных филиалах состояли подчеркнуты черным карандашом.

³ Так в подлиннике и копии; правильно Владимирович.

⁴ В подлиннике слово Тверь вписано Строминным без особой отметки.

щего журнала под названием «Старое и новое», антисоветского направления и т. д.¹

Кружок Егорова существовал как отдельная ячейка московской группы организации. Состоял он из учеников и учениц Егорова и занимался критико-библиографическим учетом мировой историографии и в антимарксистском духе. Одновременно члены этого кружка выступали на заседаниях научно-исследоват[ельского] института истории, где считались правой оппозицией. Среди членов кружка находятся Фейнберг (ж[енщи]на) и Канчаловский² (историк)³.

Кружок из духовных лиц был организован Богословским еще, если не ошибаюсь, в 1925 г. Этот кружок жил кипучей жизнью, занимаясь систематизацией сведений о преследованиях со стороны соввласти и выработкой директив для выступлений духовенства с проповедями антисов[етского] характера, причем конспекты этих проповедей гектографировались и широко распространялись в церквях, притом не только в Москве и других ближайших губерниях, но даже, например, на Кавказе. Богословский возлагал на этот кружок большие надежды, и он действительно был весьма активным и имел большие практические достижения. Всего он объединял до 40 (сорока) человек священников, в том числе запомнившихся мне священников города Москвы Ахшарумова и Никитского (родственник б[ывшего] акад[емика] Александра Никол[аевича] Никитского). Собирались они иногда на частных квартирах и чаще всего в церквях, и главным образом, в церкви напротив «Храма Христа Спасителя». Таких церквей было всего три, они находились полностью в руках членов кружка и представляли поэтому для собраний большое удобство в конспиративном отношении. Богословский, между прочим, рассказывал мне, что зимой собираются гораздо реже из-за холода; в частных же квартирах вследствие московской жилищной тесноты собираться почти невозможно. Кружок получал довольно регулярно из-за границы «Церковный вестник» и держал в курсе членов кружка о церковных спорах белой эмиграции (между Евлогием и Антонием). На собраниях читались также

¹ В копии слова неперiodически выходящего журнала под названием «Старое и новое», антисоветского направления и т. д. *отчеркнуты простым карандашом.*

² Так в подлиннике и копии; правильно Кончаловский.

³ В подлиннике слова и Канчаловский (историк) *вписаны Строминным без особой отметки.*

рефераты. Как о достижении кружка Богословский говорил о церковных ценностях, которые после нескольких лет сокрытия в провинции были членами кружка свезены в Москву в одну из церквей (где происходили собрания) и впоследствии были постепенно распределены по разным церквям. Рассказывая мне о рефератах, читающихся на собраниях кружка¹, Богословский как-то отметил два из них (на тему) по поводу юбилея Сергея Булгакова и книги «Теории Эйнштейна и религия».

Возвращаясь к деятельности самого московского филиала организации, должен еще добавить, что наиболее видные его члены образовали на месте в частных квартирах своих последователей зародышевые ячейки, где читались рефераты на научные и политические темы с целью пропаганды среди молодежи. Работа московского филиала распространялась на интеллигенцию не только Москвы, но провинции, где именно московская группа намечала пункты, удобные для основания новых разветвлений.

2) Х а р ь к о в е — Бузескул Владислав Петрович и Багалеи Дмитрий Иванович. Других не знаю. Основание харьковского филиала нашей организации отношу к 1927 г., когда произошло более тесное сближение между Платоновым и Бузескулом на почве очень решительной борьбы за проведение Сергея Александровича Жебелева в академики. Бузескул в связи с этим, бывая часто в Ленинграде и Москве, вошел тогда в организацию и должен был организовать разветвления на Украине и в Харькове в первую очередь. Приезжая в Ленинград, он подробно сообщал Платонову и мне о жизни украинской интеллигенции и положении дел в средних и высших учебных заведениях. В основном деятельность харьковского филиала должна свестись к тому же, что делалось в Москве, <при> с тем прибавлением, что он (филиал) должен был вести определенную борьбу с украинизацией и известную работу в Украинской Академии наук. Из достижений харьковского филиала можно отметить, что ему удалось организовать один² кружок из молодых ученых, преимущественно гуманитарных специальностей и другой из преподавателей средней школы. Последний кружок проводил систематическую работу против украинизации средней школы и добивался разрешения на открытие среднего учебного заведения с

¹ В подлиннике слова читающихся на собрании кружка вписаны Строминным без особой отметки.

² В подлиннике слово один вписано Строминным без особой отметки.

преподаванием на русском языке. Персонально членов этих двух кружков я назвать не могу, т. к. Бузескул мне лично никого по фамилии не называл. По общественному положению члены кружков являлись аспирантами, лаборантами, приват-доцентами и преподавателями Харьковского И[нститута] н[ародного] о[бразования] и ряда местных школ I-й и II-й ступени. Кроме того, Бузескул привозил сведения о положении украинского духовенства и церковей. Он же принимал активное участие в распределении денег, полученных от Ватикана, нуждающемуся украинскому духовенству. Я не знаю твердо, было ли фактически это распределение начато уже, во всяком случае предварительные сведения <бу> о нуждающемся духовенстве Бузескул, по словам Платонова, (уже) собирал.

3) К и е в е — о составе этого филиала я не осведомлен. Знаю только со слов Бузескула, что ему удалось там организовать кружок из местных ученых, работающих в Академии наук и И[нститута] н[ародного] о[бразования], и что во главе его стали акаде[мик] Грушевский и проф[ессор] Довнар-Запольский.

4) М и н с к е . Пичета и Ясинский Антон Никитич (акад[емик] Белорусской Акад[емии] наук). Помимо общих задач организации, этот филиал задавался целью связаться с учеными, работающими в белорусских частях Польши на основе идей организации, с одной стороны, и белорусского сепаратизма, с другой.

Этому филиалу предстояло также развить большую деятельность в связи с пропагандой унии церковей, для которой, по мнению всех в Белоруссии, имеется благоприятная почва.

Во главе филиала стоял Пичета, вступивший в организацию в 1927 г. через московских членов организации. Я предполагаю, что он, Пичета, вошел¹ в организацию еще до 1927 г., еще в бытность свою в Москве. Об общем составе филиала я подробностей не знаю и имею только самое общее представление. В центре, здесь, полагали, что Пичета сумеет облегчить укрепление связи организации с Литвой и Польшей и подготовить почву² для их участия в будущей интервенции в СССР.

¹ В копии вместо вошел напечатано пошел.

² В подлиннике слово почву вписано Строминым без особой отметки.

5) *О д е с с е* . Об этом филиале я также имею только общее представление. По рассказам Бузескула, там основан кружок, который развивает только предварительную работу по организации. Кто стоит во главе кружка и из кого персонально он состоит, я не знаю.

6) *П о л т а в е* . Об этом филиале я имею такие же сведения, как об Одессе, и тоже от Бузескула. Кружок, там основанный, состоял из преподавателей местного И[нститута] н[ародного] о[бразования].

7) *С а р а т о в е* . Там Платонов рассчитывал на Чернова, Любомирова (оба историки и ученики Платонова), которые группируют вокруг себя учеников, как своих, так и преподававших там Франка С. и Федотова Георгия Петровича, находящихся в белой эмиграции. В какой степени филиал уже оформился, я сведений не имею.

В городах: Самаре, Томске, Владивостоке, Тифлисе, Баку, Перми, Курске и Екатеринославе предпринимались предварительные меры к основанию в будущем филиалов. На заседаниях организации вопрос этот разрешался принципиально. Предполагалось установить связь с живущими там единомышленниками через московский филиал, а затем уже приступать к практической работе на местах.

То обстоятельство, что о работе местных филиалов я не имею полных данных, объясняется тем, что этим вопросом занимался лично Платонов и отчасти Измайлов, Рождественский и Богословский. Всякие сведения о работе на местах центр организации получал при личных приездах из Харькова и Москвы или при поездках Платонова в Москву; Пичета, не бывавший в Ленинграде, делился результатами своей работы с Любавским и Богословским в Москве, где он часто бывал. Там же он встречался и с Платоновым.

Обсуждение в центре принципиальных вопросов происходило с таким расчетом, чтобы москвичи могли участвовать. Приезжали же они почти ежемесячно на собрания А[кадемии] н[аук]. Между прочим, с целью организации местных филиалов имелись в виду поездки под видом лекций и командировок по различным поводам. На Кавказе предполагалось связаться с армянским Дашнакцутюном¹ и быть в курсе Пан-турецкого² движения. Что касается гор[ода] Баку, то там предполагали опереться на быв[шего] преподавателя Женского пед[агоги-

¹ В копии вместо Дашнакцутюном напечатано Дашпанцутюном.

² Так в подлиннике.

ческого] ин[ститу]та Фридолина, а в Тифлисе на проф[ессора] греческой литературы Григория Филимоновича Церетели, близкого друга Жебелева, Ростовцева и Платонова.

Когда на заседаниях возникали вопросы материальные, Платонов постоянно заявлял, что деньги имеются и затруднения в этом не предвидятся. Присутствовавший на этих заседаниях Измайлов каждый раз обращал внимание на полезность организации филиалов в том или ином городе с военной точки зрения.

Кружки организации в Ленинграде

Организация стремилась объединить в своих рамках не только различные партийные течения, но и разные течения в оппозиционно настроенной интеллигенции. Здесь в Ленинграде удалось постепенно связаться со следующими кружками, из которых некоторые существовали <уже> еще¹ до возникновения организации.

1) Кружок молодых историков.

Он образовался в 1922 г. из учеников Платонова, Кареева, Рождественского, Вульфуса, Преснякова² и моих. С целью совместной проработки научных и политических вопросов. Участниками его постепенно стали следующие лица: 1) Тхоржевский, 2) Данини Софья Михайловна, 3) Шатилова Таисья Ивановна, 4) Шebuнин Андрей Николаевич³, 5) Гринвальд Маргарита Константиновна, 6) Романов Борис Александрович, 7) Корнилович Ольга Ефимовна, 8) Штакельберг Наталья Сергеевна, 9) Цемш Николай Сергеевич, 10) Введенский Андрей Николаевич, 11) Насонов, 12) Петров Евгений Николаевич, 13) Сигрист Сергей Викторович, 14) Либталь Маргарита Эмильевна⁴, 15) Измайлова-Платонова Наталья Сергеевна, 16) Степа-

¹ В подлиннике слово еще вписано Строминным вместо зачеркнутого уже без особой отметки.

² В копии слова Он образовался в 1922 г. из учеников Платонова, Кареева, Рождественского, Вульфуса, Преснякова подчеркнуты черным карандашом.

³ В копии слова Шebuнин Андрей Николаевич подчеркнуты черным карандашом.

⁴ В копии слова Либталь Маргарита Эмильевна подчеркнуты черным карандашом.

нов, 17) Буковецкая Мария Аркадьевна, 18) Платонова Нина Сергеевна, 19) Петров Владимир Алексеевич (служ[ащий] Архива), 20) Матковская Зинаида Николаевна, 21) Садиков Петр Алексеевич, 22) Васильев Александр Александрович, эмигрант, 23) Федотов¹ Георгий Петрович — эмигрант, 24) Вульфийус Александр Германович, 25) Заозерский Ал[ексан]др Иванович, 26) Рождественский Сергей Васильевич, 27) Платонов Сергей Федорович и я, Тарле Евгений Викторович. Возможно, что в нем состояли и другие, но фамилии их сейчас не помню. Сразу же после организации кружка общее настроение его определилось как резко оппозиционное по отношению к соввласти при враждебной марксизму идеологии.² На регулярных собраниях, устраивавшихся на квартирах Штакельберг, Либталь³, Платонова, Гринвальд и др[угих] членов кружка, читались рефераты на⁴ научные и политические, антисоветские темы⁵. Почти всегда говорилось о текущих политических событиях внутри и вне СССР. Я лично делился впечатлениями от поездки моей во Францию в 1927 г. и рассказывал членам кружка о положении разных течений белой эмиграции, о ее прессе, о материальных условиях эмиграции, учебных заведениях и т. д. Мне задавались различные вопросы из этой области и о жизни отдельных лиц, как например⁶, Карсавина, Федотова, Лапшина, Лосского, Вернадского, Мякотина и др[угих], специально интересовались евразизмом и его вождями, Савинским⁷ и др[угими]. Общее настроение было в пользу эмиграции, и всячески было подчеркнута сочувствие к их бедственному положению, жизни на чужбине и т. п. При мне также много говорилось об изгнаниях из высших уч[ебных] заведений по классовому и полит[ическому] признаку целого ряда преподавателей в Ленинграде, Москве и провинции, и в том числе из среды членов кружка. Говорилось также об отсутствии в СССР свободы печати, преподавания, собраний и личности; о многих невзгодах, сыпавшихся на членов кружка,

¹ В копии вместо Федотов напечатано Федоров.

² В копии данное предложение подчеркнуто черным карандашом.

³ В копии фамилия Либталь подчеркнута черным карандашом двойной чертой.

⁴ В подлиннике предлог на вписан Строминным без особой отметки.

⁵ В копии слова членов кружка, читались рефераты на научные и политические, антисоветские темы подчеркнуты черным карандашом.

⁶ В копии два предыдущих предложения и слова Мне задавались различные вопросы из этой области и о жизни отдельных лиц, как например, подчеркнуты черным карандашом.

⁷ Так в подлиннике; правильно Савицким.

стесненности науки в случае отклонений от требуемой идеологии, о реформе Академии наук и т. д.

Уже в 1926 г. организация наша обратила внимание на этот кружок и начала распространять там свое влияние с тем, чтобы приблизить членов кружка к идеям и задачам организации и выработать из них деятелей для будущего государственного строя.¹

В 1927 г. Платонов обратился ко мне с предложением обратить внимание на этот кружок и произвести анализ способностей и настроений всего состава кружка с тем, чтобы ориентироваться, кого из них можно будет ввести в состав организации и соответственно использовать во время и после событий. Рождественский особенно много занимался этим кружком, постоянно бывая на его² заседаниях, преследуя ту же цель — создание кадров для «смены».

Крайне резкую позицию в разговорах и прениях по докладам в кружке заняли Заозерский, развивавший теорию, что революция есть историческое преступление, и Вульфius, представитель немецкого национального духа с оттенком лютеранского пиетизма. Его идея выражалась в том, чтобы создать в советском море капиталистический оазис, который, опираясь на Германию, стал бы исходным пунктом для антисоветского движения. Он видел свою миссию в спасении немецкого юношества от советской школы и высказывал сильное раздражение, когда он от этого юношества был отстранен и произошла реформа немецкой школы (бывшая] Петершуле), во главе которой он стоял. Между прочим, Вульфius как-то дал мне пять экземпляров немецкого протеста (напечатанного в Германии) против оккупации французами Рурской области для раздачи знакомым. Он сказал мне при этом, что он достает их из германского посольства и даст мне еще, когда распространю эти.

В кружке устраивались, вернее, отмечались, юбилеи: Кареева, Богословского, Рождественского и Гревса. Во всех случаях подчеркивались их заслуги по отстаиванию идеалистической философии истории.

Из (других) докладов членов кружка, носивших ярко политический характер, можно отметить еще доклад о сменовеховцах, о «Священном

¹ В копии данное и предыдущее предложения подчеркнуты черным карандашом.

² В подлиннике слово его вписано Строминным без особой отметки.

Союзе 1814 г.» (в связи с современностью) — Шебунин, политические впечатления от заграничной поездки — Гринвальд, и другие, названия которых сейчас уже не помню.

Кто персонально был уже вовлечен в состав организации из членов кружка, я не знаю. Была речь о привлечении Романова Б. А., Шебунина А. Н., Тхоржевского С. И., Садикова П. А., других не помню. Я лично отметил способности, научные и политические, Тхоржевского, Романова и Шебунина.¹ Между прочим, кружок собирался также в Доме ученых на наб[ережной] р[еки] Мойки, где Тхоржевский, будучи в составе администрации, предоставил им возможность легально собираться.

В общем кружок превратился как бы в ячейку организации, где под непосредственным ее² влиянием воспитывалась (обрабатывалась) группа молодых ученых в антикоммунистическом духе, для будущей (после переворота) высшей школы.³

2) Кружок Заозерского Александра Ивановича.

Возник в 1924 г. на почве отстранения его от преподавания в Университете за его принципиальную антимарксистскую полемику на лекциях и практических занятиях, когда часть его быв[ших] слушателей сгруппировалась около него для работ под его руководством над архивными материалами по изучению крупного землевладения XVIII и XIX вв. (архив Юсуповых). Составился этот кружок из Насонова, Степанова и других, в числе около 10 человек, разделявших политические антисоветские взгляды Заозерского. Из личных бесед с Заозерским относительно деятельности его кружка и выступления его членов на празднованиях годовщины основания С[анкт]-П[етер]б[ургского] университета (см. об этих собр[аниях] выше) видно, что настроение в этом кружке было очень решительным и боевым.

Члены кружка активно выступали с речами и искали случая задеть публично мероприятия соввласти.

¹ В копии данное и два предыдущих предложения подчеркнуты черным карандашом.

² В подлиннике слово ее вписано Строминным без особой отметки.

³ В копии данное предложение подчеркнуто черным карандашом.

Они регулярно очень часто собирались для обсуждения вопросов, связанных с их работой и текущими событиями. Один из быв[ших] участников этих собраний Вл[адимир] Никол[аевич] Кашин ушел отсюда, заявив, что он не может разделять принятого кружком направления в сторону реабилитации помещичьего хозяйства и замазывания темных сторон крепостничества.

Одно время в 1927 г. кружок стал заниматься изучением евразийского течения. Этому отчасти содействовало то обстоятельство, что Заозерский является другом одного из основоположников евразизма¹ Льва Платоновича Карсавина.

С целью использовать кружок и распространения своего влияния Платонов сблизился с Заозерским и Насоновым. Постепенно кружок должен был стать частью нашей организации. Между прочим, кружок этот, принимавший некоторое время участие в заседаниях кружка «Молодых историков», отказался от этого, находя настроение некоторых молодых историков слишком радикальным.

После сближения с организацией Платонов стал оказывать членам этого кружка особое покровительство, так, он помещал рефераты Насонова в «Известиях Академии наук», а Заозерский сам стал получать материальную помощь. Когда вошел в организацию Заозерский, я точно не знаю, но полагаю, что в 1927 г., когда произошло их фактическое <движе>сближение, и Заозерский был Платоновым устроен в Библиотеке А[кадемии] н[аук]. Активно против совласти Заозерский начал выступать с первых лет революции, когда он, несмотря на радикализм своих прежних взглядов, резко повернул вправо.

В 1924 г. он редактировал вместе с Приселковым журнал «Россия и Запад», и это, собственно, и толкнуло его на организацию кружка и на связь с организацией.²

3) Кружок Андреева Александра Игнатьевича.

Он возник еще в первые годы революции под руководством покойного акад[емика] Лаппо-Данилевского из членов его семинария. Политически члены кружка были солидарны со своим руководителем,

¹ В копии вместо евразизма напечатано евразийца.

² В копии данное предложение подчеркнуто и отчеркнуто красным карандашом.

заявившим позицию враждебно выжидательную по отношению к совласти. После его смерти кружок не распался и продолжал собираться в старом составе.

После оформления организации, с целью приобщения к нам и этой группы, Андреев начал влиять на нее соответствующим образом. Ядро кружка составлялось из Андреева А. И., Валка Сигизмунда Натановича и Шилова Алексея Алексеевича. Других не помню.

4) Кружок Кареева Николая Ивановича.

Образовался в 1921 г. из его учеников и слушателей по Университету и б[ывших] Высших женских курсов (Бестужевских). В состав его входили:

- 1) Попов-Ленский Иннокентий Лаврентьевич,
- 2) Данини Софья Михайловна,
- 3) Щеголев Павел Павлович,
- 4) Гринвальд Маргарита Константиновна,
- 5) Петров Евгений Николаевич,
- 6) Бирюкович Владимир Владимирович,
- 7) Кокская Елизавета Алексеевна.

Других не помню. Собирался он довольно регулярно в квартире Кареева и занимался чтением и разбором рефератов на исторические темы в антимарксистском духе. Делились также впечатлениями по текущим событиям. О всех работах кружка Кареев <отчитывался> рассказывал лично Платонову, который, в свою очередь, стремился его использовать в целях организации. Входил ли в организацию сам Кареев, я определенно не знаю.

5) Кружок Приселкова Мих[аила] Дмитриевича.

Кружок организовался в 1925 г., после увольнения его из Университета за антимарксистское направление.¹ Составился он из некоторых его учеников, объединенных по работе и подготовкам выставок быта в Гос[ударственном] Русском музее. Собирался кружок у него на квартире и занимался вопросами по истории искусства и церкви. О работе

¹ В копии данное предложение и заглавие подчеркнуты и отчеркнуты красным карандашом.

кружка Приселков говорил лично с Платоновым, с которым он идейно сближился в 1926 г. Персональный состав кружка мне неизвестен.¹

6) Кружок Гревса Ивана Михайловича.

Он возник с первых лет революции и особенно деятельным стал со времени увольнения из Университета его, Гревса, и его наиболее близкой ученицы и последовательницы Добиаш-Рождественской Ольги Антоновны. По своему составу он был довольно многочисленным, но известны мне немногие:

- 1) Бахтин Всеволод Владимирович,
- 2) Федотов Георгий Петрович — эмигрант,
- 3) Федотова-Нечаева Елена Никол[аевна] — эмигрантка,
- 4) Недзведская Ольга Конрадовна,
- 5) Скржинская (служ[ащая] Ак[адемии] ист[ории] мат[ериальной] культуры),
- 6) Ославская, служ[ащая] Гос[ударственной] Пуб[личной] библиотеки.

Других не знаю. Общее направление было антисоветское и церковное. Собирались регулярно и на разных квартирах, главным образом у Гревса и у Добиаш-Рождественской. Идейное сближение Платонова с Гревсом последовало в 1925 и 26 гг. Тогда же Гревс и начал делиться результатами своих работ в кружке с Платоновым. Вступление его в организацию относится, по моему мнению, к 1927 г. Гревс одновременно участвовал в других кружках, и в том числе в кружке Ивана Дмитриевича <Гревса> Андреева. Последний рассказывал мне, что на собраниях его кружка Гревс выступает в качестве непримиримого противника марксизма и соввласти вообще.

7) Кружок Андреева Ивана Дмитриевича.

Он образовался в 1920 г. из учеников и слушателей Андреева по Духовной академии и Университету и занимался, по словам самого Андреева, «боевыми вопросами практической церковной политики». Он был чрезвычайно активным и рассчитывал заняться широкой агитацией.

¹ В копии это и три предыдущих предложения подчеркнуты и отчеркнуты красным карандашом.

тацией среди верующих города и деревни в церквях и даже в средней школе среди учащихся.

В кружке регулярно обсуждались события в церковной жизни русской эмиграции и прочитывалась получавшаяся нелегально из-за границы церковно-политическая литература. Ориентировался кружок на архиепископа Евлогия, которого считали единственно законным преемником Тихона и главою русской церкви эмиграции. Он также был связан с Союзом христианской молодежи и получал оттуда еще со времени работы в России АРА¹ материальную помощь. Кружок печатал нелегальные листовки для распространения в церквях и даже вне Ленинграда.

Боевым делом кружка была организация оппозиционных выступлений на антирелигиозном митинге и дискуссиях. Постоянной целью была выработка хорошо подготовленных кадров воинствующего духовенства. Платонов, узнав о деятельности кружка, связался тесно с Андреевым и включил его в систему нашей организации. После смерти Андреева в 1926 г. кружок не распался, и Платонов связался с его заместителем. Персональный состав кружка мне не известен, но знаю, что многие из них окончили Университет, Духовную академию, некоторые только Духов[ную] семинарию и <многие из них> в настоящее время состоят преподавателями средней школы. Из фамилий членов кружка, случайно мне названных Андреевым, вспоминаю преподавателя физики Орловского, преподавателя Анфилова и родственника члена-корреспондента А[кадемии] н[аук] Глубоковского. В организации, в частности Платонов, возлагали на этот кружок большие надежды.

Как уже было выше указано, между этим кружком и кружком Гревса существовала живая связь. Члены обоих кружков читали рефераты друг у друга и были в курсе текущих интересов и дел. Между прочим, Андреев сказал мне, что он приготовил большую речь для юбилея Гревса, которая отметит заслуги Гревса в деле борьбы за идеалистическое мировоззрение и отстаивание духовного наследия старой России.

¹ В копии вместо АРА напечатано АКА.

8) Кружок Шебунина Андрея Николаевича.

Основался в 1928 г. из учеников средних учебных заведений, где он, <сам> Шебунин, сам преподавал. О его существовании я узнал от Платонова и Рождественского, которые назвали из его кружка наиболее способных учеников Шебунина, на которых он влияет в смысле общественного и политического воспитания. Относительно его численности не говорилось.¹

9) Кружок Гирса Мих[аила] Михайловича.

Об этом кружке я определенного ничего не знаю. Помню, что Бенешевич неоднократно говорил мне, что у него есть какие-то совместные заседания с Гирсом. Очень хорошо о Гирсе отзывался также и Платонов, считавший его лучшим своим осведомителем по делам Академии истории матер[иальной] культуры и Азиатского музея А[кадемии] н[аук].

По пункту «Д». Подготовка сил и средств для вооруженного восстания против сов[етской] власти находилась всецело в руках Измайлова Николая Васильевича, единственного военного специалиста в ядре организации.

Эта область деятельности была весьма развита и строжайше законспирирована. Она сводилась: 1) к подготовке и выяснению кадров участников будущего восстания, 2) выработке планов восстания, 3) к приобретению оружия и его хранению в различных пунктах СССР, 4) к установлению связи с заграничными военными специалистами, в частности с белой эмиграцией в лице предполагаемого диктатора — генерала Лохвицкого, 5) к добыванию сведений о состоянии и боеспособности Красной армии и 6) к установлению и учету ответственных военно-политических, хозяйственных и административных работников сов[етской] власти, подлежащих физическому уничтожению сразу же после переворота.

Основной работ военной группы организации было стремление организации изменить существующий в СССР государственный строй путем военной интервенции капиталистических стран и вооруженного

¹ В копии заглавие и три следующих предложения подчеркнуты черным карандашом.

восстания внутри СССР враждебных сострою элементов. Строилась эта работа на предположении, расчете и уже оказывавшейся фактической помощи со стороны националистических кругов Германии, должествовавших составить главные силы предстоящей интервенции. Вопрос о кадрах разрешался в том смысле, что необходимо учесть и подготовить будущий командный состав из людей испытанных, как из бывш[их] офицеров белых армий, так и из более молодых элементов из числа семейств, пострадавших так или иначе от революции. В данном случае исходили из невозможности широкой вербовки и из убеждений, что перед самым наступлением событий важно иметь кадры командные, т. к. массы рядовых участников явятся сами.

Практическая работа началась в 1926 г., когда Измайлов и его группа, составившаяся из быв[ших] офицеров, его близких товарищей, приступила к составлению ориентировочного учета быв[шего] офицерства, живущего в Ленинграде, Пскове и провинции, в особенности на юге: в Крыму, Донской области и на Украине.

Несколько позже аналогичная работа началась среди молодежи, в значительной степени родственной белой эмиграции и семьям пострадавшим участникам белого движения при отступлении Добровольческой армии из Крыма.

По этому предварительному учету членами военной группы велись переговоры, имевшие целью, во-первых, выяснить степень готовности и дееспособности данного человека и, во-вторых, возложить на него работу по дальнейшему выяснению и вербовке новых лиц.

Одновременно велась агитационная работа в армии через молодежь, получившую соответствующую подготовку в кружках организации, в средней и высшей школе и призванную для отбытия воинской повинности, и через быв[шее] офицерство.

Ставя в пример организацию армии в Германии, группа указывала, что как немцам удалось обойти запрет создания армии путем превращения разрешенных 100 000 человек в сплошной командный состав, так и группа должна работать по германскому методу и думать только о командном составе.

Соблюдая усиленно конспирацию, вербовка производилась с таким расчетом, чтобы вербуемые, во-первых, знали бы только своих непосредственных руководителей, а, во-вторых, производили бы дальнейшую вербовку самостоятельно. Эта система приводила к решительным

успехам, в особенности на юге, где двум московским членам военной группы удалось привлечь в Киеве и Одессе нескольких настолько активных лиц, что им¹ удалось, в свою очередь, создать группу в 60–70 человек.

Сообщая об этом деле в виде примера по другому поводу, Измайлов на заседании организации рассказал, что эти люди выразили готовность помогать организации, не требуя никаких расходов. Они ограничились самыми краткими сведениями об основных задачах организации.

Группа имела также в виду частичную легализацию дела практической подготовки военных кадров путем открытия физкультурных кружков как в центре, так и на местах.

Большую работу по подготовке кадров, а также по поддержанию связи центра группы с периферией, выполняла московская группа: Измайлов постоянно лично ездил в Москву, где получал информацию как о Москве, так и о провинции.

О составе военной группы не говорилось, но иногда вспоминались отдельные быв[шие] офицеры, близкие к Платонову и Измайлову.

Среди них назывались:

- 1) Петров Александр Александрович (из БЮКа);
- 2) Бородин Аркадий Владимирович (Библиотека) АН);
- 3) Пузинский Владимир Федор[ович] (быв[ший] служащий Центрархива);
- 4) Соколов Юрий (личный знаком[ый] Платонова и Измайлова);
- 5) Плетнев (быв[ший] сотруд[ник] Архива, уехал из Ленинграда);
- 6) Габаев Григорий Соломонович (служ[ащий] Центрархива);
- 7) Первольф, быв[ший] сотруд[ник] «Нового времени» под псевдонимом «Иван Пересветов»;
- 8) Муклевич, военный публицист, живет в Москве, участник изданий Военной академии;
- 9) Дымман, был расстрелян ОГПУ в 1929 г. в числе 5-ти;
- 10) Белавенец, сотр[удник] Музея знамен и журнала «Вестник знаний», быв[ший] полковник;

¹ В подлиннике слово им вписано Строминным без особой отметки.

- 11) Измestъев Петр Павлович, быв[ший] генерал и проф[ессор] стратегии и тактики, умер в 1928 г.;
- 12) Зайончковский, автор «Истории Крымской войны», быв[ший] генерал и пом[ощник] н[ачальни]ка Запад[ного] фронта в войне 1914–17 гг., живет в Москве;
- 13) Ухтомский Николай, <бывший полковник> родственник Эспера Ухтомского, живет в Москве, быв[ший] полковник;
- 14) Шишкевич, родственник Зои Александр[овны] Шишкевич. Зав[едующий] академич[еским] представ[ительством] в Москве, живет в Москве;
- 15) Лазарев-Станищев, быв[ший] поручик, участник армии Врангеля, живет где-то в Киеве;
- 16) Зноско, быв[ший] офицер, живет в Киеве или Житомире;
- 17) Павлуцкий, быв[ший] офицер, живет или в Киеве, или в Житомире;
- 18) Шелавин, бывший офицер, живет в Москве;
- 19) Лашкуль, бывший офицер, житель юга;
- 20) Штрeнг или Шенг, быв[ший] офицер, житель Сибири (немец).

Как уже выше указал, в деле связи между военными группами провинции и Измайловым большую роль играли частные поездки Измайлова в Москву, но этим не ограничивалось, т. к. приезжали время от времени и в Ленинград к нему, Измайлову.

Мне известны три таких приезда:

1) Во второй половине 1927 г., 2) в начале 1928 г. и 3) в конце 1928 г. Приезжали сюда по одному в разные дни около десяти человек из Москвы, с юга (Киева, Донской области, Житомира) и из Сибири.

Приезжие: Павлуцкий, Зноско, Шелавин, Лазарев-Станищев и какой-то казак, фамилию которого не помню, не только¹ сделали сообщение Измайлову и Платонову о положении на местах и настроении быв[шего] офицерства, но потребовали ясности и большей определенности в смысле перспектив, срока выступления, характера интервенции и т. д. Они указали, что связанные с ними лица спрашивают у них подробности и ставят их² в затруднительное положение, т. к. им самим ничего неизвестно. Некоторые из них, указывали, что участие Польши в будущей интервенции произведет удручающее впечатление и что

¹ В подлиннике слово только вписано Строминным без особой отметки.

² В подлиннике слово их вписано Строминным без особой отметки.

стоящие за ними лица являются принципиальными противниками Польши.

Говоря о сроках возможного выступления, они ставили вопрос о необходимости сосредоточить в Москве и Ленинграде примкнувших к организации быв[ших] офицеров, которые в нужную минуту были бы своевременно на месте.

С ними обсуждался также вопрос о составлении списков активных работников соввласти, подлежащих устранению в начале событий на местах, и о необходимости усилить агитационную работу среди железнодорожников, от которых очень много будет зависеть в решающие дни. Рассказывая мне об этих приездах (главным образом, о последнем), Платонов говорил, что приезжавшие члены военной группы высказывали нетерпение и претензии на бездействие центра и, по видимому, не особенно довольны Измайловым, который намного оказался ниже их по чину.

С военной группой были также связаны некоторые видные военные специалисты, группирующиеся или работающие в Москве в Военной академии, которые принимали участие в выработке планов вооруженного восстания и захвата власти.

С ними был связан лично Измайлов. Когда он бывал в Москве, он пользовался комнатой, снимаемой Акад[емией] наук и находящейся в ведении служащей Академии З. А. Шишкевич. Последняя происходит из военной семьи, живет в среде быв[ших] военных и была тесно связана как с Измайловым, так и с Платоновым.

Помимо этого, с целью усиления военной группы, предполагалась еще выписка из-за границы, под видом иностранцев, военных специалистов из эмигрантов. Здесь, в Ленинграде, Измайлов был также связан со своими быв[шими] однополчанами, которые иногда собирались в квартире Платонова и в других местах, фамилии их я не знаю, т. к. об этом я случайно узнал от Нины Сергеевны Платоновой. Когда подводились итоги достижениям и возникали вопросы о количестве возможных будущих участников к моменту начала событий (из лиц, связанных с военной группой), были Измайловым названы такие цифры: Ленинград — 300 чел[овек], Москва с ближайшими городами — чуть не втрое больше, а группа на юге, Донской области и Украине,

составляющаяся¹ сейчас из 60–70 чел[овек], будет доведена до 500 чел[овек].

По-видимому, вербовка приняла заметные размеры. Однажды в 1927 г. я сам столкнулся с фактом, что моему дальнему родственнику Михаилу Петровичу Ревидцову, жителю гор[ода] Москвы, было известно о работе Измайлова. Он искал случая с ним связаться и расспрашивал меня, как можно его, Измайлова, разыскать. Я хотел прекратить этот разговор и, чтобы предотвратить распространение этого слуха, стал его разубеждать, но тот настаивал, говоря, что знает об этом из верного источника и обязательно хочет предложить свои услуги. Связался ли он с Измайловым, я не знаю. Во всяком случае он был крайне антисоветски настроен и был в курсе многих контрреволюционных деяний в Москве. Отец его, д[окто]р Ревидцов, рассказывал мне о нем, что он еще в 1919 или 20 гг. был связан с какой-то организацией и разбрасывал по театрам антисоветские прокламации. В 1928 г. он, М. П. Ревидцов, покончил жизнь самоубийством.

Окончательные планы восстания и овладения Ленинградом, Москвой и др[угими] пунктами зависели, главным образом, от общей политической ситуации и приближения германских интервентских войск, которые должны были выступить совместно с войсками других держав.

Планы же предварительных действий военной группы сводились в основном к содействию интервентам в том смысле, что они разрушают тыл Красной армии, расстраивают связь, транспорт, снабжение и при известном приближении иностранных армий внезапным вооруженным восстанием захватывают Ленинград, железную дорогу и Москву. До похода на Москву объявляется в Ленинграде набор добровольцев, поступающих в распоряжение подготовленных группой командных кадров.

Одновременно возникают аналогичные восстания в других городах, что, с одной стороны, затрудняет оборону соввласти, а — с другой, демонстрируют перед Европой общенародное сочувствие перевороту. Этой демонстрации организация приписывала большое политическое значение.

¹ Так в подлиннике.

Из изложенного Измайловым плана захвата Ленинграда, детально разработанного и полного топографических подробностей, мне запомнились следующие частности:

1. Кадры, стянутые своевременно из всех пунктов СССР в Ленинград, вооружаются как из уже имеющегося запаса оружия, так и из оружия¹, присланного из Германии и Франции.

2. Ленинград разделяется на отдельные стратегические секторы для производства операции по последовательному захвату существенных² пунктов города. Наличные силы группы, заранее хорошо подготовленные, распределяются по секторам и выступают согласованно с командованием интервентских войск.

3. Центр военной группы превращается в штаб восстания, который устанавливает тесную связь с иностранным командованием, представители которого заблаговременно прибывают в Ленинград.

4. Первоначальные действия заключаются в захвате важнейших учреждений, Красной армии и административной власти. Здесь пускается в ход специально подготовленный отряд из бывших офицеров, которые в момент восстания с боем проникают в эти здания и овладевают ими. Он же (отряд) овладевает складами оружия, немедленно организует снабжение участников восстания и приступает к захвату вокзалов, телеграфа, электрических станций, радиостанции, водопровода и других наиболее важных учреждений.

5. Еще до восстания и в случае его поражения организуется саботаж и вредительство во всех учреждениях, где это окажется возможным. В этом случае развивают максимально свою деятельность инженерско-технические кружки и группировки, возглавляемые Ферсманом.

6. Созданные в момент восстания сектора города продолжают существовать впредь до полного успокоения, они выполняют все административные и судебные функции, ликвидируют возможное сопротивление коммунистов, изолируют³ их по заранее подготовленным военной группой спискам и производят всякого рода репрессии.

¹ В подлиннике слово *оружия* вписано Строминным без особой отметки.

² Так в подлиннике и копии.

³ В копии вместо *изолируют* напечатано *маскируют*.

7. Полнота власти в городе, а также на территории, постепенно освобождаемой от соввласти, переходит к диктатору, который прибывает на французском пароходе вместе с набранным им штабом из эмигрантских военных специалистов. (Диктатором намечался по согласованию с французским правительством — член Высшего монархического совета генер[ал] Лохвицкий).

8. Как центральное правительство (Совет министров), так и начальники с чрезвычайными полномочиями отдельных областей, на которые делится в административном отношении Россия, назначаются и сменяются диктатором.

9. Повсеместно объявляется набор добровольцев, составляющих совместно с интервентскими войсками местные гарнизоны.

10. Предвиделась удовлетворенность переворотом со стороны крестьянства и сопротивление в рабочих центрах (Москва, Иваново-Вознесенск, Донбасс и др[угие]), что должно было затянуть борьбу.

11. Военная группа становится организующим ядром будущей российской армии.

12. Для поддержания внутреннего порядка в стране и борьбы с революционными выступлениями организуется, помимо общей полиции, специальная военно-полицейская сила в духе «Шуцкора»¹ в Финляндии. (В качестве образцов брались аналогичные учреждения в Польше и Венгрии, признавалось необходимым образовать и частную вооруженную силу по примеру Германии).

13. Армия и полиция комплектуется по классовому признаку и материально хорошо обеспечивается. Офицерские кадры комплектуются с особенно строгим разбором, причем широкий доступ открывается быв[шим] участникам белого движения и эмиграции. Особенно отмечается обязанность офицеров быть в курсе личной жизни и домашних обстоятельств своих солдат.

Изложенные детали имеют отношение к планам только вооруженного восстания. Планы интервенции стали более определенно выясняться лишь в 1928–29 гг. (Об этом см. ниже.) Что же касается вышеуказанного плана восстания, то он обсуждался ранее.

¹ В копии вместо Шуцкора напечатано Жуцвера.

Я лично присутствовал на одном заседании, когда говорилось о восстании и обсуждался этот¹ выработанный военной группой план действий. Имело это место в начале 1928 г. в квартире Платонова и присутствовали, кроме меня, Платонова и Измайлова, еще Рождественский, Богословский, Лихачев и, кажется, Андреев². Вообще же вопросы военной группы обсуждались неоднократно и сейчас затрудняюсь точно указать, когда именно и кто присутствовал на том или ином совещании.

Во время обсуждения плана действий я предостерегал от необдуманных выступлений и от слишком оптимистических выводов³. Я указывал, что все прежние попытки восстания против соввласти были лишь кусанием за икры и только раздражали и вызывали репрессии, поэтому начинать движение сейчас, не имея абсолютной уверенности в успехе, безумно и преступно. Я указывал также, что едва ли можно будет⁴ получить достаточное количество оружия для восстания здесь, внутри СССР, что же касается оружия германского, то оно может оказаться непригодным, как это было в 1916 г. с германским оружием, поставленным ирландским инсургентам. Я сделал также замечания: 1) по поводу несообразно большого количества командующих и диктаторов с неограниченной властью, 2) по поводу возможной затяжной борьбы, которая может в таком случае закончиться поражением, 3) по поводу различных неясностей: а) об участии гражданского населения; б) о взаимодействиях с иностранным командованием; в) о возможных уличных боях (вспоминая слова Троцкого, сказанные им во время наступления Юденича, что если белые войдут в город, то каждый дом превратится в крепость); г) о слишком оптимистических расчетах на большой прилив добровольцев сразу же в первые дни; д) о неизбежности появления партизанских отрядов и «зеленых»; е) о неизбежной долгой и упорной борьбе в рабочих центрах; ж) о том, что морской флот останется верным соввласти; з) что нужно иметь в виду опыт и дисциплину Красной армии и то, что многие расчеты иногда разрушаются различными неожиданностями, что соввласть поручит защиту столиц не какому-нибудь «Хабалову», а лучшим силам, и не получится ли полная отрезанность Ленинграда от России. Не помню, какие заме-

¹ В подлиннике слово этот вписано Строминным без особой отметки.

² В копии все шесть фамилий приведены в родительном падеже.

³ В копии вместо выводов напечатано выходов.

⁴ В подлиннике слово будет вписано Строминным без особой отметки.

чания были мною еще сделаны, но, разъясняя недоумения и возражения мои и других, Платонов и Измайлов указывали, что планы разработаны большими военными специалистами, и восстание не начнется без внешних условий, вполне гарантирующих успех. В отношении могущих возникнуть затруднений при овладении рабочими центрами Платонов указал, что планы все это предусматривают. Что касается того, что говорил Троцкий, то это было неверно тогда и по-прежнему устарело теперь. Я признал, что в случае победы восстания и без¹ (особых) эксцессов, действий очертя голову, обдуманно используя победу, было бы грандиозным историческим фактом.

Остальные присутствовавшие, также высказывая отдельные критические замечания, в общем отнеслись к этому плану с большим оптимизмом, чем я.

Между прочим, Платонов указал на то, что только благодаря Германии таким же образом была одержана победа над коммунистами в 1918 г. в Финляндии. Там тоже была добровольческая воинская сила, действовавшая согласованно с германским командованием, а затем, когда немцы ушли, эти воинские силы образовали гражданскую гвардию, которая и доныне остается главной охраной существующего в Финляндии строя.

Здесь следует еще отметить надежды военной группы на разлагающее влияние в Красной армии, внесенное троцкистами и правыми элементами. Измайлов подробно останавливался на расколе в коммунистической партии и высказывал мысль, что на этой почве организация может также развить свой успех.

Военная группа была весьма озабочена особой стойкостью и надежностью «частей особого назначения». Она предполагала все же проникнуть и туда и произвести соответствующую работу по агитации и учету численности и вооружения этих частей.

Большое внимание военная группа уделяла также изучению истории белого движения и анализу ошибок, его погубивших. Члены группы доставили для этого соответствующую литературу (даже дневники отдельных участников) из библиотеки Московской военной академии.

¹ В подлиннике слово без вписано Строминным без особой отметки.

Вопрос об оружии

Военная группа имела в виду получить вооружение из трех источников:

1. Из Германии. Переговоры об этом начались еще в 1926 г., когда Платонов получил обещание Отто Гетча о доставке оружия из Германии, морем через Финляндию и отчасти через посредство дипломатических представительств. Здесь имелось в виду оружие, подлежащее уничтожению, согласно Версальскому договору, но припрятанное для вооружения частных патриотических организаций вроде «Стального шлема».

2. Из Франции. Этот источник¹ выяснился в 1928 г. после того, как генер[ал] Лохвицкий примкнул к организации. Из переговоров выяснилось, что он тесно связан с французским правительством и имеет возможность получить от него² большую материальную и техническую поддержку. В начале событий Лохвицкий намеревался прибыть лично в Ленинград на пароходе из Шербура, на котором одновременно должно прибыть оружие и офицерский добровольческий отряд из эмигрантов.

3. Из запасов, находящихся внутри страны. В данном случае военная группа уже начала осуществлять свои замыслы по приобретению оружия. Оружие, составлявшее весь наличный запас военной группы, было получено: 1) на юге СССР от участников военной группы, располагавших сведениями как о спрятанных запасах оружия в Крыму и южных губерниях после отступления Врангелевской армии, так и похищенного из числа трофеев Красной армии, при окончательной ликвидации Белой армии в Крыму. Это оружие было в свое время вывезено и спрятано в Киеве, Новороссийске, Житомире³ и Люстдорфе (колония около г[орода] Одессы), а в 1927 г. вновь перевезено в Москву и Ленинград. В Ленинграде оно было частично спрятано в Пушкинском Доме, Археографической комиссии, академическом здании дома № 2 по Тучковой наб[ережной] и, кажется, в Об[ществ]е любителей древней письменности. В 1928 г., когда началась кампания против Академии наук, признано было целесообразным спрятанное оружие перевести в более безопасные места, каковыми уже раньше

¹ В подлиннике слово источник вписано Строминным без особой отметки.

² В подлиннике слова от него вписаны Строминным без особой отметки.

³ В подлиннике слово Житомире вписано Строминным без особой отметки.

были намечены: в М о с к в е — Лефортовский дом и сад при нем (дом занят Морским и каким-то другим архивом) и 2) Узкое (около Москвы), в местности, где расположен Дом отдыха ЦЕКУБУ (не в самом доме); а в Л е н и н г р а д е : дворцы и дворцовые помещения в Гатчине, Павловске и Петергофе. Пушкинский Дом, в частности, был очищен от оружия еще летом 1928 г. Кроме упомянутых мест имелось в виду еще использовать для хранения оружия усадьбу Пушкинского заповедника Псковской губернии.

Все мне стало известно по возвращении из-за границы в 1928 г. лично от Платонова. Он между прочим отметил, что при перевозке оружия в Пушкинский заповедник представились некоторые неудобства, т. к., во-первых, там незначительное помещение и, во-вторых, довольнолюдно.

2) Опять-таки от участников военной группы, которые сохранили со времени гражданской войны свое личное оружие, собрали его у своих друзей и знакомых или просто похитили из различных учреждений и оружейных заводов. Говорилось, что мастерские, производящие оружие, имеют возможность выделывать оружие сверх учета. Это оружие отчасти оставалось на руках южной военной группы, а отчасти постепенно пересылалось для хранения в Ленинграде и Москве.

Для хранения оружия, долженствовавшего прибыть из Германии, некоторое время имелось в виду купить дачу или дом в Финляндии вблизи границы. Для этого в Финляндию должен поехать лично Платонов. Были уже предприняты какие-то в этом отношении шаги в том смысле, что в Финляндии уже разыскивали подходящий дом. Встретившийся со мною в марте 1929 г. в Стокгольме близкий знакомый Платонова — гельсингфорский проф[ессор] Миккола сообщил мне, что он ждет Платонова в Финляндию, т. к. он думает купить дом около Выборга.

С такой же целью организация (военная группа) думала приобрести в аренду небольшой дом в самом Ленинграде или в окрестности. В этот дом имели в виду поселить прибывающих из провинции членов военной группы.

Оружие состояло, по словам Измайлова, из револьверов, винтовок и ручных гранат. Говорилось также о пулеметах, но как будто они остались на юге и сюда доставлены не были.

Об общем количестве имеющегося оружия не говорили, но было сказано, что его хватит на людской [состав], который сейчас имеется, и даже в том случае, если он будет увеличен.

Вполне определенно было мне Платоновым указано, что прибывшее в Ленинград оружие перевозилось в хорошо упакованном виде и здесь не распаковывалось. Под каким видом оно пересылалось, я точно сейчас не помню, но судя по словам Платонова, что упаковка была настолько искусна и можно было для переноски обращаться к помощи посторонних лиц, я полагаю <сейчас>, что упаковка имела вид груза приборов, металлических разборных полок¹ и книг.

Когда очищали академические здания от этого оружия и перевозили в вышеуказанные места, я был за границей. Позднее Платонов мне рассказывал, что помогли перевозить люди, не подозревавшие о существовании дела. Он, между прочим, упомянул сотрудника Пушкинского Дома Коплана, который также помогал перевозить этот груз, не подозревая также о том, что в нем находится.

По поводу Гатчинского дворца должен сказать, что он вообще использован организацией. Оружие было там скрыто при помощи б[ывшего] хранителя дворца Макарова или² его помощника. С обоими ими Платонов и Рождественский были в очень хороших отношениях.

Желая выяснить, насколько устранена опасность открытия оружия властями, я не скрыл от Платонова своего неудовольствия и беспокойства. (Для меня было тогда совершенной новостью, что его вообще перевезли в Ленинград), Платонов же старался меня успокоить и уверял, что зато все в полной безопасности.

Связь военной группы с ген[ералом] Лохвицким

После второй поездки Платонова за границу, согласно переговорам Платонова с генер[алом] Лохвицким, было решено, что Измайлов в качестве руководителя военной группы будет периодически письменно уведомлять Лохвицкого о работе и достижениях военной группы.

Началась эта связь с конца 1928 г., когда и было отправлено первое письмо-отчет с изложением всего, что было проделано за все время.

¹ В копии вместо полок напечатано палок.

² В подлиннике союз или изменен Строминным вместо ранее бывшего и.

Всего таких писем или рапортов (по определению Краевича и Платонова) было отправлено три или четыре: первый в конце 1928 г., второй в начале февраля 1929 г., третий в июле 1929 г. и четвертый осенью 1929 г.

Рапорта содержали сведения, располагающиеся по своему характеру на три категории:

1. О деятельности военной группы и ее предположениях.
2. Об общем политическом положении СССР, главным образом о настроениях и степени боеспособности Красной армии с документальными данными.
3. Ответы на запросы, особо ставившиеся ген[ералом] Лохвицким.

Я лично знаю и помню приблизительное содержание лишь трех рапортов. О четвертом рапорте был осведомлен случайно в Париже Борисом Константиновичем Краевичем, находящимся в курсе дел организации и этой переписки, которая велась с Лохвицким¹, отчасти через его посредство, а отчасти через посредство В. Н. Коковцова.

До отсылки первого рапорта он, Измайлов, ознакомил с его содержанием Платонова, меня и Рождественского.

Рапорт имел вид большой объемистой тетради и, по-видимому, был совершенно готов для отправки в Париж Лохвицкому.

В нем были изложены все вышеуказанные сведения о создании военных кадров, об оружии (указывалось на его недостаточное количество) и о выработанных группой планах вооруженного восстания. Планы подробно объяснялись различными справками и, кроме того, были снабжены специальными топографическими рисунками Ленинграда и подступов к нему.

Так, говорилось также об общем политическом положении СССР и о настроениях в деревнях и в Красной армии и, кроме того, о сведениях по различным специальным вопросам и запросам Лохвицкого.

Если говорить о деталях рапортов, я запомнил следующее: что мне как человеку, совершенно далекому от военных дел, показалось имеющим большой интерес.

¹ В подлиннике слова с Лохвицким вписаны Строминим без особой отметки.

Об успехах военной группы в деле увеличения кадров о том, что есть уже отборное ядро на юге в 60–70 чел[овек], которое со временем может быть доведено до 500 человек, что производящийся учет быв[шего] офицерства в северных губ[ерниях], в частности в Ленинграде и Москве, дает возможность рассчитывать на несколько сот человек, что настроение быв[шего] офицерства не переменилось, что ведется агитационная работа среди молодежи. Приводились различные характеристики Красной армии, указывалось, что в общем отражает отчасти настроение недовольной части крестьянства, что дисциплина поддерживается, но что технически она слаба, в особенности артиллерия и авиация. Говорилось о членах Реввоенсовета, в частности о Ворошилове, Буденном и др[угих], о том, что на заседаниях Реввоенсовета не ведется протокол. В доказательство технической слабости Красной армии давались статистические сведения о среднем количестве пулеметов в разных частях армии по роду оружия. О численности некоторых частей, соотношении командного состава к красноармейцам, о слабости боевой подготовки, ненадежности красноармейцев при умирении крестьянских волнений и что в таких случаях пускаются в ход только части особого назначения и т. д.

При рапорте с приложением плана вооруженного восстания в Ленинграде были приложены топографские рисунки: Финляндского и др[угих] вокзалов¹, прилегающих местностей, Выборгской стороны, Сестрорецка, пл. Урицкого (Главный штаб ЛВО), Ижоры, Красного Села, Финляндской ж[елезной] д[ороги] до Токсово (может быть и дальше, не помню) и еще некоторые другие.

В отношении наличных сил военной группы указывалось, что из части их, а также и из тех, которые группа намерена еще привлечь, будет выделен особый отряд, предназначенный для выступления в первую очередь и захвата наиболее важных военно-политических и административных учреждений и складов боевых припасов. Об этом отряде говорилось как о самом отборном, состоящем из элементов молодежи наиболее надежной, из семейств пострадавших от большевиков и желающей мстить за родителей. Отмечалось, что к началу событий все силы военной группы будут сосредоточены в Ленинграде и Москве (здесь имеются в виду не только участники, но и оружие).

¹ В подлиннике слова и дру[гих] вокзалов вписаны Строминным без особой отметки.

Об оружии говорилось, что его очень мало и что возлагают надежды на помощь из-за границы в этом отношении. В общих чертах указывалось и на получение оружия из быв[ших] складов оружия на юге СССР, из трофеев Кр[асной] армии, о похищении оружия из мастерских и красноармейских частей, а также о том, что при обнаружении в красноармейских частях пропажи оружия очень часто местное начальство старается замять дело во избежание невыгодных толков.

Давая характеристику военной авиации, говорилось, что есть надежда поместить туда своих людей, которые будут или портить аппараты, или обращать их против Красной армии в нужное время. Здесь подчеркивалось, <что> недостаток в механиках и летчиках заставляет начальство быть не очень разборчивыми при приеме новых лиц, и этим военная группа думала воспользоваться.

Посылались различные выписки из инструкции по подготовке красноармейских частей, были даже выписки из некоторых приказов, где, каким командованием на Кавказе объявлялся выговор за невыполнение каких-то заданий; из дневников пограничных маневров Кр[асной] армии на границах Польши и Румынии в 1924 или 1925 гг.

Были также сведения об объездах пограничных местностей Финляндии, Эстонии, Латвии и Польши как представителями военных властей, так и Госполитуправления. Среди последних (представителей ГПУ) поминался, между прочим¹, Озолин, которому также давались ответственные задания, но деятельностью которого были недовольны; он объезжал финляндскую и, кажется, латвийскую и эстонскую границы и впоследствии был отстранен от дел и помещен в психиатрическую больницу для испытания умственных способностей. Были еще и другие фамилии, относительно которых в конце рапортов давались личные справки. Среди других сведений осведомительного характера запомнились мне следующие:

1. Что в 1927 или 1928 г. были секретно ассигнованы большие суммы на частичное перевооружение Кр[асной] армии.

2. О том, что ведутся секретные дипломатические и военные переговоры с Турцией по поводу заключения оборонительного и наступательного союза.

¹ В подлиннике слова между прочим вписаны Строминым без особой отметки.

3. О возможности близкой войны с Польшей в союзе с Литвой и одним секретном приказе в связи с этим пограничным с Польшей войскам.

4. О намерении военной группы наладить сношения с лицами, занимающими крупное положение в армии, флоте и военной промышленности для более обильного получения сведений.

5. О падении добычи угля в Донбассе под влиянием паники инженерного личного состава в связи с недоверием, возбужденным процессом о вредительстве, с одной стороны, и озлобленностью специалистов, с другой.

6. О работе сов[етской] разведки в пограничной полосе, достигающей больших результатов, о том, что многие¹ польские офицеры и солдаты состоят на жалованьи сов[етской] разведки на польской границе.

7. О плане полного перевооружения Красной армии, рассчитанном на 3 года, после чего возможны активные военные выступления против Польши и Румынии.

8. О плохой ориентировке красного командования² в топографии Туркестана, где был случай отправки отряда красноармейцев в совершенно безводную местность, и если бы не указание Ферсмана, бывшего в то время в Туркестане, то отряд мог бы погибнуть.

9. Об обещании прислать данные о работе главного военно-химического завода, находящегося в Московском р[айо]не. В этих рапортах из конспиративных соображений не указывались точные данные о положении организации, военной группы и источника осведомления. Если иногда эти указания давались, то только в самой общей форме.

Военная группа в лице Измайлова в последнее время установила связь с находящимися в СССР поляком и финном, с которыми обменивался секретной информацией о положении СССР и Красной армии. Помещая в рапортах сведения, получаемые от этих лиц, Измайлов иногда указывал, что они получены от них.

¹ В подлиннике слово многие вписано Строминным без особой отметки.

² В подлиннике слова красного командования вписаны Строминным без особой отметки.

Во втором рапорте было указано, что сведения о Кронштадте, об охране границы собаками-ищейками, об авиационных полетах на границе Финляндии, произведенных военных закупках сов[етским] военным ведомством в Гельсингфорсе и Стокгольме, получены от финна, а сведения о недостатке лошадей в коннице, о новых попытках басмачей возобновить борьбу в Средней Азии и об антисоветском движении в Туркестане вообще, об арестах красноармейцев по политическим причинам, о голоде в Сибири и падении добычи угля в Донбассе получены от поляка.

Второй рапорт был изложен при мне, Рождественском, Платонове опять-таки в квартире последнего в феврале 1929 г. Третий рапорт был зачитан также в квартире Платонова летом 1929 г. по черновику и [в] том же составе. Было ли это именно в июле м[еся]це, как указано выше, я не уверен, может быть, это было немного раньше, т. к. в июле Платонов был в Крыму.

Пересылались эти рапорты Лохвицкому германской дипломатической почтой через Берлин. Первые два были доставлены по адресу через Краевичей, а последние два через Коковцова, они [посылались] пакетами из германского посольства в Париже.

Краевич, рассказывая мне в Париже, как он получал и передавал эти рапорта Лохвицкому, сообщил мне, что первый раз чиновник германского посольства в Париже, приносивший пакет на дом, не застал его и ждал более двух часов, т. к. имел распоряжение передать его только лично и что он выдал расписку в получении. Он сказал также, что эти рапорта его очень интересовали как военного человека.

Он много расспрашивал об Измайлове и объяснил, что от этих рапортов получается такое впечатление, что Измайлов чрезвычайно способный человек и находится в центре всего антисоветского движения и что он этого раньше не предполагал. Он отметил, что рапорта доказывают большую осведомленность Измайлова и носят печать коллективного труда, что и было указано Измайловым.

Он, между прочим, сказал, что, передавая эти рапорта Лохвицкому, последний заметил, что этот путь самый безопасный, и что он думает просить Платонова связаться и с другим его корреспондентом, живущим на Кавказе, с тем, чтобы присоединить и его корреспонденцию к этим посылкам.

Там же, в Париже, я узнал от Краевича, что один из помощников Лохвицкого полковник Гренфельд недоумевает, почему в рапортах отсутствуют ответы на ряд поставленных Платонову вопросов, когда Платонов был в Париже. Его интересовал тогда вопрос о планах общей мобилизации Реввоенсовета.

Связь военной группы с представителями разведки Польши, Финляндии и Латвии

В 1928 г. военная группа с целью обмена военной и общей информацией связалась с представителями польской и финской разведки и собиралась связаться с разведкой латвийской.

Относительно этого я впервые узнал из второго рапорта Лохвицкому в 1929 г. от Измайлова, причем Платонов при чтении рапорта¹ прибавил об этой связи следующее:

1) Связь с польской разведкой установилась через участника московской военной группы, который в свою очередь сообщил об этом Измайлову. Работающий по разведке поляк является пом[ощником] секретаря польского посольства в Москве и располагает большими связями и ценными сведениями, которые военной группе чрезвычайно нужны. Встречи с ним Измайлов имеет в Москве и в Ленинграде, в Пушкинском Доме, куда поляк специально приходил. Он быв[ший] русский офицер старой армии, он недавно приехал в Москву на постоянную работу в посольство и хорошо ориентируется в делах СССР, т.к. постоянно разъезжает. Если он долго не бывал в Ленинграде, для встречи с ним Измайлов отправлялся в Москву. Все сведения, которые от этого поляка получались, излагались в рапортах. Между прочим, от него был также получен какой-то телеграфный шифр.

2) Связь с представителем² финской разведк[и] была установлена Измайловым непосредственно. Познакомились они в Ленинграде, куда этот разведчик³, финский гражданин приезжает нелегально из Гельсингфорса, состоя на службе финского Мин[истерства] ин[дустрии]

¹ В подлиннике слова при чтении рапорта вписаны Строминным без особой отметки.

² В подлиннике слово представителем вписано Строминным без особой отметки.

³ В подлиннике слово разведчик вписано Строминным без особой отметки.

странных] дел в качестве дипломатического курьера. Будучи в Ленинграде, он связался с отдельными учеными, например, Ольденбургом, Стекловым, Осиповым (проф[ессором] Военно-медиц[инской] академии), имея рекомендации от живущего в Гельсингфорсе б[ывшего] зав[едующего] русским отделом университетской библиотеки, члена партии эсэров Андрея Викторовича Игельстрома. Этот финский разведчик в годы голода сносился также с комитетом Дома ученых, куда он привозил из Финляндии продуктовые пожертвования для ученых.

3) Связь с представителем латвийской разведки должен был установить также Измайлов и в ближайшем будущем. Откуда стало известно Измайлову, что приезжающий из Латвии с разными ответственными поручениями по линии Мин[истерства] ин[остранных] дел, быв[ший] зав[едующий] Комиссией об оплантах в Ленинграде Крумин является еще с тех времен (1922 г.) агентом разведки Латвии, мне неизвестно, но с этим именно Круминым военная группа должна была связаться на разведывательной почве. Была ли связь с ним уже установлена, я сказать точно не могу. В СССР, в частности в Ленинграде, Крумин бывает довольно регулярно.

Ко всему сказанному по этому эпизоду должен отметить, что известную роль в деле установления связи военной группы с представителем финской разведки сыграл член этой группы Юрий Соколов, неоднократно бывавший лично в Финляндии.

Одной из главных задач военной группы было использование имеющихся кадров для собирания информации общего и специального военного характера.

Платонов неоднократно об этом говорил, что на это приходится отпускать много средств, т. к. деньги отпускаются не только на эти сведения, добываемые различными путями, но и на их личное содержание.

Материалы, получаемые военной гр[уппой] разными путями, и в частности этим, пересылались за границу отчасти Платоновым Гетчу, а отчасти Измайловым в своих рапортах Лохвицкому.

Вторая поездка Платонова в Германию и Францию

Основной целью этой поездки было свидание в Берлине с представителями националистической партии Германии О. Гетчем, Шмидт-Оттом, Ионасом и другими и в Париже с представителями белой эмиграции для окончательного завершения переговоров, начатых при первой поездке его за границу в 1926 г.

Эта поездка в действительности должна была еще состояться в 1927 г., но отсутствие¹ легальных внешних поводов этому помешало. В данном случае таким поводом явилась «Неделя русских историков в Берлине». Находился Платонов на этот раз в Берлине около месяца, причем вместе с ним были члены организации Любавский Матвей Кузьмич, Егоров Дмитрий Николаевич (из Москвы) и Пичета (из Минска).

За это время при неоднократных свиданиях Платонова с перечисленными выше немецкими единомышленниками, после подробного сообщения Платонова об экономическом и политическом положении СССР, о возрастающем антисоветском движении организации Отто Гетч сообщил Платонову, что в Германии правые настроения также усилились и националисты близки к власти.

В отношении практических мероприятий организации Гетч и Ионас передали Платонову, что общая политическая ситуация как в Германии, так и России диктует максимальное усиление деятельности и ускорение событий, что переговоры с организацией «Стальной шлем» возможно сейчас окончательно оформить, т. к. они согласились выступить по первому требованию против СССР и что для этого ведется соответствующая общественная кампания, что для успешности этой кампании необходимо сейчас же оформить будущие экономические отношения России и Германии.

В связи с этим начались конкретные переговоры, которые привели к принципиальному соглашению о будущем русско-германском торговом договоре, основы которого заключались в том, что Россия и Германия предоставляют друг другу исключительные привилегии. Позднее в Париже, рассказывая мне об этом состоявшемся соглашении,

¹ Так в подлиннике и копии; правильно отсутствие.

Платонов сказал, что Германия получает больше возможности по использованию России как рынка сырья, рынка сбыта, так и в качестве транзита для завоевания восточных рынков.

После этого и стало возможным окончательное решение «Стального шлема» выступить на помощь интервентским войскам по предложению националистической партии. Платонов отметил, что соглашения по вопросам торгового договора и вмешательства «Стального шлема» состоялись без каких бы то ни было разногласий. Что касается «Стального шлема», то он сказал, что эта организация очень сильна и может выставить до 15 000 хорошо подготовленных и вооруженных бойцов. Ее выступление удобно для германского правительства, которое лишено возможности по Версальскому договору выводить свою армию за пределы страны, с одной стороны, а с другой, вообще не может в случае общей интервенции обойтись без помощи «Стального шлема» и других подобных ему организаций.

Тогда же состоялось вновь свидание Платонова с Андреем Владимировичем. По словам Платонова, оно произошло в Берлине, вернее под Берлином в Вильмерсдорфе (западная часть Берлина) в квартире родственницы Отто Гетча — Мюскау и в присутствии Гетча, Мордвинова и какого-то немца, фамилию которого Платонов забыл сам. Как и в первый раз, разговор велся сначала об общем положении СССР и главным образом о настроении крестьянства и монархических течениях в русском обществе. После сделанного Платоновым сообщения о деятельности организации Андрей Владимирович заявил, что всякий раз, когда прибывают новые сведения о монархическом движении в СССР, [они] производят большое впечатление в Европе, что президент Германии Гинденбург сочувствует этому, что он лично ему высказывал убеждение в том, что если бы не Версальский договор, то монархия была [бы] восстановлена и в Германии, и [в] России.

Касаясь вопроса о предстоящей интервенции в СССР, Андрей Владимирович высказал уверенность, что без участия Польши, Финляндии, Румынии, Латвии и Эстонии германское вмешательство повиснет в воздухе. Он рекомендовал Платонову сговориться с Польшей, иначе Франция не допустит выступления Германии. В конце разговора Андрей Владимирович предложил к нему обращаться в тех случаях, когда потребуются личные беседы доверительного характера с Гинденбургом, с польскими и румынскими государственными деятелями или даже с английским королем. Он дал понять, что находится в очень

близких отношениях с Гинденбургом, с Георгом V-м, что он сохранил вообще большие связи с государственными деятелями Европы и сумеет все такие свидания устроить.

Перед самым отъездом уже из Берлина в Париж во время длительного обсуждения плана общей интервенции в СССР со стороны объединенных сил капиталистических государств было признано желательным, чтобы Платонов немедленно начал как глава организации переговоры и с Польшей. Важно было вести переговоры по всем линиям одновременно, что приблизит¹ создание общего антисоветского фронта и момента окончательной выработки плана интервенции; отсутствие же конкретных переговоров с Польшей сильно могло бы повлиять и на предстоящие² переговоры в этом отношении с Францией.

Много замечаний было также посвящено вопросу о денежной поддержке организации. Платонов заявил, что деньги, которые отпускались ему до середины 1927 г., составили 50 000 марок и это оказалось совершенно недостаточным, чтобы полностью развить деятельность организации согласно ее возможностям.

После этого было решено субсидировать организацию более крупными суммами регулярно, ассигновав ей на ближайшее время 350 000 (триста пятьдесят тысяч) марок, которые должны были передаваться во время личных посещений Ленинграда Гетчем и Ионасом, а также через генерального консула в Ленинграде Цейхлина, пользуясь при этом посредничеством сотруд[ника] М[узея] [антропологии] и э[тнографии] А[кадемии] н[аук] Александра Михайловича Мерварта или через германскую торговую фирму в Москве (карандаши, канцелярские принадлежности). Каждая такая³ передача должна была заключать в себе 50 000 (пятьдесят тысяч) марок в валюте, причем первую получку должен <получить> был⁴ захватить сам Платонов на обратном пути из Парижа в Ленинград, что фактически и сделал. На отпущенные деньги должна была поддерживаться вся деятельность организации, в особенности военная группа, провинциальные филиалы и местные ячейки. Должен был возникнуть печатный орган (журнал) и независимо от него

¹ В копии вместо что приблизит напечатано чтобы приблизить.

² В подлиннике слово предстоящие вписано Строминным без особой отметки.

³ В подлиннике слово такая вписано Строминным без особой отметки.

⁴ В подлиннике слово был вписано Строминным вместо зачеркнутого получить без особой отметки.

собран материал для напечатания за границей агитационного обзора о последствиях коммунистической революции для всего народного хозяйства России и распространения его как в России, так и за границей. Редактирование этого обзора Платонов предполагал поручить эмигранту, живущему в Праге, быв[шему] редактору закрытого соввластью в 1923 г. журнала «Экономист» — Зубашеву Ефиму Ивановичу. На эти деньги должен был поехать для установления соответствующих связей с учеными славянских стран член организации Евфимий Федорович Карский.

Тогда же снова возникли разговоры об отчетах о деятельности организации, которые Платонов, согласно договоренности, должен был отправлять О. Гетчу каждые два месяца, но фактически писал реже.

В этих отчетах очень мало говорилось об истраченных суммах, но говорилось об общем экономическом и политическом положении СССР и о деятельности организации.

Если изложить сейчас все известные мне факты за все время, связанные с этими отчетами, то должен указать на следующее:

Материалами для этих отчетов служили сведения, получаемые от всех членов организации в Ленинграде, Москве и других местах, от военной группы, церковной группы, группы Ферсмана, Рождественского (группа по работе в средней школе). Наиболее важные сведения в области политики и экономики, служившие постоянно для вводной части отчетов, получались Платоновым лично в Москве, откуда приезжали или куда он сам ездил.

Технически все материалы обрабатывались сообща всеми членами организации: Платоновым, мною, Измайловым, Рождественским, Андреевым, Лихачевым (каждый в своей области).

После этого составлялось общее изложение Платоновым и Измайловым и еще раз в переписанном на пишущей машинке виде просматривалось на совещаниях центра. Здесь вносились последние изменения и замечания перед самой отправкой, которая производилась через германского генерального консула в Ленинграде — Цейхлина. Посредником и в данном случае между Платоновым и Цейхлиным бывал иногда А. М. Мерварт.

Размеры отчетов всегда зависели от наличия имевшихся материалов. Содержание было разнообразное. Иногда об отдельных мело-

чах> академической жизни вроде скандала с Жебелевым, реформы Ак[адемии] наук, выборов академиков из кандидатов правительства писалось гораздо больше, чем на другие более важные политические темы.

Из содержания всех отчетов запомнил такие, например, темы:

1) О преследованиях духовенства и верующих, разрушении церквей, Иверской часовни, росте недовольства в связи с антирелигиозной политикой сов[етского] правительства среди населения города и деревни. О живой церкви, поддержанной сов[етским] правительством с целью внесения раздора в церковной жизни, о росте религиозных чувств в народе.

2) О мероприятиях сов[етского] правительства в городе и деревне, о фактическом уничтожении НЭПа, об обострении продовольственной нужды, о разногласиях в коммунистической партии и правительстве, о нелегальной работе троцкистов и преследованиях против них (о выпуске оппозиционерами нелегальных листовок).

3) Об общем политическом и экономическом положении СССР. Сведения получались от москвичей Яковлева Алексея Ивановича (сотруд[ник] ВСНХ), Готье Юрия Владимировича и многих других.

4) Об оппозиции против мероприятий сов[етского] правительства во время перевыборов в московских районных советах (источник Егоров Дм[итрий] Ник[олаевич]), об отчете в Совете Труда и Оборона — Громана Владимира, с пессимистическими предсказаниями о судьбах советского хозяйства, о приеме Амануллы.

5) О деятельности военной группы, росте ее кадров, сосредоточении оружия, о предстоящем усилении ее деятельности, о настроениях в Красной армии в связи с политикой соввласти в деревне, о степени боеспособности Кр[асной] армии и т. д.

6) О ненормальном положении специалистов в промышленности, о бегстве их с фабрик и заводов, о Шахтинском деле, о деятельности и росте группы инженеров в составе организации.

7) О произведенных ГПУ арестах и высылках в Ленинграде и Москве, о расстреле Долгоорукова и профессора Пальчинского.

8) О сношениях организации с лидерами белой эмиграции, Франции, Чехословакии, Югославии, Польши и государственными

деятелями этих стран. Излагались все наиболее важные беседы Платонова, мои, Карского и Бенешевича.

9) О внешней политике СССР (в основу этих сведений были положены характеристики международных отношений Европы и СССР, даваемые мной).

10) Об Академии наук и связанных с нею событиях (материалы давали Платонов, Лихачев, Андреев, Любавский, Рождественский, Жебелев, Гарле и я).¹

11) О положении в высшей и средней школе. Указывалось на гибельные последствия введения новых программ в школах I и II ступени, о том, что много времени уходит на политические предметы, что молодежь нравственно падает и т. д. (Источниками этих сведений — участники различных кружков и преподаватели средних школ, связанные с Рождественским; давали и др[угие] члены организации, в том числе и я.)

Касаясь своего личного участия в изготовлении и редактировании этих отчетов, должен сообщить, что оно выражалось в следующем:

1) Я неоднократно давал сведения в письменном виде как о своих встречах и разговорах в Париже с государственными деятелями Франции и лидерами русской белой эмиграции, так и об общей международной ситуации и политике Европы и СССР, главным [образом] Франции.

2) Принимал участие в заседаниях, на которых обсуждались приготовленные для отсылки некоторые отчеты. И корректировал сведения, касавшиеся внешней политики.

Отчеты вообще составлялись в весьма осторожных выражениях — без фамилий и обыкновенно отличались сравнительно небольшими размерами. Помню, что самый большой отчет из виденных мною был в 10 полулистов, переписанных на пиш[ущей] машинке с обеих сторон.

Последний отчет, о котором я имею сведения, относится к весне 1929 г. Это, конечно, не значит, что больше не писалось, но дело в том, что с тех пор до декабря 1929 г. я находился за границей и никого из членов центра организации не видел.

¹ Так в подлиннике и копии.

Что касается отчетов организации чисто денежных, то они были очень краткими, не указывались никакие подробности, рубрики, по которым ставились цифры, были самые общие и неопределенные. Например, указывалось, что израсходовано: 1) на личную помощь отдельным лицам — столько тысяч рублей, 2) на необходимые поездки — столько тысяч рублей и т. д.

Я лично просматривал только два таких денежных отчета: один был на семь тысяч рублей, а другой на двенадцать тысяч рублей. Обыкновенно об израсходованных суммах указывалось не отдельно, а в конце общего отчета. Надо прибавить, что до второй поездки Платонова, т. е. в 1928 г. отчитываться приходилось более часто и подробно, а после этого на денежные отчеты такое внимание не обращалось. (О субсидиях организации см. ниже.)

Как уже выше указал, переговоры об участии в интервенции организации «Стального шлема» закончились полным соглашением между Гетчем и Платоновым. Согласно этому договору «Стальной шлем» обязался предоставить все свои силы в нужный момент, приняв самое активное участие в выступлении на СССР. Рассказывая об этом мне еще в Париже, Платонов это соглашение назвал весьма значительным достижением своей второй поездки.

От имени организации «Стальной шлем» во время этого соглашения выступали О. Гетч и Крейслер (возможно, Крейцлер), а от имени Союза — Платонов, Браун и Алексеев Николай (эмигрант, бывший профессор Пражского университета, государствовед, живет теперь в Берлине). Был ли этот договор оформлен в письменном виде, я не знаю. Во всяком случае, согласно этого договора будущему русскому правительству надлежало возместить все расходы «Стального шлема» по этому поводу. Договор имел еще ряд деталей, например, полнейшая автономия войск «Стального шлема» в смысле командования и внутреннего управления (он, «Стальной шлем», подчиняется общему командованию только в оперативном отношении и не может быть разделен; он участвует в походе лишь до Ленинграда, дальнейшее же передвижение обуславливается всякий раз новым соглашением и т. д.).

В то время был в Берлине член Союза Браун Федор (Фридрих)¹ Александрович, который специально приехал из Лейпцига. Он (Браун) участвовал в переговорах Платонова с Гетчем не только по вопросу о

¹ В подлиннике и копии Фридриф.

«Стальном шлеме», но и по ряду других. После отъезда Платонова Браун должен был явиться представителем «Союза» в Германии.

Платонов виделся также с Карсавиным, Фасмером, состоявшими членами нашего «Союза» с 1926 года. Между ними состоялись переговоры, во время которых он (Платонов) проинформировал их о деятельности и перспективах «Союза», а они взяли на себя соответствующую работу в пользу организации в Германии вообще и среди белоэмигрантов в частности. Между прочим, руководимый Карсавиным кружок молодежи в Берлине, состоящий из русских эмигрантов (учащихся в Богословском институте и других учебных заведениях), тепло приветствовал Платонова по поводу сделанного им в кружке сообщения о положении в СССР.

Накануне отъезда из Берлина Платонов отправил в Варшаву через профессора Фаддея Францевича Зелинского письмо Пилсудскому с просьбой о назначении ему времени и места для свидания. Письмо было написано в третьем лице на русском языке и содержало, по словам Платонова, приблизительно следующее: «Академик С. Ф. Платонов просит маршала уведомить о времени и месте, когда он мог бы быть принят».

Ответ на это письмо последовал уже в Париже на адрес Б. К. Краевича в середине июля 1928 г. за подписью директора какой-то канцелярии Венцновского или Витковского.

Я лично читал этот ответ, он содержал уведомление на французском языке, что маршал готов принять Платонова, как только он известит о своем прибытии в Варшаву.

По прибытии в Париж Платонов увиделся со мной и рассказал мне о всех вышеизложенных своих переговорах в Берлине. При следующих наших встречах в квартире Краевичей в Ванве (предместье Парижа) в течение трех, раз и в помещении Национальной библиотеки два раза, из библиотеки мы оба раза уезжали для беседы: первый раз в частную квартиру для встречи с Карташевым Антоном Владимировичем, Струве Петром Бернгардовичем, представителем Ватикана (фамилию забыл, кажется, Шанон (Chanon) и еще одним русским, эмигрантом, собравшимися для переговоров с Платоновым по поводу установления церковной унии и обсуждения вопроса о помощи Ватикана преследуемому духовенству христианских церквей в СССР, второй раз в кафе для встречи и переговоров с приезжими из Лондона русскими бело-

эмигрантами. Платонов рассказал мне о своих встречах в Париже с лидерами местных эмигрантов-монархистов, а также с некоторыми французскими государственными деятелями.

Переговоры со всеми ими свелись к следующему:

1) [С] Коковцовым Владимиром Николаевичем. Платонов рассказал ему о положении СССР за последние два года, деятельности всего «Союза» (подразумевается также о всех группах и провинциальных филиалах) и его перспективах. Коковцов выслушал все с большим интересом и в свою очередь сообщил, что все время, пользуясь своим положением во французском политическом мире, он действовал и будет действовать в пользу «Союза», так, например, он во всех своих выступлениях в Монархическом совете, членом которого он является, поддерживал мысль о необходимости создания общей коалиции всех политических партий единого фронта борьбы с коммунизмом; в будущем же он полагал, что может быть более полезен не как глава будущего правительства, как этого желал Платонов, а как финансовый представитель, который успешно устраивал крупные займы в Париже.

Разобравшись в изображенной Платоновым обстановке борьбы с совластью и готовящейся интервенции, Коковцов высказал мнение, что вмешательство одних немцев и французов вызовет затруднение со стороны Англии и что нужно работать над созданием общеевропейского фронта, включая всех лимитрофов, которым необходимо обеспечить сохранение самостоятельности. Он указал на допущенные ошибки Колчаком, Юденичем, не признававших их национальную независимость. Затем он предложил Платонову связаться с ген[ералом] Лохвицким, Нольде Борисом Эммануиловичем (б[ывший] товарищ мин[истра] иностр[анных] дел Времен[ного] пра[вительств]а), Гальперном (б[ывший] управл[яющий] делами Времен[ного] прав[ительств]ва), пользующимися влиянием в разных сферах зап[адно]евр[опейского] политического мира. Относительно генер[ала] Лохвицкого он сказал, что не представляет себе дело без его участия.

Он особенно настаивал на необходимости сохранения за Россией нефтеносных земель Кавказа как главной гарантии будущих займов, если же Кавказ останется советским или отпадет, то это будет катастрофой. На это Платонов заявил, что Кавказ будет занят в первую очередь сразу после столиц, еще до Украины. Коковцов рекомендовал также связаться с Высшим монархическим советом.

В остальном их¹ разговор касался экономического и финансового положения СССР, настроениях крестьянства, о сношениях с немцами, планах будущего государственного переустройства, о будущей роли русской эмиграции и т. д.

2) С Л о х в и ц к и м . После первого разговора с ним, во время которого Платонов полностью изложил ему деятельность «Союза», главным [образом] военной группы, планы вооруженного восстания и интервенции, Лохвицкий согласился взять на себя военное руководство этим движением. Он указал, что немедленно начнет проработку имеющихся планов и свяжется с французским Генеральным штабом. Он дал понять, что непременным условием успеха является тесная связь с французским Ген[еральным] штабом и диктатура авторитетного русского генерала, которому штаб доверяет.

По поводу плана восстания и интервенции Лохвицкий сказал, что он прибудет в Россию в начале событий на пароходе вместе с оружием и штабом из офицеров-эмигрантов и возьмет все движение и полноту власти в свои руки. Он предложил свою программу, которая сводилась к длительной диктатуре, к назначению диктатором центрального правительства и местных властей, также с чрезвычайными полномочиями.

Что касается интервенции, то подобно Коковцову, он считал, что необходимо либо прямое участие Франции, либо ее вассалов — Румынии и Польши и лимитрофов, и указал на необходимость принятия в этом отношении соответствующих шагов.

Платонов всецело согласился с его программой и обещал подготовить все необходимое для ее успешного осуществления. Лохвицкий указал также, что принципиально нельзя пока говорить о форме правления и подавно о кандидатах на престол. Относительно состава правительства Лохвицкий предложил ввести в его² состав эмигрантов: Нольде в качестве мин[истра] ин[остранных] дел, Вернадского Михаила Владимировича (быв[шего] министра финансов Времен[ного] правительства, Деникина и Врангеля) и Карташева А. В. в качестве мин[истра] вероисповедания.

¹ В копии вместо их напечатано же.

² В подлиннике слово его вписано Строминным без особой отметки.

Рассказывая мне о соглашении с Лохвицким, Платонов выражал удовольствие по поводу того, что движение приобрело помощь такого энергичного человека, как Лохвицкий.

В настоящее время Лохвицкий играет в белой эмиграции выдающуюся роль и пользуется большим авторитетом. Он объединяет монархические группы в разных городах как Франции, так и Германии, Польши, Финляндии, Чехословакии, Югославии и др[угих] государствах. Руководители местных монархических групп: в Чехословакии — проф[ессор] Ив[ан] Ив[анович] Лапшин, Югославии — проф[ессор] Спекторский и Польше — Философов (быв[ший] сотrud[ник] газеты «Речь», ныне редактор газеты «За свободу») — являются горячими последователями Лохвицкого.

К нему примкнули эмигранты: Сергей Петрович Мельгунов, Ив[ан] Андр[еевич]¹ Бунин, Вас[илий] Алексеевич Маклаков и мн[огие] другие. Он занял главную роль в монархическом движении и фактически руководит Высшим монархическим советом, где он создал, кроме того, известный центр, вокруг которого группируется военная часть русской эмиграции.

В общем из всего сказанного мне Платоновым явствовало, что Лохвицкий является наиболее подходящим для роли диктатора. Лохвицкий принял также участие в пропаганде, ведущейся Мельгуновым, создания боевых дружин и ячеек монархической молодежи в разных центрах эмиграции.

С ним связаны воинствующие правый эмигрант, художник Каррик, образовавший монархическую группу в Новгороде, и группа писателей: Бунин, З. Гиппиус, Мережковский, Борис Зайцев, Тэффи (сестра Лохвицкого) и многие другие, которые принимают деятельное участие в различных выступлениях против СССР.

3) Ростовцев Михаил Иванович.

4) Васильев Александр Александрович.

Платонов [в] разное время говорил с обоими, информировал их как о положении СССР, так и об организации и просил работать в пользу организации в Америке.

¹ Так в подлиннике и копии; правильно Алексеевич.

Помимо всего этого, Платонов снабдил Ростовцева сведениями о ВУЗах и Ак[адемии] наук для использования в печати (газета «Возрождение»).

5) Маклаков Вас[илий] Алексеевич.

Разговоры с ним состоялись в его личной квартире и затрагивали они вопросы, связанные с деятельностью организации и будущими событиями. Он выразил полное удовлетворение по поводу проектируемой диктатуры генер[ала] Лохвицкого, указывал на необходимость отложить решение вопроса о форме государственного правления, не предпрещая кандидатуры до окончательного низвержения соввласти.

Маклаков интересовался совсем уже подготовленным организацией за последние два года в смысле сил, средств и программы, а также вопросами о соотношениях с другими партиями. Ему важно было все это знать более точно, т. к. ему Монархическим советом было поручено написать программу-манифест монархической партии в Париже и конституцию будущего строя в России. Они говорили также о материальной помощи организации из денежных фондов, полученных Маклаковым для поддержки антисоветского движения в СССР и за границей из Америки.

Он заверил Платонова, что предпримет все, зависящее от него, для помощи организации, и как только это будет возможно, он первым пароходом вернется в Россию и предложит свои услуги Лохвицкому. Между прочим, он спрашивал, состояли ли в организации ему знакомые жители г[орода] Москвы — б[ывший] присяжный поверенный Малянтович Павел Николаевич, Муравьев Николай Константинович, <Пу> Плансон и Тагер.

6) Струве Петр Бернгардович.

Разговор с ним был аналогичен разговорам с вышеперечисленными эмигрантами и свелся к тому, что он предложил свое полное содействие организации, в частности свой орган «Россия и славянство». Он получил от Платонова информацию для помещения в газету и обещание такую же информацию о положении СССР посылать ему впредь через Нольде. На основании этой информации Платонова в «Россия и славянстве» появились две статьи о крестьянине-собственнике, который победит коммунизм, и о том, что русская интеллигенция опомни-

лась и вернулась к национальному самосознанию, которые по мысли и по слогу повторили слова Платонова.

7) Нольде Борис Эммануилович.

Встречались они неоднократно и в различных местах. Платонов обсуждал с ним вопросы интервенции, деятельности организации в тесной связи с Германской националист[ической] парт[ией] и все детали, связанные с вооруженным восстанием, укреплением новой власти и установлением отношений с Европой. Они должны были вместе поехать в Германию для дополнительных переговоров с Гетчем, с тем, чтобы согласовать предстоящие переговоры с Нольде в Англии и Америке, куда он должен был выехать осенью 1928 г. для переговоров об интервенции. Участие или хотя бы санкция Англии гарантировало бы средства и развязало бы руки Японии для действий на Дальнем Востоке.

Связи организации с Нольде Платонов придавал большое значение ввиду хорошего отношения к нему французского правительства, финансовых кругов Франции, миллиардера Корнеджи¹ и его учреждений, влиятельных органов лондонской прессы и немецкого происхождения.

Ему отводилась чрезвычайно активная и ответственная роль в переговорах с державами до и в особенности после переворота. По плану интервенции предусматривалось, что Нольде сразу же после захвата власти в России поведет переговоры о включении России в Лигу Наций.

Одновременно с этими свиданиями по предложению Коковцова Платонов дважды посетил заседания президиума Высшего монархического совета для сообщения об общем экономическом и политическом положении СССР, росте антисоветского движения (настроения интеллигенции, крестьянства и быв[шего] офицерства) и в общих чертах о «Союзе» и его деятельности.

Первое заседание состоялось на квартире редактора газеты «Возрождение» Семенова в присутствии: Коковцова, Зворыкина-Невструева, Герсеванова (полковник, близкий к Лохвицкому), князя Гедройца, Лохвицкого, Бошняка, Шошина (возможно, Шеншин) и еще некоторых других, не считая самого Семенова.

¹ Так в подлиннике и копии; правильно Карнеги.

Ему задавались ряд вопросов относительно связи организации с провинцией, с быв[шим] офицерством, о процессах по вредительским организациям, о казнях инженеров, и сообщили, что готовится коллективный протест технических организаций Европы и Америки против преследований инженеров в СССР, Коковцов и Лохвицкий всячески подчеркивали роль Платонова в антисоветском движении и то, что ему необходимо оказывать полную поддержку.

Там задавали в общем различные вопросы: об Академии, участии Савинкова, о последних годах Тихона и т. п.

В конце заседания было указано на необходимость соблюдения полной тайны и конспирации.

Второе заседание состоялось в несколько более расширенном составе: кроме Коковцова, Лохвицкого, Герсеванова, Гедройца, Зворыкина-Невструева и Семенова, были еще Дубасова (дочь московского генерал-губернатора), Болховитинов, Алексинский, С. С. Ольденбург, Нольде и другие.

Содержание его доклада на этот раз было почти такое же, как и в первый раз, но больше внимания было уделено вопросам нового быта в СССР, высшей школе, церкви и меньше говорилось об организации.

Это заседание носило тоже деловой характер, Платонову были поставлены вопросы — в чем «Союз» нуждается и чем можно прийти к нему на помощь.

Он ответил, что больше всего нуждается в людях и деньгах.

В результате было решено признать факт существования и деятельность «Союза» — исторически важным, необходимость оказывать всемерную помощь и озаботиться поддержанием связи. Возникал также вопрос о представительстве организации в Совете и приглашении Платонова в состав Высшего монарх[ического] совета. Эти предложения, однако, были отклонены за несвоевременность и опасности с точки зрения конспирации.

В качестве постоянного представителя «Союза», через которого Высший монархический совет мог бы сношаться с Платоновым, был намечен барон Нольде. Между прочим, Платонову был задан вопрос, может ли «Союз» в чем-либо облегчить дело приезда и устройства в СССР нелегально переправленных отдельных лиц, он ответил на это утвердительно.

Вслед за этим состоялось совещание у барона Нольде, на котором, кроме Платонова и Нольде, присутствовали еще: Струве, Гальперн, Зак и другие. (Зак — быв[ший] тов[арищ] министра финансов Эстонской республики и соавтор с Нольде¹ книжки «Послевоенные долги Европы», проф[ессор] карнеджевских курсов по международному праву (Париж), помимо профессуры, имеет коммерческие связи со страховыми об[ществ]ва[ми] в Америке.)

Совещание преследовало цель обсуждения вопроса о материальной помощи антисоветскому движению со стороны Америки и Англии и выяснения отношения обеих сторон к вопросу о военной интервенции.

С Гальперном Платонов имел совещание также самостоятельно. Оно было устроено в моем присутствии в одном из парижских кафе и имело целью осведомить Гальперна о положении СССР и организации и привлечь его к работе в пользу организации и интервенции в Англии и Америке.

Гальперн, в свою очередь, ознакомил нас с положением эмигрантов в Англии и Америке и отношением этих стран к СССР вообще. Его сообщения относительно Англии свелись к двум пунктам:

1. Русская эмиграция в Англии незначительна вследствие неслыханной дороговизны жизни, там нет даже возможности организовать своей газеты, и единственным центром политической жизни эмиграции являются супруги Вильямсы (он политический редактор «Times», она (Ариадна Владимировна Тыркова — писательница) деятельная монархистка-общественница). Они создали и возглавляют монархическое движение в Англии. Имея большие связи в правящих кругах Англии, пользуясь огромной силой газеты «Times», они имеют возможность вести успешную агитацию против соввласти.

2. Английское правительство ведет и будет вести упорнейшую борьбу против СССР в Азии. Принять участие в борьбе с СССР в Европе Англия согласилась бы исключительно в случае конфликта СССР с Финляндией. Материальную помощь для антисоветского движения получить можно, но исключительно пользуясь агитацией против религиозных преследований в СССР.

¹ В подлиннике слова с Нольде вписаны Строминым без особой отметки.

Что касается Америки, Гальперн сказал, что там эмиграция громадная, старая и очень богатая (белая эмиграция ничтожна). Эмиграция пользуется большим политическим влиянием, но до последнего времени держалась в русском вопросе нейтрально. Оживление началось на религиозной почве по инициативе раввина, раздраженного слухами об эксцессах в СССР, от которых пострадали старые древнееврейские свитки Торы и еврейское духовенство. Он высказал уверенность, что отныне американская еврейская буржуазия пойдет навстречу антисоветскому движению и комитет, созданный для сбора пожертвований в пользу пострадавшего еврейского духовенства в СССР, примет участие в материальной поддержке «Союза».

В отношении общеполитического положения Гальперн указал на громадный рост коммунистической пропаганды, большое раздражение властей в связи с этим и на отсутствие шансов признания для СССР. Мое личное участие в этом совещании выразалось в сообщении сведений об СССР, об академических и университетск[их] делах. Кроме нас присутствовал еще один белоэмигрант, приехавший из Лондона вместе с Гальперном. В конце этой беседы как Гальперн, так и второй присутствовавший обещали оказывать содействие делу «Союза» в Англии и Америке.

Через несколько дней после этого совещания состоялось еще одно совещание на одной частной квартире (кого именно, не знаю). Я приехал туда вместе с Платоновым и встретил ожидавших нас: Карташева Антона Владимировича, Струве Петра Бернгардовича, французск[ого] патера (представителя Ватикана и Парижского архиепископа) по фамилии, кажется, Жонкьер, русского (эмигранта) священника, одетого в штатском¹ и еще одного эмигранта по фамилии Мосолов. Разговор начался, как меня и предупредил Платонов, об установлении церковной унии и о помощи пострадавшему духовенству в СССР. Он (разговор) явился отчасти последствием бесед Бенешевича в Риме в 1927 г. Патер знал о беседах Бенешевича, о Меркати и Пальмери в Ватикане и даже, как выяснилось из его слов, был убежден, что за истекший год организацией была проделана известная работа.

После сообщения Платонова об общем положении церквей в СССР патер задал нам ряд практических вопросов относительно возможно-

¹ Так в подлиннике.

сти¹ пропаганды унии еще при совласти и о высших иерархах СССР, сочувствующих этой идее. Платонов высказался в том смысле, что пропаганду можно начать еще до переворота, т. к. сов[етское] пр[ави- тельство] не будет этому препятствовать из желания внести новый раскол в среду православного духовенства, а иерархи не окажут этому сопротивления только в том случае, если в пользу унии выскажется митрополит Евлогий, который признается единств[енным] законным главой православной церкви после патриарха Тихона. Затем разговор перешел на обсуждение вопроса о способах пересылки денег в СССР для поддержания преследуемого и гонимого духовенства. Патером было указано, что, помимо денег, <отпущенных> ассигнованных² для этой цели Ватиканом, имеют в виду перевести еще одну известную сумму, собранную в Париже по инициативе местного архиепископа. Последнюю сумму, хотя предварительно (для отчета) и отправят в Ватикан, но он просил условиться, какими адресами в СССР можно будет воспользоваться, чтобы безопасно передать эти суммы.

Решено было, что деньги придут дипломатической почтой како- го-нибудь государства, имеющего в СССР свои представительства (какого именно не указывалось, но прибыло впоследствии через Польшу и Австрию), причем переданы они будут или Платонову, или мне. Возникал также вопрос о печатании пропагандистской литерату- ры в пользу унии на русском языке в Польше и Галиции, которая затем переправлялась бы для распространения в России. Эта литература должна была подготовить почву среди духовенства и верующих и разъяснить каноническую правильность унии и ее полезность для церквей. Для большей авторитетности этой литературы³ Платонов обещал посодействовать в получении от представителей православной церкви подписи.

Патер несколько раз повторял выражение: «надлежит всеми сред- ствами готовить крестовый поход» и указывал, что Папа Пий XI наде- ется, что возрождение единства церкви совпадет с возрождением Рос- сии и что католическая церковь сделает все, чтобы это ускорить.

¹ В подлиннике слово возможности вписано Строминым без особой отметки.

² В подлиннике слово ассигнованных вписано Строминым вместо зачерк- нутого отпущенных без особой отметки.

³ В подлиннике слова этой литературы вписаны Строминым без особой отметки.

Говорили также о том¹, что Ватикан иногда совершенно не знает о случаях выдающихся репрессий в течение долгого времени и что организация должна наладить быстрое доставление этих сведений.

Присутствовавшие Струве и Карташев принимали довольно активное участие в обсуждении этих вопросов и высказывались за возможность унии, подчеркивали политическую ценность помощи Ватикана делу возрождения России.

Карташев, между прочим, был того мнения, что унию можно провести только после переворота. Он также указывал, что в настоящее время Евлогий одержал полную победу над Антонием и бесспорно является представителем русской церкви за границей общепризнанным и в то же время сторонником унии. Здесь следует привести мнение присутствовавшего священника, являвшегося на этом заседании представителем Евлогия. Он также не видел препятствий к введению церковной унии, но выставил непременным условием сохранение церковного славянского или русского языка в богослужении.

В общем совещание закончилось, таким образом, полным соглашением между Ватиканом, представителем коего был патер Жонкьер, группой Евлогия, представит[елем] коего был священник, верующей части эмиграции, представителями которой были Карташев и Струве, и «Союзом», представителями которого были мы, — выразившееся в введении унии после переворота и в финансировании этого движения Ватиканом, который в то же время принимает активное участие в борьбе против СССР.

По окончании этого совещания патер передал Платонову и Карташеву желание архиепископа Парижского их видеть у себя, Платонов приглашение принял, но был ли фактически, не знаю.

Покидая это совещание, Платонов рассказал мне, что он виделся с другим представителем Ватикана еще во время своего первого пребывания в Париже в 1926 г. и встречался с ним снова в этот свой приезд. Их переговоры касались тех же вопросов об унии и поддержке антисоветского движения Ватиканом. В данном случае эти переговоры носили только частный характер. Фамилию этого патера я забыл, ее легко восстановить, т. к. он был когда-то (до революции)

¹ В подлиннике слова о том вписаны Строминым без особой отметки

в Ленинграде и работал над биографией приверженца церковной унии Чаадаева.

Возвращаясь к заседанию с патером, происходившему¹ в частной квартире (на ул[ице] Шоссе Дантэн²), должен добавить, что, во-первых, все наиболее существенные места разговора записывались Жонкьером, а, во-вторых, что в конце заседания Карташев условился быть у Платонова еще раз и доставить ему политическую и религиозную литературу.

Во время пребывания Платонова в Париже квартира Краевичей превратилась до известной степени в политический салон и место встречи Платонова с лидерами монархического движения эмиграции. Там неоднократно собирались лица, желавшие говорить с Платоновым или связанные с «Союзом». Среди них бывали: Карташев, Ольденбург Сергей Сергеевич, Шамонин, Герсеванов и Гренфельд (оба полковника, близкие к Лохвицкому), Нольде, Кульман, Миркин-Гецевич (секретарь Милюкова), Струве, Васильев, Боль³ Буайе, Феррингер, Лукомский, Чубинский (быв[ший] проф[ессор] Лицея и министр внутр[енних] дел правительства Скоропадского) и другие. При мне однажды также присутствовали: Ольденбург, Шамонин и еще человека 4–5, мне не знакомых. Платонов делал тогда небольшое сообщение о росте антисов[етского] движения в СССР и выражал уверенность, что эмигрантам предстоит большая работа в освобожденной от большевиков России.

Отдельно стоят совещания Платонова с французами: Поль Буайе (директор Школы восточных языков, близкий к Министерству ин[о]странных] дел) и Данну (генерал французского Генер[ального] штаба). Их беседы касались военно-политических тем: положения Красной армии, ее вооружения, дисциплины и т. д., о степени близости войны между СССР, Польшей и Румынией, а также вопросов, касающихся помощи французского правительства в борьбе против СССР. После сообщения Платонова о положении СССР, сделанного в обычной форме, генерал Данну заявил, что французский Генеральный штаб стоит за

¹ В подлиннике слово происходившему вписано Строчиным без особой отметки.

² В копии вместо Дантэн напечатано Дантон.

³ Так в подлиннике и копии; правильно Поль.

активную поддержку антисоветского движения и воспользуется любым случаем, чтобы помочь ведущейся борьбе.

На вопрос Платонова, при каких условиях возможно выступление и участие в военной интервенции Франции, Данну ответил, что только в том случае, если этого потребует спасение Польши от завоевания СССР. Ссылаясь на маршала Фоша и генерала Гуро, мнение которых отражает Данну, относительно выступления Германии, заявил, что Франция санкционирует это выступление единственно в том случае, если состоится общее выступление со стороны Польши, Румынии и всех лимитрофов, причем, возможно, выступит активно и сама, если этого потребует военная обстановка в Польше.

Что касается вопроса о помощи французского правительства вооруженному восстанию, подготовляемому «Союзом», то Данну заявил, что предусмотренная планом восстания отправка пароходов с оружием и штабом Лохвицкого из французского порта, несомненно, будет разрешена французским правительством при соблюдении известных форм.

Был затронут еще ряд деталей из деятельности военной группы организации, о работе Коминтерна в Марокко (он спрашивал, не может ли Платонов выяснить фамилии агентов Коминтерна во французских колониях), о Лохвицком, (Данну подтвердил тесную связь генер[ала] Лохвицкого с французским Генеральным штабом) и т. д.

В заключение Платонов и Данну условились встретиться еще раз, причем посредником в устных и письменных сношениях будет Поль Буайе, который в то же время играл роль переводчика между ними. (Платонов очень плохо владеет французским языком, а Буайе знает в совершенстве русский язык).

Рассказывая впоследствии об этом свидании, Платонов сказал мне, что вторично он увиделся уже не с Данну, а с другим генералом (фамилию его я не помню). Это второе свидание состоялось также у Поля Буайе и при его посредстве.

На этот раз разговор коснулся только отдельных частных относительно перспектив антисов[етского] движения и сроков решительного выступления внутренних и внешних сил. Он заявил, что вопрос о помощи французского пр[авительст]ва деньгами и оружием обсуждался с генералом Лохвицким и решен в положительном смысле, а что

касается помощи живой силой, то это выяснится лишь в последний момент и зависит не от Генер[ального] штаба, а от правительства и от общей политической обстановки в решительный момент.

Были задеты также вопросы о Красной армии, указывалось, что Генштаб в курсе положения СССР и Красной армии через своих представителей, находящихся при польском Генер[альном] штабе и что последние сведения говорят о близком столкновении Польши и СССР и возможном поражении Польши. В связи с этим встал вопрос о необходимости переброски по прусским железным дорогам французских войск для участия в борьбе против СССР.

Генерал этот добавил, что Генштабом выработаны все планы такой переброски, причем предусматриваются операции не только со стороны суши (Польши), но и моря (Кронштадт). Этот разговор был прямым продолжением переговоров с Данну и было опять условлено, что по всем этим делам Генштаб будет сноситься с Лохвицким, а если почему-либо потребуется снести с Платоновым, то будет прибегнуто к посредничеству Буайе.

С государственными и политическими деятелями Франции, помимо Поля Буайе и этих двух генералов,¹ представителей французского Генерального штаба, Платонов не встречался. Он не делал для этого попыток, во-первых, из-за крайне недостаточных познаний во французском языке, а, во-вторых, потому что эта область была предоставлена мне. Было признано, что я более известен французскому политическому миру и что [мне] как внешне противнику германской ориентации, пользующемуся репутацией «друга Франции», легче будет говорить с ними. (О моих переговорах см. ниже.)

Под впечатлением переговоров, как моих, так и своих во Франции, Платонов усиленно стал стремиться к сближению с Польшей. После того как получился вышеуказанный ответ Пилсудского, Платонов поставил себе задачей окончательно договориться относительно выступления Польши, отношений между нею и будущей Россией и территориальных изменениях Польши в связи с ликвидацией СССР. Ему важно было выяснить известные намерения Пилсудского как относительно Германии (возвращение «Польского коридора»), так и России. Он на-

¹ В подлиннике слова этих генералов вписаны Строминным без особой отметки.

деялся связаться также и с другими польскими политическими деятелями, пользуясь связями Карского, Константина Хилинского, Крачковского, Бенешевича, Зелинского и рекомендациями в[еликого] к[нязя] Андрея Владимировича и Ватикана. Осуществиться это должно было в 1930 г. на съезде славянских историков в Варшаве, куда одновременно должны были выехать: Платонов, Бенешевич, Любавский, Карский и Пичета.

Между прочим, Платонов чувствовал недоверие к Пилсудскому, указывая на то, что тот с умыслом дал разгромить белое движение и в особенности Врангеля заключением Рижского мира. Вообще же многие члены организации и военной группы были враждебно настроены к Польше и к идее ее вмешательства.

В Париже состоялось также соглашение между Платоновым и редактором газеты «Возрождение» Семеновым о пересылке из СССР сведений для печатания в этой газете. Сведения должны были пересылаться дипломатической почтой через Германию и систематически освещать положение СССР. Часть посылаемых таким путем сведений не должна была печататься, а предназначалась для более тесного круга лиц, активных деятелей антисоветского движения. Нольде, через которого [было заключено] это соглашение, просил Платонова в первую очередь¹ посылать сведения, указывающие на фактическую связь между пропагандой Коминтерна и сов[етским] прав[ительств]ом, т. к. документальные тому доказательства ускорят разрыв франко-советских отношений.

На эту тему впоследствии действительно были пересланы материалы, на основании которых газета «Возрождение» напечатала несколько статей (три статьи летом и три осенью 1929 г.), содержавших утверждение о тождественности Коминтерна и НКВД, о том, что из Москвы посланы военные инструкции в Марокко для повстанцев, о том, что Литвиновым отпущено на цели пропаганды в Китае четыре миллиона долларов в американской валюте, что ответственные работники Коминтерна получают жалование по смете НКВД, что работающий в НКВД Ротштейн служит для связи и согласований действий НКВД с Коминтерном и т. д. Должен указать, что часть этих сведений была взята Платоновым из моих личных отчетов, которые я представлял ему в письменном виде. (См. мои показания от 21 июля 1930 г.)

¹ В подлиннике слово очередь вписано Строминым без особой отметки.

Тогда же в Париже совершенно неожиданно на имя Платонова получено было от в[еликого] к[нязя] Андрея Владимировича через состоявшего при нем Казаринова и Лионский кредит 31 000 франков (равняется 5000 марок) на нужды организации.

Из этих денег Платонов 1000 франков отдал Коковцову для Лохвицкого, который собирался кого-то нелегально переправить в Россию для исполнения поручения его, Лохвицкого. 3000 фр[анков] он оставил Краевичам, а остальные увез с собой. По поводу посылки Лохвицким человека в СССР Платонов сказал мне:

«Лохвицкий хочет, чтобы его доверенное лицо побывало в СССР не только по делам „Союза“, но и вообще для других дел, организация же, главным образом военная группа, будет этому человеку содействовать».

До отъезда из Парижа Платонов также ознакомился с боевой организацией эмигрантской молодежи, носящей название «Орден молодых рыцарей», в котором, между прочим, принимает активное участие его внук Дмитрий Борисов[ич] Краевич, студент французского лицея (он за молодостью еще не достиг звания «рыцаря», получит его после окончания курса в лицее).

Руководящую роль в «Ордене» выполняет также и Борис Констан[тинович] Краевич. Основной задачей Ордена является подготовить эмигрантскую молодежь к активной борьбе против коммунистических партий, которая выльется также и в террористической форме борьбы на территории СССР.

Об этом «Ордене» говорилось, что из него выделена особая группа для нелегальной деятельности в СССР. Группа эта намерена была запастись легальными французскими паспортами и надеялась на обещание Платонова помочь ей в СССР деньгами и надежным пристанищем.

Следует еще заметить, что эти перечисленные свидания Платонова с лидерами белоэмиграции дали возможность издателю газеты «Возрождение», быв[шему] владельцу нефтяных промыслов на Кавказе Гукасову сыграть на бирже за повышение прежних нефтяных акций, утративших значение после революции. Он вместе с другими, в том числе барон Нольде, пустил слух, что готовится восстание в СССР, которое поддерживается Европой, что возвращается династия Романовых, восстанавливаются права б[ывших] владельцев нефтяных промы-

слов и т. д. Носился этот слух через Русско-китайский банк и через биржевую газету «Cotidien», где, между прочим, были приведены слова Платонова¹, что «Кавказ будет очищен от большевиков в первую очередь», сказанные им Коковцову.

Мне передали об этом Васильев, Краевич и др[угие], указывавшие, что этот слух проник даже на нью-йоркскую биржу, где ухватились за него, чтобы подорвать мексиканские нефтяные акции (перспективой русской конкуренции), что к Гукасову стали обращаться за информацией по этому вопросу различные финансовые лица и что вся эта кампания характеризует, с каким недоверием относится Европа к устойчивости соввласти. Тогда же в Париже Платонов был извещен через Герсеванова, что с ним желает видится генерал Кутепов, находящийся с в[еликой] к[нягиней] Ксенией Александровной в Биаррице. Герсеванов сообщил ему, что в Биаррице ежегодно в это время устраиваются большие празднества и сборы в пользу антисоветского движения и русской эмиграции, дающие значительные доходы, и там, возможно, решат также вопрос о субсидии «Союзу». Платонов почему-то отказался от поездки и не принял это предложение.

Когда Платонов участвовал на заседаниях Высшего монархического совета, там стоял также вопрос, ранее обсуждавшийся на квартире Краевичей, о создании заграничной группы «Союза», куда бы вошли все примкнувшие к «Союзу» за границей лица. Эта группа должна была еще выделить особое исполнительное ядро из Краевича Б. К., Нольде Б. Эмм[ануиловича], Лохвицкого, Коковцова Вл[адимира] Ник[олаевича], Маклакова Вас[илия] Ал[ексеевича] и Струве Петра Берн[гардовича], которое стало бы соединительным звеном между организацией в СССР и ее последователями за границей.

Это исполнительное ядро должно было озаботиться установлением более тесных связей в различных странах и, прежде всего, в Англии и Америке, причем должно было со временем создать также отдельные ячейки в главных центрах Европы и Америки, руководители которых были бы в постоянных сношениях не с «Союзом» в СССР, а с вышеуказанным парижским ядром, которое, в свою очередь, сносится с центром «Союза» в Ленинграде при помощи безопасных okazji, а также при приездах в Париж тех или иных членов «Союза».

¹ В копии фамилия Платонова вписана Строминим без особой отметки.

Я лично также должен был, будучи в Париже, поддерживать связь с этим ядром через посредство Краевича. Об этом я был несколько раз предупрежден С. Ф. Платоновым.

Между прочим, Платонов очень желал привлечь к организации лондонской ячейки «Союза» Ал[ексан]дра Мих[айловича] Ону и Капицу. Первый является б[ывшим] генер[алом], консулом в Лондоне, второй — ассистент Резерфорда, известного химика.

Платонов через посредство живущего во Франции эмигранта быв[шего] ректора Пермского ун[иверсите]та Оттокара Николая Павловича и эмигранта, члена нашего «Союза» Шмурло Евгения Францевича сделал тогда же в Париже попытку связаться с секретарем Муссолини с целью последующего сближения с итальянским фашизмом. Рассказывая мне об этом, Платонов говорил, что он постарается, таким образом, обеспечить получение денег из Ватикана не через польское консульство, которое его чем-то стесняло, а через итальянское. С тех пор как представитель польского консульства, приносивший Платонову деньги, отпущенные Ватиканом для передачи нуждающемуся духовенству, сказал Платонову, что возможен приезд какого-то духовного лица из Польши для выяснения количества и адресов пострадавших от совласти католиков, Платонов проникся к польскому консульству недоверием, усмотрев в этом попытку установления над ним контроля. Насколько я помню, этот секретарь Муссолини отнесся сочувственно к идеям «Союза» и желанию Ватикана помочь духовенству, но практическое сближение, как этого хотел Платонов, пока еще не произошло.

Функции отдельных главных членов организации

1. После всего сказанного о деятельности С. Ф. Платонова за границей, остановилось в первую очередь на моей личной деятельности. В общем в мои функции входило:

1) Вести переговоры во Франции и в других местах, где представится возможность, с государственными и политическими деятелями с целью содействовать установлению соответствующих связей и проведению в жизнь намерений организации («Союза»).

2) Вести работу по собиранию сведений для «Союза» по вопросам, касающимся международной политики.

3) Участие в текущих работах «Союза» (агитационная и организационная работа, составление отчетов по части внешней политики СССР и Франции, вербовка новых членов «Союза»).

4) Переговоры с лидерами отдельных политических группировок с целью сближения их с «Союзом» для совместной борьбы с СССР.

5) Поддержание связей с заграничной группой «Союза» и отдельными близкими к организации лицами за границей, пользуясь своими ежегодными заграничными командировками.

Эти функции легли на меня постепенно с момента моего вступления в организацию в 1926 г.

По пункту № 1. Перед моей поездкой за границу в 1928 г. в разговоре с Платоновым выяснилось, что О. Гетч просит содействовать выяснению вопроса о том, как французское правительство относится к идее самостоятельного вмешательства Германии в русские дела или к общей военной интервенции в СССР.

Обсуждая совместно вопрос, с кем и как я буду говорить во Франции, Платонов рассказал мне приблизительно следующее:

Получено предложение от О. Гетча, в котором он просит ускорить переговоры с французами, т. к. они уже провели от его сношения с организацией и дальнейшее скрывание от них может привести к неприятностям для германского правительства и для Герман[ской] нац[ионалистической] партии. Вместе с тем, он выразил пожелание, чтобы эти переговоры с французами велись только мною, т. к., по его мнению, я пользуюсь там не только репутацией научной, но и антантофила и это может дать лучшие результаты.

По мнению Гетча, с французами я должен был говорить о следующем:

1) О том, что Франция при перемене режима в России выиграет больше других, получая старые долги, обеспечивая свои колонии от революционной пропаганды и вступая в континентальный блок с Россией и Германией против Англии и Америки.

2) О том, что Франция, поэтому должна смягчить ужасный режим на Рейне и общую свою политику относительно Германии (ускорить освобождение Саарской области и т. д.).

Платонов, кроме того, рекомендовал, что во время переговоров не следует брать на себя никаких обязательств по отношению к французам. Он просил помнить, что французы больше будут считаться с «Союзом», если будут знать, что он уже связан и поддерживается Германией и так как французы сами очень много получают после ликвидации СССР, то они не должны препятствовать «Союзу» вести самостоятельные дела с Германией. Вместе с тем Гетч просил обратить внимание французов [на то], что за поход против СССР немцы вправе ждать соответствующих компенсаций в своих взаимоотношениях с Францией вообще.

Платонов считал, что если удастся наладить сношения с французами, то перед «Союзом» ставятся гораздо близкие перспективы в том смысле, что французские вассалы смогут скорее выступить, чем это случилось бы без участия Франции, с одной стороны, и что, с другой стороны, станут возможными займы, о чем давно уже говорил Коковцов. Он предложил отзываться о «Союзе» как о величине, с которой следует считаться, т. к. она объединяет наиболее выдающиеся умственные силы страны, располагающей специалистами военными, инженерами и наиболее авторитетными духовными лицами, что нет ни одного культурного учреждения, в котором «Союз» так или иначе не представлен, что он говорит от имени всех антисоветских сил, являясь единственной значительной силой, представляющей национальную идею. Для моего сведения он сказал, что «Союз» стал «европейской величиной» (его подлинные слова), и что Герман[ская] нац[ионалистическая] партия считается с ним, как с одним из элементов своей внешней политики.

Подсчитывая силы «Союза» после привлечения Ферсмана и его кружка, Платонов с удовлетворением констатировал, что состав «Союза» усиленно вырос с 45 чел[овек] в 1926 г. до 300 (трехсот) человек в 1928 г. (Здесь имелись в виду все филиальные отделения, кружки и военная группа.) Он подчеркнул, что в близком будущем все партии и группировки антисоветского характера прямо или косвенно примкнут к «Союзу», и он станет центром, объединяющим все антисоветское движение; что теперь «важно только не отпугивать программными разногласиями», что при этих условиях «Союз» в глазах Европы и эмиграции станет выразителем всей антисоветской России. Я редко видел Платонова в таком оптимистическом состоянии, как тогда, перед моим отъездом. Он получил новые сведения из Берлина от Гетча, которые радостно возбуждали: он говорил по поводу них, что в Берли-

не предвидят громадные возможности для «Союза», и что скоро он лично будет в Берлине, воспользуясь предстоящей «Неделей русских историков».

Здесь следует также отметить мой разговор, имевший место перед моим отъездом за границу, почти на ту же тему с местным германским генеральным консулом Цейхлиным. Свидание наше состоялось в Детском Селе на квартире членов организации Александра Михайловича и Людмилы Александровны Мервартов.

Если вкратце охарактеризовать мои отношения с Мервартами, должен сказать следующее: познакомились мы в квартире Бенешевича Владимира Николаевича в начале 1926 г., вскоре они начали довольно регулярно у меня бывать на семейных вечерах, устраивавшихся в моей квартире. Я бывал у них очень редко, если не ошибаюсь, за все время два или три раза. Я встречал там супругов Карских, проф[ессора] Фурмана, Бенешевича В. Н., проф[ессора] Левина и один раз Платонова С. Ф. с его дочерью Ниной Сергеевной.

В первое время наши разговоры касались общих академических тем и текущих событий, а затем в 1926 г., возможно, в начале 1927 г., когда я убедился, что как сам Мерварт А. М., так и его жена Люд[мила] Александровна настроены резко антисоветски и сблизилась с Платоновым, я более конкретно разговаривал с ними, главным образом, с Александром Михайловичем, о Платонове и деятельности организации, направленной к борьбе против СССР.

После нескольких бесед Мерварт, изъявивший желание присоединиться к организации, после первого же разговора об этом со мной сообщил мне, что он сблизился на этой почве также с самим Платоновым и надеется быть ему полезным, в особенности в его сношениях с Германией.

Еще позднее в том же 1927 г. я узнал от Платонова, что Мерварт является посредником между ним, Платоновым, и местным германским генеральным консулом в Ленинграде Цейхлиным, по передаче материалов «Союза» для пересылки в Берлин дипломатической почтой. Между прочим Платонов сказал мне, что Мерварта хорошо рекомендует Ионас из Берлина и теперь его нужно будет более тесно связать с «Союзом» и воспользоваться его связями.

Как уже выше указал, свидание мое с консулом Цейхлиным состоялось летом 1928 г. в квартире Мерварта в Детском Селе незадолго до моего отъезда за границу.

Когда я зашел к Мервартам, Цейхлин меня уже ждал. Наш разговор после нескольких общих тем перешел к вопросу о русско-германских отношениях в настоящем и будущем: [о роли] которую может сыграть Германия в экономическом и политическом возрождении России после свержения соввласти, о том, что необходимо указать французам, что они выиграют очень много от германского вмешательства в русские дела и что поэтому они должны были бы ослабить ужасный режим в оккупированных областях Германии, с одной стороны, и не препятствовать выступлению Германии на основании чисто формального запрета, налагаемого Версальским миром, с другой стороны.

Цейхлин просил меня в общем почти о том же, о чем говорил Платонов.

Рассказывая мне о подозрительном отношении французов к Германии, Цейхлин удивлялся, как французы не понимают, что в Германии смотрят на Эльзас-Лотарингию как на страну безнадежно потерянную и единственные экономические компенсации Германии находятся на Востоке. Он прибавил, что влиять в этом смысле могут только такие люди, как я, которые пользуются известностью в ученых и политических кругах.

Я сказал на все это, что никогда не скрывал перед французами несправедливое и жестокое обращение с Германией с их стороны и впредь еще больше буду на этом настаивать. Я обещал ему воспользоваться своей поездкой в Париж, чтобы сделать там все от меня зависящее. Я говорил о том, что совершенно напрасно меня считают германофобом после последней моей книги «Европа в эпоху империализма», так [как] я совершенно беспристрастно считаю виновниками войны как Германию, так и Антанту. Цейхлин указывал также на то, что французы не только получают старые военные долги, но они войдут в континентальный блок (Россия, Франция и Германия) против засилья Англии и Америки, он отметил при этом, что французы не должны беспокоиться, что Германия потребует от России и свои долги: она от них давно отказалась и желает только торговли с «Новой Россией», он подчеркнул, что очень важно указать французам, что в России общественное мнение, кроме коммунистов, стоит за смягчение французского

режима на Рейне, т. к. думает, что восстановить в России нормальный строй поможет только Германия. Разговор наш длился довольно долго. Я ушел первым, а Цейхлин оставался с Мервартами. Впечатление от этого разговора у меня осталось такое: 1) Цейхлин знал о моей работе в «Союзе», 2) Он был заинтересован в выяснении степени подозрительности Франции к русско-германским отношениям в настоящем и будущем и 3) Он лично хотел удостовериться, насколько я действительно являюсь германофобом.

В связи с Мервартом должен указать еще на встречу его в моей квартире с приехавшей из Германии (Штутгарта) некой Дорой фон Путлиц в 1924 г., с которой он, притворившись незнакомым, познакомился и, отделившись, проговорил весь вечер, чем тогда же обратил на себя мое внимание.

Дора фон Путлиц приехала к моей сестре Марии Викторовне Тарновской с рекомендацией ее подруги детства, жены профессора физики в городе Штутгарте Виктории Регенер, урож[денной] Минчиной, и поэтому была принята.

Ставя своей задачей последовательно изложить все свои антисоветские поступки за границей за время пребывания там в 1928 г., должен остановиться на том, что еще в Берлине по пути в Париж, остановившись на одну ночь у старого своего знакомого по городу Ленинграду, быв[шего] меньшевика-эмигранта Бориса Семеновича Элькина, занимающегося в настоящее время адвокатурой при коммерческом суде в Берлине, я сделал там сообщение в кругу эмигрантов: Юлия Айхенвальда (литер[атурный] критик), Августа Исаакиевича¹ Каминки (быв[ший] прив[ат-]доцент Лен[инградского] университета по торг[овому] праву, кадет), Гельфанда, быв[шего] меньшевика и других, в числе еще трех человек, тоже быв[ших] меньшевиков, в котором дал общую характеристику политического и экономического положения СССР. Я рисовал жизнь в СССР в темных красках, отмечал гонения на интеллигенцию, цензурные строгости, дороговизну, продовольственный кризис и т. д. Было ли использовано это мое сообщение присутствовавшим сотрудником «Руля» Каминкой, не знаю.

По приезде в Париж я предпринял шаги к тому, чтобы получить возможность беседовать как можно с большим кругом наиболее авторитетных лиц из государственных и политических деятелей Франции.

¹ Так в подлиннике; правильно Исааковича.

В первую очередь¹ мне удалось повидаться с директором Архива Министерства иностранных дел, близким другом министра иностр[анн]ых дел Бриана — Луи Пенго. Я встретил его на обеде у проф[ессора] Сорбонны Эйзенмана. Познакомившись, мы сразу почти начали говорить на тему об СССР. Пенго задал мне ряд вопросов относительно того, собирается ли СССР напасть на Польшу без объявления войны и о происходящих в Сибири восстаниях крестьян; заговорил о воспоминаниях пребывания французов в Одессе в <1929> 1919 г., о польской войне 1920 г. и французском вмешательстве и спросил меня, существует ли сейчас внутри СССР сильное антисоветское движение. Я ответил, что СССР остается страной крестьянской, которое не может примириться с политикой коммунистической партии, что недовольство совластью существует также среди интеллигенции и части рабочего класса, и что на этой почве возникло сильное течение, которое привлекает все новых и новых последователей, стремясь к восстановлению частной собственности с изменением государственного строя.

Говорили мы отдельно от других гостей — Альбер Матъез (проф[ессор] Сорбонны), проф[ессор] Дижонского университета Легра, проф[ессор] Сорбонны Анри Озе (<Нау> (Häuser)) и других, мы продолжали наш разговор, принявший более доверительный и конкретный характер. Я указал ему, что представители указанного течения ведут внутри страны большую работу и пользуются симпатиями и поддержкой Германской нац[ионалистической] партии и рассчитывают на вмешательство Германии в русские дела в решительный момент борьбы против совласти. Я не особенно доверял Пенго и поэтому говорил с ним только в общих чертах, не называя подробности, фамилий и т. д. Я желал только получить общее понятие о том, как французы относятся к идее герм[анского] вмешательства. Пенго сказал, что нечто подобное он слышал уже от Нольде и не понимает, как будет действовать Германия, лишенная права выводить свои войска за пределы своей страны. Он сказал также, что если это произойдет, Германия может наложить свою руку на Россию навсегда, добившись таким образом того, чего не могла добиться во время мировой войны. Пенго отнесся весьма критически к факту тесной связи организации с Герм[анской] нац[ионалистической] партией и сказал, что французское правительство никогда не одобрит одиночного выступления Германии без участия Польши и лимитрофов. Что касается активного выступл-

¹ В подлиннике слово очередь вписано Строминым без особой отметки.

ления самой Франции, Пенго сказал, что оно возникло [бы] исключительно в случае необходимости спасти Польшу от завоевания войсками СССР.

Однако Пенго интересовался тем, как представляют себе сторонники охарактеризованного мною движения разрешение вопроса о старых долгах России и будущие взаимоотношения с Францией. Я ответил, что долги, безусловно, будут признаны и выплачены с течением времени, что сроки и способы уплаты долгов будут установлены комиссией из обеих стран и что предусматриваются дружественные отношения между Францией, Германией и Россией.

Что касается французской политики по отношению к Германии, Пенго сказал, что делались различные попытки смягчить установленный режим, но это приводило только к тому, что Германия начинала уклоняться от выполнения своих обязательств и что он не думает, чтобы какое бы то ни было французское правительство согласилось на видоизменение существующего положения.

Общее мое впечатление от этого разговор было то, что [Пенго] из всех вариантов военной интервенции в СССР отвергает германскую, признает польскую и лимитрофов, непосредственно французскую, с проездом французских войск через территорию Германии принципиально также признает, причем считает ее фактически возможной исключительно в случае прямой опасности завоевания Польши.

После этого я виделся с Пуанкаре. Свидания наши состоялись при посредстве директора Музея войны при Венсенском замке Камилла Блока, с которым я в весьма дружеских отношениях, т. к. имел с ним дела по обмену изданиями и документами между этой библиотекой Музея войны с одной стороны и нашим Центрархивом с другой стороны.

Первое мое с ним свидание состоялось во время раута по поводу открытия двух новых отделов Музея. Познакомили нас Камилл Блок и сопровождавший Пуанкаре сенатор Онора, с которым я успел через того же Камилла Блока познакомиться до этого.

Разговор наш начался с его расспросов о нынешнем положении СССР, носивших более или менее общий характер. Затем мы все перешли в квартиру Камилла Блока, где мы через некоторое время остались наедине.

Так как это свидание было заранее условлено через Камилла Блока и Онора, то наша беседа, как только мы оказались в частной квартире, приняла конкретный характер. Я начал с того, что довольно подробно рассказал о положении СССР, о растущем антисоветском движении, охватывающем все новые и новые элементы деревни и города, и о «Союзе», который постепенно становится во главе этого движения. Я коснулся планов «Союза», согласно которым предусматривается внутреннее вооруженное восстание, поддержанное интервентскими войсками Германии. После довольно подробной характеристики деятельности «Союза», объединяющего оппозиционные элементы страны, я сказал, что «Союз» тесно связан с лидерами Германской националистической партии, которая оказывает значительную финансовую поддержку для развития его деятельности и обещает вооруженное вмешательство в решающий момент. Затем я указал, что идея германской военной интервенции является более приемлемой для оппозиционных сил, чем интервенция других стран, в особенности Польши, и что сейчас важно выяснить отношение Франции к германскому выступлению, которое стеснено не только условиями Версальского мира, но и установленным суровым режимом, который, по мнению лидеров Герм[анской] нац[ионалистической] партии, по справедливости должен быть изменен, т. к. впоследствии французы получают не только старые долги, но и ряд других экономических и политических выгод. Пуанкаре после этого задал мне ряд вопросов, приблизительно следующего характера:

1) Не была ли организация создана Платоновым по прямому внушению из Берлина, и с какого времени сношения с Берлином укрепились окончательно?

2) Каким образом та же партия в Германии поддерживает одновременно дружеские отношения с сов[етским] правительством и с организацией?

3) Как относятся к организации Коковцов, Лохвицкий и Тимашев (финансист, быв[ший] прив[ат-]доц[ент] Ленинградского политехнического ин[ститу]та), особо был отмечен ген[ерал] Лохвицкий как патриот и друг Франции, не крайний, умеющий считаться с духом времени и с политической обстановкой)?

4) Как относится организация к разным державам, не смотрит ли она на все сквозь немецкие очки?

Когда я ответил на все (на: 1) — отрицательно, 2) что Германия все время непосредственно нуждается в России и не может в данном отношении ничего откладывать, 3) положительно и 4) что в своих воззрениях не зависит от Германии и стремится к установлению в будущем дружбы с Францией), Пуанкаре выразил удивление, что к Польше — славянской стране в России относятся хуже, чем к Германии. Он добавил, что Франция не сочувствует самостоятельному выступлению Германии, а сама выступит только, если нужно будет непосредственно спасти Польшу. Я спросил тогда, на чем ограничилось бы выступление французов, на что он ответил, что на очищении только польской территории без дальнейшего похода на Ленинград и Москву; он добавил, что французские войска останутся в Польше, займут стратегические пункты на русской пограничной территории и, увеличивая постепенно свою численность, создадут постоянную угрозу для сов[етского] правительства, причем если оно при таких условиях не будет свергнуто внутренним восстанием, то это будет явным доказательством, что настоящих антисоветских сил нет, и всякое внешнее вмешательство совершенно бесполезно. Я отметил здесь, что антисоветские силы, безусловно, есть, но собраны они могут быть при случае иностранной оккупации части русской территории, на этой территории, по мнению военной группы «Союза», мог бы произойти набор добровольцев или даже всеобщее ополчение против соввласти, могла бы возникнуть русская антисоветская армия, но без такой армии восстание гражданского населения безнадежно.

Затем он спросил, правда ли что предполагается монархия из династии Романовых, я ответил, что этот вопрос будет разрешен Собранием народных представителей, хотя «Союз» от себя будет предлагать монарха, быв[шего] вел[икого] кн[язя] Андрея Владимировича. После этого я вновь коснулся вопроса о том, что если еще не будет оккупирована известная часть территории, я не представляю военного выступления и добавил, что если, освободив Польшу, французское правительство заключит с большевиками мир, движение может не увенчаться успехом (это был ответ на его вопрос). Пуанкаре на это ответил, что мир заключен не будет, французская армия останется в Польше длительное время для ее охраны и побудит всех лимитрофов к объединенному выступлению, чтобы покончить с вечной угрозой на Востоке. В этот вечер наш разговор дальше продолжаться не мог и было условлено, что увидимся через четыре дня в этой же квартире Блока, когда он,

Пуанкаре, вновь придет для работы над своими документами, пожертвованными в Музей.

По прошествии этих четырех дней разговор наш возобновился, причем закончился на том, что Франция надеется, что «Союз» достаточно серьезная организация, способная к действиям и заслуживающая поддержки, которая будет оказана оружием¹ и деньгами и другими средствами в зависимости от обстоятельств. Что касается выступления Германии, Пуанкаре сказал, что ни позволять, ни препятствовать Франция не будет и займет наблюдательную позицию, бдительно охраняя при этом свои интересы и следя, чтобы Германия не использовала Россию <в своих интересах>, как это она хотела сделать в 1914 г.

Затем разговор опять² коснулся разных вопросов быта в СССР. Он интересовался, много ли работает в СССР немецких инженеров, кто им платит жалованье, много ли немецких концессий, правда ли, что в концессиях французам отказывают, о положении сталелитейного завода Вадона в Одессе или Херсоне (Вадон — француз); были ли в СССР изданы новые тома документов под редакцией Рене Маршана, почему сов[етская] пресса нападает более жестоко на Францию, чем на Германию, почему ничего не вышло из ожидавшегося поворота во франко-советских отношениях, хотя это ожидалось и было предсказано Довгалевским.

Особо он интересовался, не потребовали ли уже немцы обещания³ заключения торгового договора от Платонова и в чем он заключается. Я ответил, что общие разговоры об этом были, что произвело на него отрицательное впечатление.

В общем я вынес мнение, что Франция поможет «Союзу», если дело дойдет до реальных выступлений, что выступлению Германии она не препятствует, но к такой самостоятельной роли Германии относится весьма подозрительно, причем в случае войны с СССР примет активное участие и сама, обставив это свое выступление для своего общественного мнения мнимой опасностью для существования Польши.

После этого свидания мне удалось повидаться также с министром ин[остранных] дел Брианом. Свидание состоялось при посредстве

¹ В копии вместо оружием напечатано орудием.

² В подлиннике слово опять вписано Строминым без особой отметки.

³ В подлиннике слово обещания вписано Строминым без особой отметки.

ректора Сорбонны Шарлети, которого я просил познакомить меня с Брианом, мотивируя это желание поговорить с лицом, биография которого связана с историей Франции в течение последних 30 лет.

Наше знакомство произошло в помещении Сорбонны на рауте «Об[шест]ва сближения с иностранными учеными». После нескольких незначительных замечаний Бриан дал мне понять, что в курсе моей беседы с Пенго, что желает со мной поговорить и тут же назначил со мной встречу в квартире присутствовавшего тут же Шарлети через неделю.

В назначенный день в 5 часов вечера среди нескольких гостей, собравшихся у Шарлети, я встретил Бриана, приехавшего совместно с директором или вице-директором Восточного департамента Минист[е]р[ства] ин[остранных] дел Лемуаном. Мы втроем, отделившись в кабинете Шарлети, имели беседу, которая тут же в некоторых отдельных пунктах записывалась Лемуаном.

Наш разговор начался почти сразу вопросом Бриана о взаимоотношениях «Союза» с Германией и <каковы> ее требованиях к будущей России. Я ответил на это тем, что сказал уже Пенго, а потом Пуанкаре о деятельности «Союза», связи его¹ с Германией, о получающейся отсюда поддержке и о планах «Союза» насчет будущих выступлений и роли в этом Германии и Германской нац[ионалистической] партии и организации «Стального шлема». Бриан на это заявил в более категорической форме, чем Пуанкаре, что самостоятельное выступление Германии терпимо быть не может, и что «Стальной шлем» рассматривается им наравне с герман[ской] правит[ельственной] армией, а не как частная корпорация, точно так же, как он и не отделяет Германскую национ[алистическую] партию от герман[ского] пр[авительств]а.

Разбирая планы «Союза» в части германской интервенции, Бриан заявил, что если СССР будет воевать с Польшей, то на сторону Польши, безусловно, станут Румыния и все лимитрофы, не исключая Финляндии. В разгаре этой войны должны выступить Германия и Франция, причем только в том случае, если всех этих сил не хватит, чтобы закончить эту операцию против СССР. На его вопросы о численности антисоветской вооруженной силы «Союза» и как отнесутся к немецкому вмешательству среди населения СССР, я ответил, что 1) пока «Союз» готовит только командные кадры и нет никакой возможности

¹ В подлиннике слово его вписано Строчиным без особой отметки.

точно предвидеть, какова будет численность этих сил; чтобы собрать достаточное количество необходимо создать известные условия, т. к. организовать отряды на глазах соввласти совершенно невозможно; 2) к германскому вмешательству население в своей антисоветской части и прежде всего крестьянстве отнеслось бы лучше, чем к польскому. Он спросил еще, как отнеслись бы в России к интервенции французской и сумела бы будущая Россия возместить Франции издержки от этого похода, я ответил, что это было бы разрешено вместе с общим вопросом о долгах. Касаясь выступления лимитрофов, Бриан высказал предположение, что соввласть, потеряв Ленинград и Москву, может продолжить борьбу в глубине страны, куда никто из лимитрофов не пойдет, и тогда получит такое же положение, «как в Китае с вечной войной Севера с Югом». Мы вернулись к теме о Германии, и я высказал, что если Германия берет на себя своими силами помочь перевороту и только просит о смягчении на это время собственной участи на Рейне, как к этому отнесется Франция, кроме того, Германия, обеспечивая компенсации Польше за счет территории Белоруссии и Украины, вправе надеяться на возвращение ей «Польского коридора». Бриан ответил, что немцы держат себя так, что имеют как если бы имели¹ права предъявить счет за состоявшееся уже избавление от большевиков, а не как люди, которые еще только обещают это сделать, но прибавил, что никакого нападения на Германию или какого-либо давления со стороны <Гер> она не испытает, если она проявит свое бескорыстие, выступит совместно с лимитрофами и представит в Лигу Наций для обсуждения и регистрации все свои будущие заключенные договора с Россией. Однако подчеркнул, что, во всяком случае, инициативная роль не может принадлежать только Германии. В связи с этим он сказал, что с того момента, как Франция решит активно вмешаться в русские дела, она предоставит все полномочия своему военному командованию, которому будет отведена роль руководящая над всеми действующими против СССР силами, в том числе и над немецкими. О последних он выразился так: их помощь, безусловно, необходима как для переправы французских войск, так и вследствие значительной силы не прекрасно организованной армии.

Касаясь самой организации, Бриан расспрашивал меня, как много имеет она в своем составе военных специалистов, как проводит она

¹ Так в подлиннике; слова если бы имели вписаны Строминьым без особой отметки.

свою работу в условиях советской диктатуры, какие элементы она объединяет, кто ее возглавляет, как относятся к ней Лохвицкий и другие участники антисоветского движения и различные партийные группировки, как мыслит она себе будущий государственный строй, между прочим, он указал слова П. Б. Струве, сказанные им, что теперь русским людям нужно выбирать только крайние решения между большевизмом и монархией. На все это я повторил тоже, что говорил раньше Пуанкаре и Пенго, и особо еще указал, что «Союз» не может им рассматриваться как предприятие немецкое и решительно опроверг его подозрения, что Платонов может оказаться орудием германской политики, а то обстоятельство, что «Союз» получил первую поддержку от немецких националистов, я объяснил сношениями Платонова с немцами еще с 1925 г.

В конце разговора он коснулся будущих франко-русских экономических взаимоотношений, подчеркнув, прежде всего, что Франция превратилась теперь в индустриальную страну и нуждается в России не меньше Германии или Англии как в рынке сырья и сбыта. Кроме того, т. к. ни Франция, ни Россия не входят ни в один из двух мировых нефтяных синдикатов, Франция еще в особенности заинтересована в использовании русской нефти и поэтому Франция ждет от будущей России заключения выгодного обоим странам торгового договора, без которого не может быть и речи ни о каких займах или помощи Франции вообще.

Если схематизировать содержание моих обоих бесед с Брианом, то их можно свести к следующему:

1) Самостоятельное выступление Германии нежелательно, но выступление ее приветствуется, если оно произойдет одновременно с Польшей, Румынией и лимитрофами при известном контроле и участии Франции.

2) После ликвидации СССР новая Россия: а) признает старые французские долги, б) входит в экономическое и политическое соглашение с Францией и присоединяет свою подпись к Версальскому миру, с тем, чтобы также участвовать в гарантии его исполнения, в) компенсирует всех граждан Французской республики, пострадавших в результате Октябрьской революции.

3) Между Россией и Францией заключаются торговые договоры на основе наиболее благоприятствуемых стран.

4) Россия обязуется не заключать ни с кем таких договоров, которые нарушали бы условия Версальского и Сен-Жерменского договоров.

5) Россия входит в состав Лиги Наций.

6) Россия и Франция заключают конвенцию, согласно которой сообщают друг другу сведения, интересующие их внутреннюю безопасность. (Здесь Бриан высказал мысль, что имеет в виду материалы Коминтерна, касающиеся Франции.)

7) Россия получает от Франции заем с реальными гарантиями немедленно по установлению нового строя и сделает все необходимое для полного экономического восстановления России.

8) Устанавливается особое франко-русское соглашение о русской нефти.

Присутствовавший при нашем разговоре Лемуанон задавал изредка отдельные вопросы, уточняющие те или иные мои сообщения об организации и будущих ее планах, и больше всего делал какие-то заметки в своей записной книжке.

Когда я все это рассказал Платонову и представил письменный отчет об этих своих переговорах для включения в общий его отчет Гетчу, то в прямую противоположность моему выводу, Платонов пришел к заключению, что французы, хотя прямо не высказали, но одобрили план выступления Германии, он особенно был удовлетворен самим фактом этих переговоров, которые ликвидировали опасность изъятия недовольства со стороны Франции, <что> о чем ранее беспокоился Отто Гетч (см. выше).

В отношении будущих франко-русских торговых соглашений Платонов имел в виду сначала установить перечень всяких выгод торгового договора для Франции, а затем решил поручать это дело и вообще все будущие финансовые и экономические отношения с Францией В. Н. Коковцову, который должен был непосредственно снести по этим вопросам с Пуанкаре.

Спустя месяц, приблизительно в декабре 1928 г., Платонов сообщил мне, что в Берлине удовлетворены моими переговорами и приписывают им большое значение, причем расценивают их так, как он, Платонов, а не как я.

Мне пришлось в Париже тогда же, осенью 1928 г., говорить с чиновниками Министерства иностр[анных] дел Сегье (вице-директор канцелярии Министерства или лично Бриана) и Ревиньи (помощник директора Восточного департамента Министерства), которые посетили меня, когда я работал в Архиве Министерства ин[остранных] дел.

Разговоры наши носили приблизительно следующий характер:

Они спрашивали, правда ли, что СССР перевооружает Красную армию для нападения на Румынию и Польшу. Интересовались общим положением в СССР как в политическом, так и экономическом отношении и вдруг обнаружили осведомленность о существовании «Союза» и его деятельности. Оказалось, что они в курсе этого от Нольде и Пенго, который фактически их со мной и познакомил.

Они расспрашивали об организации, о Платонове, о его политической биографии, о связях с немцами и т. д. Ответы мои были краткими без каких-либо подробностей и фамилий.

В конце выяснилось, что они хотели регулярно получать сведения об СССР и просят моего совета в этом отношении. Они указали, что они пользуются сведениями эмигрантов, которые оказываются очень часто ложными, что они платят большие деньги и получают взамен сведения, почерпнутые из эмигрантских газет, что они хотели бы завязать для этой цели связи с живущими в СССР и с лицами, близко стоящими к командному составу Красной армии и НКВД и т. д. Я ответил, что ничем в данном случае не могу им помочь. Они разъяснили, что барон Нольде регулярно сообщает все известное ему об СССР и «Союзе» Филиппу Бертело (генеральный секретарь Минис[терства] ин[остранных] дел, заместитель Бриана) и что они также хотели бы иметь такую информацию из СССР, не имея, конечно, в виду, чтобы это сделал именно я.

Указанный Сегье заходил ко мне (в Архиве) еще раз, говорил о том же и в разных вариантах, подчеркивал сочувствие французского правительства всякому стремлению установить в России «свободный режим» и готовность его оказать¹ возможную помощь.

К этому времени приблизительно относится мое посещение в Париже адвоката и литератора Дюмюра, с которым я знаком с 1924 г. Я

¹ В копии вместо *оказать* напечатано *оказывать*.

приглашен был, так как у него должны были собраться люди, интересующиеся положением в СССР.

Когда я пришел, меня встретила группа собравшихся, около 16 чел[овек]. Среди них были: 1) помощник директора Департамента <Восто> международ[ных] историч[еских] конгрессов Леритье, 2) генерал (проф[ессор] А[кадемии] Генер[ального] штаба) Сенпор, 3) Робер Гюйо (проф[ессор] Сорбонны), проф[ессор] Коллеж де Франс Жорж¹ Ренар и другие, фамилии коих не запомнил. Все они французы.

Я рассказал о положении СССР, о продовольственных затруднениях, о цензурных строгостях, о расколе в коммунистической партии, троцкизме, о том, что Троцкий пропустил удобный для захвата власти момент, дав разгромить своих последователей в аппаратах государственной власти и² Красной армии и т. д.³

Присутствовавший там генерал Сенпор, оказавшийся участником французской интервенции в России в 1919 г., подсел ко мне и начал расспрашивать о Красной армии, об отдельных членах Реввоенсовета и о растущем в СССР антисоветском движении. Я ответил, что несмотря на то, что нет открытых нападения и демонстраций против соввласти и диктатура кажется твердой, в стране все крепнет антисов[етское] настроение, во-первых, в деревне среди зажиточных слоев крестьянства, во-вторых, в городе среди интеллигенции, которая бьется в тисках нужды и преследований. Я ему рассказал о «Союзе» не называя фамилий, в конце этого разговора обнаружилось, однако, что [он] знает лично Платонова, говорил с ним от имени французского Генер[ального] штаба, после ген[ерала] Данну.

Я встречался в Париже также с неким Лера — заведующим русским отделом библиотеки Музея войны в Венсеннском замке, где я работал над военными материалами. Он меня довольно подробно расспрашивал об СССР (до войны он жил в Ленинграде), о советских учреждениях, Красной армии, Академии наук и ее учреждениях, настроении интеллигенции и т. д. Я рассказал все, что знал, давая сведения об СССР в довольно мрачных красках. О Красной армии я сказал, что она технически отстала, не имеет аэропланов, газов и т. д., хотя дисциплина существует и есть спайка между командным составом и

¹ В копии вместо Жорж напечатано Джорж.

² В копии вместо и напечатано в.

³ В копии абзац выделен зеленым карандашом и отмечен звездочкой.

рядовыми красноармейцами. Тоже я сказал и генералу Камюзо, с которым Лера меня познакомил там же в Библиотеке, где тот работал. Лера расспрашивал весьма обстоятельно о работающих на территории СССР немецких военных заводах, о планах советского правительства в отношении Польши, Литвы и других лимитрофов, почему командиры Красной армии, посещающие германское посольство в Москве, отказываются бывать у Эрбета (аналогичный вопрос задал генер[ал]¹ Камюзо), о связи Коминтерна с советским пр[авительст]вом, правда ли, [что] сов[етское] пр[авительст]во хочет установить зенитные орудия для бомбардировки на далеком расстоянии румынских городов, как проходит подготовка командного состава Кр[асной] армии, что мне известно о командирах Кр[асной] армии (назвал ряд фамилий), о положении советского червонца, о действиях Коминтерна в Марокко, возможны ли в СССР вооруженные восстания по примеру Кронштадтского, есть ли в Красной армии китайские отряды, о техническом положении советского военного морского флота, много ли уклоняющихся от военной повинности, знаю ли я о циркуляре морского советского командования, предписывающем морякам, находящимся в заграничном плавании, вести коммунистическую агитацию, насколько силен в армии троцкизм и т. д.

Он спрашивал также об антисоветском движении внутри СССР и о существующих там организациях. На этот вопрос я ему не хотел ответить и сказал <что> в общей форме, что знаю одну такую организацию, которая ставит своей целью восстановление частной собственности и устранение конституционной монархии. На это он сейчас же назвал Платонова и добавил, что «об этом он уже знает от господина Нольде».

Оказалось, что он находится до известной степени в курсе дел и сношений «Союза» с Отто Гетчем, причем знал даже о получающейся из Берлина финансовой помощи.

Наши встречи продолжались в 1926, 1927 и 1928 годах, когда я почти ежедневно, будучи в Париже, работал в Библиотеке.

Нужно отметить, что во время наших бесед вопросы, относящиеся к Красной армии и флоту, задавались также присутствовавшим несколько раз генералом Камюзо, который так же, как и Лера, тесно связан с французским Генеральным штабом. Не помню сейчас, кто из этих

¹ В подлиннике слово генер[ал] вписано Стрומиным без особой отметки.

лиц, кажется, генерал Сенпор предупредил меня тогда в 1926 г. о предстоящем столкновении Китая и СССР.

Были у меня и другие встречи, с которыми приходилось говорить об СССР и относительно которых у меня потом оказывались данные, что они имеют отношение к разведывательным организациями Франции или Англии.

С одним из агентов Англии я встречался в квартире проф[ессора] Мазона, он индус, занимается у Мазона филологией и, судя по его словам, намерен скоро приехать в СССР для службы в английском посольстве в Москве. С этим лицом я говорил очень мало.

Как я уже выше указал, одной из моих задач в Париже было воспользоваться моими связями (личными знакомствами) с лидерами отдельных политических группировок и ознакомить их с программой и деятельностью «Союза» с тем, чтобы привлечь их сочувствие.

С этой целью было устроено два заседания в кафе «Клюни» около музея на бульваре Сен-Мишель, на котором кроме меня были:

- 1) Милюков Павел Николаевич,
- 2) Агафонов Валериан Константинович,
- 3) Миркин-Гецевич Борис Сергеевич,
- 4) Штейнфельд (близкий к Милюкову),
- 5) Гронский (проф[ессор], сотруд[ник] «Послед[них] новостей»),
- 6) Оденец¹ (прив[ат-]доцент Лицея, близкий к Милюкову).

Как первое заседание, так и второе было устроено по инициативе Милюкова и Агафонова.

Я сообщил об СССР, о положении интеллигенции, прессы, ученых и т. д. и рассказал кое-что о нашей организации, нуждающейся для достижения поставленной перед собой цели не только в помощи, но и в сотрудничестве всех политических партий. Я довольно подробно остановился на необходимости объединения всех антисоветских сил, на том, что никому не следует навязывать никаких положительных программ в смысле формы гос[ударственного] правления и других реформ, а только совместно используя все силы, добиваться возможности свободного избрания народных представителей, которые и решат судьбу будущей России.

¹ Так в подлиннике и копии; правильно Одинец.

Я сообщил также о тех условиях, в которых члены «Союза», подвергаясь большой опасности, ведут борьбу с соввластью.

Высказывались все в духе симпатии «Союзу», причем Милюков предложил свои услуги и использование своей газеты для целей «Союза».

Мои сообщения о «Союзе» носили поверхностный характер, т. к. я не всех присутствовавших знал.

Более откровенно об организации я рассказал одному Милюкову, который в свою очередь сообщил, что он уже имеет известное представление о «Союзе» со слов Ростовцева. Он придал «Союзу» большое значение и заметил, что возглавляемая им партия республиканских демократов (РД) по программе очень близка к «Союзу».

Он очень жалел, что лично не увиделся с Платоновым, что для устройства этого свидания у Платонова (в квартире Краевичей) был его секретарь (сотруд[ник] «Посл[едних] нов[остей]») Миркин-Гецевич, но из этого почему-то ничего не вышло, т. к. Платонова Миркин не застал. Между прочим Милюков сказал, что пригласил к участию в редактируемой им коллегии «Истории России» Платонова, Богословского, Любавского, Готье, Приселкова и Заозерского, которая будет издана на французском языке.¹

Подобное заседание было устроено в квартире меньшевика Гурвича Григория Давыдовича (проф[ессор] философии). Кроме нас присутствовали еще: б[ывший] проф[ессор] Пермского и Петербургского университетов, в настоящее время проф[ессор] Ковенского университета Александр Семенович Яценко, барон Герстен (приват-доцент, национал-демократ), д[окто]р Аитова (урож[денная] Маргулос², член партии РД), Брейтбург (меньшевик), Айзенберг Вениамин Александрович (меньшевик) и другие в числе 15 человек. Я говорил здесь об общем положении СССР, характеризуя его в темных красках. Я между прочим, рассказывал им о преследовании в СССР б[ывших] меньшевиков (о высылке д-ра Вигдорчика и др[угих]).

Я участвовал, кроме того, на собраниях в частных домах у Евгении Георгиевны Бато-Плехановой, Андре Мазона, Раймона Гюйо, финан-

¹ В копии данное предложение подчеркнуто и отчеркнуто красным карандашом.

² Так в подлиннике и копии; правильно Маргулиес.

систа Жандра и некоторых других. Всюду я выступал резко против Коминтерна, внешней политики Коминтерна, влияющей на деятельность НКВД, часто вопреки воле последнего. Я характеризовал экономическое и политическое состояние СССР в мрачных красках. Виделся я также и с отдельными эмигрантами, как например: Церетели, Сватиковым, Мельгуновым, Вернадским Георгием Влад[имировичем], Гинзбургом, Лозинским Григорием Леонид[овичем], Познером Соломоном, Готовцевым, Рыссом Петром, Минорским, Елисеевым (чинов[ник] японского посольства в Париже), Бурцевым Вл[адимиром] Львовичем, Ростовцевым Мих[аилом] Иванов[ичем], Васильевым Ал[ександром] Ал[ександровичем], Струве Петром Бернгардовичем, Ольденбургом Сер[геем] Сер[геевичем], Шамониным (родственник Платонова, быв[ший] белый офицер), Фундаминским Ильей Исидоровичем (б[ывший] эсер), Шестаковым, Гендельсман[ом] (проф[ессор] Краковского университета) и Нольде Борисом Эммануиловичем. Многие из них имеют отношение к «Союзу» (Васильев, Ростовцев, Нольде, Струве, Вернадский, Ольденбург и Шамонин). С некоторыми наши встречи были случайны и не сопровождались какими-либо значительными разговорами.

По пункту № 2 — я осведомлял Платонова о текущей международной политике, главным образом с точки зрения дипломатического положения СССР и Франции и о взаимоотношениях СССР с другими государствами. Я собирал для этой цели разную информацию, используя свои связи с лицами, близкими в СССР к Наркоминделу, а во Франции к Министерству иностр[анных] дел.

Собранные сведения я передавал лично Платонову в устной и письменной форме. Они служили материалом для составляемых им отчетов «Союза», посылавшихся дипломатической почтой местного германского генерального консульства в Берлин Отто Гетчу (подробности см. в отдельных моих по этому предмету показаниях).

По пункту № 3. С момента моего вступления в «Союз» в начале 1926 г. я принял активное участие во всех работах «Союза». Участвуя в его заседаниях, я помогал выработать агитационные, организационные и военные планы «Союза» (в отношении работы военной группы мое участие ограничивалось присутствием на заседаниях, на которых обсуждалась деятельность военной группы и подготовленный ею план вооруженного восстания и захвата власти в Ленинграде).

Я принимал также участие в редактировании отчетов «Союза», посланных Отто Гетчу в части, касавшейся международной политики.

Я помогал также привлекать новых членов «Союза». Так я приблизил к «Союзу» следующих лиц:¹

1. Мерварта Александра Михайловича,
2. Мерварт Людмилу Алек[сан]дровну в 1927 г.,²
3. Пузинского Владимира Францевича в 1927 г.,
4. Бенешевича Владимира Никол[аевича] в 1927 г.,
5. Крачковского Игнатия Юлиановича в 1927 г.,
6. Бузескула Владислава Петровича в 1928 г.,
7. Бутенко Вадима Аполлоновича в 1928 г.,
8. Заозерского Александра Иванов[ича] в 1927 г.

С целью производства соответствующего отбора наиболее пригодных для работы в «Союзе» или будущей работы на политическом поприще после свержения соввласти вообще я принял предложение Платонова близко рассмотреть состав нелегального³ кружка «Молодых историков» с тем, чтобы его соответствующим образом охарактеризовать. Наиболее способными и пригодными для «Союза» были мною признаны: Шебунин Андрей Иванович⁴, Романов Борис Александрович и Тхоржевский Сергей Иванович.

По пунктам за №№ 4 и 5 деятельность моя была изложена выше.

2. В функции Измайлова Николая Васильевича входило руководство военной группой «Союза», вербовка и подготовка будущих командных кадров, приобретение и хранение оружия, выработка планов вооруженного восстания, захвата власти и изоляции коммунистов после победы восстания, сношение с будущим диктатором генер[алом] Лохвицким, организация провинциальных военных групп и ячеек и т. д. Более подробно о деятельности Измайлова изложено выше.

¹ В копии данное и предыдущее предложения подчеркнуты красным карандашом.

² В копии эта строка подчеркнута красным карандашом.

³ В подлиннике слово нелегального вписано Строминим без особой отметки.

⁴ Так в подлиннике и копии; правильно Николаевич.

3. Рождественского Сергея Васильевича. Его деятельность выражалась в организации нелегальных кружков преподавателей и учащихся средних и отчасти высших учебных заведений. Он собирал информацию о настроениях среди служилой интеллигенции и крестьян в окрестностях Ленинграда (для этой цели специально ездил в Павловск, Лигово, Гатчину, главным образом в деревни). Указанные сведения он передавал в письменной форме для помещения в отчетах «Союза». Он занимался подготовкой реформы средней школы и кадров преподавателей. Он систематически налаживал связи с теми своими быв[шими] учениками и ученицами, которые занимаются педагогической деятельностью, проводил среди них идеологическую агитацию, втягивая их постепенно в кружки «Союза». Он принимал активное участие в кружке «Молодых историков», большая часть членов которого являлась его быв[шими] слушателями.¹ В противовес воспитанию в сов[етской] школе Рождественский разрабатывал план использования легальных возможностей образования групп детей и подростков, к которым дана² возможность приглашать преподавателей по выбору родителей. Рождественский кроме всего этого стремился организовать кружок физического и умственного воспитания молодежи по образцу дореволюционной организации «Маяк». Подобный кружок уже зародился, т. к. туда Платонов через Рождественского в моем присутствии еще в конце 1926 г. передал какие-то книги.

В деятельности «Союза» вообще Рождественский принимал также активное участие. Он присутствовал на всех заседаниях, активно участвовал в обсуждениях всех планов организации, в особенности касающихся (кроме средних и высших учеб[ных] зав[едений]) еще церкви, духовенства, помощи ему, разрушения церквей и т. д. Будучи выходцем из духовной семьи, Рождественский сохранил тесные связи с духовенством и считался известным авторитетом в этой области, причем в деле распределения среди духовенства полученных из Ватикана сумм играл руководящую роль. Он непосредственно помогал Платонову в деле сокрытия в Библиотеке Акад[емии] наук обнаруженных впоследствии документов. Квартира Рождественского использовалась «Союзом» для хранения документов и различных сумм «Союза». У него была еще самостоятельная связь с Маклаковым и, кажется, с Гуч-

¹ В копии данное и предыдущее предложения подчеркнуты черным карандашом.

² В подлиннике слово дана вписано Строминным без особой отметки.

ковым, с которыми у него была переписка, подробностей об этом не знаю.

4. Андреев Александр Игнатьевич. Он был одним из ближайших и наиболее доверенных людей Платонова. В «Союзе» был с первого момента его существования, являясь непосредственным помощником Платонова по всем техническим вопросам «Союза» и дел, касающихся Академии наук и ее учреждений. Он принимал участие в сокрытии документов и был хранителем архива «Союза», который передавался ему лично Платоновым для сокрытия в Археографической комиссии. Он должен был воскресить кружок покойного акад[емика] Лаппо-Данилевского и воспитать кадры будущих архивных деятелей, которые могли бы заменить после переворота людей, тесно связавшихся с соввластью. Он почти всегда участвовал в обсуждении вопросов, разбиравшихся на заседаниях «Союза».

5. Лихачев Николай Петрович. Сыграл крупную роль в сближении Платонова с немцами в 1925 г. во время празднования юбилея 200-летия А[кадемии] н[аук] и был в курсе сношений «Союза» с Отто Гетчем и другими до последнего времени. Он участвовал во всех заседаниях и обсуждениях планов организации. Занимался наблюдением за вывозом за границу Госфондом художественных и научных ценностей и сообщением на заседаниях о появляющихся в зарубежных каталогах известиях о продаже вывезенных из СССР вещей. За старостью лет он не имел других специальных функций. В Акад[емии] наук проводил политику «Союза», стараясь влиять в этом духе на близких академиков.

6. Ферсман Александр Евгеньевич. Его функции в «Союзе» заключались в систематической организации инженеров и техников с целью объединения (объединения)¹ враждебных соввласти технических сил и вредительства интересам СССР. Деятельность его протекала самостоятельно до известной степени от «Союза», в использовании своего очень большого влияния среди различных специалистов как в Акад[емии] наук, так и в других учреждениях. Платонов, со слов которого я знаю о деятельности Ферсмана, придавал его, Ферсмана, работе колоссальное значение. Как уже выше указал, вредительство рассматривалось как необходимая форма политической борьбы. Постоянно указывалось на личный авторитет Ферсмана среди естествен-

¹ Так в подлиннике и копии.

ников, химиков, почвоведов и т. д. и на то, что он захватил в свои руки Клуб инженеров в виде легальной возможности для широкой политической работы в духе «Союза». Как уже выше было указано, в связи с кружковой работой Ферсмана по организации инженеров и захвату Клуба инженеров назывались различные имена, из которых мне запомнились:

1. Каленбек.¹
2. Кандыба, профессор ВТУЗа.
3. Вейнберг, профессор.
4. Аркус, инженер.
5. Фрейндлих.
6. Петровский, инженер, живет, кажется, в Москве.
7. Пасов.
8. Юшков.
9. Токарский.

Кроме них, в качестве близких к Ферсману по этой его деятельности говорили об акаде[емиках] Борисяке, Крылове и работниках¹ А[кадемии] Н[аук] Халтурине, Виттенбурге, Руденко, Раевском и т. д.

Одной из главных задач группы Ферсмана должно было быть не только систематическое (по возможности) вредительство, но саботаж важнейших функций аппарата материальной жизни страны в решительные дни восстания и захвата власти. . . (более подробно о деятельности Ферсмана см. выше).

7. Бенешевич Владимир Николаевич. В его функции входило все, что касалось церкви и духовенства в настоящем и будущем. Он явился инициатором создания тесной связи «Союза» с Ватиканом в вопросе общей борьбы против коммунизма и антирелигиозности и введения церковной унии.

Помимо сказанного выше о деятельности Бенешевича в отдельных показаниях, о его переговорах с Ватиканом и агитационной работе в СССР, а также о проектах церковных реформ после переворота (когда он намечался в качестве министра исповедания), должен еще прибавить, что вся практическая работа «Союза» в области церкви, бытовых вопросов духовенства, распределение пособий (из сумм Ватикана и

¹ Так в подлиннике и копии; правильно Казембек.

² В подлиннике и копии работников.

др[угих]) между нуждающимся духовенством, кружковая агитационная работа среди духовенства и верующих проходила при участии Бенешевича.

На заседаниях организации Бенешевич не присутствовал, я имею в виду заседания «Союза», происходившие в квартире Платонова. Там при мне Бенешевич был только один раз по приезде из Рима для сообщения Платонову (присутствовал, кроме меня, и Измайлов) о результатах своих переговоров в Ватикане.

Вообще же встречи его с Платоновым происходили в академических учреждениях или в моей квартире.

В тот раз, когда Бенешевич сделал сообщение о намерении Ватикана отпустить «Союзу» для нужд духовенства 350 000 рублей, он отметил, что имел личное поручение Ватикана раздать определенную сумму денег православному духовенству в Польше и указать архиепископу Варшавскому (православному) на необходимость не обострять отношения с польским пр[авительст]вом и католическим духовенством. Он рассказал, как он проездом в Ленинград из-за границы выполнил это поручение Ватикана. Он установился¹ также на предстоящую его вторую поездку в Рим, предположенную в 1928 г. для участия в совещании (по поводу унии) представителей обеих церквей и сторонников Евлогия и Антония. О себе он говорил, что будет представлять верующих СССР и будет содействовать не только введению унии, но и примирению враждующих сторон (Евлогия и Антония), т. к. от этого страдает общая борьба против врагов церкви. Он прибавил, что Ватикан смотрит очень серьезно на эти раздоры.

Он был того мнения, что пропаганду унии можно и нужно начать немедленно, пользуясь тем, что совласть этому не помешает из желания ввести в церковь раскол. Он сказал, что это свое мнение он высказал в Ватикане, и те намерены переслать агитационную литературу и 15 униатских священников, хорошо говорящих по-русски, которые поставят своей целью влиять в этом смысле главным образом на высшее православное духовенство. Он спрашивал у Платонова, какие имеются в «Союзе» возможности облегчить их миссию. Он сообщил также о предстоящем печатании в Польше духовной униатской литературы, которая будет доставляться в Россию дипломатической почтой польских представительств, т. к. Италия от этого уклонилась.

¹ Так в подлиннике.

Помимо Бенешевича церковными вопросами занимались еще:

Чепурин Николай, настоятель Покровск[ой] церкви.

Бриллиантов, быв[ший] проф[ессор] Духов[ной] академии.

Дмитриевский, член Византийской комиссии А[кадемии] н[аук].

Гирс Михаил Михайлович, сотру[дник] А[кадемии] м[атериаль-
ной] к[ультуры].

Тураева (Церетели) Елена Филимоновна, монахиня.

Аникиев, священник.

Все они вели агитационную работу и организовывали кружки «Союза» среди верующих и духовенства. Агитация велась как с амбона, поскольку это было возможно, так и на дому. Кроме того, велось наблюдение за настроением верующих, ростом религиозности и т. д. Все подмеченные явления в этой области находили свое отражение в отчетах, посылавшихся в Берлин.

Был еще один большой кружок такого же типа в Москве, который охватывал и часть близких к Москве провинций. Руководили им члены московского филиала «Союза» под общим наблюдением Бенешевича. Как уже сказал, этой работе Платонов придавал большое значение, признавал авторитет Бенешевича и то, что его будущая деятельность окажется плодотворной.

Здесь следует еще отметить, что Платонов сам, человек, далекий от религиозных настроений, смотрел на религию и церковь преимущественно как орудие политической борьбы.

8. Мерварт¹ Александр Михайлович. Его роль в организации заключалась в том, что он служил связующим звеном между «Союзом» в лице Платонова и Берлином (Отто Гетч и Ионас) через местного генерального консула Германии — Цейхлина.

Мерварт был доверенным лицом как Платонова, так и Цейхлина, через него передавались отчеты «Союза» и получались деньги и указания. Все шло дипломатической почтой.

Вместе с тем, что Мерварт входил в «Союз», он являлся еще как бы представителем Отто Гетча и Ионаса, и Платонов держал его постоянно в курсе всей деятельности «Союза».

¹ В копии фамилия Мерварт подчеркнута красным карандашом.

9. Карский Ефим¹ Федорович. В его функции входило сближение с учеными славянских стран (Югославии, Чехословакии и Польши). Он был инициатором распространения влияния «Союза» в этих странах и был сторонником польской военной интервенции. Для установления соответствующих связей Карский неоднократно ездил за границу, где имел свидания с эмигрантами и госуд[арственными] политич[ескими] деятелями. В Праге, например, он виделся с известным политич[еским] деятелем Крамаржем, эмигрантом, и монархистами Францевым, Лаппо, а в Белграде со Спекторским и многими другими. Он стремился воскресить существовавшее до революции «Об[щест]во славянского научного <об>единения» и создать из него известный политический центр.

Кроме того, Карский в академической жизни являлся непосредственным проводником политики «Союза». Между прочим, Карский был очень дружен с Мервартами. В 1927 г., когда Мервартам нужно было поехать за границу и не было для них свободных командировок, Карский, забронировав за собою командировку, уступил ее Мервартам.

9. Крачковский Игнатий Юлианович. Его функции в «Союзе», по словам Платонова, заключались в том, что через него поддерживались соответствующие связи «Союза» с польскими политическими и госуд[арственными] деятелями. Он был близок к польскому консульству в Ленинграде и имел значительные политические связи в Польше.

Он собирал сведения о деятельности Коминтерна на Востоке и ходил в курсе событий на Востоке. Кроме того, он совместно с Платоновым вел определенную политическую линию в академической жизни, где Платонов стал преемником Крачковского на посту секретаря Гуманитарного отд[еления] А[кадемии] н[аук], когда вводился новый устав и предстояли выборы коммунистов.

10. Алексеев Василий Михайлович. Он вел соответствующую работу среди ориенталистов и собирал сведения о деятельности Коминтерна в восточных странах, которые передавались Платонову для помещения в отчетах. Кроме того, Алексеев поддерживал связь с французским китаистом Пелио, являющимся агентом Министерства иностр[анных] дел по отделению «Светских миссий» в Азии и Африке. Этот отдел, имеющий официально назначение распространять

¹ Так в подлиннике; правильно Евфимий.

французский язык и культуру, на которое¹ возложено собирание сведений о деятельности Коминтерна на Востоке и борьба с ним.

Пелио, неоднократно бывавший после революции в СССР и Китае, пользовался также сведениями Алексеева. О работе Алексеева в «Союзе» знаю со слов Платонова.

11. Крылов Алексей Николаевич (бывший) адмирал). Его роль в организации мне не совсем ясна. Платонов сообщил мне, что Крылов связан с «Союзом» и ведет в пользу его соответствующую работу в Англии, где имеет влиятельные связи.

Со слов проф[ессора] Шестакова, давно живущего в Париже, мне известно, что Крылов, находившийся в Париже по командировке Реввоенсовета в качестве эксперта, сообщил неофициально Англии секретные сведения о СССР. Насколько эти сведения Шестакова точны, сказать не могу.

Состав «Всенародного Союза борьбы за возрождение свободной России»²

1. Платонов Сергей Федорович (академик)
2. Я, Тарле Евгений Викторович (академик)
3. Лихачев Николай Петрович (академик)
4. Любавский Матвей Кузьмич (академик)³
5. Сперанский Михаил Никанор[ович]⁴ (академик)
6. Карский Евфимий Федорович (академик)
7. Крачковский Игнатий Юлианович (акад[емик]к)
8. Алексеев Василий Михайлович (акад[емик]к)
9. Ферсман Александр Евгеньевич (акад[емик]к)
10. Крылов Алексей Николаевич (академик)
11. Щербатской Федор Ипполитович (акад[емик]к)
12. Владимирцов (акад[емик]к)
13. Перетц Владимир Николаевич (акад[емик]к)
14. Бузескул Владислав Петрович (акад[емик]к)
15. Жебелев Сергей Ал[ексан]дрович (акад[емик]к)

¹ Так в подлиннике и копии.

² В копии предложение подчеркнуто и отчеркнуто красным и зеленым карандашами.

³ В копии против №№ 1–4 красным карандашом проставлены галочки.

⁴ Так в подлиннике; правильно Несторович.

16. Грушевский Михаил Сергеевич (акад[емик])
17. Вернадский Владимир Иванов[ич] (акад[емик])
18. Ляпунов (академик)
19. Измайлов Николай Васильевич (сотр[удник] П[ушкинского] Д[ома] А[кадемии] н[аук])¹
20. Беляев Михаил Дмитриевич (сотр[удник] П[ушкинского] Д[ома] А[кадемии] н[аук])
21. Андреев Александр Игнатъевич (сотр[удник] А[рхеографической] к[омиссии] А[кадемии] н[аук])²
22. Рождественский Сергей Васильев [ич] (сотр[удник] Б[иблиоте]ки А[кадемии] н[аук])
23. Дружинин Василий Григорьев[ич] (сотр[удник] А[рхеографической] к[омиссии] А[кадемии] н[аук])
24. Бенешевич Влад[имир] Никол[аевич] (сотр[удник] Г[осударственной] П[убличной] б[иблиотеки])
25. Заозерский Ал[ексан]др Иванов[ич] (сотр[удник] Б[иблиоте]ки А[кадемии] н[аук])
26. Васенко Платон Григорьев[ич] (сотр[удник] Б[иблиоте]ки А[кадемии] н[аук])
27. Покровский Федор Иванов[ич] (сотр[удник] Б[иблиоте]ки А[кадемии] н[аук])
28. Гирс Мих[аил] Мих[айлович] (сотр[удник] А[кадемии] и[стории] м[атериальной] к[ультуры])
29. Мерварт Ал[ексан]др Михайлов[ич] (сотр[удник] М[узея] а[рхеологии] и этнографии) А[кадемии] н[аук]
30. Мерварт Людмила Ал[ексан]дровна³ (-“- -“ -)
31. Халтурин Дмитрий Никол[аевич] (сотр[удник] А[кадемии] н[аук])
32. Гревс Иван Михайлов[ич] (Библ[иотека] А[кадемии] и[стории] м[атериальной] к[ультуры])
33. Анциферов (б[ывший] сотр[удник] Бюро краеведения)
34. Романов Борис Ал[ексан]дрович (сотр[удник] Централхива)
35. Шебунин Андрей Николаевич⁴ (преподаватель)

¹ В копии против № 19 красным карандашом проставлена галочка.

² В копии против № 21 красным карандашом проставлена галочка.

³ В копии слова Мерварт Людмила Ал[ексан]дровна подчеркнуты красным карандашом.

⁴ В копии слова Шебунин Андрей Николаевич подчеркнуты черным карандашом.

36. Тхоржевский Сергей Иванов[ич] (сотр[удник] Дома ученых)
37. Руденко Сергей Иванов[ич] (сотр[удник] А[кадемии] н[аук])
38. Раевский (сотр[удник] К[омиссии] э[кспедиционных] и[сследований] А[кадемии] н[аук])
39. Виттенбург (-“- -“-)
40. Петров Ал[ексан]др Ал[ексан]дров[ич] (сотр[удник] бю[ро] к[нигообмена] А[кадемии] н[аук])¹
41. Бутенко Вадим Аполлонов[ич] (сотр[удник] А[рхеографической] к[омиссии] А[кадемии] н[аук])
42. Пузинский Влад[имир] Францев[ич] (сотр[удник] Воен[ного] музея)
43. Чепурин Николай Викторов[ич] (священник)
44. Аникиев (священник)²
45. Бонди Влад[имир] Александр[ович] (издат[ель] журнала)
46. Приселков Михаил Дмитриевич (сотр[удник] Русск[ого] музея)³
47. Бородин Аркадий Влад[имирович] (сотр[удник] Б[иблиоте]ки А[кадемии] н[аук])
48. Дмитриевский (сотр[удник] Византийской комиссии А[кадемии] н[аук])
49. Ордин Борис Кесеревич (сотр[удник] Виз[антийской] ком[иссии] А[кадемии] н[аук])
50. Сиверс (сотр[удник] А[кадемии] н[аук])
51. Радлов Эрнест Львович (б[ывший] директор Биб[лиоте]ки, умер)
52. Егоров Дмитрий Никол[аевич] (проф[ессор], сотр[удник] Биб[лиоте]ки им. Ленина)
53. Готье Юрий Влад[имирович] (б[ывший] проф[ессор] Моск[овского] универ[сите]та)
54. Бахрушин Сергей Вас[ильевич]⁴ (б[ывший] прив[ат-]доц[ент] Моск[овского] ун[иверсите]та)⁵
55. Богоявленский⁶ (сотр[удник] Центрархива, Москва)

¹ В копии против № 40 красным карандашом проставлена галочка.

² В копии против № 44 красным карандашом проставлена галочка.

³ В копии предложение подчеркнуто и дважды отчеркнуто красным карандашом.

⁴ Так в подлиннике и копии. Правильно Владимирович.

⁵ В копии против № 52–54 красным карандашом проставлены галочки.

⁶ В копии против № 55 синим карандашом проставлена галочка, а фамилия Богоявленский подчеркнута черным карандашом.

56. Яковлев Алексей Ив[анович] (сотр[удник] ВСНХ, Москва)
57. Пичета (проф[ессор], гор[од] Минск)¹
58. Никольский Николай Конст[антинович] (академик)
59. Спицын Ал[ексан]др Андреев [ич] (археолог)
60. Гельмерсен Вас[илий] Вас[ильевич] (сотр[удник] А[кадемии] н[аук])
61. Платонова Нина Сергеевна (сотр[удник] Рус[ского] музея)
62. Любомиров (проф[ессор] Саратов[ского] унив[ерсите]та)
63. Чернов Сергей Ник[олаевич] (проф[ессор] Сарат[овского] уни-вер[сите]та)
64. Церетели Григорий Филимонов[ич] (проф[ессор] Тифлисс[кого] ун[иверсите]та)

Из числа эмигрантов входили:

1. Лохвицкий (генерал)	Париж
2. Гренфельд (полковник)	“
3. Герсеванов (-“-)	“
4. Краевич (б[ывший] офиц[ер])	“
5. Шамонин (-“-)	“
6. Коковцов Вл[адимир] Ник[олаевич]	“
7. Ростовцев Мих[аил] Ив[анович]	гор[од] Ель ² (Америка)
8. Васильев Ал[ексан]др Ал[ексан]др[ович]	г[ород] Мадисон (“)
9. Маклаков Вас[илий] Ал[ексе]ев[ич]	г[ород] Париж
10. Нольде Борис Эмм[ануилович]	“
11. Семенов (редакт[ор] «Возрождения»)	“
12. Струве Петр Бернг[ардович]	“
13. Вернадский Георг[ий] Вл[адимирович]	(Америка)
14. Ольденбург Серг[ей] Серг[еевич]	г[ород] Париж
15. Браун Федор Ал[ексан]др[ович]	г[ород] Лейпциг
16. Фасмер (проф[ессор])	г[ород] Берлин
17. Лозинский Георг[ий] Леонид[ович]	г[ород] Париж
18. Карсавин Лев Плат[онович]	г[ород] Ковно
19. Лосский Ник[олай] Ануф[риевич] ³	г[ород] Прага
20. Лапшин Ив[ан] Ив[анович]	“
21. Алексеев Ник[олай] Ник[олаевич]	г[ород] Берлин

¹ В копии против № 56, 57 красным карандашом проставлены галочки.

² Так в подлиннике и копии; правильно Йель.

³ Так в подлиннике и копии; правильно Онуфриевич.

22. Оттокар Ник[олай] Пав[лович] ¹	г[ород] Флоренция
23. Шмурло Евгений Францев[ич] г. ²	
24. Хилинский Конст[антин] Влад[имирович]	г[ород] Львов
25. Зелинский Фаддей Франц[евич]	г[ород] Варшава
26. Гальперн (б[ывший] управ[ляющий] делами
Вр[еменного] пр[авительст]ва)	г[ород] Лондон
27. Петрищев (литератор)	“
28. Философов Дм[итрий] Вл[адимирович] (ре-
дактор «За свободу»)	г[ород] Варшава

Допускаю, что оба эти списка не полны, т. к. о членстве многих я знаю не из личных разговоров с ними, а со слов С. Ф. Платонова. Я совсем почти не указываю здесь членов военной группы «Союза», т. к. не имею о них достаточно определенных данных.

Материальная помощь ссыльным и заключенным из средств «Союза»

Помимо материальной помощи пострадавшему духовенству из средств, полученных специально для этой цели из Ватикана, «Союз» оказывал денежную помощь некоторым ссыльным и заключенным из средств, полученных от О. Гетча.

Пользовались такой помощью следующие лица:

1. Нефедьева (привлекалась в Ленингр[аде])
2. Сиверс
3. Гринвальд Маргарита Констант[иновна] (дело «Воскресения»)
4. Блинов (б[ывший] сотр[удник] привлек[ался])
5. Бенешевич В. Н. (привлек[ался] в Лен[ингра]де)
6. Вальденберг (—)
7. Брюллова-Шаскольская (—)
8. Анциферов (привлек[ался] по делу «Воскресения»)
9. Заозерный³ Ал[ексан]др Ив[анович] (привл[екался] в Ленин-
граде)
10. Насонов (—)

Получали и другие, фамилии коих забыл. Была речь о более широкой и регулярной помощи отбывающим наказание в различных конц-

¹ Так в подлиннике и копии; правильно Петрович.

² В подлиннике и копии далее пропуск.

³ Так в подлиннике и копии; правильно Заозерский.

лагерях. В связи с этим имели в виду выяснить жизнь в концлагерях, условия содержания, возможности организации побегов и переправы за границу и т. д.

Оказывалась также поддержка нуждающимся ученым, которые в силу своего прошлого или идеологического несоответствия не имеют при совласти заработка. Из этой категории получали:¹

1. Васенко Пл[атон] Григорьев[ич] (после увольн[ения] из А[кадемии] н[аук])
2. Рождественский Серг[ей] Вас[ильевич] (- “ -)
3. Измайлов Ник[олай] Вас[ильевич] (- “ -)
4. Дети Лихачева
5. Шебунин Андрей Ник[олаевич]²

Посылались деньги и Краевичу, <Васильеву>. Много также³ расходовалось денег на членов военной группы «Союза».

Организация власти после переворота.

Этот вопрос обсуждался неоднократно как на заседаниях «Союза», так и в Берлине с Отто Гетчем и в Париже с Лохвицким. Основной в этом смысле задачей «Союза» являлась заблаговременная подготовка новой власти, которая предупредила бы анархию и довела бы страну до созыва народных представителей и решения вопроса о форме правления.

На случай удачного завершения переворота «Союз» прорабатывал ряд планов по переустройству государственного аппарата и программы действий его отдельных учреждений на время переходного периода.

В процессе обсуждения этих планов выявилось следующее:

1. После захвата власти и постепенного освобождения от совласти территории всей страны мыслилось провести немедленное новое территориальное деление на области с подчинением их специально назначенным со стороны диктатора областным начальникам, облеченным

¹ В копии данное и предыдущее предложения подчеркнуты черным карандашом.

² В копии слова Шебунин Андрей Ник[олаевич] подчеркнуты черным карандашом.

³ В подлиннике слово также вписано Строминым без особой отметки.

полнотой военной и гражданской власти. Этим начальникам в вопросах общеполитического значения подчиняются и местные самоуправления и начальники губерний, входящих в данную область.

Что касается деревень, то вследствие затруднений, возникших при обсуждении аграрного вопроса было решено, что деревня в этот переходный период управляется сельским советом, который и устанавливает временные аграрные порядки впредь до окончательного разрешения аграрного вопроса Собранием народных представителей.

В городах же предусматривалось восстановление частной собственности на все, кроме больших промышленных предприятий, которые должны были сохраниться за государством, во-первых, во избежание раздражения рабочих, а, во-вторых, вследствие обеднения государства. Начальники областей, в свою очередь, подчиняются диктатору, который сосредоточивает в своих руках всю полноту власти вплоть до назначения Совета министров.

Как уже было указано, диктатором предусматривался генерал Лохвицкий, поставивший непременным условием, что все правительство сверху донизу должно состоять только из таких лиц, которые будут пользоваться его полным доверием.

Верховная военная власть остается за генералом Лохвицким, который организует штаб, военное министерство, армию и особую воинскую силу для охраны внутреннего порядка и подавления могущих возникнуть в рабочих районах восстаний. Для репрессий предполагались военные суды.

При решении вопроса о судьбе лиц, служивших соввласти, Лохвицким была предложена амнистия всем прекратившим сопротивление за исключением особенно ответственных политических, административных, военных и хозяйственных работников, которые по заранее составленным учетным списками подлежат изъятию.

2. Совет министров. При обсуждении состава министров на заседаниях «Союза» выдвигались разные имена, причем в разное время намечались разные лица, так, например:

1. Коковцов предлагался министром финансов.
2. Бенешевич министром исповеданий.
3. Платонов министром народного просвещения.
4. Вернадский Мих[аил] Вл[адимирович] министром торговли.

5. Маклаков министром внутр[енних] дел.
6. Меня, Гарле, министром иностр[анных] дел.

Это решение «Союза» неокончательное. Оно пересматривалось в Париже с Лохвицким, который мог потребовать и потребовал частичное изменение. Я совершенно уверен, что я лично не участвовал бы в правительстве и не входил бы в состав министерства, т. к. Лохвицкий, безусловно, хотел иметь министром иностр[анных] дел быв[шего] товарища министра иностр[анных] дел Временного правительства барона Нольде. О нем говорилось, что он уже приготовил программу действий на первое время после свержения соввласти, он, согласно этой программе, должен был совершить поездку по главным странам для заключения разных соглашений и финансовых сделок по займам и подготовить вхождение России в Лигу Наций. Считаю нужным отметить, что Платонов, рассказывая мне о желании Лохвицкого наметить министром иностр[анных] дел Нольде, о моей кандидатуре больше не упоминал, я же на это не смотрел серьезно, предвидя всяческие затруднения из-за более левых моих настроений.

Лохвицкий выдвигал еще кандидатуру Тимашева Н. С., сотрудника газеты «Возрождение», быв[шего] проф[ессора] Политехнического ин[ститута] на пост министра земледелия или труда. Между прочим, этот Тимашев прославился статьей в «Возрождении», в которой утверждал, что крестьяне сами почувствуют потребность заплатить помещикам за землю, которой они сейчас владеют.

Переходя к отдельным ведомствам в части их конструирования, нужно указать на следующие планы «Союза».

Министерство исповеданий.

Прежде всего, должен был собраться церковный Собор, который выберет Патриархом Евлогия, против которого не возражал также Ватикан.

Одновременно организуются разные крестные ходы, которые, по мысли Платонова, демонстрируют желание восстановления монархии. Путем подобных демонстраций под руководством церкви, в особенности в Москве, Платонов явно желал предпринять вопрос о монархии.

Одновременно с образованием Министерства исповеданий прибывает делегат от Ватикана для согласования действий по переустройству церкви. Ватикан должен был играть активную роль в деле общего

подъема церкви, помочь денежно и т. п. Прибывший делегат должен был выполнять обязанности¹ папского нунция.

Предусматривалась усиленная подготовка новых кадров духовенства взамен скомпрометировавшего себя службой при соввласти и участием в разных церковных группировках (живая церковь и т. д.).

Министерство народного просвещения.

В отношении этого ведомства предполагалось провести ряд реформ в высшей и средней школе: а) восстановление старых университетов с значительным сокращением автономии на время диктатуры; б) устранение всех преподавателей (здесь имеется в виду также и средняя школа), скомпрометировавших себя при соввласти и назначение надежных лиц на их место из числа близких «Союзу», изгнанных при соввласти преподавателей различными чистками и эмигрантов; в) введение особых экзаменов при ведомствах для окончивших университет и поступающих туда на службу; г) установление бдительного надзора над преподаванием (воспитанием) в средней школе против проникновения революционных влияний; д) широкая организация молодежи в духе скаутизма и т. д.

Министерство финансов.

Все надежды на восстановление экономической жизни страны возлагались на иностранные капиталы и, главным образом, на французский. Существовало обещание, данное французскими финансовыми кругами Коковцову, предоставить большой золотой заем для упрочения русской валюты и восстановления всего хозяйства. Его должно было бы хватить на первые два года, чтобы прожить без финансовых затруднений.

Условием получения этого займа ставилось формальное признание старых долгов, даже без фактической их уплаты.

Немедленное возобновление торговых сношений с Европой повлекло бы открытие иностранных концессий и банков, приток иностранных капиталов и т. д.

¹ В подлиннике слово обязанности вписано Строминым без особой отметки.

Заводы и большие фабрики, остающиеся, как было уже указано, во владении государства, сдаются в виде концессии как прежним своим владельцам, так и другим лицам.

Считались также с необходимостью признать обязательства, заключенные с иностранцами соввластью.

Имелось в виду как по политическим, так и экономическим причинам отказать от значительных таможенных тарифов.

В остальном схема государственного устройства мыслилась так:

1. Длительная диктатура до полного успокоения всей страны. В случае установления конституционной монархии учреждается двухпалатная система, куда выбираются депутаты с определенным имущественным и образовательным цензом. Ответственность министерства перед палатами не оговаривалась. Платонов считал образцовой конституцией германскую дореволюционную.

Восстанавливается Сенат, сохраняющий судебные функции и право отказа в регистрации новых законов. В области судопроизводства было признано желательным ввести суд присяжных с определенными, повышенными требованиями.

Особо образуется Контрольная или Проверочная комиссия как в центре, так и на местах для рассмотрения деятельности и политической надежности всех служивших при совласти с целью отбора тех, кого можно оставить на службу. Речь идет, конечно, о тех беспартийных, которые так или иначе активно выступали в пользу совласти, участвовали в различных кампаниях, в общественных, кооперативных организациях, профсоюзах и т. д. О лицах таких, которые окажутся скомпрометированными, комиссия передает дела судебной власти. Эта комиссия должна была обладать широкими полномочиями (органы расследования и другие секции).

Имелось в виду отсутствие достаточных сил и финансовых средств, вследствие чего было необходимо провести крутое сокращение штатов по всем ведомствам, повысив оклады служащим.

Кроме предполагавшихся министров назывались также имена кандидатов на некоторые другие должности. Их этих фамилий запомнились следующие:

1. Измайлов в качестве коменданта Ленинграда.
2. Кистяковский Игорь (быв[ший] министр внут[ренних] дел прав[ительств]а Скоропадского) в качестве одного из начальствующих лиц на Украине.
3. Шульгин — также для Украины.
4. Муклевич — (из военной группы организации, ныне в Москве) — в качестве одного из областных начальников.
5. Бородин Арк[адий] Вл[адимирович], член военной группы, тоже самое.
6. Загорский Сергей Михайл[ович] (ныне зав[едующий] Русским отделом Статистич[еского] бюро Лиги Наций).
7. Струве П. Б.
8. Крачковский Игнатий Юлианов[ич] (академик).
9. Халтурин Дм[итрий] Ник[олаевич] — для ответ[ственной] работы в Министерств[ах] торговли и финансов.
10. Путилов Алексей Сергеевич — для ра[боты] в М[инистерстве] в[нутренних] дел.
11. Лукьянов Сергей Ал[ексан]дрович (б[ывший] обер-прокурор, ныне в Ленинграде, по ведомству Министер[ства] исповед[аний]).
12. Рождественский Сергей Васильевич.
13. Москвин А. М. (ныне в Москве).
14. Яковлев А. И. (-“-).
15. Егоров Д. Н. (-“-).
16. Любавский М. К. (-“-).
17. Андреев А.И. (в Ленинграде).
18. Кубасов (ныне в Москве).

Для работы на ответ[ственных] долж[ностях] в Минист[ерств]е народного просвещения:

19. Завадский Сергей Васильев [ич] (ныне в Праге).
20. Лазаренко Ал[ексан]др Никол[аевич] (в эмиграции).
21. Пергамент Мих[аил] Яковл[евич] (ныне в Ленинграде).
22. Жигуренко¹ Ал[ексан]др Ал[ексан]др[ович] (-“-).
23. Гримм Давид Давыдович (в г. Дерпте, Эстония) — для работы в Минист[ерств]е юстиции, других не помню.

¹ Так в подлиннике и копии; правильно Жижиленко.

Большое внимание было уделено делу будущей пропаганды и организации особого ведомства пропаганды, которое развило бы свою деятельность во всей стране немедленно после переворота. Оно должно было привлечь литературные силы, выпускать агитационную литературу и представить все истекшее революционное время как эпоху ужаса и развала в цифрах, графиках, рисунках и т. п. На местах должны были организоваться филиалы, которые проводили бы такую же работу, смотря по местности и национальности. При обсуждении этого вопроса Платонов указывал, что главной задачей этого ведомства будет собрание¹ России и возрождение национального чувства.

Особое значение придавалось созданию после переворота партии, которая поддерживала бы государственный строй и вела борьбу против коммунизма. Она должна была охватить все антикоммунистические партии, распространив свое внимание на государственный аппарат, армию и всю страну, она должна была руководить вышеуказанным ведомством пропаганды, печатью и т. д.

Предполагалась еще одна партия полуофициальная и боевая, связанная с диктатурой. Она должна была объединить наиболее энергичные элементы, влиять на армию и помогать правительству в его борьбе с коммунистической опасностью. Об этой партии говорили, что ее члены подчиняются железной дисциплине, связаны с церковной присягой (членами могут быть только христиане). Я лично не участвовал в выработке проекта этой партии и знаю о ней со слов Богословского, который рассказал мне, что об этом шла речь в первое время существования организации.

Что касается аграрного вопроса и рабочего законодательства, то, как [я] уже сказал выше, в этом отношении твердых решений не было. Указывалось на роковую роль слишком откровенной помещичьей аграрной политики в² провале белого движения. Признавалось, что вернуть владельцам землю невозможно и что речь может идти только об их вознаграждении из государственных средств.

В связи с этим поднимался вопрос о пределах власти диктатора в том смысле, что он не может предрешить аграрный вопрос до Собрания народных представителей и что он не должен вторгаться в область

¹ Так в подлиннике и копии.

² В копии вместо предлога в напечатано и.

законодательства. К рабочему вопросу подходили с мыслью о необходимости сохранения сокращенного¹ рабочего дня, социального страхования и гигиены, права стачек и еще какие-то меры, долженствовавшие доказать рабочим, что его участь от переворота не ухудшилась. Однако никакой определенной ясности ввести в данном вопросе не удалось.

Национальная политика.

Принципиально было признано равноправие всех национальностей, но предполагалось, что, как и раньше, великорусская национальность будет играть преобладающую роль в государственной жизни и будет служить основой государственной политики направленной как к постепенному возвращению от Польши и Румынии захваченных ими русских земель, так и воссоединению в тех или иных экономических и политических формах с Эстонией, Латвией и Литвой.

Предполагалось, что эти лимитрофы будут экономически настолько зависимы от России, что без особого труда пойдут на тесное политическое единение при сохранении ими полной внутренней самостоятельности.

В отношении Польши и Финляндии было признано, что они останутся самостоятельными государствами. К Польше проявлялось, между прочим, недоверие и враждебность, доходившие до того, что считалась возможной война в союзе с Германией, которая заставит вернуть России белорусские и другие территории, захваченные поляками.

Областям, населенным национальными меньшинствами, — Украине, Кавказу, Сибири и Белоруссии, предполагалось дать широкое самоуправление с подчинением, однако, во всех общеполитических вопросах центральной власти.

Вопрос о государственном языке на этих территориях должен был быть разрешен впоследствии в законодательном порядке, вообще-то, он вызвал разногласие, т. к. одна² часть членов «Союза» была за преобладание русского языка, а другая за введение двух языков — местного и русского на равноправных основаниях. За введение двух языков был, между прочим, и Бузескул, считавший глубоко ошибочной доведенную антиукраинскую политику.

¹ В подлиннике слово сокращенного вписано Строминым без особой отметки.

² В подлиннике слово одна вписано почерком Стромина.

Для Кавказа предполагалось еще собрание народных представителей в Тифлисе, которое заведовало бы всеми местными вопросами.

Была еще речь о территориях вроде Монголии и Маньчжурии. Высказывались в том смысле, что представлением самой широкой автономии необходимо удержат их за Россией. После переворота и известного успокоения в стране имелось в виду опубликовать ряд деклараций представителей нацменьшинств, в которых указывалось бы на отрицательные стороны национальной политики соввласти.

Заканчивая свои показания, хочу в заключение сказать, что рассматриваю всю свою политическую деятельность с момента Октябрьской революции как глубоко ошибочную и на пребывание свое в контрреволюционной, монархической организации смотрю в настоящее время как на самую роковую ошибку всей моей жизни.

Лишь очень слабым утешением для меня служит то обстоятельство, что в самое последнее время я, почувствовав ложность и историческую бессмысленность стремления «Союза», я начал от него сам отдаляться. В 1929 г., воспользовавшись случаем, я уже предпринял два больших политических выступления в Стокгольме (март месяц) и в Париже (ноябрь-декабрь), наделавших много шума в обществе и прессе в пользу СССР и ее дипломатии и вызвавших резкие нарекания со стороны членов «Союза» как здесь, так и за границей.

Я сознаю весь вред, нанесенный мной соввласти своей деятельностью в составе «Союза», и понимаю, что этому нет оправдания.

Но если советское правительство и рабочий класс найдут, что я могу быть им еще полезен, то я заявляю: на активную отныне свою деятельность на пользу рабочего класса на всех доступных мне поприщах я смотрю как на единственно возможную для меня реабилитацию и как на очищение своей биографии от самой темной ее страницы.

Протокол написан¹ с моих слов правильно.

Е. Тарле

Допрос производил:

А. Стромин

Подлинник; рукопись (на бланке); текст почерком Стромин; дата на бланке; подписи-автографы. Т. 3. Л. 90–276 об.

Копия; машинопись (на бланке). Т. 3. Л. 277–356 об.

¹ В копии вместо Протокол написан напечатано Записано.

Заявление Е. В. Тарле С. Г. Жупахину

7 июля 1930 г.

Уважаемый Сергей Георгиевич,

я выделил в особую часть все, что касается лично меня в платоновском деле, изложил голые факты, вспомнил детали некоторые, которые безусловно будут Вам интересны, отбросил даже все объяснения злополучного моего пребывания там — и убежден, что последние сомнения в моей искренности и желании все сказать — у Вас теперь должны будут исчезнуть; ни о себе, ни об этих людях я ничего не утаиваю. У меня вышло больше 20 страниц большого формата, где все, что я уже показывал, сформулировано более¹ отчетливо² и прибавлено³ кое-что новое. Это должно заменить соответствующие⁴ страницы моего изложения⁵.

Я хотел передать это вчера и сегодня тов[арищу] Стромину — но он меня, вопреки намерению⁶, не вызвал, и я боюсь, не заболел ли или не уехал ли он.

А между тем Вы как раз читаете мою работу, — и нужно, чтобы Вы т е п е р ь же прочли и эти новые страницы, я совершенно убежден, что впечатление у Вас получится вполне благоприятное. Рассеется Ваше предубеждение, что я хочу себя как-то выгородить. Уже переписано и готово.⁷

¹ В подлиннике слово более вписано Тарле без особой отметки.

² В копии слова сформулировано более отчетливо подчеркнуты шариковой ручкой синего цвета.

³ В подлиннике слова все, что я уже показывал, сформулировано более отчетливо и прибавлено отчеркнуты простым карандашом двойной чертой.

⁴ В копии слова должны заменить соответствующие подчеркнуты простым карандашом.

⁵ В копии слова сформулировано более отчетливо и прибавлено кое-что новое. Это должно заменить соответствующие страницы моего изложения отчеркнуты шариковой ручкой синего цвета.

⁶ В подлиннике слова вопреки намерению вписаны Тарле без особой отметки.

⁷ В копии последующий текст отсутствует.

Сергей Георгиевич! Я прошу Вас вызвать меня и дать мне возможность с Вами поговорить хоть полчаса теперь, когда Вы решаете мою участь!

Неужели, даже если я оказался запутанным в это проклятое дело, если я и совершил ошибку (Ваш коллега, меня допрашивавший при Вас, в последний [раз], когда приезжало начальство, — сказал же с ударением, что он считает это с моей стороны т о л ь к о о ш и б к о й !), — если я и совершил ошибку, — неужели я достоин того,¹ чтобы Вы отказали мне в возможности непосредственно с Вами объясниться в т а к о й для меня момент! Неужели в моем прошлом кроме этой ошибки ничего другого нет? И неужели в будущем я так буду не нужен советской власти и общественности? Вы прочтете то, что я написал, дадите мне устно с Вами объясниться, — и я уверен, что этот страшный кошмар окончится. Я получу возможность на деле начать новую полосу своей жизни, которая загладит мою ошибку.

Е. Тарле

7/VI

Подлинник; рукопись; автограф. Т. 7. Л. 164 и об.

Копия; машинопись. Т. 7. Л. 3.

82

**Письмо Е. В. Тарле О. Г. Тарле с сопроводительной запиской
М. А. Степанова Володину**

[не позднее 11 июля 1930 г.]

а

Милая Ляличка, поговори с моим милым соквартирантом, прелестным человеком, чистой душой, прекрасным характером, который много мне скрасил жизнь. Целую Чертензиньку и Масика.

¹ В подлиннике слова *когда приезжало начальство, — сказал же с ударением, что он считает это с моей стороны т о л ь к о о ш и б к о й !)*, — если я и совершил ошибку, — неужели я достоин того *отчеркнуты простым карандашом.*

Целую Маню, тетку, Аню. Иск[ренне] надеюсь скоро увидеть тебя. Твой.

б

т[оварищ] Володин!

Эту бумажку нужно хранить (письмо нелегально Тарле пытался передать на волю). В дело следств[енное].

11/VII Степанов

Пакетик нужно на свободе склеить и прочитать.

Подлинник; рукопись; текст письма почерком Тарле, текст записки почерком Степанова. К письму Тарле, завернутому в клочок ленинградской газеты (не ранее июля 1929 г.), приложена аналогичная по внешнему виду записка Степанова Володину от 11 июля 1930 г. Текст письма Тарле написан синим, а записки Степанова красным карандашом. Оба документа вложены в надписанный конверт (текст почерком Степанова): К делу Тарле Е. В. (Записки, которые Тарле хотел передать нелегально своей жене) Т. 7. Л. 182.

83

**Протокол допроса Е. В. Тарле,
произведенного А. Р. Строминным**

21 июля 1930 г.

В дополнение моих показаний относительно моего участия в отчетах главы «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России» С. Ф. Платонова, адресовавшихся в Берлин (через германское генеральное консульство в Ленинграде) лидеру Германской националистической партии Отто Гетчу, должен добавить, что помимо того, что я корректировал эти отчеты в части, касающейся внешней политики Европы и СССР, я добывал еще для них (отчетов) сведения из различных источников в СССР и Париже, которые сообщал ему, Платонову, либо устно, либо письменно.

Эти сведения, получаемые от меня (в письменной или устной форме)¹, использовывались² довольно регулярно в соответствующих частях отчетов организации и касались как общей международной ситуации, так и отдельных фактов текущей внешней политики СССР и Франции. Восстанавливая в памяти свои письменные изложения, передаваемые организации в качестве материалов для отчетов начиная с 1926 г., должен сообщить о следующих затронутых мною темах:

а) Об СССР

1. О преобладающей роли Коминтерна в международной политике СССР, о подчинении ему Наркоминдела, о содержании Коминтерна на счет сов[етского] пр[авительст]ва, о разногласиях между Чичериным и Коминтерном и его удалении от работы, о пропаганде Коминтерна в Китае в связи с обострением советско-китайских отношений и захватом К[итайско-]В[осточной] ж[елезной] д[ороги], о пропаганде Коминтерна в Марокко и жалобах Раковского по поводу своей³ неосведомленности об этих действиях, о влиянии Коминтерна в деле разрыва отношений с Англией («Письмо Зиновьева» и т. д.), о пропаганде в Сирии, об участии Коминтерна во взрыве Софийского собора и во взрывах в Америке Юж[ной] Франции (Ницца) в связи с делом Сакко и Ванцетти, о пропаганде Коминтерна в Польше, у лимитрофов и других странах, о подчинении Коминтерна сов[етскому] правительству, о его финансировании, о решающей роли русских коммунистов в Коминтерне.

2. О колебаниях в НКИД по вопросу о вступлении в Лигу Наций и о провале этого намерения под влиянием резко отрицательной позиции Коминтерна, об участии НКИД в подписании пакта Келлога, несмотря на сопротивление Коминтерна, о подготовке войны против Польши в связи с убийством Войкова и обострении стремлений Польши к захвату части Украинской и Белорусской территорий, о слухах в 1928 г. о формировании Ревкома Польши во главе с Уншлихтом⁴, о разногласиях по поводу предстоящей

¹ В копии слова (в письменной или устной форме) отсутствуют; в подлиннике они заключены в квадратные скобки.

² Так в подлиннике.

³ В копии слово своей отсутствует.

⁴ В копии слова с Уншлихтом подчеркнуты красным карандашом.

войны с Польшей между приверженцами войны Ворошиловым и Куйбышевым¹, с одной стороны, и противниками выступлений СССР в качестве инициатора — Сталина, с др[угой] стороны, о подрыве советского червонца в связи с огромными затратами сов[етского] правительства на китайских повстанцев, затратах на подкуп политических деятелей Польши и Литвы (некоторых членов Польского сейма), о недовольствии Совнаркома делом брата Литвинова в Берлине, о выступлении по предложению Коминтерна Михаила Павловича во время встречи шведского путешественника Свена Гедина и раздражении НКВД по поводу неудачного приветствия, сказанного Павловичем, о разногласиях в правительстве по поводу низвержения Амануллы и вопроса о его поддержке, о роли Коминтерна в срыве успешно кончившихся франко-советских переговоров по поводу признания царских и военных долгов и много др[угого].

б) О политике Франции как общей, так и относительно СССР и Германии. В этой части я отмечал значение французской внешней политики вследствие ее гегемонии в Европе и указывал на деятельность представителей трех главных течений во французских правящих кругах:

1. Группа Луи Марена и Лусера — (суровое истолкование Версальского мира, реакция внутри страны и колоний и агрессивная политика в отношении СССР, выражающаяся в подготовке наступательной войны со стороны лимитрофов).

2. Группа центра Пуанкаре (примирение с планом Юнга, недопущение СССР ни к каким международным актам и урегулированиям, выступление на стороне Польши в случае столкновения с СССР, отношение к Германии на почве идеи о неприкосновенности Версальского мира).

3. Группа Бриана-Эррио (во внешней политике: примирительное отношение к Германии, либеральное отношение к немцам в Эльзасе-Лотарингии, уступчивость в деле освобождения оккупированных местностей, более осторожное, но все же враждебное отношение к СССР, намерение выступить против СССР в случае поражения польских войск при столкновении с СССР, более

¹ В копии слова приверженцами войны Ворошиловым и Куйбышевым подчеркнуты красным карандашом.

сдержанное, выжидательное отношение к военной интервенции в СССР, чем первые две группы).

Характеризуя более детально все три группы, я часто подчеркивал решающее влияние Пуанкаре на все три группы, которые официально уже выставили его кандидатуру в президенты республики на 1931 г. В своих изложениях я довольно подробно остановился на подозрительном отношении всех трех групп к сношениям Германии с СССР, на план Марена ультимативно потребовать от Германии разрыва Раппальского договора, на словах Бриана, переданных мне Луи Эйзенманом (проф[ессор] Сорбонны), сказанных Брианом Штреземану о том, что Раппальский договор, заключенный без участия Франции, мешает всем во франко-германских соглашениях.

Я указывал также, что все три группы в разное время признали тождественность Коминтерна и НКИД, но что группа Бриана нашла неожиданную поддержку в лице Лушера по вопросу о русской нефти: ввиду исключения Франции из обоих мировых нефтесиндикатов (Стандарт Ойл и Рояль Детч) и расчетов на русскую нефть, появилась официальная статья в газете «Тан» в 1928 г., в которой говорилось, что если будет доказано, что НКИД не зависит от Коминтерна, франко-советские отношения примут другой оборот. В этом отношении я констатировал, как всегда, все усиливающееся влияние Коминтерна на политику сов[етского] пр[авительства]ва.

Со слов директора Национального архива Ланглуа я сообщил, что посол Франции Эрбет весьма недоволен большим влиянием НКИД к германскому послу Дирксену, чем к нему и тем, что он очень окружен агентурой ГПУ. Эрбет также жаловался на висящую над ним угрозу высылки под влиянием Коминтерна.

Я сообщил также о том, что Коминтерн, оправдываясь перед Наркоминделом, представил специально составленную записку, где доказывалось, что его пропаганда в Азии, затрагивающая главным образом Англию, очень спокойно воспринимается Францией (дело было до восстаний в Сирии и Индокитае), а пропаганда в странах Европейского континента мало волнует Англию, и что поэтому нет опасности общего выступления обеих держав.

Эти сведения доставлялись мною через каждые несколько месяцев. Изложенное выше, конечно, не исчерпывает всех подробностей сообщений ввиду того, что многое не сохранилось в моей памяти. По этим

пунктам я в следующих своих показаниях постараюсь припомнить все, что могло бы их дополнить.

Источниками моих сведений в СССР были мои знакомые, интересовавшиеся иностранной политикой:

1. Адамов Евгений Александрович, начальник Архива НКВД, приверженец политики Чичерина <но> и¹ противник влияния Коминтерна на деятельность НКВД, живет в Москве.

2. Грабарь Владимир Эммануилович, б[ывший] юрисконсульт Наркомвнешторга, участник Генуэзской конференции, бы[вший] проф[ессор] международного права Юрьевского ун[иверсите]та, живет в Москве, на пенсии.

3. Пергамент Мих[аил] Яковлевич, выполнял ответств[енные] поручения НКВД в Пекинском полпредстве, проф[ессор] Ленингр[адского] университета, сторонник самостоятельности Наркоминдела от Коминтерна.

4. Grimm Эрвин Давыдович, служащий Архива НКВД, живет в Москве.

5. Егоров Дмитрий Николаевич, б[ывший] проф[ессор] МГУ, член нашей организации.

6. Алексеев Василий Мих[айлович], академик-китаист, живет в Ленинграде.

7. Дмитриевский Сергей Алексеевич, быв[ший] советник полпредства СССР в Швеции, живет в Москве.

8. Аренберг², служ[ащий] полпредства СССР во Франции.

Все они давали мне различные интересующие меня сведения, не подозревая об их дальнейшем назначении.

Информантами моими во Франции были:

1. Робер Гюйо — проф[ессор] Сорбонны, близкий к Минист[ерству] иностранных дел.

¹ В подлиннике союз и вписан Строчиным вместо зачеркнутого но без особой отметки.

² В копии почерком неустановленного лица фамилия Аренберг исправлена на Аренс.

2. Луи Эйз[ен]ман — проф[ессор] Сорбонны и служ[ащий] Минист[ерства] ин[остранных] дел по славянским странам. Часто бывает в дипломат[ических] командир[овках].

3. Ланглуа Шарль — директор Национального архива, родственник Бертело (политич[еского] директора Мин[истерства] ин[остранных] дел) и личного друга Бриана.

4. Алеби Луи¹ — автор «Истории английского народа», публицист по вопросам международной политики.

Разговоры мои с Брианом, Пенго и Пуанкаре были мною изложены также письменно.

Большое внимание уделялось также в отчетах организации различным сведениям, освещающим деятельность ОГПУ.

В этой части отчетов говорилось о громадном количестве арестов, произведенных среди интеллигенции и крестьянства в связи с коллективизацией деревни, которые исчислялись, якобы², тысячами. Настроение интеллигенции связывали с репрессиями в городах и деревнях.

Много указывалось на большое количество агентов во всех слоях общества, на влияние ГПУ на <все> государственные, общественные и профсоюзные организации. В последних отчетах за 1929 г. посылались сведения о резком повышении количества казней, о том, что по вопросу о казни Долгорукова и Пальчинского имело место разногласие в Коллегии, где некоторые были за смягчение их участи, о споре в Коллегии ОГПУ относительно осуждения к высшей мере соц[иальной] защиты Дыммана и других, что этот³ вопрос разбирался после Коллегии в Политбюро ЦК ВКП(б).

Из сведений, помещавшихся о деятельности ОГПУ, приблизительно около года тому назад запомнилось сообщение о разногласии в Политбюро ЦК партии по вопросу об общем направлении деятельности ОГПУ и существующих двух течениях, возглавляемых: одно Трилисером, другое Ягодой.

¹ Так в подлиннике; имеется в виду Élie Halévy.

² В подлиннике слово *якобы* вписано почерком Тарле без особой отметки.

³ В подлиннике слово *этот* вписано почерком Стромина без особой отметки.

В этом отчете указывалось, что победило течение более решительное в смысле методов борьбы.

До этого было отправлено сообщение о том, что в здании Ленинградского ГПУ имело место покушение на жизнь нач[альни]ка ГПУ — Мессинга, которое кончилось благополучно для Мессинга.

В том же, кажется, сообщении указывалось также <о том>, что на пути следования Троцкого из Москвы в Кисловодск у него были отняты книги и рукописи из Ин[ститу]та Маркса и Энгельса, полученные от Д. Б. Рязанова, который потом <получил> достал их из ОГПУ. Смысл этого сообщения сводился к тому, что Троцкий находится под надзором и преследуется.

Были еще сообщения о взрыве в московском ОГПУ, устроенном террористами-монархистами, и другие¹. Источника этих сведений я не знаю <о том>, и Платонов об этом никогда ничего не говорил.

Е. Гарле

Допросил:

Стромин

Подлинник; рукопись (на бланке); текст почерком Стромин; дата на бланке; подписи — автографы. Т. 3. Л. 357–364 об.

Копия; машинопись (л. 365 — на бланке). Т. 3. Л. 365–368 об.

Между л. 364 и 365 вложен пронумерованный лист почтовой бумаги размером 151x71 мм с записью (предположительно почерком Стромин) Викторovichа от 21/VII–30 г.

¹ В подлиннике слова и другие вписаны почерком Стромин без особой отметки.

Протокол допроса Е. В. Тарле,
произведенного А. Р. Строминным

23 июля 1930 г.

В дополнение моих показаний о содержании моих отчетов и сообщений, служивших материалом для отчетов организации по вопросам внешней политики, должен сообщить еще следующее: я проводил в этих отчетах характеристики некоторых видных работников Коминтерна и НКВД. В те годы, когда во главе Коминтерна стоял Зиновьев, я писал также и о нем и Сафарове, причем утверждал (подтверждая фактами), что он и его близкие ведут губительную линию, направленную к различным провокациям. Я писал также¹ о Каменеве, что он всецело под влиянием Зиновьева, о Каменевой Ольге Давыдовне, о постигших ее неприятностях в связи с ее желанием изменить предложения Коминтерна по работе в ВОКСе, о Карле Радеке, о Молотове, Бухарине и других². Относительно всех я отзывался в мрачных красках, констатируя традиции Зиновьева в Коминтерне, препятствующие нормальной работе НКВД и стремящиеся вызвать мировую катастрофу. Из приведенных в моих отчетах сведений о деятельности Коминтерна вспоминаю еще следующие: о том, что Коминтерн с целью форсировать разрыв СССР с Польшей проектирует ряд взрывов в Варшаве: Арсенала, Бельведерского дворца, какого-то моста через Вислу и нападение на Министерство ин[остранных] дел, которые будут выполнены силами местных коммунистов под руководством командированного от Коминтерна специального лица; о том, что в Наркоминделе узнали об этом лишь случайно и подняли скандал, требуя отказа от этого предприятия, но что Коминтерн ограничился опровержением, а на деле продолжает эти приготовления. Негодуя на проявленную НКВД слабость в требовании удовлетворения по поводу убийства Войкова, Коминтерн предпринимал также покушение на жизнь Пилсудского.

¹ В копии слова к различным провокациям. Я писал также *подчеркнуты красным карандашом*.

² В копии слова Молотове, Бухарине и других *подчеркнуты красным карандашом*.

Независимо от этого Коминтерн затевает батрацкое восстание в Бессарабии с целью заставить сов[етское] пр[авительст]во двинуть войска в пределы Румынии для помощи повстанцам. Эти данные я получил в Москве от Адамова и отправил в 1927 г. незадолго после убийства Войкова. После этого я отправил сведения о том, что в Коминтерне решили перестать считаться с Литвиновым, которого до этого Коминтерн считал своим, противопоставляя его Чичерину, и поставить его в такие условия, чтобы он занял более агрессивную позицию, о том, что Коминтерн намерен организовать грандиозное шествие южногерманских рабочих в Швейцарию, где, соединившись с швейцарскими рабочими, они отправятся в Женеву для колоссальной враждебной демонстрации перед дворцом, <где> в котором¹ будет происходить заседание Лиги Наций, о том, что организуется грандиозная забастовка в Германии, Австрии и Польше, причем в случае всеобщей забастовки в Польше, Коминтерн намерен превратить ее в восстание с призывом о помощи к расположенным пограничным красноармейским частям, которые таким образом будут вовлечены в военные действия, о том, что организуется также покушение на жизнь Муссолини, что должно явиться сигналом к всеобщей политической забастовке против фашистского режима в Италии. Эти сведения я получил и передал Платонову в 1928 г. со слов быв[шего] члена Коминтерна от ком[мунистической] партии Индии Катто-Шандия, жившего долгое время в Москве в Доме ученых (Кропоткинская наб., 5), с 1922 по 1925 г., и находящегося ныне в Париже. Аналогичные сведения я получал от Егорова, Бонди и Яковлева.

О Китае и деятельности там Коминтерна я получал сведения от Пергамента и акад[емика] Алексеева. С их слов я сообщал Платонову, что Коминтерн, абсолютно игнорируя аппарат НКВД, имел сношения с китайскими повстанцами, финансировал их и руководил их действиями, и что это сильно облегчило англичанам в их стремлении² скомпрометировать сов[етское] полпредство в Китае и привести к дипломатическому разрыву с СССР.

Я писал также о действиях Коминтерна в Афганистане, приведших к обострению внутренней борьбы и низвержению Аманулли, что совершенно не соответствовало намерениям НКВД и пошло на пользу

¹ В подлиннике слова в котором вписаны Строминным вместо зачеркнутого где без особой отметки.

² Так в подлиннике.

планам Англии, точно так же, как это имело место в Персии, где все первоначальные успехи сов[етского] пр[авительст]ва были сведены к нулю действиями Коминтерна, приведшими к внедрению английского влияния.

В моем изложении о беседах в Париже в 1928 г. с Пенго, Брианом и Пуанкаре я остановился на: 1) несогласии их на выступление одной только Германии вследствие опасения, что она после победы станет фактическим хозяином России, 2) положительном их отношении к общей военной интервенции в случае начала военных действий между Польшей и СССР или в случае общего выступления против СССР Польши, Румынии и лимитрофов, 3) намерении французского пр[авительст]ва в случае серьезной опасности положения Польши при столкновении с СССР при отсутствии общей интервенции вмешаться в конфликт Польши и СССР и переправить по германским железным дорогам свои войска и 4) подозрительном отношении даже Бриана, не говоря уже о других, к плану Германии выступить одной. Я указывал в этой части, что Бриан, с которым уже, по его словам, об этом несколько раз говорили, считает эту комбинацию эгоистическим измышлением самой Германии.

Получив от меня этот отчет, Платонов прибавил от себя весьма много оптимистических сообщений, основанных на личных его беседах в Париже. В противовес моим выводам от всех встреч с французскими государственными и политическими деятелями Платонов силился убедить О. Гетча в том, что в Париже считают общее выступление вполне возможным, приветствуют мысль об этом и даже не будут протестовать против выступления одной только Германии.

Кроме того, я передал Платонову сведения:

1) О решении Политбюро ЦК ВКП(б) произвести чистку во всем аппарате НКВД в СССР и за границей, направленную к удалению троцкистов, собравшихся там в большом количестве, и что Литвинову по этому поводу было выражено неудовольствие.

2) О выраженном Раковским неудовольствии в частной беседе со мной на банкете в Париже, данном франко-советским об[щест]вом сближения по случаю приезда в Париж Ольденбурга С. Ф. и меня, по поводу обилия репрессий в СССР, и о том, что Раковский на этой почве подвергся враждебной демонстрации в Елисейском дворце на новогоднем приеме у президента Французской республики Думера, выра-

жившейся в том, что Думер, обменивающийся с другими послами различными приветствиями, с Раковским ограничился только молчаливым рукопожатием.

3) О том, что работающий в НКВД Ротштейн занимается исключительно сношениями НКВД с Коминтерном для согласования действий.

Моими источниками осведомления, кроме указанных уже лиц, были еще в Ленинграде:

1. Бонди Владимир Александрович, редактор журнала «Мир приключений», член редакции журнала «Вестник знаний», близкий к «Союзу» человек.

2. Грузенберг Семен Осипович, член коллегии защитников, быв[ший] народный социалист и противник деятельности Коминтерна.

3. Андерсен Владимир Максимилианович, быв[ший] зам[еститель] директора Гос[ударственной] Публичной биб[лиоте]ки и работник НКВД.

4. Крачковский Игнатий Юлианович, академик,

а в Москве:

5. Дживилегов Алексей Карпович, быв[ший] кадет, историк, заведыв[авший] словарем «Гранат».

6. Бороздин Илья Николаевич, проф[ессор] Ин[ститу]та востоковедения, личный знакомый Чичерина, неоднократно выполнявший ответственные поручения НКВД, противник деятельности Коминтерна.

7. Гурко-Кряжин Владимир Александрович, проф[ессор] Ин[ститу]та востоковедения и Ин[ститу]та им. Енукидзе в Ленинграде, связанный с НКВД.

8. Дзюбинский Владимир Антонович (тесть Адамова), быв[ший] трудовик, служ[ащий] Наркомзема (быв[ший] член IV Госуд[арственной] Думы).

9. Скобелев, быв[ший] с[оциал]-д[емократ] и министр труда Временного пр[авительства], быв[ший] работник торгпредства в Париже.

Из перечисленных лиц знали о назначении собираемой мной информации: Крачковский И. Ю., Алексеев Вас[илий] Михайлович, Бой-

ди Вл[адимир] Ал[ексан]др[ович], Егоров Д. Н. и Яковлев Ал[екс]ей Ив[анович], состоящие в «Союзе».

Последний отчет был мною передан Платонову в начале 1929 г. Говорилось в нем о смещении О. Д. Каменевой, об обострении левого течения в Коминтерне, о <безо> поведении служащего стокгольмского полпредства Григория Григорьевича Александрова, члена Коминтерна, занимавшегося открытой коммунистической пропагандой, состоя на официальной службе в НКВД, и о готовящихся Коминтерном гигантских враждебных с[оциал]-д[емократам] демонстрациях в Германии, Австрии, Бельгии и Франции в день 1 мая (сообщили мне об этом Дживилегов и Егоров). О чем было мною еще написано, постараюсь вспомнить дополнительно.

Техническое изготовление отчетов. Отчеты составлялись регулярно, каждые два месяца лично Платоновым при технической помощи Н. В. Измайлова. Писались они на русском языке на пишущей машинке в два экземпляра Марией Сергеевной Платоновой. Оба экземпляра отправлялись через местное германское генеральное консульство при посредстве Мерварта Александра Михайловича и Цейлина в Берлин лидеру Герм[анской] националист[ической] партии О. Гетчу.

Материалами для этих отчетов служили устные и письменные сообщения членов «Союза», занимавшихся регулярным собиранием различных сведений.

Помимо меня устные и письменные сведения передавали еще Платонову следующие:

1. Измайлов — о делах военной группы и связанных с нею интересах: положении Красной армии, вооружении, боеспособности, настроении и т. д. Как уже выше было мною указано, отдельно и гораздо подробнее писалось Измайловым лично генер[алу] Лохвицкому.

2. Рождественский Сер[гей] Вас[ильевич] — о положении народного просвещения, настроении преподавателей и учащихся в высших и средних учебных заведениях и о работе «Союза» среди интеллигенции, организованной в нелегальных кружках.

3. Бузескул — о положении на Украине, о народном образовании, украинизации и недовольствии этим среди населения и т. д.

4. Бенешевич Вл[адимир] Ник[олаевич] — о положении церквей, преследовании духовенства, о росте религиозного чувства среди населения, о борьбе с живой церковью, разрушении церквей, арестах среди духовенства и верующих и т. д.

5. Любавский Матвей Кузьмич.

6. Яковлев Алексей Иванович.

7. Готье Юрий Владимирович — о положении в Москве, о новостях из правительственных кругов, об экономическом положении и разных неофициальных мероприятиях ВСНХ (сообщал Яковлев), о настроениях среди ученых-специалистов и интеллигенции вообще, о росте антисоветских настроений и составе московской группы «Союза» и т. д.

Этим, конечно, не ограничивается круг лиц, передававших регулярную информацию. Я ясно помню, например, что при чтении одного отчета в 1929 г., Платонов цитировал сведения о положении в Университете и о случаях, имевших место в Китае, полученные от Мих[аила] Яковлевича Пергамента.

В отчетах помещались также сведения из области научно-технической, например о провале Курской аномалии¹, о плохом состоянии железных дорог и т. д. Об источниках этих сведений постарайтесь вспомнить. В правильности своих показаний подписываюсь.

Е. Тарле

Допросил:

Стромин

Подлинник; рукопись (на бланке); текст почерком Стромина; дата на бланке; подписи — автографы. Т. 3. Л. 369–376.

Копия; машинопись(на бланке). Т. 3. Л. 377–380.

¹ Так в подлиннике.

Заявление Е. В. Тарле в Коллегию ОГПУ

10–11 августа 1930 г.

Е. В. Тарле
10 августа 1930.

После дела, в котором я замешан <я>¹, и которое является величайшим несчастьем моей жизни, работа на пользу рабочего класса и рабочей власти является для меня не только общественным долгом, но и долгом личной реабилитации. Всей остающейся еще мне жизнью я докажу, что мое участие в этом <трагическом> деле было временным и без следа исчезнувшим помрачением политического сознания и что я хочу дать и дам трудящимся СССР все, что могу им дать на всех путях своей деятельности.

С чего я начну, на каких поприщах прежде всего в ближайшее время теперь же я начну свою общественную работу с сознательной целью приложить свои силы там, где это сейчас может быть мною сделано с максимальной пользой для СССР? Вот что прежде всего приходит на мысль:

1. Советская власть задумала, по инициативе М. Н. Покровского и В. В. Максакова, грандиозное научное и политическое дело: многотомное издание дипломатических документов до и во время войны 1914–1918 гг. и уже в 1929 г. Максаков предложил мне участвовать в редактировании части этой коллекции. Я ответил согласием.

Теперь я не только буду там работать, но сделаю все, чтобы эта коллекция, имеющая огромное политическое, злободневное значение (помимо чисто научного), заняла подобающее ей место. А сделать тут я могу немало, специалистов у нас подготовленных почти вовсе нет. Кроме того, у меня есть целая программа того, как можно и должно воспользоваться этой коллекцией и популяризовать ее во Франции, Англии, Швеции и Италии. Эту программу я изложу Покровскому и Максакову — тут детали были бы излишни.

¹ В подлиннике слово я вписано и вычеркнуто Тарле без особой отметки.

2. До сих пор я отказывался от предложений писать в сов[етской] ежедневной прессе по вопросам иностранной политики. Теперь я буду это делать, если мне предложат. Тут я тоже могу быть полезен, так как этот отдел в наших газетах в общем, если исключить статьи К. Радека и очень немногих других, обставлен довольно посредственно. А отдел этот сейчас крайне важен, между тем он в наших газетах вне всяких сравнений хуже, чем другие отделы.

3. Я хочу продолжить и усилить ту деятельность, которую начал уже в 1929 г. и за которую меня благодарили и Копп в Стокгольме, и Довгалецкий в Париже. Эта деятельность будет направлена: во-первых, к защите и поддержке нашей дипломатии, во-вторых, к сближению научного мира Европы там, на местах, с нашими представительствами. Уже в декабре 1929 г. на банкете, данном советским полпредством в Париже после моего выступления в Сорбонне, присутствовал весь факультет Сорбонны и декан его произнес речь в честь СССР и советской науки: это событие наделало много шума, так как ничего подобного до той поры не было.

Но этого мало: и Сорбонна, и Коллеж де Франс предлагают мне прочесть на французском языке публичный¹ курс на любую тему, отмечая желательность выбрать эту тему из новейшей истории. Я предложу как тему — дипломатию² 1914–1920 гг., причем воспользуюсь этим не только для рассказа о вышеупомянутой нашей коллекции документов, но и для освещения и правильной оценки таких (до сих пор злободневных!) фактов, как захват Бессарабии Румынией. У меня есть для этого и фактический материал, и выработанный подход к вопросу. Такой курс, читанный с кафедры Сорбонны или Коллеж де Франс (да еще по приглашению одного из этих заведений!), был бы, безусловно, сам по себе политическим событием и ударом по французскому официальному румынофильству и полонофильству. Никого, кроме меня, они и не приглашали читать на подобные темы. Это было бы событием, еще более характерным, чем присутствие Сорбонны на банкете в сов[етском] полпредстве.

4. Я намерен отныне активно выступать со статьями о сов[етской] дипломатии, о международной политике и т. д. в таких органах (левых, не коммунистических, читаемых широкой массой избирателей и по-

¹ В подлиннике слово публичный вписано Тарле без особой отметки.

² В подлиннике слово дипломатию вписано Тарле без особой отметки.

этому влиятельных, как «L'Oeuvre», «Le Soir» и др). Между прочим, агентство ТАСС отметило во время кутеповской истории, что «L'Oeuvre» единственный радикальный орган, высказавшийся против травли полпредства. «L'Oeuvre» давно просит моего сотрудничества, но до сих пор я там не выступал. Я буду также писать в «Daily News» и других аналогичных органах английской печати, куда меня тоже звали, но где я не писал.

5. Только что высказанные мной планы моей деятельности свяжутся, естественно, с желанием моим быть полезным Наркоминделу, нынешнюю программу которого я вполне разделяю. Меня звали уже (2 года назад) официально к сотрудничеству в журнале Наркоминдела «Международная жизнь». Я всецело предоставляю Наркоминделу, если я ему вообще понадобится, рассчитывать на полную мою готовность быть ему полезным и всячески ему содействовать. (По просьбе ВОКС'а и после телеграммы Л. Коппа я уже в 1929 г. и совершил свою поездку в Стокгольм, и выступил там на торжественном собрании Шведско-русского общества).

6. Кроме обычной деятельности в Академии и Университете я намерен принять самое деятельное участие в чтении систематических¹ лекций, а также в выступлениях в историчес[еские] годовщины и т. п. дни (смерть К. Либкнехта и Р. Люксембург, Парижск[ая] Коммуна и т. п.) на ленингр[адских] фабриках и заводах. Мне уже приходилось читать рабочим (еще в 1922–23 гг.) на Судостроительном заводе, и аудитория всегда была переполнена.

Таковы будут главные категории, основные линии будущей моей общественной деятельности. Аналогичный по духу характер она будет носить и в Академии, и в Ун[иверсите]те. Что касается моей научной работы, то я буду продолжать писать новые тома основного своего труда «Рабочий класс во Франции», последний том которого издан в 1928 г. Институтом Маркса и Энгельса в Москве, буду продолжать сотрудничество в «Книгах для чтения по новой истории», издаваемых «Пролетарием» в Москве, и др[угих] изданиях.

Таковы мои твердые намерения. Усиливаясь взглянуть на дело со стороны, дать совершенно объективную оценку этим планам, я сказал бы, что мала или велика будет польза от моей деятельности, но в настоящий момент именно я (и едва ли не только я из всех ученых СССР)

¹ В подлиннике слово систематических вписано Тарле без особой отметки.

могу, по своему положению, взяться за выполнение в с е й намеченной мной программы, всех пунктов ее (особенно 3 и 4). Всем тем, что я сделаю, я хочу заставить забыть о проклятом деле, составляющем величайшее несчастье моей жизни. Для меня теперь это долг чести. Если говорить только о ближайших временах и об отдельных делах, где я в самом деле могу быть полезен, то укажу на одно такое дело, которое не только возможно, но и должно сделать, и в осуществлении которого я бы взял на себя самую большую работу.

Это дело, я убежден, могло бы иметь громадные моральные результаты. О нем несколько лет тому назад уже заходила речь, но все было оставлено. Я говорю о возможности организации в с е м и р н о г о съезда архивных деятелей в Москве или в Ленинграде. Сейчас не только у нас архив, как выразился на всесоюзной архивной конференции М. Н. Покровский, является «могущественным орудием политической борьбы», но такую же роль он играет и во всем мире, особенно в странах, принимавших участие в Мировой войне. И такой съезд привлечет к себе в буквальном смысле слова внимание всего мира. И что важнее всего, архивное дело — это та область культурно-научного строительства, в которой, в самом деле, СССР идет не то что рядом с Европой и Америкой, но в очень многих отношениях обогнавши их. Мало того: в этой области соввласть получила в наследие пустое место, т.к. нельзя серьезно говорить о нескольких ненужных чиновниках, сидевших в разных ведомствах и ничем между собой не связанных, как об архивной организации. И на этом пустом месте выстроено теперь здание, к которому с восхищением отнесся в 1928 г. приезжавший сюда директор Национального архива Шарль Ланглуа. Эта организация создавалась с 1918 г. постепенно, и тут, действительно, нам есть, что показать.

Мне уже удалось связать с нашим Центрархивом немало выдающихся архивистов Запада, которых я пригласил участвовать в московском «Архивном деле» и которые дали туда свои статьи (уже напечатанные там). Я бы взял на себя всю работу по организации такого съезда, поскольку это < . . >¹ касается Зап[адной] Европы и Америки, и самым активным образом помог бы М. Н. Покровскому в устройстве такого всемирного съезда. Я ничуть не сомневаюсь в успехе его и в колоссальном значении этого успеха. Для престижа всей культурной деятельности СССР и не только среди ученых, а и среди масс архивные

¹ В подлиннике рукой Тарле вымарано одно слово.

публикации теперь — боевой, злостный вопрос. Далее, начав заблаговременно подготовку почвы, как в постоянном Комитете международных исторических съездов, членом которого я являюсь, так и в других ученых организациях, можно (и следует) добиться, чтобы на ближайшем историческом съезде было решено собрать следующий за ним Мировой конгресс историков в Москве. И тут также я бы сделал все зависящее для достижения подобного результата.

(Что касается архивного съезда, то тут и ждать не нужно, его можно собрать с полным успехом в 1931 г.). Таковы ближайшие отдельные дела международного характера, которые имели бы большое и положительное моральное значение в смысле успехов СССР, в которых я мог бы, безусловно, принести пользу, если бы они были решены принципиально.

Но все вышесказанное — частности. Самое главное это то, что я отныне всецело связываю себя и свою деятельность с тем великим переустройством, которое происходит, и буду помогать этому везде и всегда, всеми зависящими от меня средствами и в меру всех моих возможностей.

Наркоминдел, ВОКС, МОПР — вот учреждения, с которыми я хочу увязать свою работу, кроме тех (Академии, Университета, Центрархива), в которых <я> работаю уже.

И я глубоко убежден, что своей работой заставлю забыть мою связанность с платоновским делом.

Считаю нужным сказать <особо> несколько слов особо о той работе, которую я мог бы делать в МОПРе и в ВОКСе. В МОПРе всегда ощущался недостаток в подготовленных докладчиках, и я бы читал систематически курс по истории революционных движений на Западе за последние 25 лет, особенно останавливаясь на 1914–1930 гг. Это материал, который крайне важен именно в деталях, которых у нас почти не знают. Этот курс был бы специально предназначен для молодых деятелей МОПРа и вообще для аудитории повышенной квалификации. Я вполне убежден, что МОПР захочет, чтобы я такой курс прочел. Затем я привлек бы к МОПРу внимание и сочувствие целого ряда лиц из ученого мира Запада (особенно Франции, Англии и Швеции), с которыми нахожусь в дружеских отношениях и которые могли бы быть реально полезны МОПРу.

Что касается ВОКСа, то здесь укажу¹, <вместо> помимо всего вышесказанного, о будущем² использовании полученных уже мной³ приглашений в Сорбонну и Коллеж де Франс в Париже <в будущем>, на не менее важное и тоже уже состоявшееся приглашение меня выступить в Нью-Йорке на публичном собрании Академии политических наук при Колумбийском университете, действительным членом которой я являюсь. Следует заметить, что в этой Академии (Academy of Political Sciences) очень силен дух мелкобуржуазного протеста против верхушки финансового капитала. Ее собрания очень популярны, ее издания расходятся в колоссальном количестве экземпляров, и выступление там беспартийного ученого, да еще по их же приглашению, конечно, будет иметь свое значение. Я бы читал там на тему об отношениях между⁴ Соединенными Штатами и Россией в прошлом и настоящем и настаивал бы на полной необходимости признания правильных дипломатических и экономических сношений обеих стран. У них в распоряжении ряд влиятельных органов, связанных с Президиумом этой Академии.

Таковы, в общем, мои первые намечающиеся шаги. Нечего и говорить, что поскольку указанные мною учреждения и сов[етское] правительство вообще будут обращаться ко мне с теми или иными требованиями и пожеланиями, также и по их собственной инициативе, они будут находить во мне искреннее желание быть им полезным. Тут я мог говорить пока лишь о том, что я сам уже немедленно могу предложить и в ближайшие сроки выполнить.

11 августа 1930 г.

Е. Тарле

Подлинник; рукопись; автограф. Документ на отдельном листе почерком Тарле озаглавлен: Е. В. Тарле 10 августа 1930. На этом же листе надпись почерком Строминя Прошу напечатать 5 экземпляров. А. Стромин. 11.VIII.30 г. В след[ственное] дело Е. В. Тарле. А. Стромин. Заголовок дан на основании документа № 102. Текст, включая заглавие, написан лиловыми чернилами; дата и подпись представлены синими чернилами. Т. 3. Л. 381–389.

Копия; машинопись. Т. 3. Л. 390–398.

¹ В подлиннике слово *укажу* вписано Тарле без особой отметки.

² В подлиннике слова *о будущем* вписаны Тарле без особой отметки.

³ В подлиннике слова *полученных уже мной* вписаны Тарле без особой отметки.

⁴ В подлиннике *предлог* на вписан Тарле без особой отметки.

⁵ В подлиннике *предлог между* вписан Тарле без особой отметки.

Заявление Е. В. Тарле А. Р. Стромину

12 августа 1930 г.

Уважаемый тов[арищ] Стромин,

вчера вечером я так торопился, когда Вас вызвали, и Вы должны были уехать, что не успел Вам сказать, что еще **н у ж н о д о п и с а т ь** о «бюро» в 1929 году, — но я хотел сделать это при Вас (для формулировки)¹.

Кроме того, я повторяю, что мне очень нужно с Вами поговорить, **хоть**² несколько минут!

О ч е н ь прошу Вас, тов[арищ] Стромин, вызвать меня сегодня, — как Вы обещали вчера вечером. Если можно, — не откладывайте.

Уважающий Вас Е. Тарле

12/VIII

*Подлинник; рукопись; автограф. Т. 7. Л. 170.**Копия; машинопись. Т. 7. Л. Ж.*

Собственноручные показания Е. В. Тарле

14 августа 1930 г.

В дополнение моих прошлых показаний³

1. **А р х и в С о ю з а**. Туда входили: 1) письма, получавшиеся Платоновым как из Германии, так и из разных мест СССР; 2) некоторые черновики, наброски, заметки писем к Отто Гетчу от Платонова, писем Измайлова и т. п.; 3) тетрадь, рукой Платонова

¹ В подлиннике слова **я хотел бы сделать это при Вас (для формулировки)** подчеркнуты простым карандашом. В копии вместо формулировки напечатано **формировки**.

² В копии вместо **хоть** напечатано **хотя**.

³ В подлиннике данное предложение вписано Тарле без особой отметки.

писанная, где были между прочим графики, касавшиеся схемы будущего административного устройства России; 4) некоторые корреспонденции с мест, полученные Платоновым; 5) несколько географических и статистических карт. Иногда эта кучка бумаг лежала перед Платоновым, иногда перед Андреевым. Платонов отдал этот архив на хранение Андрееву в Археографическую комиссию. Когда же началась кампания в прессе против Академии наук, то он говорил, что хочет отдать его Путилову в Архив Академии, который, как он считал, находился в более безопасном положении, чем Археографическая комиссия, и выразил однажды желание поговорить о хранении архива с Халтуриним.

2. **Ф и н а н с ы** С о ю з а . Платонов получал деньги на нужды организации от Отто Гетча. Он никогда не говорил ни мне, ни при мне сколько в общей сложности он получил от него. Богословский же сказал мне в начале 1928 года, что с начала организации получена сумма в 15 000 рублей. После разговоров с Гетчем в Берлине в 1928 году Платонов однажды упомянул об обещанной Гетчем сумме в 150 000 марок, причем из этой суммы, ассигнуемой партией германских националистов, предполагалось, по словам Гетча, покрыть расходы в случае выступления в будущем «Стального шлема».

Другим источником дохода были суммы Ватикана на поддержку духовенства. Их было <обещано> 350 000 р[ублей], и Платонов говорил о получении взносами¹ в 50 000 руб[лей]. Платонов говорил также о 50 000, полученных от Ферсмана после его сделки с германской фирмой (кажется, Круппа или «Вулкана»). Наконец, Платонов получил в Париже от Андрея Владимировича перевод в 31 000 франков (5000 герм[анских] марок) через Лионский кредит.

3. **Е щ е о б о р у ж и и** . Платонов упомянул в разговоре со мной в конце 1928 г. о том, как за несколько месяцев до того они припрятавали оружие сначала в Пушкинском Доме, потом Гатчинском дворце, упомянул фамилию Пузинского, сказав, что Измайлов решил обратиться к тем членам военной группы, которые были в городе, и что сам он, Платонов, говорил об этом с Рождественским и Халтуриним. Это было сказано, чтобы подчеркнуть, что Пушкинский Дом очищен уже.

¹ В подлиннике почерком Тарле слова <первые> взносы исправлены на слово взносами без особой отметки.

4. В 1929 году я виделся в Париже с Краевичами три раза: в октябре, в ноябре, в декабре. В октябре я побывал у них в Ванве (предместье Парижа), в ноябре и декабре они вызывали меня в кафе, приезжая в Париж. Разговоры были преимущественно о положении С. Ф. Платонова, против которого в это время, как и против Ольденбурга, велась кампания в прессе. Об организации и, в частности, о составленном Платоновым в 1928 г. заграничном Бюро Союза, говорили мало. Вот что я узнал: что Коковцов работает над планом реформы финансов при будущем строе; что Лохвицкий очень заинтересован отчетами Измайлова; что он же собирает сведения об офицерах-эмигрантах в Европе; что он зондировал почву у французов, будут ли они препятствовать ему в составлении, когда придет для того время, отряда из эмигрантов и в перевозе его из Франции в Россию, и получил удовлетворивший его ответ; что Нольде — в Америке и писал оттуда, что он виделся с разными политическими деятелями и финансистами, что делал там сообщение об антисоветском движении вообще, а некоторым из них говорил и о «Союзе», в частности, с французами о лимитрофах, причем речь шла об отчасти уже тогда происходивших, отчасти же только еще готовившихся фашистских сдвигах и изменениях в их политике. Отражением этих бесед в прессе явились две заметки в газете «Возрождение» еще летом и в начале осени 1929 г. о том, что парламентаризм у лимитрофов — изжитое явление и что нужна сильная власть для борьбы в этих странах против Коминтерна и против Москвы. Краевич говорил также и о том, что уже в сентябре 1929 г. были получены Струве из Германии пересланные из СССР сведения о притеснениях крестьян в деревне (при колхозном движении) и о бедствиях немцев-колонистов, бежавших тысячами с Волги в Германию, причем эти сведения Струве и Коковцов передали во франц[узскую] прессу через посредство б[ывшего] профессора Петерб[ургского] университета Пиленко, ныне сотрудника газеты «Матэн» и близкого к монархистам человека. Еще он сказал, что Бюро собирало сведения о колхозах вообще, об их установлении, деятельности и сопротивлении, которые им оказывает деревня. Из его слов было видно, что члены этого Бюро действовали в двух направлениях, не только сносились с французами, но и старались действовать на эмиграцию, узнавая от нее нужные сведения и сообщая ей то, что считали нужным в интересах организации.

Он сказал также, что Нольде писал из Америки о том, что там готовится очень большая агитация со стороны всех протестантских

церквей против преследования духовенства в СССР, и он просил выслать ему из Парижа все материалы, какие Платонов сообщил Коковцову устно.

Платонов еще до поездки своей в 1928 г. за границу говорил однажды в конце 1927 г. или начале 1928 г., что он бы желал установить связи с масонами, которые очень влиятельны в Германии и во Франции. Затем он вторично заговорил о масонах, когда я сказал ему, что Евгений Васильевич Аничков — масон и что М. М. Ковалевский был масоном. Это было в 1928 г. тоже, но несколько позже. Он сказал, что постарается связаться с масонами, спросил меня, знаю ли я масонов. Я ему сказал, что знаю нескольких французских профессоров: Анри Сэ в гор[оде] Ренне, Гюйд в Париже, Лихтанберже в Париже, Анри Озе в Париже, еще некоторых. Он спросил, могу ли я помочь ему в этом связывании с масонами. Я ответил не только совершенно категорическим отказом, но даже сказал, что ни один немасон не может с масонами об их масонстве даже и заговаривать, и что только если бы в организации уже был один какой-нибудь масон, то таковой и мог бы что-нибудь в этом смысле сделать. И что все масоны, которых я знаю, никогда ни слова со мной о своем ордене не говорили (и не смели, по строгим своим правилам, даже заговаривать). С некоторым удивлением поэтому в конце 1928 г. я услышал от Платонова, что он в Париже (где он оставался, когда я уже уехал в Виши) познакомился с некоторыми масонами и связался с ними. Я вспомнил тогда, что во время разговора с Гальперном и Петрицевым в Париже Платонов спросил Гальперна, сильны ли масоны и как они в Англии относятся к совласти, Гальперн ответил, что очень сильны и что разные масонские ложи относятся по-разному. Но Платонов мне не назвал ни одного масона по фамилии. Мне давно уже говорили, что Струве и бар[он] Таубе масоны. Со Струве Платонов встречался и сблизил его с «Союзом». Через Струве он и мог связаться с масонами. Встречался ли он с Таубе, я не знаю. По существу же полагаю нужным еще прибавить, что, говоря о преследованиях духовенства в СССР, Платонов сказал еще в 1927 г. и повторил в 1928 г. (после поездки), что эти преследования вызывают протесты не только со стороны представителей разных церквей на Западе, но и со стороны масонских лож. Так как даже связавшись с масонами, он мог с ними сообщаться исключительно при посредстве какого-либо масона, то естественно, что таким лицом в данном случае должен был явиться Струве. Сближение Платонова со Струве произошло в 1928 году, и именно после этой поездки Платонов и сказал,

как упомянуто выше, о том, что с масонами он уже связался. С уверенностью можно утверждать, что никто из близких Платонову монархистов вроде Коковцова или Лохвицкого в числе франк-масонов¹ не состоял, так как монархисты (и именно русские эмигранты) в высшей степени враждебно относятся к масонству, в частности, к центральной французской ложе «Le Grand Orient», бранят масонов в своих органах, приписывают им разрушительную антицерковную и антимонархическую работу и видят даже их руку в низвержении Николая II. Что же касается Струве или Таубе, то это исключения в данном отношении. Связь «Союза» с масонами неминуемо должна была оказаться шаткой и ненадежной, поскольку Платонов связался с Ватиканом, безусловным и непримиримым врагом всякого масонства, в особенности же французского: все масоны французских лож отлучены от церкви еще Пием X. Стремление же свое связаться с масонством Платонов объяснял сознанием громадного влияния масонов именно в правительственных кругах Франции и Германии. Относительно его связей с германскими масонами мне известно, что масоном является Браун, а из того, что Платонов с германскими масонами также завел сношения, ясно, что Браун должен был играть посредствующую роль. Платонов говорил, что еще в 1926 году специально поехал в Лейпциг (из Берлина) к Брауну, который познакомил его со своими «друзьями». Так он выразился. Германское масонство в общем настроено в политическом отношении гораздо более правым образом, чем французское.

Е. Тарле

Подлинник; рукопись на бланке; автограф; обложка с датой почерком Стромона. Т. 3. Л. 399–405.

Копия; машинопись (на бланке). Т. 3. Л. 406–408 об.

¹ В подлиннике почерком Тарле вписано слово *франк* без особой отметки, в копии слово показано как непрочитанное.

Заявление Е. В. Тарле А. Р. Стромину

[16 августа 1930 г.]

Суббота / 8 ч. утра

Уважаемый тов[арищ] Стромин,

после двухмесячной передышки мои боли в почках так вдруг возобновились (уже с неделю), что я по ночам с трудом удерживаюсь от крика. Конечно, доктор тут и лазарет — н и ч е г о сделать не могут, и мой переход в лазарет только ухудшил бы мое положение, потому что в лазарете я не мог бы по ночам вставать и ходить, что иногда облегчает меня. Да и я уже не могу ни с кем быть, а должен быть один, потому что нервы натянуты до последней крайности, и я отказался от утренних прогулок¹ (которые так нужны мне) исключительно затем, чтобы не видеть никого из гуляющих². Уже больше недели я не беру приносимых мне из лазарета обедов и питаюсь только³ чаем, т. к. ничего, изготовленного на сале, мне есть невозможно, когда у меня внутренние боли. А постоянное полуголодное состояние еще усиливает тяжесть моего самочувствия.

Я долго крепился, не желая Вам всего этого писать, но после сегодняшней ночи, особенно тяжелой, решил это сделать. Не было ли бы возможно ускорить мое освобождение, единственное, что позволило бы начать подготовку к дроблению или вырезыванию камня, и единственное, что облегчило бы также мои невралгические боли. Для меня не то, что день, а каждый час пребывания тут является физической пыткой. Седьмой месяц идет! . . .⁴

Я переделал и дополнил свое заявление, которое читал Вам вчера (о буд[ущей] деятельности), а также написал ответы на поставленные вопросы. Нечего и говорить, что я бы все сделал для скорейшего

¹ Слова и я отказался от утренних прогулок *подчеркнуты простым карандашом.*

² Слова исключительно затем, чтобы не видеть никого из гуляющих *подчеркнуты простым карандашом.*

³ Слова питаюсь только *подчеркнуты простым карандашом.*

⁴ Предложение *подчеркнуто простым карандашом. Весь абзац отчеркнут простым карандашом двойной чертой.*

дополнения и заполнения всех пробелов протокола. Очень жду возможности лично с Вами поговорить.¹

Уважающий Вас искренно

Е. Тарле

Подлинник; рукопись; автограф. Датируется по содержанию (упоминается документ № 85, датированный воскресеньем 10 августа 1930 г.). Т. 7. Л. 169 и об.

89

**Протокол допроса Е. В. Тарле, произведенного А. Р. Строминим
и оперуполномоченным СО ОГПУ Ю. В. Садовским**

17 августа 1930 г.

Дополнительно сообщаю, что я с Егоровым Дмитрием Николаевичем говорил о том, что московская группа занимается систематическим собиранием сведений о преследованиях духовенства Москвы и Центрального района. Это сообщение сделал Егоров в 1928 году, мне кажется, с глазу на глаз на моей квартире. Он сказал также, что сведения эти передаются Платонову. Говорил мне, что он был однажды приглашен в германское консульство на вечер, на котором присутствовал Вирт. Речь шла о неудовольствии немецких концессионеров концессионной политикой советской власти. Констатирую, что Егоров, как и другие члены организации, был <вра> настроен отрицательно относительно иностранных концессий, т. к. они содействуют экономической мощи СССР. В моей квартире Егоров бывал или со мной, или вместе с Платоновым. Помню, что Платонов в присутствии Егорова говорил о желательности создания провинциальных групп. Егоров говорил, что всюду, где имеются высшие учебные заведения и научные учреждения, имеются антисоветские силы, которые могут быть использованы в целях организации, в частности Егоров говорил, что особенно благодарная почва для работы организации имеется в Саратове, Платонов тогда сразу сказал, что у него там уже имеется группа, назвав Чернова, Любомирова и Протасову. Я также не раз говорил с Егоровым относительно переговоров Платонова с Гетчем и другими об интервенции, причем и у меня и у него отношение к пла-

¹ Предложение отчеркнуто простым карандашом двойной чертой.

нам интервенции было скептическим. О существовании и деятельности военной группы организации, возглавляющейся Измайловым, я тоже вел разговор с Егоровым, но из разговора можно было понять, что о ней он достаточно хорошо знал сам от Платонова и Измайлова.

Евг. Тарле

Допросили:

Ю. Садовский

А. Стромин

Подлинник; рукопись (на бланке); текст почерком Садовского; дата на бланке; подписи-автографы. Т. 3. Л. 409–410.

Копия; машинопись (на бланке). Т. 3. Л. 411–411 об.

90

Заявление Е. В. Тарле А. Р. Стромину

22 августа 1930 г.

Глубокоуважаемый тов[арищ] Стромин,

я вспомнил факт, который может покрыть один пробел в моих показаниях.

Прошу Вас очень — вызвать меня сегодня или завтра (когда Вы будете здесь).

Уважающий Вас Е. Тарле

Пятница 22/VIII

*На обороте: Тов[арищу] Стромину
в Секрет[но-]операт[ивный] отдел ГПУ.*

Подлинник; рукопись; автограф. Т. 7. Л. 171 и об.

Заявление Е. В. Тарле А. Р. Стромину

23 августа 1930 г.

Глубокоуважаемый тов[арищ] Стромин,

я уже написал свое новое показание и передам Вам его сегодня (Вы обещали меня вызвать сегодня). Очень хотелось бы получить протокол для прочтения, — это очень для меня важно!

Только что я получил для подписи текст доверенности на получение денег из Академии, — но написанный не рукой моей жены, ломаным почерком. Я в большой тревоге по этому поводу, она всегда писала сама, зная, что это для меня доказательство, что она здорова. . .

Уважающий Вас Е. Тарле

Суббота 23/VIII

На обороте: Тов [а р и щ у] Стромину
в Секрет[но-]операт[ивный] отдел ГПУ.

Подлинник; рукопись; автограф. Т. 7. Л. 172 и об.

Заявление Е. В. Тарле А. Р. Стромину

28 августа 1930 г.

28 августа.

Глубокоуважаемый тов[арищ] Стромин,

убедительно прошу Вас вызвать меня, мне крайне необходимо с Вами поговорить по моему делу. Я у Вас отниму очень мало времени. Не откажите!

Уважающий Вас Е. Тарле

На обороте: Тов [а р и щ у] Стромину
в Секрет[но-]операт[ивный] отдел ГПУ.

Подлинник; рукопись; автограф. Т. 7. Л. 173 и об.

Собственноручные показания Е. В. Тарле

30 августа 1930 г.

Дополнения и показания о военной группе

К стр. 56. Измайлов на одном из заседаний у Платонова в 1927 г. говорил, что физкультурные кружки могут быть полезными легальными возможностями для создания и увеличения военных кадров, а также будущих пропагандистов в Красной армии.

Платонов тогда же в 1927 г. выразил мысль о необходимости заботиться по образцу Германии только о подготовке командного состава, прибавив, что когда события настанут, то рядовые всегда найдутся.

К стр. 60. О связи Измайлова с воен[ными] специалистами заявил сам Измайлов, знакомя с выработанным им и его группой планом восстания и указывая, что эти военные специалисты одобрили мысль начать с Ленинграда и одобрили некоторые частности.

К стр. 60. С З. А. Шишкевич были лично связаны и Платонов, и Измайлов, и Халтурин. И <хотя> Платонов пользовался ее услугами для нужд и дел организации, так как через нее получал нужные ему справки о разрушении старых церквей, через нее же сносился с Любавским и Богословским, давая ей поручения переговорить с ними, когда почему-либо не успевал сделать это лично.

К стр. 62–63. Согласно планам военной группы, сообщенным Измайловым в 1928 г. весной, группа собирала сведения о настроениях во флоте и должна была выработать программу своих действий там в смысле агитации среди моряков.

К стр. 60. Платонов говорил о приездах членов провинциальных военных групп (и московской) мне дважды, оба раза в 1928 г., хотя приезжали они и в 1927 г., по его же словам. < . . >¹

К стр. 67. Детализируя то, что сказано об Отто Гетче и его словах об оружии, прибавлю², что Платонов говорил, что Гетч сказал о пред-

¹ Далее в подлиннике рукой Тарле вымарано две страницы.

² В копии вместо прибавлю напечатано прибавляю.

стоящих в ближайшие годы перевооружениях германской армии, что старое оружие не будет уничтожено (как следовало бы по Версальскому договору), а будет припрятано и тайком отдано разным германским организациям националистического характера, и что тогда можно будет отправить часть его в Россию, в распоряжение военной группы.

К стр. 68. Именно для хранения этого будущего германск[ого] оружия военная группа и предполагала обзавестись помещением в Финляндии, где-либо недалеко от русской границы, так как там было бы возможно и выгрузить и прятать его. Платонов говорил, что сравнительно с этим будущим германск[им] оружием, то количество, которое воен[ная] группа успела раздобыть в пределах СССР, является совсем ничтожным.

Измайлов сказал однажды Лихачеву¹ (в 1928 г.) в моем присутствии, что они (он и его товарищи по военной группе) намерены заняться выработкой плана переустройства армии в будущем на основаниях, выдвигаемых новыми требованиями, и что это не будет простое воскрешение дореволюционного войска, а нечто совсем новое.

Определенно помню, что в конце 1928 г. во время поездки Президиума Академии наук и председателей выборных комиссий в Москву для совещания с Совнаркомом, Платонов сказал мне, показывая на Кремль, что ему говорили люди из военных товарищей Измайлова, что довольно одной сотне взбунтовавшихся² красноармейцев войти в Кремль, чтобы овладеть всем и совершить переворот, если эта сотня войдет туда с такими намерениями. Он употреблял выражение «товарищи Измайлова», которое почти всегда употреблял для обозначения военной группы. Платонов до такой степени не принимал во внимание корней совласти в населении, что эту самую мысль этими самыми словами (о сотне красноармейцев) он при мне повторил еще раз спустя уже долгое время. Он считал это вполне реальным.

Измайлов сказал однажды в моем присутствии³, что есть так хорошо обеспеченные и материально так хорошо поставленные⁴ части

¹ В подлиннике фамилия Лихачеву вписана Тарле без особой отметки.

² В подлиннике слово взбунтовавшихся вписано Тарле без особой отметки.

³ В подлиннике слова в моем присутствии вписаны Тарле вместо вымаранных им двух слов без особой отметки.

⁴ В копии вместо поставленные напечатано расставленные.

Красной армии, которые именно вследствие такого своего блестящего материального положения очень преданы соввласти и не отражают в своем настроении того недовольства крестьянства, которое отражается в настроении других, обыкновенных частей Кр[асной] армии. Он это сказал в 1927 году. Он назвал при этом «части особого назначения». Платонов с этим не соглашался, говоря, что настроения деревни непременно должны влиять на всех связанных с деревней красноармейцев.

Из известных мне лиц Измайлов в Москве посещал З. А. Шишкевич и Д. Н. Егорова. < . . . >¹ Это мне известно и от Платонова и от Егорова, который в таких случаях² через него и передавал Платонову, что находил нужным по делам московской группы организации. Но у Измайлова были еще связи с военной группой московской. Об этом говорил Платонов. Но кто именно из них³ с ним сносился там, я не знаю.

К стр. 58. О том, что вербуемые в военную группу выразили готовность помогать ей, не требуя никаких на себя расходов, говорил однажды Измайлов при Платонове, при мне, при Рождественском (в начале 1928 г.)

К стр. 61. Предположения о цифрах будущих участников военной группы высказал Измайлов тогда же. Он основывался при этом на предварительных примерных подсчетах, которые произвела их группа.

Мысль об особом отряде, который в будущем, уже после наступления событий, должен быть образован из особенно надежных лиц, в частности из родственников и⁴ детей лиц, пострадавших или⁵ погибших от руки революции, — эта мысль была высказана впервые Платоновым, по крайней мере, от него я ее услышал еще в 1927 году. А позже ту же мысль он высказал, приехав из-за границы, в 1928 году, сославшись при этом уже и на Измайлова, который такого же был мнения. Измайлов при мне сказал однажды, что если бы в 1917 г. в февра-

¹ В подлиннике рукой Тарле вымарано пять слов.

² В подлиннике слова в таких случаях вписаны Тарле без особой отметки.

³ В подлиннике слова из них вписаны Тарле без особой отметки.

⁴ В подлиннике слова родственников и вписаны Тарле без особой отметки.

⁵ В подлиннике слова лиц, пострадавших или вписаны Тарле без особой отметки.

ле у правительства был бы отряд исключительно из кадровых¹ офицеров, то оно победило бы, что создание такого отборного отряда крайне важно в будущем. Платонов в 1928 году подробно рассказал О. Гетчу о деятельности военной группы, на том основании, что писал о ней, по его словам², в своих письмах к Гетчу очень мало, по конспиративным соображениям.

Некоторые сведения фигурировали и в письмах Платонова к Гетчу и в отчетах Измайлова Лохвицкому, напр[имер] о падении добычи угля в Донбассе из-за гонения на инженеров и падения рабочей дисциплины. О том, что на Юге было завербовано (в 1927 г.) 60–70 чел[овек] Измайлов писал в своем отчете Лохвицкому, но ту же цифру (60) я слышал еще раньше от Богословского. < . . . >³

Платонов говорил при мне осенью 1928 г., что он хочет познакомиться Измайлова и его товарищей с тем, как заграничные уцелевшие участники белых движений смотрят на причины своего поражения (на основании их рассказов и устных воспоминаний всякого рода). Военная группа этим вопросом всегда интересовалась, о чем заявлял неоднократно Измайлов.

О поездках Измайлова в Москву я знал как от Платонова, так и от самого Измайлова, который еще в 1926–27 гг. и 1927–28 гг. — в обе эти зимы упоминал о своих поездках. А Платонов сказал, что члены московской военной группы приезжают время от времени сюда к Измайлову⁴. < . . . >⁵

Платонов же говорил, что и у Измайлова, и у него самого, Платонова, с Москвой сношения постоянные (по делам организации). Это он сказал в конце 1928 года.

Платонов говорил один раз на заседании организации, другой раз в разговоре, в моем присутствии, что он надеется получить возможность перевести на жительство в Ленинград и Москву тех провинциальных членов организации и тех членов военной группы, пребывание которых в столицах явилось бы особенно желательным. Он говорил об

¹ В подлиннике слово *кадровых* вписано Тарле без особой отметки.

² В подлиннике слова *по его словам* вписаны Тарле без особой отметки.

³ В подлиннике *рукой Тарле* вымарано два слова.

⁴ В копии вместо *Измайлову* напечатано Платонову.

⁵ В подлиннике *рукой Тарле* вымарано шесть слов.

этом в 1927 г. (на заседании) и в 1928 г. в разговоре. Заговорил же по тому поводу, что и в Ленинграде, и в Москве членов организации все-таки мало и каждый человек лишний — желателен.

Платонов говорил < . . . >¹, когда Измайлов коснулся темы о восстании, что он представляет себе дело так, что период военной диктатуры будет длительным и что в этот период должна будет сформироваться новая армия, что поэтому именно проект воссоздания армии должен быть постепенно выработан в возможно более полном виде: всякие другие реформы можно отложить на более далекое будущее, а реформа армии должна будет проводиться раньше всего, так заключал Платонов. Он прибавлял, что когда настанут все эти события, несомненно окажутся налицо и другие программы и планы по этой части, но долг военной группы организации выработать также и свой план. Измайлов и сказал однажды в ответ, что их военная группа этим занята, что они считаются с изменениями, внесенными революцией, что заграничные эмигранты склонны думать о простом восстановлении старой армии, что на самом деле теперь уже неисполнимо. Основы были: пересмотр принципа всеобщей воинской повинности, с тенденцией к созданию не очень больших, но технически очень хорошо снабженных оборудованных и дисциплинированных военных сил, обилие офицеров и унтер-офицеров, хорошая материальная их обеспеченность. Очень большое внимание, насколько можно было судить из слов Измайлова, военная группа обращала при этой выработке планов будущих переоборудований — на нынешнюю германскую армию, причем Платонов выразил в 1928 г. мысль, что О. Гетч и его единомышленники считают, что если бы даже они были вполне свободны заводить какую ни угодно армию, теперь, то они, немцы, конечно, увеличили бы ее состав, но самые основы ее организации остались бы такими, как теперь.

Рождественский и Платонов в 1927 г., когда речь зашла о средней школе, говорили о желательности бойскаутизма в будущей школе, пока — о желательности такого рода влияния на часть² молодежи средней школы, которое готовило бы из нее (из подходящих ее элементов) будущих членов военной группы.

О делах военной группы Измайлов сообщал непосредственно Платонову и лишь крайне редко говорил на заседаниях организации. По

¹ В подлиннике рукой Тарле вымарано одно слово.

² В подлиннике слово часть вписано Тарле без особой отметки.

делился он сообщением о плане захвата Ленинграда по настоянию Платонова, которому гораздо раньше об этом рассказал. Платонов говорил о военной группе Лихачеву, Рождественскому, Андрееву при мне раза три (в 1927 и 1928 гг.) О том, что они стремятся войти в соприкосновение с б[ывшими] офицерами путем личных знакомств и доверительных разговоров, что у них есть надежды большое всего завербовать приверженцев на Юге, что воен[ная] группа стремится, выявив и привлеки нового приверженца, оставить его в покое, лишь бы знать, что когда настанет время, можно будет на него положиться; <и что> так как¹ за б[ывшими] офицерами очень следят, так, что очень легко неосторожностью подвести и их, и себя. (Это он сказал еще в начале моего пребывания в организации, в 1927 году.) Были при этом Рождественский и Андреев. <. . .>² Я вспомнил уже после допроса, который производил приехавший из Москвы следователь, что Платонов рассказал Д. Н. Егорову о происходящей, по его словам, подготовке к войне с Польшей и Румынией в связи с предстоящим перевооружением Кр[асной] армии, о падении производства в Донбассе (в связи с Шахтинским делом), т. е. те сведения, которые добывала воен[ная] группа и которые попали в отчеты Лохвицкому. Он рассказал это ему в 1928 году, будучи в Москве, а Егоров передал мне спустя некоторое время как сведения, полученные Платоновым от Измайлова и воен[ной] группы.

Е. Тарле

Подлинник: рукопись; автограф. Т. 7. Л. 40–47.

Копия; машинопись; почерком Стромина проставлена дата 30 августа. Т. 7. Л. 48–53.

94

Собственноручные показания Е. В. Тарле

30 августа 1930 г.

Когда в начале 1929 г. Измайлов у Платонова при Рождественском, при Лихачеве, при мне читал письмо свое («рапорт»)

¹ В подлиннике слова так как вписаны Тарле вместо зачеркнутых и что без особой отметки.

² В подлиннике рукой Тарле вымарано пять слов.

Лохвицкому, то меня больше всего поразило сообщение его, там же в рапорте сделанное, что у воен[ной] группы есть связи с поляком и финским гражданином, которые и доставили сведения: поляк о новых попытках басмачей в Туркестане, о падении добычи в Донбассе, финн — об охране финской границы собаками-ишейками, о закупках, будто бы произведенных для СССР (для военного ведомства) в Гельсингфорсе и т. д. После прочтения этого рапорта, где ничего поясняющего не говорилось ни о поляке, ни о финне, Платонов <...>¹ сказал — уже в последующем разговоре, что этот поляк — русский офицер, что он имел давние связи в Москве, где долго жил, что с Измайловым он познакомился через общего знакомого москвича, тоже б[ывшего] офицера, а теперь члена моск[овской] военной группы (фамилии не сказал при этом), что этот поляк занимает должность пом[ощника] секретаря польского посольства в Москве² и что он весьма осведомлен во многом, что интересуется военной группой; что у него в Ленинграде семья (или родные), что он постоянно бывает в Ленинграде и заходил к Измайлову в Пушкинский Дом, что его и расспрашивать не надо, сам все выкладывает. Он говорит хорошо по-русски, себя называет по своему официальному титулу, по словам Платонова, он из польской разведки³. Что касается финна, то это дипломатич[еский] курьер финского консульства в Ленинграде, ездит постоянно из Ленинграда в Гельсингфорс и обратно, был как-то связан с американской АРА в голодные годы⁴, приезжая с какими-то подарками или пожертвованиями в СССР, связан был с Домом ученых в эпоху ученого пайка, с Ольденбургом, Осиповым, Панковым, Стекловым, был очень рекомендован Максиму Горькому и еще кому-то Андреем Викторовичем Игельстромом, членом партии с[оциалистов]-р[еволюционеров], библиотекарем русского отдела университет[ской] библиотеки в Гельсингфорсе. С ним давно знаком Измайлов, но как они и где познакомились, Платонов не сказал. Сносятся они, когда

¹ В подлиннике рукой Тарле вымарано пять слов.

² В копии слова поляк занимает должность пом[ощника] секретаря польского посольства в Москве подчеркнуты красным карандашом.

³ В копии слова по словам Платонова, он из польской разведки подчеркнуты красным карандашом.

⁴ В копии слова разведки. Что касается финна, то это дипломатич[еский] курьер финского консульства в Ленинграде, ездит постоянно из Ленинграда в Гельсингфорс и обратно, был как-то связан с американской АРА в голодные годы отчеркнуты красным карандашом.

финн приезжает в Ленинград.¹ Фактически, по словам Платонова, Измайлов получал от них обоих сведения, но не давал, так как все, что он мог бы дать, они знали без него. Этот финн интеллигентный и имеет какое-то отношение к Гельсингфорскому университету, знаком в Ленинграде с учеными, был не то лаборантом, не то ассистентом в Гельсингфорсе.

В дополнение к содержанию рапортов Лохвицкому припоминаю, что Измайлов писал, что учитывать б[ывших] офицеров представляется крайне трудным, только в самых больших городах это несколько легче. Писал, что среди молодежи, которой отказано по признаку происхождения в приеме в ВУЗы, очень велико раздражение, что они стремятся уйти за границу, что это элемент очень антисоветски настроенный, и что < . . . >² они думают (т. е. он и его товарищи), что этот элемент даст им со временем много. Еще припоминается фраза о том, что на б[ывших] офицерах сказывается возраст, пережитые бедствия, что они остались по убеждениям врагами соввласти, но без уверенности в победе они не выступят ни в каком случае. Это он говорил еще в 1-м рапорте, где вообще старался дать общие характеристики положения вещей.

Было еще в одном из отчетов Измайлова о казаках, что они очень расслоились, что ничего цельного собой не представляют и что ни та, ни другая сторона не могут на это население рассчитывать, что люди, знающие казачество и побывавшие там теперь, считают, что после 1919 г. казачество умерло. Это утверждение, насколько припоминаю, имело как будто вид возражения против надежд на казаков, возлагаемых на них незнающими их людьми. Измайлов послал Лохвицкому также карту (топографическую, лежала сложенная на столе у Платонова еще при чтении 1-го рапорта, кажется, сев[еро-]западн[ая] часть СССР). Платонов сказал, что < . . . >³ отправит Лохвицкому много книг, которые изданы воен[ным] комиссариатом и продаются открыто в магазинах (о военном деле), а в Париже на них смотрят как на драгоценное приобретение.⁴

¹ В копии данное предложение подчеркнуто красным карандашом.

² В подлиннике рукой Тарле вымарано одно слово.

³ В подлиннике рукой Тарле вымарано два слова.

⁴ В копии данное предложение подчеркнуто и отчеркнуто красным карандашом.

Было еще в отчетах о намерении и начавшемся осуществлении агитации среди железнодорожников, очень плохо поставленных материально и недовольных своим начальством.

Было еще о смерти Фрунзе, о том, что среди красноармейцев был слух, что доктора оперировали Фрунзе против его воли, я уж не припомню точно содержание слуха, но говорилось, что смерть Фрунзе произвела сенсацию в армии. Еще помнится было о частых хищениях, происходящих и открываемых будто бы беспрестанно в разных армейских частях, о ревизиях, о том, что эти дознания производятся негласно, так как их слишком много. О дисциплине писалось разное: помню такое общее положение, что дисциплина держится, а вместе с тем передавались 1–2 факта (в другом месте, в другой связи), этому противоречащие. Один из этих фактов заключался в сознательном невыполнении младшим начальником приказа старшего начальника, причем виновный остался безнаказанным, речь шла о маневрах на польской границе (не помню — 1927 или 1928 г.). Об этом факте будто был особый доклад военному, но ничего не последовало. Говорилось, что до последнего времени троцкизм¹ очень силен во всех военных высших учебных заведениях, начиная с Московской Академии Генштаба, что их не трогают, потому что пришлось бы слишком многих раскассировать.

Было еще сказано, что группа имеет в виду связаться с учащимися в высших технич[еских] учебн[ых] заведениях, так как оттуда больше людей идет на обслуживание Кр[асной] армии, чем из университетов].²

Об оружии воен[ная] группа знала и его получала в свое распоряжение еще в 1927 г.³ Мне же Платонов сказал о нем (по поводу его увоза из Пушкинск[ого] Дома) осенью 1928 г. Из рассказа Платонова явствовало, что воен[ная] группа не искала его, а ей его предложили живущие на юге (в Киеве, Одессе) б[ывшие] офицеры, вошедшие в сношения с воен[ной] группой через Москву.² Зачем было его ввозить сюда, перевозить с места на место и проч[ее], я не знаю и из рассказа Платонова не понял. Об этом оружии, как о явно недостаточном по

¹ В копии вместо троцкизм напечатано Троцкий.

² В подлиннике далее рукой Тарле вымарано несколько слов и записи обрываются; почти половина л. 31 об. — чистая. Последующий текст написан на листах несколько большего формата.

³ В копии предложение подчеркнуто красным карандашом.

количеству и по качеству, говорит Измайлов¹ в одном из рапортов <...>² Лохвицкому.³

Платонов говорил, что это оружие появилось совсем неожиданно, он полагал, что на юге, где оно хранилось, его стало хранить почему-либо трудно и что этим объясняется это внезапное предложение со стороны южных б[ывших] офицеров. Для меня вся⁴ эта история с оружием была совершенной неожиданностью, которую я узнал притом задним числом, и не скрыл от Платонова своего беспокойства <и неудовольствия что...>⁵. Я видел, что и Платонов сам не очень доволен был этой передерягой и что во всяком случае она для него была неожиданностью⁶, хотя он и старался не показать вида. У него (точно помню) вырывались такие фразы: раз уж оно оказалось, нечего было долго думать, идти было прятать. Измайлов в рапорте Лохвицкому указал на очень малую практическую⁶ ценность этого добытого в пределах СССР оружия. Этот рапорт читался Измайловым в моем присутствии.⁷

Платонов говорил, что единственно ценным оружием могут быть лишь пулеметы⁸, по мнению специалистов, а это явится из Германии. Он ссылался именно на мнение Измайлова и воен[ной] группы. Но вместе с тем он же высказал, я помню, и такую мысль, что это припрятанное оружие офицерское и что <оно> в нужный момент оно может оказаться полезным для первого момента (не помню точно слов, мысль была такая). И еще помню его слова, что лучше было бы такое оружие отправить в Туркестан или на Кавказ, где возможна партизанская война и всякий револьвер — ценен. С этими словами я сопоставляю и сказанные им в другой связи слова, что хорошо, что это оружие упаковано

¹ В копии вместо Измайлов напечатано Платонов.

² В подлиннике рукой Тарле вымарано пять слов.

³ В копии данное и предыдущее предложения отчеркнуты красным карандашом.

⁴ В копии слово *вся* отсутствует.

⁵ В подлиннике слова *и что во всяком случае она для него была неожиданностью* вписаны Тарле без особой отметки.

⁶ В копии вместо *практич[ескую]* напечатано *практику*.

⁷ В подлиннике данное предложение вписано Тарле без особой отметки; в копии оно подчеркнуто красным карандашом.

⁸ В копии слова *оружием могут быть лишь пулеметы* подчеркнуты красным карандашом.

ванным осталось, можно его отправить быстро, куда понадобится, и что оно пригодится там, где прежде всего вспыхнет волнение. Я помню, что он еще раз упомянул впоследствии о Туркестане, < . . . >¹ что хорошо бы послать все это оружие, если в Ташкенте² будет образована группа³. Эта мысль у него сидела в голове прочно, по-видимому. Я вспомнил еще, что Платонов говорил, что оружие всегда⁴ можно было выдать за приготовленное будто бы для экспедиций Академии (куда разрешается брать оружие). Это был аргумент, приготовленный на случай объяснений со служителями или даже служащими Академии, на первый момент (если бы внезапно обнаружилось). Из Пушкинского Дома оно было увезено в конце лета 1928 г.⁵ по возвращении Платонова из-за границы.

Было еще указание такого рода, что хотя воен[ные] власти обыкновенно нарочно распространяют известия о нападении со стороны Польши, но что в последнее время (это было в начале 1929 г.) в самом деле и высшие воен[ные] чины думают серьезно, что поляки готовятся к нападению на СССР, в союзе с Румынией и <Польшей> Финляндией⁶ и что в связи с этим решено предпринять чрезвычайные меры в близком будущем, и прежде всего сосредоточить возможно больше сил на польской границе. Других мер не указывалось.

Дважды почти в одних выражениях указывалось, что на действительную военную службу берут далеко не всех являющихся к отбытию воинской повинности, а лишь отборных в физическом отношении и что армия могла бы быть вдвое больше. Отмечалась слабая технич[еская] ее подготовка, говорилось, что лучше, чем в начале революции, но все-таки плохо обстоит техническое обучение.

Е. Тарле

Подлинник; рукопись; автограф. Т. 7. Л. 28–34 об.

Копия; машинопись; почерком Стромина проставлена дата 30 августа. Т. 7. Л. 35–39.

¹ В подлиннике рукой Тарле вымарано шесть слов.

² В копии вместо Ташкенте напечатано Туркестане.

³ В подлиннике слова если в Ташкенте будет образована группа вписаны Тарле без особой отметки.

⁴ В подлиннике слово всегда вписано Тарле без особой отметки.

⁵ В копии слова Из Пушкинского Дома оно было увезено в конце лета 1928 г. подчеркнуты красным карандашом.

⁶ В подлиннике слово Финляндией вписано Тарле вместо зачеркнутого Польшей без особой отметки.

2 сентября 1930 г.

МОСКОВСКАЯ ГРУППА

Она образована была Платоновым еще в самом начале его организации в 1926 г. из людей с которыми он поддерживал с давних пор близкие отношения и которые политически являлись его единомышленниками. Прежде всего вошли в эту группу Богословский, Любавский, Егоров, несколько позже в конце 1926 г. или в 1927 г. Готье, Яковлев, Бахрушин, Богоявленский, С. Б. Веселовский.

Ближе всех стояли к Платонову — Любавский, Богословский, Егоров и Яковлев. О Любавском Платонов всегда отзывался с большим почтением, считал его хорошим администратором, вспоминал о нем, как о человеке, на которого можно всегда и вполне положиться. Убеждения Любавского вполне консервативные, монархические; Платонов считал Любавского деятельным членом московской группы, очень осведомленным в новостях политической жизни, и имеющим влияние как на сослуживцев по архиву, так и на других представителей служилой московской интеллигенции, причем влияние это оказывалось в духе идей организации. Платонов говорил, что Любавский знает так же как знал Богословский, московское духовенство, и знает кто из них больше нуждается, больше пострадал и заслуживает помощи, так что может давать нужные указания при распределении пособий из сумм ассигнованных на это Ватиканом. Бывая в Ленинграде Любавский ставил Платонова в курс всего, что делалось в Москве, между членами московской группы. Помню бывший при мне разговор Платонова с Любавским, в котором Любавский говорил о полной гибели университета и университетской <жизни> науки в Москве и провинции и о необходимости выработать полную программу реформы всего университетского преподавания и всего быта и управления университетом после наступления нового строя. Он очень живо всегда интересовался и спрашивал об академических делах, даже когда еще не был сам академиком. В 1928 г. я ему рассказывал однажды о предстоящих выборах в Академии, о беседах, которые были по этому поводу в кругу Платонова и т. д. Любавский считал проведение коммунистов жестоким ударом для авторитета Академии. Избрание Любавского в Академию призна-

валось Платоновым как акт чрезвычайного значения, он говорил, что при помощи Любавского в Академии можно будет отныне сделать многое (в духе целей организации). Любавский в Академии стремился сблизить с Платоновым москвичей Розанова, Сперанского, М. М. Покровского (классика), настроенных в духе самого Любавского. Во время Недели русских историков в Берлине в 1928 г. Любавский вместе с Платоновым и Егоровым вошел в группу независимых (так в Германии были названы отделившиеся от остальной сов[етской] делегации историки во главе с Платоновым).

Д. Н. Егоров сблизился с Платоновым в 1927 г., но особенно в 1928 г. Всегда Платонов у него останавливался, когда приезжал в Москву (после смерти Богословского), Егоров останавливался у Платонова. Егоров говорил со мной несколько раз о делах организации. Он знал о планах военной группы, знал также о характере сношений Платонова с Отто Гетчем. Он во время поездки своей в Германию в 1928 г. узнал от Платонова там еще, в Берлине, о переговорах Платонова с Гетчем. В самом конце 1928 г., я помню, что имел с Егоровым разговор, в котором — по поводу внезапного обострения отношений между Англией и Соединен[ными] Штатами высказал мысль, что переворот в России или Германии может быть скорее всего результатом новой мировой войны, если она возникнет. Егоров сказал по этому поводу, что сама мировая война может вспыхнуть каждый день, совсем вне всяких предвидений, а потому нужно быть по возможности готовыми к будущему, именно иметь программу действий, чтобы не быть захваченными врасплох опять. Егоров как-то говорил мне, что будущий строй в России, по его мнению, примет некоторые новые черты, которых не было до революции: власть на местах, но не в духе сов[етской] системы, а по иному, самоуправление областей и т. д. и что в никаком случае не будет парламентаризма, так как это отжившая форма государственности. Еще раз как-то он заговорил со мной о быв[ших] офицерах, вербуемых Измайловым и его товарищами, и сказал по этому поводу, что ему кажется, что из молодежи могут в решительный момент явиться борцы за новый строй в гораздо большем количестве и более дееспособные, чем стареющие уже б[ывшие] офицеры, но что сейчас разыскивать и выявлять их невозможно. А когда явится кристаллизующий центр, когда наступят события, то они разом явятся отовсюду, в неожиданном количестве. Платонов говорил мне, что Егоров играл видную роль во время Недели историков в Берлине, что он, Егоров, дал Гетчу подробную характеристику общего положения СССР.

Бывая в Ленинграде, Егоров рассказывал о слухах и фактах, касавшихся внутренней политики: об оппозиции, проявившейся в 1928 г. в районных советах Москвы, о борьбе в Политбюро и т. д. Платонов многим из его сообщений пользовался для отчетов О. Гетчу.

В Москве вокруг Егорова группировались историки, которые работали под руководством его над критико-библиограф[ическими] обзорами по истории, а также молодежь, бывавшая у его детей. У него были также некоторая кучка более близко в политическом отношении к нему стоявших товарищей по службе в б[ывшем] Румянцевском музее. Платонов считал Егорова очень деятельным членом московской группы. Он желал ввести его в Академию и говорил, что Егоров соберет академиков-москвичей в одно целое. Егоров имел постоянные сношения с немецкими учеными и через них был знаком и принят в германском посольстве в Москве. К нему именно обратился из посольства (а также кто-то приехавший из Берлина) в 1927 г. с просьбой составить список тех русских ученых, которых следует пригласить на «Неделю русских историков», на лето 1928 г. (Он тогда обратился и ко мне с предложением внести меня в этот список.) Он видался и с Виртом, б[ывшим] канцлером, приехавшим из Москвы по делам концессии «Мологалес». Егоров отрицательно относился к концессиям и в том смысле, что они расхищают естественные богатства, и в том смысле, что и для немцев они, благодаря общим <об> условиям сов[етского] строя, ничего дать не могут, т. е. ничего длительного и реального. Егоров подпал под сильное влияние Платонова, лишь в самые последние дни их отношения, кажется, стали портиться. Платонов, в первый и последний раз, как я его видел после приезда своего из заграницы, в последних числах декабря 1929 г. говорил мне, что он очень обижен тем, что соединившись по телефону с Москвой, с квартирой Егорова, он мог говорить лишь с женой Егорова, так как сам Егоров отказался подойти к телефону. Когда я был в Москве и говорил с Егоровым в последний раз, то Егоров отзывался о Платонове с раздражением. Ничего подобного раньше не было. Егорова сблизила с Платоновым вера в немцев, в немецкую помощь, в будущее немецкое влияние на судьбы России. Особенно сильное впечатление на него произвела Неделя русских историков в Берлине. По приезде оттуда он стал гораздо ближе к Платонову, чем был до тех пор. Его связи в Германии были гораздо шире, чем платоновские, и Платонов очень на него рассчитывал в этом смысле в дальнейшем, тем более что Егоров хорошо владеет немецким языком. Платонов собирался в ближайшее

время поехать в Германию вместе с Егоровым и с ним вместе вести переговоры с немцами-националистами. Его деятельность в качестве члена организации была главным образом: 1) агитационная среди тех лиц, которые у него собирались или которых он встречал в других местах, 2) он систематически осведомлял Платонова о тех фактах и слухах политического характера, которые до него доходили. В будущем, как сказано, Платонов на него рассчитывал для переговоров с немцами.

Готье Юр[ий] Влад[имирович] был давно близок с Платоновым, хотя и не так, как более старые, вроде Любавского или Богословского. По настроениям своим он был близок к Любавскому, к Рождественскому, к самому Платонову. Он очень мрачно смотрел на совстрой, говорил, что чувствует себя иногда так как если бы уже был на том свете. Сблизился с организацией, кажется еще в 1926 г. Он бывал у Платонова, у меня, когда приезжал в Ленинград, постоянно бывал у Егорова, Яковлева, Богословского в Москве, когда приезжал Платонов. Мне с ним приходилось говорить на темы о будущем строе. Он считал экономический, а затем и политический крах совстроия неизбежным. Будущий строй он представлял себе как диктатуру, особенно в ближайшее после переворота время. Считал, что со смертью Ленина, кончились надежды на эволюцию совстроия и нормальные его видоизменения. Платонов говорил с ним о делах организации. Сам Готье высказал однажды мнение, что если Европа не будет воевать с СССР, то все равно СССР начнет против нее войну, что мирное существование двух строев рядом немислимо. В 1927 г. я присутствовал на вечере у Готье, где были члены Московской группы, как известные мне, так и неизвестные, при которых, однако, говорили свободно. Там был Егоров, Любавский, С. Б. Веселовский, их жены, и еще гости, мне неизвестные. Из общих разговоров, затевавшихся в этот вечер, запомнилось следующее: Егоров говорил о Москов[ском] университете, который находится в полном упадке, наполнен толпой неподготовленных людей и никому не известными преподавателями. Богословский говорил, что это явление — естественное, так как при разрушении сразу всех основ государственной жизни, нельзя было ждать, что школу не тронут. Бахрушин привел какие-то примеры крайне слабых познаний людей, кончающих теперь высшую школу. Любавский рассказал по этому поводу, что служащие в Центрархиве, где требуется квалифицированная работа, часто так необразованны, что не умеют правильно написать слово «облигация». Он говорил о резко отрицательных явле-

ниях в жизни Архива, о доносчиках, нашептывающих начальству против своих товарищей и т. д. Готье говорил, что интеллигенция проиграла Россию и лишилась всего, потому что сама была лишена чувства ответственности. <Он прибавил, что если> С. Б. Веселовский согласился с мрачной картиной, которую рисовали другие, но прибавил, что интеллигенция не так уж виновна, ибо старый режим заживо разлагался, и хотя роковой ошибкой было отождествить этот старый режим распутинского периода со всей старой русской жизнью и сразу все уступить и сдать, но эта ошибка извинительна. Я сказал несколько слов о необходимости беречь русские интеллигентские традиции, потому что все-таки при всех недостатках интеллигенция самое ценное, что еще оставалось от прежнего времени. Помню, что указывал, что низкий культурный уровень современности, о котором тут говорили, именно зависит прежде всего от исчезновения старой интеллигенции и ее влияния, так как иначе она бы повела борьбу против самохвальства и самолюбования, так как именно эти пороки больше всего мешают учиться и т. д. Сказал еще, что тягостнее всего — цензурные запреты, отсутствие возможности опровергать в печати даже явные абсурды; привел пример, как Гублит вычеркнул цитату из «Цыган» Пушкина и пр[очее]. Сказал, что желательно издавать научно-литературный журнал, который при всех цензурных утеснениях, был бы все же легальным центром объединения интеллигентских сил. На это возражали, что подобный журнал не разрешат, другие поддерживали (эта мысль осталась без выполнения).

Готье сказал еще, что мы живем в такую эпоху, когда данный строй может и 50 лет прожить, и через 5 лет кончиться, но важно сохранить людей, которые бы могли дожить до перемены и взяться за восстановление культуры. Об организации говорили на этом вечере не в общем разговоре, но отдельно. Говорил со мной Егоров (спрашивал о Платонове, не собирается ли он за границу в Германию, где у него с первой поездки такие важные связи, говорил о желательности наладить получение русских книг и газет из-за границы, что об этом Платонов давно хотел позаботиться, но пока мало удалось). Говорили Бахрушин и Богословский о том, что Платонов и его единомышленники в Ленинграде имеют в своем распоряжении ряд ученых обществ, где не только могут собираться, но и говорить на любые темы до и после заседаний, в Москве же этих возможностей гораздо меньше. И что не следует ли сделать попытку избрать в Археографическую комиссию, в О[бщест]во древней письменности и др[угие] ленинградские учреждения всю мос-

ковскую группу и близких ей людей, чтобы затем они могли в качестве московского отделения данного ученого общества открыть заседания в Москве. Они говорили, что философы и историки литературы поставлены в Москве в лучшие условия, чем они, историки, у тех есть возможность выступать в Академии художественных наук¹, благодаря П. С. Когану и еще где-то. А между тем вся московская группа — сплошь историки. С Готье мы стали говорить об общем положении вещей, причем все отзывы были пессимистические, о периодических нехватках продовольствия, причем москвичи утверждали, что в провинции гораздо хуже, чем в столицах, говорили о неослабевающем давлении диктатуры. Готье сказал о том, что сами коммунисты утверждают, что Коминтерн тратит громадные суммы в валюте на заграничную пропаганду, вследствие чего ухудшается госуд[арственный] кредит, что на этой почве идут трения на верхах партии. Яковлев сказал тут же, что необходимость экстренно уплатить взносы по краткосрочным займам Германии очень стеснила Наркомфин, и что поэтому Наркомфин очень недоволен слишком щедрыми расходами по Коминтерну. Таких сравнительно больших вечеров я помню в Москве два: один у Яковлева, о чем я уже показывал, другой у Готье. Обыкновенно же приезжая в Москву, я видел у Егорова Богословского, Любавского, Готье и Яковлева. Вспоминаю еще одну мысль Егорова, что организации нужно гораздо теснее сблизиться в лице отдельных ее членов с европейскими учеными, что это даст известную почву для борьбы за самостоятельную научную мысль в самом СССР, и что он с немецкими учеными часто говорил и говорит, ставя их в курс дела относительно положения исторической науки и требований, которые предъявляются к историкам, со стороны власти. Говорил он также, что Платонов рассказывал ему, что в штате служащих Академии наук, Эрмитажа, Акад[емии] материальной культуры, Публичн[ой] библиотеки — есть люди, на которых можно вполне положиться, и которые близки к нему, Платонову.

Кроме этого вечера, я был у Готье в Москве раза два.

Яковлев Алексей Иванович, был настроен левее, чем прочие члены московской группы, хотя и он резко критиковал многое в советском строе. С Платоновым был довольно близок с давних пор, но особенно сошелся с 1927 г., бывал у него постоянно, когда приез-

¹ В копии вместо наук напечатано науки.

жал в Ленинград. У меня был раза два. В Москве я был у него в эти годы 1927–1928 г. раза три (в 1929 — ни разу в Москве). Зимой 1927 г. был у него на вечере где были Платонов, Егоров, Готье, Любавский, Бахрушин, Богословский, акад[емик] Северцов, еще человека 3–4, которых фамилий не знаю. Платонов мне сказал раньше, что у Яковлева будут некоторые лица из провинции, на которых он, Платонов, рассчитывал, как на будущих членов провинциальных групп. Это собрание у Яковлева носило характер политических бесед о положении вещей, но об организации в точном смысле, по крайней мере, публично в общем разговоре сказано не было. Настроение собравшихся было антисоветское. Сам Яковлев, критикуя совстрой, говорил, что не следует забывать ужасов и безобразий дореволюционного времени (его поддерживали Бахрушин и Веселовский). Он говорил о распутищине, которая должна была привести к страшному взрыву.

Будучи однажды у меня, Яковлев повторил эту мысль и вспомнил с каким презрением его учитель Ключевский отзывался всегда о Николае II. Совстрой Яковлев укорял в подавлении свободы, в крутых приемах управления, в дурной организации суда. Работая в Институте истории (РАНИОН) он там держался с Егоровым, Готье, Ясинским, Богословским, Кончаловским, и считался в правой оппозиции. В январе 1930 г. мы с ним встретились в Доме Ученых (на ул. Халтурина), и мы говорили о кампании в прессе против Платонова и Ольденбурга с большим беспокойством. Яковлев доставлял Платонову сведения об экономике СССР, имевшиеся у него по его связям с ВСНХ. Платонов мне сказал, что он всегда много интересного узнает от Яковлева, и что сведениями его пользуется для писем Гетчу.

Бахрушин, Богоявленский, Веселовский — очень мало мне известны, они стояли подальше от Платонова; первые два были с ним связаны через Богословского и Любавского. Богоявленский имел большие связи в московском духовенстве и его поминал Платонов, говоря, что он поможет определить, кто из московского духовенства заслуживает помощи, больше пострадал и т. д. Бахрушина Платонов ценил как человека, оказывающего идеологически благотворное (с точки зрения Платонова) влияние на молодых, начинающих историков, которые с ним находятся в контакте.

О церковном кружке, заведенном Богословским и объединявшем как священников, так и мирян, интересующихся церковными вопросами, я уже показывал. Это кружок, насколько могу припомнить слова

Богословского, существовал чуть ли еще не со времен изъятия церковных ценностей, и Богословский был в нем с самого начала. Там читались рефераты на религиозные и философские темы, а также диспутировались и вопросы текущей церковной политики. Поездка Богословского за границу снабдила этот кружок сведениями о заграничных событиях в области церковной жизни (о ссоре Евлогия с Антонием и т. п.). Последние годы я об этом кружке уже не имею никаких сведений. В 1926 г. они, между прочим, составляли примерные проповеди (или выработывали тезисы к проповедям).

Вспоминаю теперь, что большинство фактов, которые мне сообщил Богословский об этом кружке, относятся к 1926 г. Он говорил мне лишь то¹, что его самого больше интересовало или казалось заслуживающим внимания: 1) реферат о Сергее Булгакове (читал, кажется, Ахшарумов — фамилию точно не помню), где указывалось на большое будто бы значение обращения Булгакова из марксистов в священника, значение этого факта в истории русской интеллигенции и т. д.; 2) реферат какого-то священника, который является в то же время и физиком (он назвал фамилию, я ее не помню, помню только, что этот священник — автор большой книги «Столп и утверждение истины», изданной еще до революции) — этот реферат был о теории Эйнштейна, в связи с религиозными вопросами о начале мира и т. п. Оба эти реферата были в 1926 г. К тому же году относится и еще доклад по вопросу об почитании мощей или что-то в этом роде (по поводу закрытия совлестью каких-то хранилищ мощей).

Но доклад самого Богословского о Евлогии и Антонии был тоже, по его возвращении из-за границы, значит в 1927 г. Он говорил, что ему возражал (или ставил вопросы) брат П. И. Новгородцева. В этот кружок допускались и гости, приглашались посторонние лекторы. Они хотели пригласить, между прочим, философа Челпанова прочесть о соотношении религии и философии.

В Москву приезжают гораздо чаще чем в Ленинград преподаватели из провинции (из средн[ей] школы, техникумов и т. п.), преподаватели провинциальных ВУЗов и т. п. Некоторые из них поддерживали знакомство и связи со своими б[ывшими] учителями или старшими товарищами — Любавским, Яковлевым, Готье, заходили к ним, говорили на политические и бытовые темы, причем обнаруживалась из-

¹ В копии вместо то напечатано так.

вестная солидарность во взглядах. Вот почему Платонов, намечая в дальнейшем время развитие организации и распространение ее в провинции, сказал однажды, что именно Москва этому в состоянии больше всего оказать содействие. Эта провинциальная сеть групп организации только начиналась и намечалась, но в Саратове, Харькове, Минске, Одессе, Полтаве, Киеве — уже существовали. Причем кроме Саратова, где у Платонова были прямые связи с его учениками (Черновым, Любомировым), все остальные эти группы были связаны с Москвой. Мне мало известно о том, что успели сделать эти зародившиеся в 1927–28 гг. группы. Знаю только, что <было> очередной задачей в Харькове, Киеве, Одессе, Полтаве — считалась борьба против крайностей украинизации в средней и высшей школе и в быту, и вообще. В Минске ставилась задача — связать местную Академию с учеными Литвы и Польши, и создать независимый белорусский журнал с сотрудниками, живущими как в СССР, так в Литве и Польше. Рассчитывала минская группа на помощь и участие Пичеты, Ясинского и Карского.

На вопрос о политическом настроении членов провинциальных групп можно ответить следующее: преобладало определенно враждебное настроение относительно соввласти и всей ее внутренней и внешней политики, но у нескольких человек наблюдалось в последнее время эволюция в сторону смягчения этого враждебного настроения (Яковлев, Веселовский, Бахрушин). Непримиимо враждебно было большинство старшего поколения — Любавский, Ясинский. У Готье был безнадежно мрачный взгляд на сов[етский] строй, он считал, что надежды на эволюцию этого строя исчезли со смертью Ленина. Вообще же вся московская группа относительно будущего не обнаруживала такой самоуверенности как Платонов или Измайлов, о возможности будущих событий и их исходе судили сдержанно.

С Егоровым довольно тесно был связан акад[емик] Бузескул, который с Платоновым сблизился еще в 1925 г. или в 1926 г. С Бузескулом некоторое время был близок и я (но в 1929 г. мы уже не виделись, если не считать встреч в здании Академии). Бузескул, в общем, был настроен политически как Платонов, те же симпатии и антипатии. Он говорил всякий раз, как приезжал в Ленинград, о полной гибели научного преподавания на Украине, о гибели также и средней школы, о невозможности отстаивать самостоятельную научную идеологию. Очень его

раздражала также круто проводимая украинизация в области¹ языка, всей просветительной работы. Он рассказывает, что у него собирается кружок бывших и настоящих преподавателей И[нститута] Н[ародного] О[бразования], единомышленных с ним. Платонов к нему обращался за сведениями о местном духовенстве, по поводу распределения пособий. От самого Бузескула я этого не слышал: как выше сказано, в 1929 г. мы с ним почти не говорили, встречаясь только в Академии. В Киеве Бузескул имел сношения с проф[ессором] Грушевским, около которого группировался также кружок преподавателей средней школы. Цели этого кружка, — как пополнение своего образования, так и борьба против украинизации. Они мечтают о создании групп учащихся (домашняя школа), а также собираются открыть средне-учебное заведение, где было бы поставлено образцовое преподавание.

Что касается воззрений Платонова на этих лиц, то самыми деятельными членами московской группы он считал Любавского, Егорова и Яковлева. Готье он тоже ценил, как умного и ученого человека, но мнения о нем как о политическом работнике — не выражал. О Богоявленском, Бахрушине — сказал как-то, что на них вполне можно положиться. О Веселовском его мнений не слышал. К Бузескулу относился уважительно, к Грушевскому неприязненно. Относительно Егорова и Яковлева говорил, что они ему больше всех членов организации вообще² дают сведений по политическим вопросам дня.

Архив организации был отдан Платоновым Андрееву и хранился³ Андреевым в Археографической комиссии. Платонов однажды сказал, что хотел бы его перевести в Архив Академии, а другой раз, в 1928 г. упомянул и об Обществе древней письменности, но он оттуда вскоре ушел. Помню, что он упомянул также и Халтурина, который располагал некоторыми помещениями в Академии наук, но обратился ли он к нему, не знаю. Был ли архив перенесен куда-нибудь из Археограф[ической] комиссии и куда именно — мне неизвестно.⁴

¹ В подлиннике слова в области вписаны Тарле без особой отметки.

² В подлиннике слово вообще вписано Тарле без особой отметки.

³ В копии слова Архив организации был отдан Платоновым Андрееву и хранился подчеркнуты синим карандашом.

⁴ В копии абзац отчеркнут синим карандашом двойной чертой с постановкой вопросительного знака.

Со слов Платонова и отчасти Измайлова мне известно, что военные группы возникали и намечались независимо от возникновения или намечения филиалов самой организации; что началось это с создания прежде всего ленингр[адской] группы, из личных товарищей и близких Измайлову лиц, а потом тот же Измайлов и кто-то из его друзей кооптировали известное количество б[ывших] офицеров Москвы, а дальше бывая в провинции (особенно на юге), некоторые из быв[ших] офицеров, в свою очередь, находили и вступали в сношения с живущими там своими товарищами. На юге, напр[имер], были группы в Киеве, Одессе, Житомире, Симферополе, и, кажется, в Севастополе. Но эти действия по созданию групп, насколько я могу судить, сводились именно к выявлению и учету людей, враждебно настроенных по отношению к соввласти и на которых, если настанут события, можно будет рассчитывать. О личном их составе я ничего не знаю. Такие группы были не только в перечисленных городах, но также в Сибири. Слышал я это от Платонова. Города, где воен[ные] группы намечались, я все перечислять не могу, об этом Измайлов не говорил, а от Платонова приходилось слышать о Воронеже, Саратове, Минске, Тифлисе, Ростове, вообще же Платонов полагал, что на юге их будет больше всего. В одном из отчетов Лохвицкому Измайлов пишет, что местные воен[ные] группы¹ знают того, кто их составил, что осторожность соблюдена вполне.

Тарле

Допросил:

А. Стромин

2 сентября 1930 г.

Подлинник; рукопись; текст почерком Тарле; слова Допросил А. Стромин 2 сентября 1930 г. почерком Строминя; подписи-автографы. Т. 7. Л. 1-14 об.

¹ В копии вместо группы напечатано группу.

24 сентября 1930 г.

24/ГХ 1930

В Коллегию ГПУ

В 1926–28 гг. я оказался причастным к группировавшейся вокруг Платонова организации. В 1929 году я постепенно шел к уходу от нее. Я выступал в 1929 г. в Стокгольме и Париже публично в полном согласии и единении с полпредствами, меня благодарили за мою деятельность и тов[арищ] Копп, и тов[арищ] Довгалеvский, я безусловно шел к работе с соввластью, когда как раз разразилась надо мной катастрофа и я был арестован.

Как я буду действовать теперь, после освобождения, которого жду, я уже писал в особом заявлении. Повторяю, что эта деятельность будет у меня стоять на первом плане, даже впереди научной чистой работы, в разгаре которой застал меня арест (я пишу издаваемую теперь Институтом Маркса и Энгельса историю рабочего класса во Франции).

Моя работа политическая, общественная, которая безусловно и очень скоро реабилитирует меня в глазах рабочего класса и сов[етского] правительства, по существу, однако, будет успешна и плодотворна, только¹ если во время самого разбирательства мое будет сколько-нибудь пощажено, если мое страшное несчастье будет именно принято во внимание как несчастье, происшедшее прежде всего вначале² от внутренней уверенности, что реально дело сведется к критике и пропаганде (уверенность эта стала покидать меня в 1928 г. и покинула вовсе в 1929 г., и это именно и вызвало мое стремление в 1929 г. отойти). Но я тут не буду оправдываться; за долгие, страшные месяцы заключения я твердо обдумал, в чем моя задача остающейся мне жизни (если я выживу теперь). Я только хочу сказать, что с чувством, близким к отчаянию, я вижу, что если теперь в сообщениях ГПУ и других официальных актах, будет проявлено

¹ Слово только вписано Тарле без особой отметки.

² Слово вначале вписано Тарле без особой отметки.

отношение ко мне как только¹ к классовому врагу, которого нужно стереть с лица земли, то ни малейшего веса и значения все замысленные мной будущие² выступления, вся обдуманная программа моих действий, статей, речей иметь не будут. Такого рода моральное уничтожение для меня было бы хуже расстрела. В годы студенчества, в Киеве, мне удалось три раза (1896–1898 гг.) укрывать у себя М. С. Урицкого, которого искал ген[ерал] Новицкий, и после второго из этих случаев Урицкий, целуясь со мной на прощанье, сказал, что жаль, что я не нуждаюсь сам в таких услугах, иначе он бы нашел способы поблагодарить. Живи он, я бы к нему обратился с этим письмом. Его нет, я обращаюсь к его преемникам и товарищам. Приходя к рабочему классу и его власти с твердым намерением повести обширную сложную и трудную работу на их пользу, я приношу с собой не только все силы и средства, отпущенные мне, но и то существенное условие, без которого все парализуется: свое доброе имя, свою известность, свой авторитет. Вот к этому-то имени я и прошу пощады: оно ведь тоже, как и все, чем я располагаю, поступит отныне в использование на благо того же рабочего класса. Отнеситесь к этому величайшему несчастью моей жизни, как к несчастью! Не делайте моего имени ненавистным, не лишайте этим меня возможности загладить все бывшее!

Евг. Тарле

Подлинник; рукопись; автограф. Т. 7. Л. 54 и об.

97

**Заявление Е. В. Тарле
члену коллегии ОГПУ Е. Г. Евдокимову**

26 сентября 1930

26/IX 1930

Глубокоуважаемый тов[арищ] Евдокимов!

Один только раз я видел Вас, но Вы мне сказали слова, которые я ежедневно с тех пор вспоминаю: «Такие люди, как Вы — советской

¹ Слово только вписано Тарле без особой отметки.

² Слово будущие вписано Тарле без особой отметки.

власти нужны, это — капитал», — и глубоко верно назвали «ошибкой» мою причастность к платоновской организации. Отнеситесь же и в приговоре, как к ошибке!

Да, это была ошибка, гибельная, не похожая ни на что в моей жизни, ни на предшествующее, ни на последующее, и весь остаток моего существования будет посвящен заглаживанию этой ошибки — работе политической и ученой на пользу рабочего класса, после Вашего приговора. Но — на моем пути я вижу два жестоких препятствия в ближайшем будущем; и именно потому, что Вы считаете, что я еще могу быть полезен рабочему классу, — я обращаюсь к Вашей помощи.

1) Мне грозит, в прямой зависимости от того тона, который будет принят относительно меня органами власти как в правительственных сообщениях о деле, так и на суде, такая кампания в прессе, которая навеки опозорит меня в глазах того же рабочего класса и сделает невыносимым мой подход к нему, мою намечаемую теперь разнообразную деятельность на его пользу.

2) Вторая опасность, нависшая надо мной, заключается в том, что мне грозит исключение из Академии наук, которое не только будет страшным моральным ударом, лишаящим возможности с успехом действовать в целом ряде намеченных мной теперь задач, но и выбросит меня с семьей на улицу, лишив куска хлеба. Если этот шаг будет предпринят, то он непоправимо разобьет мою жизнь и всю намеченную мной деятельность, которая должна была бы теперь искупить все содеянные мной ошибки и все то, что для меня является теперь самым мучительным воспоминанием.

Между тем — достаточно было бы, чтобы непременный секретарь Академии, Ваш товарищ по партии, мой товарищ по специальности, Вячеслав Петрович Волгин хотя бы одно слово услышал, что Вы и та власть, представителем которой Вы являетесь, — хотите моей дальнейшей деятельности, достаточно было бы, чтобы Волгин знал теперь же, что Вы считаете мою деятельность в будущем желательной, — и эта опасность (исключения из Академии) исчезнет. Одного слова Волгину, сказанного теперь, было бы довольно, чтобы предупредить готовящуюся и непоправимую для меня катастрофу. Зная отношение Волгина ко мне и моим трудам, я наперед уверен, что он сделал бы все, чтобы самый вопрос о моем исключении не ставился в Академии. Но нужно, чтобы он знал, как Вы смотрите.

Тов[ариш] Евдокимов! За мной в прошлом было не только платоновское дело: была и тяжкая рана на демонстрации 18 октября 1905 года у Технологического института, были (ряд лет!)¹ и революционно окрашенные лекции в Петербургском университете, было и систематическое (троекратное) укрывательство Урицкого в моей квартире, когда его искал генер[ал] Новицкий с жандармами, были, наконец, и мои публичные выступления в Стокгольме и Париже, за которые меня благодарили и полпред Виктор Леонтьевич Копп, и полпред Довгалевский, была и долгая (и успешная) деятельность в Госуд[арственном] университете, и ведение занятий в Коммунистическом университете в Ленинграде — и многое другое (архивное строительство СССР и т. д.). А в будущем развернется самая кипучая моя деятельность на пользу рабочего класса и его власти — и на самых различных поприщах — и я очень быстро заставлю забыть о злосчастной моей причастности к этому проклятому делу. Все мои силы будут этому отданы.

Но я прошу Вас только спасти меня т е п е р ь , в этот самый страшный момент моей жизни, не губить меня ни приговором, ни опозорением, ни исключением из Академии. Вы не раскаетесь! Помогите же. . .

Евг. Тарле

Подлинник; рукопись; автограф. Т. 7. Л. 174–175 об.

¹ Слова (ряд лет) вписаны Тарле без особой отметки.

Предписание А. Р. Стромина Е. В. Тарле

26 сентября 1930 г.

гр[аждани]ну Тарле Е. В.

Передавая Вам копию Ваших показаний от 29-го июня с. г. на 159 печатных п[олу]/л[истах], предлагаю детально их еще раз просмотреть¹ и внести необходимые дополнения и уточнения².

А. Стромин³

26/IX—30 г.

Подлинник; рукопись; автограф. На том же листе текст документа № 99. Т. 7. Л. 56.

Две копии: А) машинопись. Т. 7. Л. В; Б) машинопись. Т. 7. Л. 57. На тех же листах текст документа № 99. В копии А документ озаглавлен: Предписание А. Р. Стромина Е. В. Тарле от 26 сентября 1930 г. и заявление Е. В. Тарле А. Р. Стромину от 27 сентября 1930 г.

Заявление Е. В. Тарле А. Р. Стромину

27 сентября 1930 г.

Ознакомившись вторично с копией моих показаний, переданных мне в напечатанном на машинке виде на 159 полулистах, считаю нужным заявить, что все написанное соответствует действительности, причем никаких оговорок не делаю⁴, за исключением того, что считаю нужным уточнить, что на стр. 66 там, где говорится об «особых эксцессах» против деятелей соввласти в момент государственного перево-

¹ В копии А слова предлагаю детально их еще раз просмотреть подчеркнуты красным карандашом.

² В копии А слова дополнения и уточнения подчеркнуты красным карандашом. В копии А абзац отчеркнут голубым, а в копии Б — синим карандашами.

³ В копии А весь текст отчеркнут красным карандашом.

⁴ В копии А текст от начала предложения подчеркнут и отчеркнут двумя вертикальными чертами красным карандашом.

рота, нужно читать « без эксцессов » .¹ Слово же «особых» вкралось по недомолвке.

К стр.131 к словам: «были у меня и другие встречи, с которыми приходилось говорить об СССР и относительно которых у меня потом оказались данные, что они имеют отношение к разведывательным организациям Франции и Англии» и т. д. следует прибавить: что как только это подозрение у меня возникало, я тотчас же прекращал беседу. Так было, например, с индусом, встреченным на обеде у Мазона, и в др[угих] случаях.

В частности, подтверждаю свои показания относительно моих переговоров по поручению организации с политич[ескими] деятелями Брианом и Пуанкаре.²

Евгений Тарле

27 сентября 1930 г.

Подлинник; рукопись; автограф. Текст расположен в подбор предыдущего документа № 98. Т. 7. Л. 56.

Две копии: А) машинопись. Т. 7. Л. В.; Б) машинопись. Т. 7. Л. 57. Текст расположен в подбор предыдущего документа № 98. В копии А документ озаглавлен: Предписание А. Р. Стромину Е. В. Тарле от 26 сентября 1930 г. и заявление Е. В. Тарле А. Р. Стромину от 27 сентября 1930 г.

100

Заявление Е. В. Тарле в Коллегию ОГПУ

27 сентября 1930 г.

27/IX 1930

В Коллегию ГПУ

Я прочитал еще раз протокол своих показаний, которые я дал, совершенно бесповоротно порвав со всеми своими прежними блужданиями и всецело перейдя на путь исключительной и последователь-

¹ В копии А текст данного предложения отчеркнут голубым карандашом.

² В копии А данное предложение отчеркнуто тремя вертикальными чертами красным карандашом.

ной работы на пользу рабочего класса¹. Из программы моей будущей деятельности Коллегия знает, по каким конкретным путям эта деятельность пойдет.²

Но эта программа охватывает не все, а лишь начало, самые первые мои шаги, как только я окажусь на свободе. Тут я ее дополняю.³

То, что я сделаю дальше и о чем теперь думаю, вырабатывая детально свои планы, будет гораздо больше. Не вдаваясь в подробности, укажу лишь на основные категории моих действий (с в е р х той программы, которая уже известна Коллегии):

1. Я специализируюсь на изучении наших профсоюзов, нашего нынешнего рабочего профсоюзного движения и на популяризации нашей организации профсоюзов — среди профсоюзов Запада, с целью привлечения их к нам. Начать я думаю с ряда статей, которые хотя бы под формой «пишем в редакцию» или дискуссионного материала — буду печатать, посылая их в «Leipziger Volkszeitung» и другие органы, очень читаемые в профсоюзах II-го Интернационала, но которые никогда не откажут мне в праве полемизировать на их страницах. Об этом же я буду писать в «Humanité» и английских органах профессионального движения, в журнале Сиднея Уебба⁴ и пр[очих]. Это то, что вовсе не делается пока и что, по моему глубокому убеждению, полезнее всего: писать об этом жгучем сейчас вопросе не в коммунистической только прессе, читаемой теми, кого уже незачем пропагандировать, а именно в прессе 2-го и «2½» Интернационала. Я, беспартийный и известный там историк рабочего класса во Франции, — б е з у с л о в н о , буду допущен и к печатанию в этих органах своих статей (конечно, с оговорками редакций), и к полемике. За этими печатными выступлениями последуют и устные со временем. Речь т[оварища] Молотова и, вообще, то положение, которое сейчас создалось, дают твердую почву для действий среди профсою-

¹ В копии Б слова бесповоротно порвав со всеми своими прежними блужданиями и всецело перейдя на путь исключительной и последовательной работы на пользу рабочего класса подчеркнуты синим карандашом.

² В копии А абзац отчеркнут по периметру красным карандашом.

³ В копии А абзац отчеркнут синим карандашом; в копии Б дальнейший текст отсутствует.

⁴ Так в подлиннике; современная транскрипция Вебб.

зов Германии, Франции, Швеции (трех стран, где у меня найдутся и связи и возможности, в первую голову).

2. Теоретическим обоснованием этих моих действий, направленных к переводу профсоюзного движения на Западе в другие¹ рельсы, < . . . >² явится книга, которую от меня давно требовал Госиздат, но которую я не мог написать (и рад, что не написал), пока для меня не решен был вопрос о будущем. Уже во второй половине³ 1929 года этот вопрос стал для меня решаться. Теперь моя точка зрения установилась окончательно. Европа вступила в полосу обострения тех противоречий, которые сначала привели к Мировой войне, и теперь ведут ко Второй мировой войне (которую не предотвратит, а ускорит революция, если она произойдет в Германии). Колебания 1924–1928 гг. должны кончиться: профсоюзы должны выбрать позицию между обеими сторонами баррикады — либо по одну сторону, либо по другую. В своей книге я проанализирую всю историю 1919–1930 гг. в Европе; укажу на все зигзаги экономической конъюнктуры, которые могли время от времени обмануть взор наблюдателя и заставить его говорить о «стабилизации», но которые теперь, с 1929 г., уже обмануть не могут. Я вскрою конкретно экономические и политические корни назревающей катастрофы (очень длительной, конечно, и с переменными судьбами, но не и з б е ж - н о й). Эту книгу я выпущу одновременно на русском и на французском языках. Такой книги до сих пор нет ни у нас, ни на Западе, и написать ее должен был именно беспартийный ученый, имеющий авторитет ученого, — и написать не как памфлет, а как объективное исследование. Проф[ессор] Э. Дрио назвал меня в одной своей статье («Revue d'histoire économique et sociale») за 1929 г. — «знаменитым учителем («maître célèbre») в области экономической истории», и моя книга ни в каком случае не пройдет незамеченной. В в о д книги будет обращен не только к профсоюзам, но и к интеллигенции как нашей, так и европейской. Я скажу, что колебания 1919–1928 гг. были понятны и психологически обоснованы именно потому, что обе стороны еще не расположились двумя лагерями, в боевом порядке. Но, что раз история объективно и неотвратимо к этому привела — нужно занять вполне определенную позицию: на стороне рабочего

¹ В подлиннике слово *другие* вписано Тарле без особой отметки.

² В подлиннике *рукой Тарле* вымарано три слова.

³ В подлиннике слова *второй половине* вписаны Тарле без особой отметки.

класса — или на стороне его врагов. Если я не очень уж ошибаюсь, эта книга, вышедшая из-под моего пера, в нынешний исторический момент произведет и у нас, и на Западе свое действие и впечатление. Это будет большим программным выступлением.

3. Моя работа по профсоюзам Запада будет не единственным практическим выводом из этой моей книги, которую я начну писать сейчас же по освобождении. Другим выводом будет моя работа в специальном кружке, который я создал из аспирантов Академии наук и студентов Университета (кружок изучения истории 1919–1930 гг.), где я буду углублять и обосновывать отдельные положения намеченной мной книги и вводить в курс моих мыслей и в курс работы — молодежь.

4. Я создам при Академии наук безусловно необходимо мое учреждение — точное название пока не выработал¹ — Институт конъюнктурных экономических и политических исследований положения — прежде всего Европы и Азии. Если функционирует такой Институт в интересах капитала — в Германии, то почему же ему не быть в интересах рабочего класса в Ленинграде? Этот Институт явится живой смычкой и связью между наукой и той практической работой, на которую сам я пойду (в профсоюзы) и на которую пойдут слушатели и аспиранты моего кружка. Этот институт объединит все живые силы Академии, он будет выпускать периодические бюллетени своих исследований, давать картину развивающегося кризиса. Этот Институт будет как бы ученой академией исторической² метеорологии, изучающей приближающуюся социальную бурю, указывающей на нарастание признаков ее, держащей советскую общественность в курсе всего того, что, постепенно нарастая и видоизменяясь, приближает мир к неизбежному грандиознейшему катаклизму. У меня есть уже подробный план этой организации Конъюнктурного института при А[кадемии] н[аук].³

5. Личная моя работа в этом учреждении не ограничится его созданием и организацией работы в нем, не ограничится и редактированием периодического органа.

¹ В копии А слова — точное название пока не выработал отсутствуют.

² В подлиннике слово исторической вписано Тарле без особой отметки.

³ В подлиннике данное предложение вписано Тарле без особой отметки.

Я лично буду писать периодически специальные отчеты для сведения Наркоминдела, со всеми теми¹ соображениями, которые не представляется нужным и удобным сообщать широкой публике. Что Наркоминдел возможностью моей работы заинтересован, он доказал неоднократным предложением мне писать в своем официальном органе «Международная жизнь». Но теперь я дам ему максимум того, что могу дать — периодические, конфиденциальные обозрения международного положения, на основании всего громадного материала, который будет в распоряжении этого Конъюнктурного института, который я свяжу с соответствующими библиотеками Запада на основе обмена (как уже связал Центрархив — с «Библиотекой Мировой войны» в Париже). Худа или хороша моя голова, — судить не мне; но в моей эрудиции сомнений быть не может, и уж поэтому Наркоминделу мои периодические отчеты будут, смею думать, полезны. Наркоминдел и не скрывает, что нуждается всегда в специалистах, их у него крайне мало.

6. Историческое отделение Гос[ударственного] университета давно предлагало мне создать отдел истории колониального развития европейских держав. Т е п е р ь , при наличии перманентной революции в Китае, Индии, Индокитае, отчасти Сирии, — это дело является необходимым. Я создам этот отдел, взяв на себя не только чтение основного курса, но и создав специальный семинарий по подготовке кадров молодых специалистов по истории колоний и колонизованных народов. Я постараюсь устроить так, чтобы этот отдел явился общим как для Госуд[арственного] университета, так и для Коммунистич[еского] университета (где я в свое время вел практич[еские] занятия по империализму).

Такова новая, дополнительная к прежней, программа моей деятельности (кроме научной, которая будет состоять в окончании многотомной истории рабочего класса во Франции, которую я пишу и которую издает Институт Маркса и Энгельса в Москве). Я прошу Коллегию смотреть на обе программы моей деятельности — и на прошлую (поданную в августе) и на нынешнюю, подаваемую сегодня, как на нечто такое, что я считаю для себя не только нравственно, но и, так сказать, ю р и д и ч е с к и о б я з а т е л ь н ы м . Я хочу доказать, что социальная польза, которую я принесу, будет в самом

¹ В подлиннике слово теми вписано Тарле без особой отметки.

деле очень велика. И я ведь не исчерпал в обеих программах всех тех возможностей, которые еще представятся.

Дело идет теперь и будет идти в ближайшие годы к назреванию социальных сдвигов на Западе. Я всецело отдаю себя на служение интересам социальной революции на Западе, моя линия политического поведения тверда, моя точка зрения в этом вопросе всецело совпадает с той, которая у меня была мимолетно в 1917 г. — и которая, к несчастью, была мной оставлена тогда же.

При этой назревающей на Западе исторической конъюнктуре и при этой моей нынешней точке зрения и настроении, революция получает в моем лице работника, который к тому же личную свою реабилитацию связал отныне навеки со своей новой работой. Я чувствую в себе еще запас огромных сил — душевных, которые развернутся на этом поприще (если не скосит меня физическая болезнь), и если Коллегия освободит меня, и я выйду неопозоренным и имеющим возможность сейчас же взяться за работу. Худ я или хорош, — в совласти очень много сейчас лиц, которые меня заменили бы на всех рабочих постах, которые намечены мной в обеих моих программах. Запад стоит на очереди дня, а я специалист по Западу вообще, по рабочему движению и его истории на Западе — в частности.

Внешняя политика стоит и будет стоять в ближайшие года на первом плане, а я специалист по истории международных отношений.

Научное воспитание кадров — коренная задача Наркомпроса, а у меня всегда была и в Университете, и в Толмач[евской] академии, и в рабочих клубах — переполненная до отказа аудитория. Всегда без исключения. При этих условиях и в обеих моих программах моя работа потребует во многих местах и будет требоваться ежедневно, но об этом я даже и не говорю здесь.

Простите ту частицу моего прошлого, которая связана с проклятым платоновским делом, — ведь и в прошлом у меня были заслуги, были и хорошие страницы. Дайте мне возможность немедленной работой показать тот путь, которым я теперь пойду. Вчитайтесь в обе мои программы: похоже ли это на праздный разговор, на ложные

обещания? Используйте мои силы и мой авторитет для блага того класса, которому я хочу служить и служить на таких путях, которые далеко не всем доступны!

Е. Тарле

Подлинник; рукопись; автограф. Т. 7. Л. 58–63 об.

Две копии: А) машинопись. Т. 7. Л. Б (начало); Б) машинопись. Т. 7. Л. 68–72.

101

Дополнение Е. В. Тарле к заявлению,
поданному в Коллегию ОГПУ 27 сентября 1930 г.

[не ранее 27 сентября 1930 г.]

Дополнение к записке от 27 сентября 1930 г.

Вношу некоторые необходимые дополнения и уточнения в свою вторую записку о программе моей будущей деятельности, которую я не хотел делать слишком объемистой. Между тем некоторые очень важные пункты остались неотмеченными.

1. Конъюнктурный институт при Академии наук не будет и не может быть простым подражанием германскому. Германский — обслуживает потребности частнокапиталистического хозяйства, дает указания, директивы, советы, разъяснения для наилучшего помещения и использования капиталов и средств на ближайший период времени и т. д.

Тот Институт, который я организую при Академии, будет из месяца в месяц сигнализировать советской общественности и — то, что не подлежит опубликованию — отдельно сигнализировать Наркоминделу об изменениях экономических, социальных, политических Европы, Азии, Америки, Африки, изменениях фондовых бирж, рынков труда, перемен в жизни партий, в парламентской и правительственной политике, в революционном и контрреволюционном движении и т. д. и т. д.

Но о задачах и деятельности этого учреждения писать тут подробно было бы совершенно излишне. Уместнее будет отметить, что в свя-

зи с этим Институтом намечается развитие одного явления, которое может оказать СССР в свое время очень большую помощь.

Дело в том, что Конъюнктурный институт потребует постоянных сношений с иностранной наукой и ее представителями, переписки с ними, деловых корреспонденций с их стороны и т. д. Зная быт и идеологию нынешней служащей ученой интеллигенции на Западе, я с уверенностью говорю, что такое учреждение, как этот будущий Конъюнктурный ин[ститу]т, объединит вокруг себя очень и очень многих работников науки в Париже, Берлине, Лондоне, Стокгольме, Нью-Йорке. Их настроение сейчас — обиженное, и экономически они борются с гнетущей их нуждой. К СССР они настроены несравненно лучше, чем их правительства и крупнокапиталистические верхи. И вместе с тем этой служилой ученой интеллигенции удалось добиться таких служебных правил и условий, при которых им в большинстве стран вполне возможно легально сношаться с СССР, мне удалось заставить ряд выдающихся специалистов по архивоведению за полной подписью сотрудничать в московском «Архивном деле».

Каков же вывод отсюда? Вывод тот, что мы обзаведемся прочными и авторитетными связями и ячейками сочувствующих нам и нашей науке деятелей во всех главных странах (кроме фашистской Италии, Венгрии, Финляндии, где это будет невозможно). Эти связи будут, по существу, между экономистами и историками, государствоведами, парламентскими деятелями радикальных мелкобуржуазных и социалистических партий, статистиками и т. д. и т. д. Все эти социальные группы сейчас стихийно оппозиционны и не только будут с охотой корреспондировать и работать с нами, но это сближение отразится там в самых разнообразных формах: безобразия вроде кутеповщины или польских взрывов и убийств станут под такой бдительный, местный интеллигентский контроль, что они стали бы крайне затруднительными. Замечу еще, что эти социальные слои (ученой мелкой буржуазии) обслуживают в широчайшей степени прессу. Это не значит, что они могут изменить враждебное настроение по отношению к СССР всех газет, где они пишут, но есть огромная, читаемая аполитическая пресса, где их влияние, дружественное нам, очень и очень может сказаться.

2. Эта мысль о создании (очень легком и естественном) социальных опорных пунктов для нас в главных европейских странах (а также в Америке) сопрягается у меня не только с идеей создания Конъюнк-

турного института: еще в первой своей программе я писал о том, что принял бы живейшее участие в созыве у н а с всемирного съезда архивных деятелей, а затем — со временем — и съезда историков. Повторю тут только для связи, что ручаюсь: 1) что архивисты съедутся, 2) что они будут очень дружественно настроены; их оппозиционное и горько-раздраженное настроение у них дома я знаю точно и не понаслышке; 3) что этот съезд отчасти сделает и западные архивы орудием той борьбы, которую ведет против виновников войны 1914 года наш Центрархив уже с давних пор.

Этой крайне важной задаче — сближению ученой интеллигенции Запада с СССР я буду всеми мерами содействовать, и этому поможет и Конъюнктурный институт, и архивный съезд, и периодические конференции Комитета исторических съездов, который заседал пока в Лондоне, Париже и Венеции, но который можно будет пригласить на сессию в Москву.

Объективно роль этой прослойки (ученой мелкой буржуазии) в настоящий момент истории есть роль оппозиционная относительно крупнокапиталистических верхов. СССР может и должен извлечь из этого факта очень много, и в э т о й области, где ничего еще не сделано, но где есть очень благодарная почва, я имею и связи, и авторитет, и полнейшую возможность достигнуть серьезных результатов. Это и есть та побочная, но сама по себе очень важная сторона дела, которую тоже нужно отметить, когда я пересчитываю различные категории дел, за которые возьмусь теперь же, когда освобожусь и выйду без умаления своего авторитета, выйду так, чтобы враги нашего дела не могли меня чернить, заподозривать и подрывать мои усилия. И тут тоже, как и в других случаях, в с е зависит от того, пощадит ли теперь Коллегия мое имя в своем сообщении, а это связано с общим вопросом: как Коллегия отнесется ко мне.

Е. Тарле

Подлинник; рукопись; автограф. Т. 7. Л. 64–67 об.

Копия; машинопись. Т. 7. Л. 73–74.

Заявление Е. В. Тарле в Коллегию ОГПУ

28 сентября 1930 г.

В Коллегию ГПУ
28/IX 1930

Обращаюсь к моим судьям с одним пояснением, которое безусловно необходимо сделать в дополнение к двум заявлениям, поданным мною в Коллегию 11 августа и 27 сентября и содержащим программу моей деятельности после моего освобождения.

В этих двух программах все разнообразные пункты и категории, на которые я разделяю свою будущую деятельность, объединены одной мыслью: я хочу отныне и до конца жизни служить как нашему строительству, так и социальной революции, постепенное приближение которой чувствуется (не в одинаковой степени) на Западе в ряде стран.

Коллегия, имея в виду факт недавнего моего пребывания в организации Платонова, может потребовать объяснения этого противоречия. а я не только обязан дать его, но чувствую полную потребность сделать это. Сначала — о прошлом.

Губительная моя ошибка заключалась в том, что сблизившись с Платоновым и его организацией, я в самые первые времена смотрел на это, как на своего рода клуб, где можно свободно поговорить, обменяться мнениями и т. д. А потом, узнавая постепенно о группах, сношениях с Гетчем и т. д., не нашел в себе решимости уйти, высказываясь в духе скептического отношения к возможности успешной борьбы с соввластью, я быстро умолкал, сводил к шутке и т. д. Когда Платонов, напр[имер], просил меня, чтобы я, пользуясь своими связями и знакомствами в Париже, узнал, как французы смотрят на германское вмешательство, я ему напомнил то место моей книги «Европа в эпоху империализма», где именно этот план германо-французской интервенции назван мною бредом сумасшедшего. И тем не менее, считая все эти разговоры бесплодными и именно потому легко на них смотря, согласился говорить об этом. Точно также я, зная закоренелый монархизм Платонова, удовольствовался его уверением, что вопрос о форме правления решит будущее Собрание народных представителей и члены

организации сохраняют за собой в этом вопросе свободу мнений и ныне, и в будущем. Но самое главное — и это было для меня бедствием — я (как и Богословский) придавал больше всего значения кружкам (вроде кружка молодых историков), а на все остальное до самого лета 1928 г. смотрел без надлежащего интереса. Лишь с лета 1928 г. я стал смотреть на то, что делалось, с вниманием и был определенно недоволен собой, что участвую. С начала 1929 года меня уже стало сильно тянуть уйти. Я ощутил резкое усиление этого стремления отойти — со второй половины 1929 года. Уже никаких дел для организации я бы тогда на себя не брал, а для меня было вполне ясно, что душевно я уже совершенно им чужд, что я безусловно с ними скоро расстанусь. Измайлов уже на следствии сказал, что я сочувствовал э к о н о м и ч е с к о й стороне политики соввласти. Это совершенно верно, социализм у меня мог не вполне сходиться с коммунистическим учением, так же как мой марксизм мог казаться коммунистической критике слишком фаталистическим и механистическим, но я всегда чувствовал и сознавал себя социалистом и марксистом¹. Мне могло не нравиться многое в политике (строгости цензуры, прием в ВУЗы по признаку лишь классового происхождения и т. д.), но, например, колхозное движение мне определенно было по душе своим размахом и идейной выдержанностью.

Вспоминая теперь это, я ясно вижу всю непоследовательность, всю бессмыслицу пребывания человека с моим идейным складом — среди Платоновых и Лихачевых и с особенной болью думаю об этом величайшем несчастье, величайшей бессмыслице моей жизни.

Переходя к нынешнему строю своих мыслей и настроений, я скажу следующее: 1) экономика 1930 года мне также по душе, даже больше, чем замедленная экономика 1929 года; 2) в политическом вопросе я стою теперь на той точке зрения, что приближающаяся социальная буря на Западе дает полное право и основание советской власти держаться диктатуры. То, что намечалось у меня во второй половине 1929 года, теперь долго и основательно продумано: поворотить назад историю уже никто и никогда не повернет; можно лишь чуть-чуть помешать движению, путаясь под ногами. Все живые люди, живые силы вольны идти на помощь назревающему повороту западноевропейской истории. Тут выбора даже быть не может: или помогай делать великое

¹ Слова я всегда чувствовал и сознавал себя социалистом и марксистом отчеркнуты синими чернилами.

дело истории, — или отправляйся в свалочное место ненужных материалов. И вот тут-то колоссальная историческая ответственность ложится на СССР и ВКП за участь рабочего класса в Европе. Оттого я и говорю во II программе, поданной 27 сентября в Коллегию, что Запад, западные отношения становятся теперь именно на первый план у нас. Ясно видя это, твердо решил действовать, помогая истории, а не ведя с ней нелепую борьбу, — я сразу увидел все значение каждого лица, которое в силах быть передаточным пунктом от СССР. И в Европе, особенно если это лицо действует не по служебной, так сказать, повинности, но идейно само заинтересовано в ходе и в результате великой исторической борьбы нового начала — со старым, коллектива против индивидуума, труда против капитала.

Тут для меня с полной, ослепительной ясностью сразу определилась личная моя роль, сами собою наметились те учреждения, которые я создам в Академии и Университете (и о которых говорю подробно во 2 программе), — обозначились и другие каналы и ходы, посредством которых СССР может и должен будет тесно приблизиться к европейским событиям. Для меня стало очевидно, что по тем силам и знаниям, по той подготовке и привычке к европейской политической действительности, которые у меня есть, я смогу в самом деле оказать в нынешнее и ближайшее время серьезную помощь, серьезную услугу совласти. Но этого мало: лично для меня — эта работа на пользу грядущего, эта роль ученого, который способствует поддержанию живой связи между развивающейся экономической революцией, происходящей в СССР, и назревающей политической по форме, социальной революцией на Западе, — эта роль являлась бы и личной реабилитацией.

Я жажду этой работы, уже сейчас время приступить к ней, а также и к подготовке и организации тех сил, тех кадров, которые будут помогать мне и расширят это дело. (О работе среди аспирантов Академии я говорил уже.) И вот тут-то грозит мне опасность, что все эти мечты о нужной и важной работе окажутся тщетными.

Вся моя судьба в руках Коллегии. Если она освободит меня для этой работы (на которую я буду смотреть как на обязательную, как бы юридически «принудительную» до конца дней моих), если Коллегия при этом не захочет морально убить меня опубликованием моих

¹ Слова как бы вписаны Тарле без особой отметки.

личных действий и разговоров, в чем выражалось мое личное участие в этой проклятой организации, если, словом, Коллегия спасет меня и мое доброе имя от жестокой травли, — тогда затеваемая мной грандиозная по размерам работа будет планомерно поставлена и выполнена. В своих показаниях я дал Коллегии все, что мог дать, как ни мучительно мне было вспоминать многое.¹

Я тут только прошу, чтобы Коллегия пощадила меня и не резала бы меня публично этим материалом. Ведь мой личный авторитет — тоже ценность, да еще к тому же прямо необходимая для начала моей новой сложной и важной работы на пользу СССР и револ[юционного] движения в Европе. Я прошу пощадить эту ценность, принадлежащую теперь тоже, как и все, чем я обладаю, социальной грядущей революции. Пошадите же эту ценность. Выйдя из заключения неопозоренным, неизгнанным из Академии и из Университета, я сразу же возьмусь за подготовку к осуществлению своих двух программ.¹

Если вы пошадите меня в этом отношении, если не обрушите на меня преследования в своих сообщениях прессе, — то верьте, что нет тех трудов и усилий, перед которыми я бы сробел в своей будущей деятельности. Впрочем, в этом случае, как и во всем, что касается нынешнего решения вами моей участи, все зависит от того, верите ли вы мне теперь. Если верите, то дадите мне и всю возможность плодотворной работы и в тех учреждениях, где протекает моя деятельность, и вне их, и не допустите моего ошельмования.

Я переживаю в настоящее время не кризис, не колебания, а лишь мучительную неизвестность, дана ли будет мне возможность идти по той дороге, по которой твердо решил идти. В конце 1917 и начала 1918 г. у меня было время колебаний, и я думал сблизиться с соввластью, с партией — и с ними работать. Брест-Литовский мир отдалил меня. «Если бы Вы были с нами, Вы оказались бы на одном из центральных мест», сказал мне М. М. Цвибак в 1922 г.², когда я вспоминал при нем об этих колебаниях. Он, конечно, преувеличивал, но что польза от меня была бы немалая, в этом нет сомнений.

¹ Предложение отчеркнуто синими чернилами двойной чертой.

² Первоначальное написание даты 1921 г. было изменено на 1922 г., затем замазано кляксой, поверх которой почерком Тарле написано 1922 г.

И вот теперь этих колебаний у меня уже нет, дорога ясна, силы для работы ничуть не уменьшились, есть жажда наверстать потерянное время, заглядеть и заставить забыть ошибки, но обстановка для меня уже не та: обстановка катастрофы личной жизни. Если вы мне поверите, — вы очень скоро на деле увидите, обманываю ли я вас.

Несмотря на то, с кем я был связан в 1926–28 гг. (и от кого стал отходить во второй половине 1929 г.), все-таки меня всегда и все ассоциировали с советской общественностью. Я работал долгий ряд лет в Университете, на глазах у всех, участвовал в совете, в факультете и т. д., — и результатом было в 1928 г. е д и н о г л а с н о е мое избрание в председатели Исторической секции, по предварению от декана, который сплошь состоит из коммунистов. В 1927 г. в Центрархиве, где я служил ряд лет, мне было предложено быть членом Ленинградсовета в качестве представителя от Центрархива (я отказался, так как уехал на 4 месяца). Таких случаев я мог бы насчитать много. В своей служебной работе я всегда работал для пользы дела, как бы я ни относился к соввласти в то время. В 1929 году в декабре, на банкете в полпредстве, декан Сорбонны Делакура назвал меня в своей речи «гордостью советской науки», — и в это время я уже определенно знал, что не буду больше с Платоновыми, я буду с Довгалеvскими, что я шел по кривой дороге больше 2½ лет. Тогда же в Лондоне на общем собрании вновь открытого большого Общества англо-советского сближения, создавшегося для защиты лондонского полпредства и вообще англо-русских отношений от нападков консерваторов, я был избран вице-президентом. Получив об этом телеграмму, я тотчас предварил прочитать у них на весеннем собрании речь, и они в ответ просили ускорить приезд, а речь свою сделать программной для Общества. Именно эти готовившиеся мои выступления обусловили окончательное мое решение совсем покинуть организацию Платонова. Кроме выступления в Лондоне я был приглашен читать в 1930 г. в Коллеж де Франс в Париже, и решил прочесть о Бессарабии (против румынского захвата). Все это было бы развитием той моей деятельности, которая началась за границей в 1929 году и которая имела определенно благие с точки зрения соввласти последствия. Уже ни за что никаких платоновских поручений во 2-й половине 1929 года я не взял бы.

Приехав в Ленинград, я прямо бредил своими предстоящими выступлениями в Лондоне и Париже (о которых знал и которых ждал оба полпредства). Платонова я видел один лишь раз, он был болен, говорил все время о комиссии Фигатнера, об Академии, я посидел

½ часа, к нему пришли посторонние, и я ему не сказал о том, что из организации*¹ уйду. А спустя несколько дней его арестовали.

За 1929 г. произошло постепенно такое изменение настроений во мне, которое делало дальнейшее пребывание в организации Платонова для меня абсолютно невозможным. В частности, политика Литвинова в 1929 г. (особенно непринятие наглой румынской ноты через посредство Эрбета) вызывала открытое мое одобрение, чего раньше не было. Публично одобрял я и политику в Китае.

Итак, еще в 1929 г., еще до постигшей меня катастрофы мой новый путь обозначился ясно: разрыв с платоновской компанией, идейное и моральное сотрудничество с полпредствами, с Наркоминделом, — и в этом моем заявлении я только хотел отметить, что поворот обозначился во мне до постигшей меня катастрофы. Но теперь мои решения о новом пути — гораздо шире и глубже, и деятельность², намеченная в поданных вам двух программах, несравненно шире и принципиальнее обоснована; то, что намечалось мной в конце 1929 г., входит лишь как небольшая частица в моей новой программе. Но поворот, и притом засвидетельствованный фактами, был налицо уже осенью и зимой 1929 года.

Вот почему мне было бы горько, если бы этот поворот кто-либо объяснил только постигшей меня катастрофой: это резко противоречило бы истине и объективным фактам.

Если Коллегия меня и мое имя пощадит, если я выйду не ошельмованным в глазах советской общественности, то и в Академии и в Университете, и в статьях, которые я буду писать для нашей и для зарубежной прессы, я смогу выступать с успехом для того великого дела, которому буду служить. Я счел необходимым написать вам это заявление в пояснение своих программ. Я обращаюсь к вам и как к судьям, и как к политическим деятелям: дайте мне работой всей остающейся мне жизни заставить забыть эти 2½ года связи с проклятым платоновским делом! Дайте мне возможность применить к своей работе, о которой пишу в обеих программах, всю силу знания и мысли, какой располагаю. Дайте мне взяться за эту работу с неопозоренным именем, человеком неошельмованным в глазах советской общественности. Иначе —

* Но я успел рассказать о банкете в полпредстве и о своей речи. Он потом злобно говорил об этом в семье. (Примечание Тарле).

¹ Слова из организации вписаны Тарле без особой отметки.

² Слово деятельность вписано Тарле без особой отметки.

веком неошельмованным в глазах советской общественности. Иначе – все для меня погубило навсегда. Окажите мне доверие в этот самый тяжелый момент моей жизни, вы не раскаетесь!

Евг. Тарле

Подлинник; рукопись; автограф. Т. 7. Л. 75–82.

103

Собственноручные показания Е. В. Тарле

3 октября 1930 г.

1) Платонов имел в виду связаться через Ферсмана и через инженеров с б[ывшими] промышленниками, заинтересовав их в действиях организации в будущем. Он имел в виду со временем связаться с находящимися за границей представителями б[ывшего] промышленного мира, говорил как-то, в частности, о б[ывших] кавказских нефтепромышленниках. Вместе с тем инженеры должны были сплотить около себя бывших промышленников как оставшихся еще от дореволюционного времени, так и от НЭПа в самом СССР¹. Между прочим, я слышал, будучи в Париже, уж не помню в точности сейчас от кого, что нефтепромышленник Гукасов в последние годы стал усиленно распространять слухи о близком «освобождении» Кавказа и этим вздувал цены на акции бывших нефтепромышленных обществ на Кавказе. Гукасов – связан с Коковцовым, со Струве и пр[очими].

2) О Кондратьеве я ничего никогда не слышал. Что касается Громана, то о нем я знал, прочтя о нем в свое время статью или какую-то корреспонденцию из Москвы в «Социалист[ическом] вестнике» по поводу его отставки. Я помню как-то и разговор о нем с Платоновым, в том духе, что Громана прогнали со службы за то, что он давал правдивые статистические данные о положении экономических дел.

3) О Пальчинском (после его расстрела) я однажды говорил с Платоновым, причем выразил мнение, что обвинение Пальчинского во вредительстве неверно. Но Платонов сказал, что самый факт верен и что для Пальчинского вредительство было формой политической

¹ В копии слова так и от НЭПа в самом СССР подчеркнуты синим карандашом.

борьбы против соввласти. Вообще же Платонов смотрел на промышленников как на будущих союзников во всяком антисоветском движении.¹ Мне приходилось в последние годы несколько раз встречаться и говорить с б[ывшими] представителями промышленного класса, с инженерами и т. п. Особенно это было после нескольких моих лекций² для служащих разных предприятий (Дереволес и т. п.). Разговоры <лицом> эти носили большею частью оппозиционный по отношению к соввласти характер. Из них мне запомнился разговор с Рамзиным, имевший более определенный характер, чем другие. Это был, если не ошибаюсь, не то инженер, не то бухгалтер, словом, б[ывший] большой служащий (м[ожет] б[ыть], директор) какого-то предприятия. Он интересовался моим мнением, как историка и политика (он так выразился), о положении вопроса о русской промышленности. Я ему сказал в том духе, что хотя из программы соввласти лично для меня неприемлема³ политическая часть, но очень приемлема экономическая часть, однако я смотрю отрицательно на насильственное прекращение частных промышленных предприятий; что наше государственное хозяйство слишком бедно первоначальными капиталами и надеждами на займы, чтобы позволить себе такую роскошь, как обзаведение государственной промышленностью и что это обстоятельство может сыграть⁴ тоже роковую для сов[етского] строя роль. Мой собеседник сказал, что при НЭПе у него и его близких была мысль о возможности воскрешения торговли, но не промышленности, уж потому, что законодательство у нас — в высшей степени разорительное для частного предпринимателя. В дальнейшем разговоре он сказал, что, по его мнению, всякая будущая власть, которая сменит советскую, должна будет опереться на промыш-

¹ В копии данное и два предыдущих предложения отчеркнуты синим карандашом.

² В копии слова приходилось в последние годы несколько раз встречаться и говорить с б[ывшими] представителями промышленного класса, с инженерами и т. п. Особенно это было после нескольких моих лекций *подчеркнуты синим карандашом.*

³ В копии слова служащий (м[ожет] б[ыть], директор) какого-то предприятия. Он интересовался моим мнением, как историка и политика (он так выразился), о положении вопроса о русской промышленности. Я ему сказал в том духе, что хотя из программы соввласти лично для меня неприемлема *подчеркнуты синим карандашом.*

⁴ В копии слова государственной промышленностью и что это обстоятельство может сыграть *выделены красным карандашом.*

ленников прежде всего. Я сказал на это, что в России одни промышленники — опора плохая, потому что страна все-таки крестьянская. Он спросил, как я думаю, возможно ли ждать конца соввласти.¹ Я ответил то, что всегда отвечал в 1919–1928 гг. и что перестал говорить в 1929 г.: что в революционную эпоху каждое правительство может смениться другим и через год, и через десять лет, и потом еще раз вернуться и еще смениться и т. д., что мы переживаем лишь один этап долгой революции, которая, может быть, будет длиться при разных режимах и 50 лет и более,² не достигая устойчивости, но что, на мой взгляд, ближайший после советского строй будет строем частной собственности, после чего возможен новый взрыв в пользу сов[етского] строя. Он сказал еще, что, по его мнению, всякое будущее правительство должно будет заключить большой заем специально для помощи промышленности. восстановления материала, исправления повреждений и т. д.³ Еще я помню его слова, что русские промышленные предприятия должны будут заключать соглашения с иностранными подобно тому, как русские страховые общества заключают такие сделки с иностранными страховыми обществами, — чтобы русская промышленность и ее судьба могли бы интересовать Западную Европу. Он сказал еще, что не верит в эволюцию сов[етского] строя, что, по его мнению, произойдет вооруженное восстание, когда страна увидит, что сов[етская] политика ее разоряет. Он говорил также, что часть рабочих очень недовольна, что постоянно происходят попытки стачек на заводах в Ленинграде и Москве, но что они пресекаются беспощадными мерами⁴. Потом разговор коснулся рабочего законодательства, и я высказал мысль, что хоть десять переворотов произойдет, все равно охрана труда должна будет остаться, что в Европе после войны нет ни одной самой отсталой страны, где рабочее законодательство не шагнуло бы вперед сравнительно с довоенным временем. Он сказал, что у них сама собою

¹ В копии данное и предыдущие предложения отчеркнуты синим карандашом.

² В копии слова другим и через год, и через десять лет, и потом еще раз вернуться и еще смениться и т. д., что мы переживаем лишь один этап долгой революции, которая, может быть, будет длиться при разных режимах и 50 лет и более отчеркнуты синим карандашом.

³ В копии данное предложение отчеркнуто синим карандашом.

⁴ В копии слова что постоянно происходят попытки стачек на заводах в Ленинграде и Москве, но что они пресекаются беспощадными мерами отчеркнуты синим карандашом.

образовалась небольшая группа б[ывших] промышленников, инженеров, директоров и т. п., что они отчасти поступают на заводы и предприятия (советские), чтобы по возможности сохранить материал и побудить соввласть обзаводиться новым из-за границы, чтобы в случае перемен и передачи предприятий в руки частных владельцев получить не совсем разоренные предприятия. Он сказал, что они (их группа) собираются основать клуб, легализованный под каким-либо другим названием; он сказал, что их (обслуживавших промышленность) гораздо больше в СССР, чем в эмиграции, и что они могут сыграть свою роль при перевороте.¹ Он несколько раз² возвращался к в о п р о с у , насколько скоро можно, по моему мнению, ждать восстания против соввласти, но я ничего точного и определенного, конечно, ему не сказал и сказать не мог.³

Он говорил о помощи, которую его группа окажет всякому антисоветскому движению и начинанию, и что если соорганизуется и интеллигенция, то <той> их⁴ группе будет неминуемо войти в контакт и действовать вместе. Он сказал, что у его товарищей сохраняются связи с друзьями и с бывшими хозяевами, ушедшими за границу и у которых сохранились остатки капиталов. Он сказал, что будет <помогать> стараться не утрачивать связи со мной, держать меня в курсе их дел с клубом и т. д., наперед просил меня о лекции в этом клубе. Он просил меня также и с ним делиться, если я узнаю о каких-либо новообразующихся течениях и группировках оппозиционного характера по отношению к соввласти. Он сказал, между прочим, что такие люди, как я, должны будут, наверно, играть известную роль в будущем строе и что он поэтому и был так⁵ заинтересован моими мнениями о разных политических вопросах. Он, между прочим, сказал, что служащему, наемному элементу, обслуживающему промышленность, придется сыграть более крупную и активную роль, чем самим промышленникам, так как они были ближе к происходившим сдвигам в жизни. Он говорил, что многие из его знакомых, служащих в хоз[яйственных] органах, стоят

¹ В копии данное и предыдущее предложения отчеркнуты синим карандашом.

² В подлиннике слово раз вписано Тарле без особой отметки.

³ В копии данное предложение отчеркнуто синим карандашом. В подлиннике далее большая часть л. 86 и оборот чистые; продолжение показаний на отдельном листе; в копии эта фрагментарность текста не отмечена.

⁴ В подлиннике слово их вписано Тарле вместо зачеркнутого той без особой отметки.

⁵ В подлиннике слова и был так вписаны Тарле без особой отметки.

на точке зрения вредительства, но он лично, насколько помню, считал более целесообразным подготовку сил и средств для более отдаленного момента окончательной борьбы, при этом он отмечал, что вредительство, во-первых, озлобляет население, во-вторых, стоит в противоречии с необходимостью оборудовать и предохранить от окончательного разорения заводы и фабрики. Встретил я его еще раз в заседании, кажется, Географического общества, но там обменялись лишь несколькими фразами. Он думал, между прочим, связаться с германскими инженерами, приглашенными для работы советской властью, для того, чтобы через их посредство сноситься с живущими за границей русскими промышленниками и ставить их в курс происходящих изменений в экономической жизни. Он, говоря о своих знакомых, помянул по какому-то поводу Пальчинского, прибавив, что Пальчинский, как и Кутлер, хотели работать с соввластью, но это оказалось по существу невозможным. Ему казалось, что ни у кого из противников совласти, ни у одной партии или группировки нет ничего определенно выработанного относительно участи промышленников и промышленности, и он сказал, что он у всех, с кем встречается и в ком видит будущих возможных деятелей, об этом осведомляется и никогда определенного ответа не находит. Он полагал, что промышленников после пережитого или разгрома нужно было бы стараться поощрить и благоприятствовать им, а об этом никто не говорит, напротив, говорят, что многие для них ограничения останутся в силе при всяком изменении без различия. Рамзин еще раз говорил о группе б[ывших] промышленных деятелей, к которой он принадлежит, обещая ее помощь при всяком антисоветском выступлении. Рамзина впервые я увидел еще в 1917 г. на Государственном совещании, и он для меня поэтому не был незнакомым, когда говорил о всем вышеизложенном. Он был, кажется, делегатом на этом совещании. На свою группировку он смотрел как на нечто организованное, имеющее ответвления в разных городах СССР, имеющее деньги и какие-то денежные сборы, причем упомянул, что отдельные лица из них получают в валюте нерегулярно, но иногда крупными суммами деньги из-за границы, он называл из присылающих эти деньги — Нобеля. Поминал и Василия Васильевича Дубина, б[ывшего] московского купца, бежавшего за границу и тоже связанного с заграничной. Их организация, по его словам, существует с начала революции и что даже личный состав бюро организации почти не менялся, хотя кто-то из них пострадал по делу Национального центра. Он поминал также имя П. И. Новгородцева, очень популярного в торгово-промышленной московской среде, с которым также были сношения, когда он уехал в Пра-

гу. У них, по его словам, есть графики и описание всех главнейших быв[ших] частновладельческих заводов (в их нынешнем положении, в их инвентаре и т. д.). Постараюсь в течение дня вспомнить дальнейшее.

Е. Тарле

3 октября 1930

Подлинник; рукопись; автограф. Т. 7. Л. 83–88 об.

Копия; машинопись. Т. 7. Л. 89–94.

104

Заявление Е. В. Тарле в Коллегию ОГПУ

4 октября 1930 г.

В Коллегию ГПУ (Дополнение и программа)

В дополнение к своим двум программам, касающимся моей предстоящей деятельности, я должен указать еще на одно очень большое дело, которое возьму на себя в ближайшие месяцы.

Еще в декабре 1929 года на первом общем собрании «Общества сближения народов Британской Империи с СССР» в Лондон^е я и проф[ессор] Кейнс (известный англ[ийский] экономист, автор книги против Версальского мира) были избраны вице-президентами, и спустя несколько времени я был приглашен прочесть в торжественном заседании этого Общества речь программного характера. Это Общество (членами которого состоят, между прочим, полпред и др[угие] члены полпредства) призвано играть в Англии в настоящий политический момент о ч е н ь в а ж н у ю * роль, и я буду очень деятельно выступать там в свое время.

Но вполне необходимо (О[бщест]во это всецело сознает) открыть филиал этого О[бщест]ва в Ленинграде — с наездами, конечно, в Москву. Этот филиал объединит всех желающих и могущих, говоря поверх голов английского правящего класса, содействовать популяризации идеи англо-советской дружбы не только в кругах английского рабочего класса, но и в кругах мелкой буржуазии. В качестве вице-

* По утверждению (меж[ду] пр[очим]) полпреда Сокольников. (*Примечание Тарле*).

президента Общества я, конечно, получу все полномочия к открытию этого¹ филиала. Все, что будет у нас тут в этом филиале читаться (речи, лекции, выступления, адреса и т. п.), будет передаваться в Лондон. Основными задачами филиала будет: 1) борьба против кампаний очернения и клеветы, предпринимаемых против СССР в Англии систематически враждебными элементами английского общества; 2) расширение и углубление английских знаний об СССР и русских знаний об Англии; 3) специальные лекции и приемы для приезжающих в СССР англичан. Конечно, этот филиал должно будет организовать в согласии с представителями ВОКСа, что, безусловно, без малейшего труда будет достигнуто. Таким путем создается очень влиятельный орган общественного мнения, который, работая в идейном² единении с Наркоминделом, будет оказывать свое влияние не только на английское общественное мнение (в чем ему будет помогать центральное, лондонское Общество), но и на лимитрофы, систематически борясь, например, с лживыми корреспондентами английской прессы — из Риги, Варшавы и т. п.

Можно будет устроить ряд приездов сюда по приглашению этого филиала английских политических деятелей, публицистов, членов профсоюзов, либо дружелюбно, либо даже сдержанно настроенных, колеблющихся, — и влияние на них этих поездок и выступлений совершенно несомненно будет положительным.

Несколько позже можно будет открыть такой же филиал существующего уже с 1924 г. в Париже аналогичного, но более скромного по заданиям «Общества франко-советского научного сближения», членами которого состоят Ольденбург и я. Этот филиал может развернуться так же широко, как и вышеупомянутый филиал англо-русского Общества. Он будет прежде всего направлен на борьбу против влияния Румынии, Польши, Финляндии на французское общественное мнение. Оба филиала будут рассчитаны не только на сближение рабочих классов СССР, Франции и Англии, но и на пропаганду среди широких колеблющихся слоев интеллигенции и мелкой буржуазии. Об этих слоях я уже говорил и настойчиво повторяю, что у нас и понятия не имеют, как много можно в этой среде сделать, как эта среда (очень влиятельная численностью, интеллигентностью и т. д.) угнетена

¹ Слово этого вписано Тарле без особой отметки.

² Слово идейном вписано Тарле без особой отметки.

неустойчивым своим экономическим положением и как она легко колеблется в своих настроениях относительно СССР. А ее настроения очень важны: часто судьбы выборов решаются именно ею, радикальной мелкой буржуазией. И в данном случае материал, который бы я и мои сотрудники пропускали бы здесь через филиальные отделения английского и французского Обществ, послужил бы там (а он туда передавался бы систематически) делу сближения и делу обуздания ярости правящего класса против СССР.

Нечего и говорить, что в качестве вице-президента центрального (лондонского) Общества, я имел бы все возможности пустить в ход и этот центральный аппарат, систематически выступая на его годовых собраниях, организуя передачу сведений о деятельности филиала и т. д. Например, я убежден, что если эти О[бществ]ва и их филиалы разовьются, истории вроде кутеповщины или фальшивых писем станут просто невозможными. А при моем избрании в вице-президенты было публично заявлено, что я — абсолютно необходимый для этого Общества человек. Для данного момента это, быть может, отчасти правильно: так случилось, что быть живой и руководящей силой в подобных обществах не так легко, и необходимы очень многие условия, чтобы плодотворно работать там. Случайно эти условия оказались у меня налицо, и прежде всего личный авторитет: меня там знают как независимого совершенно и в то же время симпатизирующего сов[етской] власти человека.

Тут опять скажу, что если дело мое будет ликвидировано без опубликования и шельмования моего имени, если мой авторитет останется непоколебленным, если врагам СССР, которые являются теперь и моими врагами, не будет¹ дана возможность инсинуировать и заподозреть меня, то это даст мне громадную силу, огромные возможности. Мой авторитет в данный момент, поскольку речь идет об осуществлении моих обеих программ и этого дополнения к ним, является уже не только моим личным достоянием, но и достоянием СССР, полезностью для СССР. Если вы спасете меня и мое имя в этот момент, то последствием будет самая неустанная, обширнейшая по захвату и размерам моя деятельность, которая — вспомните мои программы — сейчас в о всей полноте мало кому доступна.

¹ Текст от начала предложения до слов не будет отчеркнут красным карандашом.

Не подрывайте же силы рабочего, который стремится на нужную, трудную и разнообразную работу и твердо знает, что одолеет ее, если ему не нанесут в первый же момент тяжелой, неизлечимой раны. Не отдавайте советской общественности моего имени как имени человека, замешанного в проклятом платоновском деле: вам не очень долго придется ждать того, как это имя будет вписано там, где делается пересчет лиц, активно помогших социалистической реконструкции народной жизни.

Тут внимание к моральному интересу человека, пощада его доброго имени — соединяется с прямой политической целесообразностью. Верните мне теперь же свободу, не предавайте моего имени опубликованию и шельмованию — и последствия вы увидите и услышите очень скоро. Я снова повторяю: как ни обширны зафиксированные пока планы моей будущей деятельности, и ученой, и политической, она будет в действительности еще шире и разнохарактернее, — если и моя программная книга, о которой я уже писал, и мои выступления и действия, о которых подробно писал в свое время и пишу тут, — будут приняты с доверием и уважением.

Свои показания я писал для вас, и я себя не пощадил, пусть же это у вас и останется и не убивает меня как раз в тот момент, когда должна была начаться новая и, может быть, наиболее важная и полезная, с социальной точки зрения, глава моей жизни.

Евг. Тарле

4/Х-1930

Подлинник; рукопись; автограф. Т. 7. Л. 107-110.

105

Собственноручные показания Е. В. Тарле

4 октября 1930 г.

Инженер Товбин предупредил меня, что со мной будет говорить представитель организации промышленных служащих б[ывших] торгово-промышл[енных] предприятий, а также хозяев этих предприятий по некоторому доверительному политическому вопросу, касающемуся их организации. Он назвал сначала Кардовского, а спустя некоторо^е

время Рамзина. Рамзин кроме всего того, что он говорил и что я изложил вчера, прямо поставил вопрос о совместной деятельности организации антисоветского характера вообще, и в частности той, в которой состоит он, и той, в которую вхожу я. Он говорил и об общих совещаниях отдельных представителей обеих организаций, и о заседаниях обоих Бюро. Я ему сказал, что у нас Бюро никакого нет, но что такие совещания можно было бы устраивать. Он говорил, между прочим, что у них есть целая группа б[ывших] земских и иных статистиков. Он в особенности интересовался вопросом, нельзя ли твердо условиться обеим организациям не выступать, не предупредив одна другую. Когда я сказал, что о восстании сейчас еще нет и речи, он ответил, что он и не имеет в виду только восстание, а любое сколько-нибудь реальное выступление антисоветского характера, и привел пример, напр[имер] попытка устройства митинга протеста на каком-либо заводе (он утверждал, что такие митинги бывают иногда в Москве и реже в Ленинграде и южных городах). Он сказал, что их организация будет не только продолжать свое существование, но и будет усиливаться притоком новых сочленов. Он указывал на рост антисоветских настроений среди технического персонала под влиянием преследований, процессов о вредительстве и т. п. Говорил, что в случае восстания их группа поможет всеми зависящими от нее средствами и непосредственно, и экстренным притоком денег, так как они в связи с Нобелем, и работой в предприятиях (т. е. останавливая и затрудняя в решительный момент эти работы). Но он больше предвидел в предвидимом будущем стачку митинга протестов, демонстрации на октябрьских торжествах (он об этом тоже говорил), чем восстание, о котором говорил, как более далеком деле. Спрашивал дважды, как будущее правительство представляет себе восстановление разрушенной или поврежденной промышленности. Я ему сказал (как уже показывал вчера), что, насколько я понимаю, всякая власть, которая сменит советскую, разрешит частным лицам заводить промышленные предприятия, но что нужно будет считаться с необходимостью серьезного рабочего законодательства. Он спрашивал насчет протекционизма и свободы торговли, я ответил, что, по моему, без свободы торговли не обойтись, потому что нужны дешевые товары. Он и вторично виделся со мной, сказал, что говорил некоторым своим товарищам о первом разговоре. Сказал, что они (его товарищи) говорили о клубе — легальном, который очень хорошо известно, чтобы представители не только этих двух, но и разных других антисоветских группировок могли встречаться между собой. Настаивал, что именно их организация единственно компетентна, чтобы пустить в

ход промышленную жизнь после переворота, т. к. они очень в курсе состояния промышленности в СССР. Помню, что видел его еще раз на улице, в Москве, поговорили, но кратко он все повторял, что хочет поддерживать связь, быть в курсе и т. д. После этого он с моего горизонта исчез.

При первом или втором разговоре, не помню, он сказал, что вредительство есть обоюдоострое оружие и что оно допустимо лишь в кратчайший, острый момент, а не в качестве постоянного хронического дела. Но прибавил, что у них многие являются приверженцами вредительства, как постоянной формы борьбы.¹ Товбин Дмитрий Григорьевич, быв[ший] мой товарищ по среднему учебному заведению в Херсоне. В 1923 году оппировал латвийское подданство и выехал в Латвию. По положению инженер, тесно связанный со старой крупной промышленностью. После возвращения из Латвии в Москву² в качестве латвийского гражданина был арестован ОГПУ за скупку каких-то документов. В последний раз я его видел в Ленинграде в 1927 г. или 1928 г., тогда он постоянно жил в Москве. В 1928 г. я имел еще беседу относительно необходимости организации оппозиционной интеллигенции со старым харьковским купцом Шкафером, состоящим в контрреволюц[ионной] организации промышленников. Шкафер живет в Москве. Лицо, представленное мне Товбиным, был оба раза у меня в квартире. Действительно ли его фамилия Рамзин, я не знаю. Допускаю, что его фамилия Фрейденберг. Он бывш[ий] директор какого-то завода, связанного с металлургическим заводом Чешера, в <в Москве> в Ленинграде. Сам Фрейденберг живет в Москве.

Е. Тарле

Допросил:

А. Стромин

4/Х-30 г.

Подлинник; рукопись; текст почерком Тарле; заголовок Показания Е. В. Тарле и подпись Допросил А. Стромин 4/Х-30 г. почерком Стромина; подписи-автографы. Т. 7. Л. 95-96 об.

Копия; машинопись; документ озаглавлен Дополнительные показания Тарле Е. В. Т. 7. Л. 97-99.

¹ В подлиннике последующий фрагмент текста написан Тарле теми же чернилами на том же листе (л. 96 об.), но явно в дополнение предыдущему фрагменту, т. к. расстояние между строчками стало вдвое уже.

² В копии слова в Москву отсутствуют.

Протокол допроса Е. В. Тарле,
произведенного начальником СОУ ППО ОГПУ ЛВО
В. Р. Домбровским и М. А. Степановым

5 октября 1930 г.

Руководящее ядро «Всенародного союза. . .», в частности Платонов, считало необходимым установить контакт и завязать связи с инженерно-технической интеллигенцией, а через последнюю с б[ывшими] промышленниками, находящимися за границей. Предполагалось их, промышленников, заинтересовать деятельностью нашей организации и заручиться их поддержкой, гл[авным] обр[азом], материальной. Громадное значение для «Всенародного союза» имела и сама инженерно-техническая интеллигенция, ввиду ее решающего командного положения в промышленности и государственном¹ хозяйстве вообще. По этим соображениям, в последние годы, я встречался и говорил со многими представителями б[ывшего] промышленного класса, инженерами и т. п. Всех этих лиц я сейчас не вспоминаю, постараюсь вспомнить и указать; что же касается разговоров, содержания их, то они носили политический, оппозиционный по отношению к соввласти характер. Такие разговоры в период конца 1927 г. — начала 1928 г. я имел и² с инженером Товбиным Дмитрием Григорьевичем, моим давним знакомым и <почти> школьным товарищем по среднему учебному заведению в Херсоне. Товбин в 1923 г. оптировал латвийское подданство и выехал в Латвию, но за этот промежуток времени несколько раз сюда в СССР приезжал и подолгу жил, гл[авным] обр[азом], в Москве. Товбин имеет обширные связи среди представителей крупного промышленного мира. По приезде из Латвии он был арестован ОГПУ, обвинялся в скупке каких-то документов. Разговор с Товбиным, тот, который я имею в виду, происходил у меня на квартире, куда Товбин пришел по приезде в Ленинград. В ответ на развиваемые мной идеи о необходимости сплочения всех антисоветских сил и усиления борьбы с соввластью Товбин мне сказал, что в Москве среди инженеров есть одна группа, которая также настроена активно и имеет большое влияние среди инженерно-технической интеллигенции. Он

¹ В подлиннике слово государственном вписано Степановым без особой отметки.

² В подлиннике союз и вписан без особой отметки.

мне назвал несколько фамилий участников этой группы, из коих я вспоминаю некоего Фрейденберга, Рамзина, Кравец, Кардовского (возможно Красовского). Товбин сказал, что в ближайшее время со мной будет говорить представитель этой группы по политическим и организационным вопросам, связанным с деятельностью группы, и вопросов контакта последней с нашей организацией. У меня сложилось впечатление, что Товбин содержание моих переговоров кое-кому из этих лиц и, возможно, другим передавал и от них последовало желание встретиться со мной. Я согласился на это свидание. Вскоре после этого ко мне на квартиру пришел неизвестный, назвавшийся, помнится, Рамзиным и, сообщив, что он пришел по рекомендации Товбина, просил уделить ему время для переговоров по доверительному политическому вопросу. Рамзин, насколько помню, среднего роста, плотного телосложения, бритый, южный тип лица и южный акцент (украинско-еврейский), помнится, он носит очки или пенсне. Между нами произошел обмен мнений, из коих мне запомнилось следующее:

Рамзин говорил, что у них есть целая группа инженеров, экономистов, статистиков и проч.; члены их группы поступают на советские заводы и предприятия, имея целью, по возможности, сохранить материальные ценности, чтобы в случае перемены власти и перехода предприятий в руки частных владельцев получить не совсем разоренные предприятия; их группа собирается основать клуб инженеров, который использовать как легальную возможность для деятельности в антисоветском направлении; далее он говорил о помощи, которую их группа окажет всякому антисоветскому движению и начинанию и, что если организуется интеллигенция (он имел в виду научную интеллигенцию), то их группа готова установить контакт и действовать совместно. О своей группе Рамзин отзывался как о хорошо организованной; по его словам, группа имеет ответвления в разных городах СССР, имеет денежные средства, которые получаются из-за границы в валюте, и иногда крупными суммами. В качестве источников финансирования, он указал Нобеля, Дубина Василия Васильевича, б[ывшего] московского купца, бежавшего за границу. По словам Рамзина, их организация существует с начала революции, руководящий состав почти не меняется, хотя кто-то из них пострадал по делу Национального центра. Он упомянул Новгородцева П. И., проживающего, кажется, в Праге и с которым поддерживались сношения. Говоря о деятельности группы, Рамзин указал, что у них есть графики и описания всех главнейших быв[ших] частновладельческих заводов (в их нынешнем положении), в

их инвентаре и т. д.); что ими предполагается установить контакт с антисоветскими рабочими группами, которые организуют на заводах стачечное движение. Он несколько раз возвращался к вопросу — насколько скоро можно ждать выступления против соввласти. Я, в свою очередь, развивая в разговоре с ним идеи нашей организации, рассказал кое-что о ее деятельности, планах, целях и пр[очем]; Рамзин дважды спрашивал меня, как будущее правительство представляет себе восстановление разрушенной или поврежденной промышленности; также относительно протекционизма, свободы торговли, восстановление частной собственности <на> и т. п. На эти вопросы я давал более или менее обстоятельные ответы, исходя из программно-политических установок нашей организации. О восстании я сказал, что сейчас о нем еще нет речи и т. д. В части практического контакта между нашими организациями могу указать, что мы пришли к выводам о необходимости согласования деятельности, о необходимости совместных выступлений, например в форме заявлений, открытых выступлений на соответствующих собраниях и пр[очего]. Обсуждали мы и вопрос о вредительстве.

Сам Рамзин не был сторонником вредительства, указывал, что вредительство есть обоюдоострое оружие и что оно допустимо лишь в кратчайший острый момент. Однако, по его словам, в их группе были и сторонники вредительства. Припоминаю, Рамзин говорил, что в связи с вредительскими процессами пострадали и некоторые участники их организации (кто именно, он не говорил). Всего с Рамзиным я встретился три раза: два раза во время его пребывания в Ленинграде, куда он приехал, по моему мнению, со специальной целью — установить контакт с ленинградскими инженерами, а третий раз в Москве, несколько месяцев спустя. Последняя встреча была на улице, совершенно случайная. Не могу сказать, почему между нами порвались сношения, но после этого мы не встречались, и я о нем не слышал. При встрече с Рамзиным я вспомнил, что его впервые я встречал в 1917 г. на Государственном совещании, он поэтому для меня не был незнакомым. Рамзин был, кажется, делегатом на этом совещании.

Еще припоминаю, что Рамзин говорил о Пальчинском и Кутлере, в том смысле, что они хотели работать с соввластью, но это оказалось невозможным.

Относительно Фрейденберга могу сказать, что я его знаю, он б[ывший] директор какого-то завода, связанного с металлургическим заводом Чешера¹ в Ленинграде. Сам Фрейденберг живет в Москве.

Протокол мною прочитан, о чем подписываюсь. Оговорки сделаны мною отдельно на обороте².

Тарле

Допросил: нач. СО

Степанов

В дополнение к этим показаниям, ради точности считаю нужным внести следующие три оговорки: 1) инициатива установления контакта с промышленной организацией исходила от Рамзина; 2) инициатором вопроса о вредительстве был также Рамзин. Я лично всегда и всюду высказывался против вредительства, и он тоже лично вполне отрицательно относился к этому способу борьбы (по его словам), но говорил, что в их организации имеются также и приверженцы этого способа; 3) о Фрейденберге я слышал, но лично его не знал.

Е. Тарле

Подлинник; рукопись (на бланке); текст почерками Степанова (кроме последнего абзаца) и Тарле (последний абзац на обороте бланка); дата на бланке; подписи-автографы. Т. 7. Л. 100–103 об.

Копия; машинопись (на бланке). Т. 7. Л. 104–106.

107

Собственноручные показания Е. В. Тарле

7 октября 1930 г.

В дополнение к прежним показаниям я стараюсь припомнить, что Рамзин говорил мне о своей организации (кроме того, что я уже сказал), и вспоминаю следующее:

Он сказал, что у них есть группы в Москве и Ленинграде; что бюро у обеих групп — одно; что они — накануне большого расширения¹

¹ В копии фамилия Чешера показана как непрочитанная.

² В копии напечатано Оговорка сделана мною ниже.

притока новых сил, что им важно настолько сохранить контакт с промышленностью, существующей в СССР, что они мечтают о возможности со временем денежно субсидировать инженеров и техников, связанных с ними, чтобы те имели возможность поступать на предприятия, где почему-либо жалование недостаточно или слишком глубокая провинция и т. п. Он сказал еще, что они надеются завести группы в промышленных центрах, связаться с недовольной частью рабочих.¹ Но об этом говорил в будущем времени, хотя раньше сказал, что в Ленинграде и Москве они не вызвали, правда, рабочих стачек, там происходивших, но когда стачки уже проявлялись, они старались их поддерживать и продлить. Численности своей организации он не сказал, но произнес фразу в том смысле, что в ней есть дееспособное ядро в несколько человек, которые уже личными сношениями и переговорами поддерживают связь с другими, которых они же вербуют в организацию.² Говорил, что б[ывших] промышленников в точном смысле слова у них мало, но людей, близких к промышленности, управлявших ею и т. п., — достаточно. Между прочим сказал, что упрощенников, сидящих за границей, была мысль при помощи какого-нибудь обхода закона тоже принимать участие своими капиталами — в концессиях, и что если эта мысль разовьется, то их организации предстоит большое развитие и обогащение средствами. Их организация имела тогда связи и с Югом, на Украине,³ но он не сказал, что там у них группа особая. Он много говорил о затеваемом ими легализованном (под каким-то названием) клубе в Москве, который помогал бы целям вербовки новых членов и давал бы вообще ряд легальных возможностей.⁴ Он упомянул еще, что люди, близкие их организации, стараются влиять на рабочих в смысле воздержания от празднования годовщины Октябрьской революции. Он сказал, что заграничные их знакомые промышленники, в общем, уже изверились в скором возвращении своем и вложили свои

¹ В копии данное и предыдущее предложения подчеркнуты красным карандашом.

² В копии слова что в ней есть дееспособное ядро в несколько человек, которые уже личными сношениями и переговорами поддерживают связь с другими, которых они же вербуют в организацию подчеркнуты красным карандашом.

³ В копии слова Их организация имела тогда связи и с Югом, на Украине подчеркнуты красным карандашом.

⁴ В копии слова ими легализованном (под каким-то названием) клубе в Москве, который помогал бы целям вербовки новых членов и давал бы вообще ряд легальных возможностей подчеркнуты красным карандашом.

капиталы в заграничные предприятия; что, в общем, суммы, которые они присылают отдельным членам организации, имеют больше характер личной благотворительности, — суммы довольно скромные, если не считать Нобеля. Ему же лично кажется, что все существующие оппозиционные силы и группировки должны так или иначе связаться между собой и помогать друг другу. Сказал, что в их организации есть некоторые лица, занимающие ответственные посты в советских учреждениях хозяйственного типа.¹ Но фамилий не назвал при этом.

Сказал, что предвидит, что в будущем, в случае каких-либо общих выступлений с протестами или демонстративного характера, их организация будет выступать в одно время с инженерами и с той частью рабочих, которые со временем тоже сорганизуются, как он думал.

В разговоре он упомянул о Пальчинском, как о члене организации.¹

Е. Тарле

Допросил:

Стромин

7/Х–30 г.

Подлинник; рукопись; текст почерком Тарле; заглавие Дополнительные показания Тарле Е. В. и слова Допросил Стромин 7/Х–30 г. почерком Стромин; подписи-автографы. Т. 7. Л. 111–112.

Копия; машинопись. В верхнем углу карандашом помета: т[оварищу] Жупахину почерком неустановленного лица. Т. 7. Л. 113–114.

¹ В копии данное предложение подчеркнуто красным карандашом.

Анкета арестованного Е. В. Тарле

8 октября 1930 г.

Анкета №

для арестованных и задержанных с зачислением за ОГПУ.
Лица, давшие неверные показания в анкете, будут подвергнуты
строжайшей ответственности.

Вопросы	Ответы										
<i>1-я часть (заполняется заключенным)</i>											
1) <i>Фамилия</i>	Тарле										
2) <i>Имя и отчество</i>	Евгений Викторович										
3) <i>Гражданин(ка) какого государства</i>	СССР										
4) <i>Национальность</i>	Русский										
5) <i>Место прописки (откуда происходит)</i>	Губ. уезд вол. Киев се- ло/город										
6) <i>Возраст (год рождения)</i>	1875 лет; родился в Кие- ве месяце 27 октября 1875										
7) <i>Образование: а) грамотен ли б) какую школу окончил в) если не оконч[ил] то ск[олько] класс[ов] (курс[ов]) школы прош[ел]</i>	а) Да б) Университет в) прошел. . .										
8) <i>Состав семьи, место жительства и место работы каж- дого члена (отца, матери, детей, му- жа, жены, братьев и сестер).</i>	<table border="1"> <thead> <tr> <th>Степень родства</th> <th>Фамилия, имя и отчество</th> <th>Воз- раст</th> <th>Занятие или место рабо- ты и долж- ность или профессия</th> <th>Место жи- тельства (адрес)</th> </tr> </thead> <tbody> <tr> <td>Жена</td> <td>Ольга Григ[о- рьевна] Тарле (Михайлова)</td> <td></td> <td>Домашняя хозяйка</td> <td>Набереж- ная 9 Ян- в[аря] 30 кв. 4</td> </tr> </tbody> </table>	Степень родства	Фамилия, имя и отчество	Воз- раст	Занятие или место рабо- ты и долж- ность или профессия	Место жи- тельства (адрес)	Жена	Ольга Григ[о- рьевна] Тарле (Михайлова)		Домашняя хозяйка	Набереж- ная 9 Ян- в[аря] 30 кв. 4
Степень родства	Фамилия, имя и отчество	Воз- раст	Занятие или место рабо- ты и долж- ность или профессия	Место жи- тельства (адрес)							
Жена	Ольга Григ[о- рьевна] Тарле (Михайлова)		Домашняя хозяйка	Набереж- ная 9 Ян- в[аря] 30 кв. 4							

9) <i>Партийная принадлежность:</i> а) <i>в какой партии состоит и</i> б) <i>с какого времени</i>	Беспартийный
10) <i>Профессия</i>	Академик
11) <i>Род занятий и место службы в момент ареста</i>	Академик
12) <i>Состоял ли на государственной службе, в каком чине</i>	Профессор
13) <i>Владел ли недвижимым имуществом, когда и где</i>	Нет
14) [. . .] ¹	
15) <i>Если служили или работали по найму, укажите в хронологическом порядке:</i> <i>Наименование учреждения или предприятия</i> <i>До 1917 г.</i> Юрьевский университет <i>С 1917 г. по</i> Ленингр[адский] <i>посл[еднее]</i> унив[ерситет] <i>место службы</i> и Академия	<i>Должность и профессия</i> Профессор Академик
16) <i>Привлекался ли к ответственности по суду или в админ[истративном] порядке</i>	Нет
17) <i>Отношение к воинской повинности:</i> а) <i>воинское звание, род оружия или специальность;</i> б) <i>если освобожден, то на каком основании</i>	Не отбывал (был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию).
18) <i>Когда арестован</i>	28 января 1930 г.
19) <i>Кем арестован, по чьему ордеру и № ордера</i>	ГПУ

¹ Край листа оборван.

<p>20) Где арестован: а) губ[ерния], уезд, вол[ость], село, город, улица и № дома:
б) при каких обстоятельствах арестован (на своей квартире, в засаде, на собрании и пр.)</p>	Ленинград
21) Когда и кем допрошен	Г[оварищами] Жупахиным и Строминным
22) Предъявлено ли обвинение и в чем именно	Участие в тайном обществе
23) Место жительства перед арестом	Ленинград, набережная 9 Января] 30 кв. 4

Примечания заключенного:

Подпись арестованного:

Е. Тарле

8 октября 1930 г.

2-я часть (заполняется администрацией места заключения)

- 24) *Официальное название места заключения*
 25) *По чьему ордеру арестован и № ордера*
 26) *За кем зачислен*
 27) *Приметы заключенного*

Примечания

Подлинник; рукопись (на бланке); текст почерком Тарле. На л. 117 сверху пометы: Отпр[авлен] в ЛВО (синим карандашом) и ЛВО 2025 ОГПУ 5 СО (красным карандашом). Т. 7. Л. 117–117 об.

Квитанция комендатуры АОУ ПП ОГПУ ЛВО
о принятии вещей от Е. В. Тарле

8 октября 1930 г.

Админоргрупп ОГПУ

Комендатура

8/X 1930 г.

Квитанция № 15499

*Принято согласно ордера ПП ЛВО ОГПУ № (от арестованного)
Тарле Евгений Викторович*

1) Денег: Руб[лей] . . . Коп[еек] . . .

*2) Вещи: Чемодан, 7 книг, помочи, ремни дор[ожные], ложка чайная
мет[аллическая], галстук, кружка чайная эмал[ированная], резинки для
носков, мыльница целул[лоидная], часы карм[анные] мет[аллические]
№ 1177 без стекла с одной стрелкой с цепоч[кой].*

Дежурный приема арестованных

Подпись

Прикладывается к делу

*Подлинник; рукопись (на бланке); текст почерком неустановленного ли-
ца; подпись неразборчива. Т. 7. Л. 119.*

Сопроводительное письмо помощника начальника Отдела
 центральной регистратуры СОУ ОГПУ СНК Зубкина
 в ПП ОГПУ ЛВО об этапировании Е. В. Тарле
 и пересылке его личного дела и переписки

23 ноября 1930 г.

Союз Советских Социалистических Республик

*Объединенное Государственное
 Политическое Управление
 при Совнаркоме*

Отдел Центр[альной] Рег[истратуры]

Лит...

23 ноября 1930 г.

Вх. №. . . на №. . . от. . . 193г.

№ 198780

При ответах ссылаться на №, число и Отдел

*Москва, Площадь Дзержинского
 д. 2. Телефон коммутатор ОГПУ*

Краткое содержание

ПП ОГПУ по ЛВО — г. Ленинград.

Направляется переписка и личное дело вместе с арестованным
 Тарле Евгением Викторовичем со спецконвоем — на распоряжение.

Прибытие сообщите.

Приложение: личное дело.

Помначоцр ОГПУ
 П[омощник]/начучотделения

Зубкин
 Подобедов

Подлинник; машинопись (на бланке); подписи-автографы. Т. 7. Л. 115.

Ордер Отдела центральной регистратуры СОУ ОГПУ СНК на
этапирование Е. В. Тарле в распоряжение СОУ ПП ОГПУ ЛВО

23 ноября 1930 г.

ОГПУ 23 XI дня 1930 г.

Секретно-Оперативное № 4747
Управление

Отдел Центральной Регистратуры

Начальнику ПП ОГПУ ЛВО гор. Ленинград

При сем препровожаются 1 следующих арестованных с конвоирами
ОГПУ т[оварищ] Ястребов

Номер по порядку	Фамилия, имя и отчество
1	Тарле Евгений Викторович
2	
3	
4	Приложение
5	Пакет А 198780
6	
7	
8	

Зачислить за

Справка: На распоряжении

Начальник Отдела Центральной
Регистратуры ОГПУ

Подпись

Начальник Учетного Отделения
Отцнцрега ОГПУ

Подпись

Комендант

Подпись

Подлинник; рукопись (на бланке); текст почерком неустановленного лица; подписи неразборчивы. Т. 7. Л. 116.

Служебная записка помощника начальника Внутренней тюрьмы
ОГПУ СНК Миронова в СО ПП ОГПУ ЛВО
о препровождении денег, принадлежавших Е. В. Тарле

24 ноября 1930 г.

Тюремный отдел ОГПУ
24 ноября 1930 г.

г. Москва

Служебная записка

ПП ЛВО ОГПУ
в Секретный Отдел

№ 650729

Дело №

Вх. ОКК

№ 683 — 25/XI—30 г.

т[оварищ] Фришман

Направьте в ДПЗ, Мосевич

При этом препровождаются 24 руб[ля] 25 коп[еек], принадлежащих заключенному Тарле Евгению Викторовичу, получение которых подтвердите.

Приложение: 24 руб[ля]. 25 коп[еек].

Пом. Нач. Внутренней
т[юрь]мы ОГПУ:

Миронов

Печать

Подлинник; машинопись (на бланке, изготовленном при помощи каучукового штампа); подпись-автограф. На документе каучуковая печать: СОУ ПП ОГПУ ЛВО 25/XI 1930 г. Вход. № 7042 и резолюция:

К делу приложена лицевая сторона конверта (клапана отсутствуют) с машинописным текстом 1, 2, 3, 4, 5, пометами 6, 7, 8, 9 и печатями 10, 11, 12. 1. Ценный — на сумму (двадцать четыре руб[ля] 25 коп[еек]) 2. Гор[од] Ленинград. — 3. Вложили: 4. ПП ОГПУ ЛВО; 5. в Секретный Отдел. 6. Тюремный Отдел ОГПУ (каучуковый штамп и нумератор красной тушью) 7. 026502/5 (карандашом) 8. 28308 (вписано фиолетовыми чернилами) 25/XI—30 (проставлено каучуковым штампом) 9. Вх. 3485 — 25/XI (черными и красными чернилами) 10. 24 ноября 1930 Москва 11. Зав[едующий] отделом делопроизводства Тюремного отдела ОГПУ¹ Ст[арший] делопроизводитель Тюремного отдела ОГПУ Дрожжин; подпись-автограф скреплена круглой печатью: Объединенное Государственное Политическое Управление СНК СССР. Для пакетов. Т. 7. Л. 120, 121 (конверт).

¹ Подпись отсутствует.

Письмо секретаря СОУ ПП ОГПУ ЛВО Фришмана
начальнику ДПЗ Богданову о внесении на личный счет Е. В. Тарле
принадлежавших ему денег

26 ноября 1930 г.

СОУ 193523

26 ноября 30

Нач. ДПЗ — тов[арищу] Богданову.

При сем препровождается двадцать четыре (24) руб[ля] 25 ко-
п[еек] для внесения на личный счет арестованного Тарле Евгения
Викторовича.

Приложение: упомянутое.

Нач. СОУ

Секретарь

Фришман

*Копия; машинопись (отпуск); исходящий № и число в дате простав-
лены красными чернилами; подписи отсутствуют. На обороте си-
ним карандашом подпись 1 и печати: 2 и 3. 1. Нач[альнику] Оперча-
сти ОГПУ ул[ица] Дзержинского № 7. 2. Ответственный Дежурный
по Административному Отделу Ленинградского Обл[астного] Исполкома
и Ленинградск[ого] Совета. 3. ПП ОГПУ в ЛВО. Ленинград.
Фельдъегерский отдел. 12 авг. 1930. Опись . . . Поряд. № . . . Т. 7.
Л. 123 и об.*

**Письмо секретаря СОУ ПП ОГПУ ЛВО Фришмана
в Тюремный отдел ОГПУ СНК
о получении принадлежавших Е. В. Тарле денег**

26 ноября 1930г.

ЕС-2 С[овершенно] секретно. Срочно. Лит. « » 193524 26/XI 30
Тюремный отдел ОГПУ — гор. Москва.

Подтверждается получение денег в сумме двадцать четыре (24) руб[ля] 25 коп[еек], принадлежащих заключенному Тарле Е. В. присланные при В[ашем] отношении за № 650729 от 24/XI-30 г.

СОУ

Нач. СОУ

Секретарь

Фришман

Копия; машинопись (отпуск); подписи отсутствуют. Исходящий № 193524 и дата 26/XI 30 проставлены на лицевой стороне красными чернилами; на оборотной стороне каучуковым штемпелем проставлено ООКТООГПУ и фиолетовыми чернилами написано 1, 2, 3, 4. 1. Сов[ершенно] секретно. 2. В СОУ ПП ОГПУ в ЛВО. 3. № 7198. 4. Вн[у]т[ренняя] лин[ия] Окт[ябрьской] ж[елезной] д[ороги]. Т. 7. Л. 122 и об.

Заявление Е. В. Тарле С. Г. Жупахину

28 ноября 1930г.

Уважаемый Сергей Георгиевич,

я хочу объяснить с Вами по ряду вопросов, которые с особенной силой встали предо мною сегодня. Очень прошу вызвать меня. У меня все более и более укрепляется убеждение, что я жесточайшим образом ошибся, когда подумал, основываясь на словах Ваших¹, много раз повторенных и другими представителями следствия и здесь, и в Москве, — будто я могу еще быть нужен советской власти, будто это пр-

¹ В копии слова я жесточайшим образом ошибся, когда подумал, основываясь на словах Ваших *подчеркнуты простым карандашом.*

клятое дело может быть для меня ликвидировано так, что я останусь при своей¹ научной работе, будто мне будут даны все возможности, чтобы своей общественной деятельностью уничтожить самое воспоминание об этом деле. Все говорит мне, что ничего² подобного нет: тот тон, которым со мною говорят, то недоброжелательство, с которым относятся к каждому моему слову, те угрозы, которые высказываются. Когда из 159 печатных страниц моих показаний я вношу изменения в одно единственное и при том оговариваюсь, что и его не беру назад (и изменения внес после³ настойчивых вопросов, было ли это так, вероятно ли это и т. д.), — то из этого выводится, что все мои показания идут насмарку⁴. Когда я говорю, что не говорил и не мог говорить с Бенешевичем об «интересах Союза» в 1927 г., но признаю при этом всецело, что Бенешевич должен был говорить о русской церкви, — выходит, что я что-то утаиваю или как-то хитрю, — и этим вещам придается сейчас же какой-то первостепенный смысл, делается вывод самый враждебный мне.

Со мной, больным тяжелой и мучительной болезнью, пожилым человеком, которого как-никак представители западной науки признают в печати «гордостью советской исторической науки», — обращаются так, как обращались со мною сегодня. . . Я жил надеждой на освобождение в первое время своего заключения — и мне постоянно говорили⁵ об этом, а теперь я живу 11-ый месяц в каменном мешке, и о моем освобождении даже и речи никакой нет.

В чем же дело? Неужели в самом деле я абсолютно не нужен советской власти и меня⁶ предрешено приравнять к Платоновым и Из-

¹ В копии слова быть для меня ликвидировано так, что я останусь при своей подчеркнуты простым карандашом.

² В копии слова Все говорит мне, что ничего подчеркнуты простым карандашом.

³ В копии текст после слов те угрозы, которые высказываются. Когда из 159 печатных страниц моих показаний я вношу изменения в одно единственное и при том оговариваюсь, что и его не беру назад (и изменения внес после подчеркнут простым карандашом.

⁴ В копии слова то из этого выводится, что все мои показания идут насмарку подчеркнуты простым карандашом.

⁵ В копии слова в первое время своего заключения — и мне постоянно говорили отчеркнуты простым карандашом.

⁶ В копии слово меня вписано Тарле без особой отметки.

майловым¹, и все, о чем со мною говорилось раньше, было простой насмешкой, которую я по глупости принял за реальность?² Иногда мне окончательно представляется, что это именно так. А иногда (все реже и реже) еще мелькает надежда.

Когда эта надежда пропадает, то мне начинает казаться, что этот страшный кошмар, в который с января превращена моя жизнь, эта пропасть, куда меня толкнул Платонов, кончится все равно моей гибелью, уже кем-то предрешенной окончательно и бесповоротно. Когда я сопоставляю поданные мной в сентябре подробные программы моей будущей ближайшей деятельности или написанную в Москве по предложению Я. С. Агранова записку на 40 полулистах по вопросу об отношении французов к СССР, когда я сопоставляю это с тем, что в таком-то показании я забыл такую-то деталь, и когда я вижу, что именно только на эту деталь и обращается все внимание, а все остальное признается пустяками, тогда в самом деле мне начинает казаться, что никаких надежд у меня нет и что все мечты и разговоры о будущем — мираж³ и обман. Я прошу Вас, Сергей Георгиевич, уделить мне, наконец, хоть полчаса для уяснения мне: чего от меня сейчас хочет следствие?⁴ Потому что, клянусь Вам, мне кажется настолько неожиданным и невызванным сегодняшнее отношение ко мне, что я должен непременно уяснить себе: в чем дело? Не простое же это последствие предрешенного уже моего приговора? А если так,⁵ то к чему же эти очные ставки? Простите неразборчивый почерк: я болен и пишу лежа в постели. Есть еще одна вещь, о которой я писать не могу, а могу говорить лишь устно. Вызовите меня!

Е. Тарле

28/XI—1930

Подлинник; рукопись; автограф. Т. 7. Л. 176—177 об.

Копия; машинопись. Т. 2. Л. 338—344.

¹ В копии слова не нужен советской власти и меня предрешено приравнять к Платоновым и Измайловым *подчеркнуты простым карандашом.*

² В копии слова по глупости принял за реальность? *подчеркнуты простым карандашом.*

³ В копии слово мираж *подчеркнуто простым карандашом.*

⁴ В копии слова чего от меня сейчас хочет следствие *подчеркнуто простым карандашом. Все предложение отчеркнуто простым карандашом двойной чертой.*

⁵ В копии слова моего приговора? А если так, *подчеркнуты простым карандашом.*

Протокол очной ставки между С. Ф. Платоновым и Е. В. Тарле,
проведенной С. Г. Жупахиным, М. А. Степановым,
А. А. Мосевичем и А. Р. Строминым

29 ноября 1930 г.

После взаимного ознакомления и отсутствия заявлений, препятствующих к очной ставке л/с¹ Тарле и л/с Платонова:

*Вопрос л/с Тарле:*² Что Вы знаете по поводу образования военных групп?

Ответ: Знаю все от л/с С. Ф.³ Платонова.

В[опрос]: Что Вы знаете о их составе и вообще о всех подробностях?

Отв[ет]: Знаю, что во главе стоял Измайлов, который должен был составить военную группу из быв[ших] офицеров.

В[опрос]: Что о каких военных группах Вам известно?

Отв[ет]: Кроме ленинградской говорилось о московской и о южных, в точности не помню, кажется, упоминался Киев.

Вопрос: Что Вам известно о ленинградской военной группе?

Ответ: В ней участвовали знакомые Измайлова, руководителем был Измайлов. Ленингр[адская] группа организовалась первой.

Вопрос: Вы припоминаете Ваши показания от “ ” с. г.⁴

Отв[ет]: Да, это говорил С. Ф. Платонов.

Вопрос к л/с С. Ф. Платонову: Вы говорили Е. В. Тарле, что Н. В. Измайлов еще в 1926 г. приступил к организации группы, производил учет быв[ших] офицеров?

¹ В подлиннике и копии сокращение л[ишенный]/с[вободы] не раскрывается.

² В копии А слова Вопрос л/с Тарле: подчеркнуты красным карандашом.

³ В копии А инициалы С. Ф. заменены аббревиатурой л/с.

⁴ В подлиннике и копиях пропуск в тексте.

Ответ Плат[онова]: Этот разговор не мог быть потому, что о военной группе я узнал от Н. В. Измайлова значительно позднее и если я говорил с ак[адемиком] Тарле, то лишь в последнее время. Я такого разговора не помню.¹

Вопрос к Тарле: К какому времени относится этот разговор и настаиваете ли Вы, что такой разговор был?

Отв[ет]: Да, такой разговор был, но времени его я не помню.

Вопрос к гр[ажданину] Тарле: Кто Вам называл фамилии участников военной группы, которые фигурируют в Ваших показаниях?

Отв[ет]: Фамилии я слышал частью от М. М. Богословского, частью от С. Ф. Платонова, но от кого и какие именно, не помню.

Вопрос к гр[ажданину] Тарле: Кто В[ам] говорил, что участники местных военных групп приезжали в Л[е]н[ин]град к С. Ф. Платонову и Н. В. Измайлову?

Ответ: Говорил М. М. Богословский и С. Ф. Платонов, последний говорил, что приезжали из провинции, откуда-то с юга, точно не помню, также из Сибири. Фамилии приезжих в точности я не помню. Цель приезда — ознакомление, как говорил мне С. Ф. Платонов, с существовавшей организацией.

Вопрос к л/с Платонову: К какому времени относится разговор с гр[аждани]ном Тарле?

Ответ: Никакого такого (осведомительного) разговора не было. Разговоры о военной организации относятся к самому последнему (если у меня вообще был разговор на эту тему с Е. В. Тарле) — примерно 1929 год. Каких-либо <из> имен¹ участников не называлось. Фамилии, перечисленные академиком Тарле, мне неизвестны и о приездах из провинции я ничего не знаю⁴.

¹ В копии А ответ отчеркнут синим карандашом.

² В копии А слова Вопрос к Тарле подчеркнуты красным карандашом.

³ В подлиннике слово имен вписано Степановым без особой отметки.

⁴ В копии А слова провинции я ничего не знаю подчеркнуты, а весь абзац отчеркнут синим карандашом.

*Вопрос к л/с Тарле:*¹ Что Вам известно об оружии, имевшемся в распоряжении С. Ф. Платонова и от кого это стало² известно?

Ответ: Об оружии мне известно от С. Ф. Платонова. Оружие было привезено с юга, спрятано где-то в академических учреждениях. Разговор происходил в конце 1928 года. Кем привезено, не знаю. Количества также не знаю, но насколько помню, оно было невелико.³

Вопрос к л/с Платонову: Что Вы мне можете сказать про этот разговор?

Ответ: Разговор об оружии совершенно отрицаю.⁴

*Вопрос к гр[аждани]ну Тарле:*⁵ Что Вам говорил гр[аждани]н Платонов о своих переговорах с генералом Лохвицким?

Ответ: Платонов говорил, что переговоры его с Лохвицким происходили в 1928 году. Разговор со мной относится тоже к 1928 г. и происходил в Париже, где точно — не помню.

*Вопрос к Тарле:*⁶ К чему сводилось содержание разговора Платонова с Лохвицким?

Ответ Тарле: К тому, что Лохвицкий соглашался принять участие в выступлении в неопределенном будущем. Лохвицкий должен был быть в роли главного руководителя этого выступления. С 1928 года устанавливается регулярная связь Всенародного Союза с ген[ералом] Лохвицким. Осуществлял эту связь Н. В. Измайлов путем переписки.

*Вопрос к Е. В. Тарле:*⁷ Что Вы можете сказать о переговорах С. Ф. Платонова с франц[узскими] политическими и военными кругами?

¹ В копии А слова Вопрос к л/с Тарле подчеркнуты красным карандашом.

² В копиях вместо стало напечатано дело.

³ В копии А абзац отчеркнут синим карандашом.

⁴ В копии А предложение подчеркнуто и отчеркнуто синим карандашом.

⁵ В копии А слова Вопрос к гр[ажданину] Тарле подчеркнуты красным карандашом.

⁶ В копии А слова Вопрос к Тарле подчеркнуты красным карандашом.

⁷ В копии А слова Вопрос к Е. В. Тарле подчеркнуты красным карандашом.

Ответ Тарле: Платонов вел переговоры с Буайе. Вопрос касался отношения Франции к германской интервенции. Буайе был в близких взаимоотношениях с французскими политическими деятелями и мог в разрешении подобных вопросов быть посредником.

*Вопрос к Тарле:*¹ С кем еще вел переговоры С. Ф. Платонов?

Ответ Тарле: Вспоминается, что С. Ф. Платонов говорил,² что через посредство Буайе он вел переговоры с франц[узскими] политическими деятелями, фамилии которых сейчас не припоминаю.

Вопрос к Тарле: Вы показывали о некоем Данну. Помните ли сейчас эту фамилию?

*Ответ Тарле:*³ Да, припоминаю, что с Данну С. Ф. Платонов вел переговоры, может быть,⁴ через посредство Буайе. Данну генерал, лично я его не знаю. Платонов говорил⁵ также о переговорах с другим генералом (лично или через посредство Буайе, не помню), фамилию генерала не помню.

Вопрос гр[аждани]ну Платонову: Какие переговоры Вы вели с генералами, о которых говорит Е. В. Тарле?

Ответ Платонова: Ни с какими генералами ни лично, ни через посредство других лиц разговоров⁶ я не вел. Что же касается переговоров с Буайе, то переговоров с ним на тему, о которой показывает Тарле, не было и не могло быть, т.к. всякий разговор с Буайе был бы, в силу особых взаимоотношений Буайе с советским посольством, <был бы> известен в сов[етском] посольстве.⁷

¹ В копии А слова Вопрос к Е. В. Тарле подчеркнуты красным карандашом.

² В подлиннике слова С. Ф. Платонов говорил подчеркнуты красным карандашом.

³ В копии А слова Ответ Тарле подчеркнуты красным карандашом.

⁴ В подлиннике слова может быть подчеркнуты простым карандашом.

⁵ В подлиннике слова Платонов говорил подчеркнуты простым карандашом.

⁶ В подлиннике слово разговоров вписано Строминным без особой отметки.

⁷ В копии А абзац отчеркнут синим карандашом двойной чертой.

*Вопрос к г[раждани]ну Е. В. Тарле:*¹ Что Вы знаете о получении организацией денег, об источниках их получения и о системе расходования?

Ответ Тарле: Деньги получались от немцев, о системе расходования мне ничего неизвестно. Кроме того, знаю о получении денег от Ватикана, предназначенных на помощь духовенству. И о тех, и о других деньгах мне говорил С. Ф. Платонов.² О деньгах, полученных С. Ф. Платоновым от б[ывшего] вел[икого] князя Андрея Владимировича, я знаю не от него лично, а от его зятя Краевича³. По его словам, было получено пять тысяч⁴ марок. От Ватикана, не помню, было ассигновано триста — триста пятьдесят тысяч⁴ руб[лей], и первый взнос должен был быть в сумме пятидесяти тысяч⁴ руб[лей].

Вопрос г[раждани]ну Тарле: В показаниях от 26/VI Вы показываете (см. протокол о получении денег от Ватикана от слов «приблизительно в октябре» до слов «в четыре приема»).

Ответ Тарле: Я не так формулировал: деньги должны были быть получены, а не уже получились. По словам С. Ф. Платонова,⁵ сумма, которая должна была быть получена через польское консульство от Ватикана, равнялась пятидесяти тысячам⁶ руб[лей].

Вопрос к С. Ф. Платонову: Что Вы можете сказать о получении суммы от быв[шего] вел[икого] кн[язя] Андрея Владимировича?

Ответ: Суммы от Андрея Владимировича не получал, а если бы получил, то провезти бы не смог, о чем я уже показывал.

*Вопрос к С. Ф. П[латонову]:*⁷ Что Вам говорил Тарле о ватиканских деньгах?

¹ В копии А слова Вопрос к г[ражданину] Е. В. Тарле подчеркнут красным карандашом.

² В подлиннике предложение подчеркнуто простым карандашом.

³ В подлиннике слова а от его зятя Краевича подчеркнуты простым карандашом.

⁴ В копии А приведенные в подлиннике прописью суммы даны цифрами.

⁵ В подлиннике слова по словам С. Ф. Платонова подчеркнуты простым карандашом.

⁶ В копии А приведенная в подлиннике прописью сумма дана цифрами.

⁷ В копии А слова Вопрос к С. Ф. П[латонову] подчеркнуты синим и красным карандашами.

Ответ: Тарле говорил <что> в начале 1929 года, между февралем и маем, что какая же это сумма 25–30 000 рублей, намекая на то, что она незначительна.

*Вопрос к С. Ф. П[латонову]:*¹ Вы представляли, о каких деньгах говорил Вам Тарле?

*Ответ С. Ф. П[латонова]:*² Да, я представлял, что речь шла о ватиканских деньгах, но получил ли их Тарле, я не знаю.

*Вопрос к Е. В. Тарле:*³ О каких деньгах Вы говорили с С. Ф. Платоновым?

*Ответ Е. В. Т[арле]:*⁴ Такого разговора я с ним не имел, ни о каких деньгах я с ним не говорил.⁵

Вопрос к Е. В. Тарле: В Ваших показаниях от 26/VI Вы пишете (от слов «Платонов сообщил мне» до слов «следующих городах»).

Ответ Е. В. Тарле: Действительно, вопрос о порядке распределения ватиканских денег обсуждался. Обсуждение было в форме разговора о том, что эти деньги нужно использовать на помощь пострадавшему духовенству от соввласти. Когда я перечислял города, духовенству которых предполагалось оказать помощь, я исходил из наименования городов, которые назывались в разговорах в моем присутствии с С. Ф. Платоновым, С. В. Рождественским, других не помню.⁶

Вопрос Е. В. Тарле: Вы показывали на допросе от 26/VI, <от слов> что «из лиц, кому были выданы деньги здесь в Ленинграде, мне запомнились фамилии. . .».

Ответ Е. В. Тарле: Я сейчас не утверждаю, что были выданы, наверное только предполагалось,⁷ когда я просматривал свои показания, я не обратил внимания на это место.⁸

¹ В копии А слова Вопрос к С. Ф. П[латонову] подчеркнуты синим карандашом.

² В копии А фамилия С. Ф. П[латонова] подчеркнута синим карандашом.

³ В копии А слова Вопрос к Е. В. Тарле подчеркнуты красным карандашом.

⁴ В копии А слова Ответ Е. В. Тарле подчеркнуты красным карандашом.

⁵ В копии А предложение отчеркнуто синим карандашом двойной чертой.

⁶ В копии А ответ отчеркнут красным карандашом.

⁷ В подлиннике слова были выданы, наверное только предполагалось подчеркнуты простым карандашом.

⁸ В копии А предложение отчеркнуто синим карандашом.

*Заявление С. Ф. Платонова:*¹ Вся выдержка зачитанных показаний Е. В. Тарле от 26/VI лишена каких-либо фактических оснований.²

*Вопрос гр[аждани]ну Тарле Е. В.:*³ Расскажите, кем было поручено Бенешевичу во время его поездки в Рим вступить в сношение с Ватиканом по вопросу о поддержке организации и о предварительных условиях <об> унии.

Ответ Е. В. Тарле: Платонов хотел говорить с Бенешевичем относительно этого, я об этом передал В. Н. Бенешевичу, и как заявил Бенешевич, говорил ему в общих чертах относительно содержания его разговора с представителями <католиче> Ватикана.

*Вопрос Е. В. Тарле:*⁴ Сергей Фед[орович] Платонов говорил с Бенешевичем на эту тему?

Ответ Е. В. Т[арле]: Да, говорил, у меня на квартире, я при этом разговоре не присутствовал, и мне об этом разговоре говорил С. Ф. Платонов.

Вопрос С. Ф. Платонову: Говорили ли Вы на эту тему с В. Н. Бенешевичем и кто мог говорить с Бенешевичем от имени организации?

*Ответ С. Ф. Платонова:*¹ С Бенешевичем я лично на эту тему не говорил (ни до, ни после поездки его в Рим). Подтверждаю свои показания о том, что по поручению нашей организации переговоры с Бенешевичем вел Е. В. Тарле⁵.

*Вопрос к Е. В. Тарле:*⁶ Вы настаиваете на том, что С. Ф. Платонов говорил Вам о своем разговоре с Бенешевичем?

Ответ Е. В. Тарле: Да, настаиваю. В целях уточнения считаю нужным заявить, что поручение переговорить с Бенешевичем я принял

¹ В копии А фамилия С. Ф. Платонова подчеркнута синим карандашом.

² В копии А предложение отчеркнуто синим карандашом двойной чертой.

³ В копии А слова Вопрос гр[аждани]ну Тарле Е. В. подчеркнуты красным карандашом.

⁴ В копии А слова Вопрос Е. В. Тарле подчеркнуты красным карандашом.

⁵ В копии А слова свои показания о том, что по поручению нашей организации переговоры с Бенешевичем вел Е. В. Тарле отчеркнуты простым карандашом тройной чертой.

⁶ В копии А слова Вопрос к Е. В. Тарле подчеркнуты красным карандашом.

в результате разговора с С. Ф. Платоновым. Никто другой в этом разговоре не участвовал.

*Вопрос к С. Ф. Платонову:*¹ Вы подтверждаете показания Тарле?

*Ответ С. Ф. П[латонова]:*² Я не возражаю, но с дополнением того, что я уже показывал в своих показаниях по этому поводу.

*Вопрос к гр[аждани]ну Тарле:*³ Что Вам говорил С. Ф. Платонов о своем свидании с Андреем Владимировичем?

Ответ Е. В. Тарле: С.Ф.Платонов говорил мне об этом свидании в Париже, говорил, что он виделся с Андреем Владимировичем в Берлине на частной квартире <с> родственницы Гетча Пюклер-Мюскау. О содержании своего свидания он говорил в общих чертах.

Вопрос Е. В. Тарле: Вы показывали в своих показаниях: от слов «тогда же состоялось свидание. . .» до слов «и сумеет такие свидания устраивать. . .».

Ответ Е. В. Тарле: Эти свои показания подтверждаю. С. Ф. Платонов говорил⁴ об этом в Париже в 1928 г.⁵

Вопрос С. Ф. Платонову: Вы вспоминаете этот разговор?

*Ответ С. Ф. Платонова:*⁶ Такого разговора я не вел, Мюскау не знаю и с ней не виделся. С Тарле об этом не говорил. Этот разговор с Тарле по содержанию считаю невозможным.⁷

Вопрос С. Ф. Платонову: Когда Вам говорил Е. В. Тарле⁸ о своих переговорах с Брианом и Пуанкаре?

¹ В копии А слова Вопрос к С. Ф. Платонову подчеркнуты синим карандашом.

² В копии А слова Ответ С. Ф. П[латонова] подчеркнуты синим карандашом.

³ В копии А слова Вопрос к гр[аждани]ну Тарле подчеркнуты красным карандашом.

⁴ В подлиннике слова Платонов говорил подчеркнуты красным карандашом.

⁵ В копии А слова Ответ Е. В. Тарле и текст ответа подчеркнуты красным карандашом.

⁶ В копии А слова Ответ С. Ф. Платонова подчеркнуты синим карандашом.

⁷ В копии А текст ответа отчеркнут синим карандашом.

⁸ В подлиннике слова говорил Е. В. Тарле подчеркнуты простым карандашом.

Ответ С. Ф. Платонова: Сейчас я не помню, как я писал, об этом были упоминания, не вызвавшие во мне веры. <Св> Подтверждаю свои показания о том, что акад[емик] Тарле о своих переговорах с Брианом и Пуанкаре говорил мне в кафе, находящемся вблизи Нац[иональной] б[иблиоте]ки во время завтрака.¹

Вопрос Тарле: Подтверждаете ли Вы этот разговор?

Ответ Тарле²: Разговор мой с С. Ф. Платоновым о свидании с Брианом и Пуанкаре я отрицаю³.

Вопрос к Тарле:⁴ Чем Вы объясните, что С. Ф. Платонов, и Лихачев, и другие руководители Союза знают о В[аших] переговорах с Брианом и Пуанкаре от имени организации?

Ответ Тарле: Т[ак] к[ак] я виделся на рауте с Пуанкаре и на другом вечере в честь иностранных ученых в Сорбонне виделся с всегда бывающим там Брианом, причем и с тем, и с другим в течение нескольких минут обменялся несколькими фразами, не имеющими никакого отношения к интервенции, и так как потом я рассказал об этом знакомстве академику Платонову, то у него и могло возникнуть это смешение.
<Как при>

Е. Тарле

С. Платонов

Очную ставку производили:

Зам. нач. СОУ

Нач.СО

С. Жупахин

М. Степанов

Мосевич

А. Стромин

Подлинник; рукопись на бланке; текст почерком Степанова; дата на бланке; подписи—автографы. Т. 7. Л. 124—131 об.

Две копии (обе машинопись) на бланке: А) Т. 7. Л. 132—135; Б) Т. 12. Л. 438—443. Копии различны по внешнему виду; текст идентичен.

¹ В копии А весь текст ответа отчеркнут простым и синим карандашами.

² В копии слова Ответ Тарле подчеркнуты синим карандашом.

³ В подлиннике слова я отрицаю подчеркнуты красным карандашом.

⁴ В копии А слова Вопрос к Тарле подчеркнуты красным карандашом.

**Письмо заместителя начальника СО ОГПУ СНК Горожанина
в СО ПП ОГПУ ЛВО о пересылке денег,
принадлежавших Е. В. Тарле**

9 декабря 1930 г.

*Союз Советских Социалистических
Республик*

*Вх. № 300087 на № . . . от . . .
При ответах ссылаться на №, число
и отдел*

*Объединенное Государственное Политическое
Управление при Совнаркоме*

Отдел Секретный

9 декабря 19 г.

№ 268690/5

Москва, Площадь Дзержинского 2.

Телефон: коммутатор ОГПУ

Краткое содержание:

г[ород] Ленинград — СО ПП ОГПУ ЛВО

При этом препровождаются деньги с текущего счета арестованного Тарле Евгения Викторовича, в сумме 54 р[убля] 34 коп[ейки], присланные из ДПЗ ПП ОГПУ ЛВО при отношении за № 1133 от 14/X-30 г.

Приложение: пятьдесят четыре руб[ля] 34 коп[ейки]
(54 р[убля] 34 к[опейки])

Замнач. СО ОГПУ

Горожанин

Нач. СО ОГПУ

Андреев

Подлинник; машинопись (на бланке); подписи-автографы. Т. 7. Л. 136.

119

**Письмо секретаря СОУ ШП ОГПУ ЛВО Фришмана
начальнику ДПЗ Богданову о внесении на личный счет
Е. В. Тарле принадлежащих ему денег**

11 декабря 1930 г.

Служебная записка

11 декабря 30 г.

№ 194014

Вх. № 1529/к

Нач. ДПЗ — тов[арищу] Богданову

Препровождается 54 р[убля] 34 коп[ейки] (пятьдесят четыре руб[ля] 34 коп[ейки]), которые просьба внести на личный счет арестованного Тарле Евгения Викторовича.

Приложение: 54 р[убля] 34 коп[ейки]

Нач. СОУ:

Секретарь:

*Копия; машинопись (отпуск). Исходящий № проставлен почерком
неустановленного лица; подписи отсутствуют. Т. 7. Л. 137.*

120

**Рапорт врача ДПЗ В. Н. Соколова начальнику ДПЗ
Н. Богданову о состоянии здоровья Е. В. Тарле
и сопроводительное письмо Н. Богданова М. А. Степанову**

18 декабря 1930 г.

а

Начальнику ДПЗ
Рапорт

Сего 18-го декабря 1930 г. я, врач ДПЗ В. Н. Соколов, был вызван корпусным в камеру 153 к л/с Тарле, причем мне последний заявил,

что его по ночам мучают удушье и нервное состояние; на мой вопрос о причине он объяснил, что его лишили свидания с женой, разговаривал со мной в возбужденном состоянии и выражал удивление, почему он содержится под стражей; «во всей этой истории я виноват столько же, сколько и Вы и другие», — это его были слова; на мое предложение ввиду его нервного состояния помочь медикаментами он отнесся отрицательно, говоря «ну их к черту, надо найти какой-нибудь конец, пищу я принимать не могу из-за наступающего удушья, а также не буду пить чай и поэтому отказываюсь от них». При выслушивании сердца особых отклонений от нормы мною обнаружено не было. Смысл его слов и поведения сводился к желанию, чтобы я повлиял на предоставление ему свидания, я посоветовал ему обратиться по этому вопросу к следователю.

Соколов

Подлинник; рукопись (на чистой половине бланка протокола допроса); автограф. Т. 7. Л. 139.

б

18/ХІІ–1930 г.

№ 11743

Начальнику СО т[оварищу] Степанову

При этом препровождаю рапорт врача ДПЗ т[оварища] Соколова, адресованный на мое имя, на Ваше распоряжение.

Приложение: упомянутое.

Начальник ДПЗ:

Н. Богданов

Подлинник; машинопись; подпись-автограф. Напечатано на бумаге с оттиском углового резинового штампа СССР. Объединенное Государственное Политическое Управление. Полномочное Представительство в ЛВО. Дом предварительного заключения. 18/ХІІ 1930 г. № 11743 Войнова (бывшая) Шпалерная д[ом] 25 Телефон. . . На документе имеется две резолюции: 1) Начальник СОУ. С комментариями. 19. ХІІ М. Степанов; 2) К делу. 19. ХІІ. А. Стромин. Т. 7. Л. 138.

Заявление Е. В. Тарле А. Р. Стромину

20 декабря 1930 г.

20/ХП—1930

Уважаемый тов[арищ] Стромин,

я получил сегодня передачу с обычной сопроводительной записью, но написанной не рукою жены. Это наводит меня на мысль, что, м[ожет] б[ыть], с нею что-то случилось и что именно поэтому Вы не даете мне свиданий с нею?

Я умоляю Вас дать мне знать, в чем дело? Одновременно снова прошу Вас, в случае, если эта моя новая тревога ошибочна? — дать мне свидание с нею. Я Вам писал уже и опять повторяю, что ни звука ни о чем, кроме здоровья, не будет мною сказано.

Я прошу Вас также вызвать меня, мне крайне необходимо по делу дать некоторое пояснение.

Е. Тарле

На обороте:

Тов[арищу] Стромину
В Секр[етно-]опер[ативный] отдел ГПУ.

Подлинник; рукопись; автограф. Т. 7. Л. 178 и об.

Заявление Е. В. Тарле А. Р. Стромину

31 декабря 1930 г.

Уважаемый тов[арищ] Стромин,

я несколько раз писал Вам с просьбой вызвать меня, так как мне необходимо прочесть и передать Вам мое заявление в ОГПУ и поговорить по моему делу.

Пожалуйста, не откажите это сделать, мне это крайне необходимо. Я просил Вас также ускорить мое свидание с женой: я себя очень худо

чувствую все эти дни, прибавились такие головные боли, что я еле удерживаюсь от крика. Очень жду Вашего вызова. Почему такое отношение к моей просьбе?¹

31/ХП

Е. Тарле

На обороте:

Тов [а р и щ у] С т р о м и н у
в Секр[етно-]опер[ативный] отдел ГПУ

Подлинник; рукопись; автограф. Т. 7. Л. 179 и об.

123

Заявление Е. В. Тарле С. Г. Жупахину

[1930 г.]

Глубокоуважаемый Сергей Георгиевич!

С чувством, близким к отчаянию, я узнал, что Вы не хотите лично со мной говорить². Я этого не заслужил! Ведь злосчастная фраза о «подтверждении» показаний была мною разъяснена! Я имел в виду, что мои показания подтверждаются другими.³ Мои показания всегда были вполне добровольными и самостоятельными и никогда никакого давления я ни от кого не испытывал!⁴ Вы не так поняли эти слова! Я убедительнейше прошу Вас, Сергей Георгиевич, дайте мне п о л ч а с а разговора с Вами, чтобы объясниться и оправдаться перед Вами! Поверьте, что я переживаю как б о л ь ш о е г о р е Ваше нынешнее отношение ко мне, которое я не заслужил!⁵

¹ Данное предложение вписано Тарле без особой отметки.

² В подлиннике слова со мной говорить вписаны Тарле вместо вымаранных им трех слов без особой отметки.

³ В копии Б данное и предыдущее предложения подчеркнуты синим карандашом.

⁴ В копии Б слова мои показания подтверждаются другими. Мои показания всегда были вполне добровольными и самостоятельными и никогда никакого давления я ни от кого не подчеркнуты шариковой ручкой.

⁵ В копии А абзац подчеркнут простым и красным карандашами.

Очень, очень прошу Вас вызвать меня сегодня или завтра, в ближайший день, когда Вы будете в ДПЗ! Я твердо решил в с е¹ сделать, чтобы вполне удовлетворить следствие.² Не откажите больному и глубоко несчастному человеку в этой просьбе!³

Е. Тарле

Подлинник; рукопись; автограф. Т. 7. Л. 161 и об.

Две копии (обе — машинопись): А) Т. 7. Л. А; Б) Т. 7. Л. 162.

124

Заявление Е. В. Тарле А. Р. Стромину

[1930 г.]

Уважаемый тов[арищ] Стромин,

я очень был сегодня с ночи болен, — и взволновался также свиданием, а потому забыл Вам сообщить один новый факт, который припомнил.

Сегодня вечером очень бы хотел получить те части своего протокола, которые должен буду развить.⁴

Очень прошу Вас не отказать — прислать книги: сию без чтения в самой черной тоске.

Очень прошу Вас вызвать меня сегодня.

Е. Тарле

На обороте:

Тов[арищу] Стромину
Секр[етно-]опер[ативный] отдел ГПУ

Подлинник; рукопись; автограф. Т. 7. Л. 168 и об.

¹ В подлиннике слово *все* подчеркнуто Тарле двойной чертой.

² В копии А данное предложение подчеркнуто простым карандашом.

³ В копии Б слова *в с е* сделать, чтобы вполне удовлетворить следствие. Не откажите больному и глубоко несчастному человеку в этой просьбе! подчеркнуты шариковой ручкой двойной чертой.

⁴ Предложение отчеркнуто простым карандашом двойной чертой.

Заявление Е. В. Тарле А. Р. Стромину

[1930 г.]

Среда.

Глубокоуважаемый тов[арищ] Стромин,

вчера вечером ко мне пришел корпусной и сообщил, что следователь по моему делу спрашивает, готов ли я уже к допросу. Я ответил, что готов, но вызван не был. Звонили ли Вы или Василий Архипович — я не знаю. Может быть, мой ответ был неправильно передан по телефону?

Я очень хочу, мне крайне важно с Вами поговорить, тов[арищ] Стромин! Вызовите меня, пожалуйста! Я прошу также о свидании с женой (Вы обещали на вторник, но вчера — не состоялось).

Уважающий Вас

Е. Тарле

На обороте:

Тов[арищу] Стромину
Секр[етно-]опер[ативный] отдел ГПУ.

(просьба доставить это письмо¹ сегодня, если можно)*Подлинник; рукопись; автограф. Т. 7. Л. 160 и об.*

Показания Ю. Г. Оксмана, относящиеся к Е. В. Тарле

[1930 г.]

В дополнение к показаниям от 27 января с. г. отмечаю, что позн[а]комился я с проф[ессором] Тарле Е. В. в 1923 г. после возвращения своего в Петроград, когда мне пришлось совместно с ним работать в

¹ Слова это письмо вписаны Тарле.

Ленинградском отделении Центрархива. До тех пор я знал Е. В. Тарле только по его научным работам, да по материалам и его общественной работе в 1905 г. В мои студенческие годы Е. В. Тарле, числясь профессором Высших женских курсов, не играл уже никакой роли в общественной жизни Петрограда. Помню, что много тогда говорили об отходе Е. В. Тарле «вправо», особенно в связи с назначением его ординарным профессором Юрьевского университета. Утверждали, что это назначение, происшедшее в момент самой жесткой реакции, в пору академических экспериментов министерства Кассо, могло быть обеспечено только определенным согласованием с министерствами, отказом Е. В. Тарле от его прежних позиций. После занятия Юрьева немцами и эвакуации Университета Е. В. Тарле переехал в Петроград, читая в то же время лекции в Иваново-Вознесенском политехникуме.

Реальной работы в Ленингр[адском] отд[елении] Центрархива Е. В. Тарле не вел, числясь зав[едующим] Экономической секцией, но бывая на службе довольно редко. Помню, что это вызывало нарекания и со стороны управления, и со стороны коллектива, и со стороны сослуживцев, возмущавшихся такими синекурами и не понимавших, как такой крупный ученый ухитряется ничего не вносить в общую работу. Очень уронил себя в глазах архивных работников Е. В. Тарле еще тем, что на всех архивных конференциях он выступал фактически противником мероприятий по улучшению материального и правового положения архивных служащих, доказывая, что на западе оно неизмеримо хуже. Этими выступлениями, как говорили, он обеспечивал сохранение за собой штатного оклада без реальной работы, перекладываемой на других. Разумеется, для моральной репутации Е. Тарле эти толки характерны.

В 1921–1924 г[одах] Е. В. Тарле помимо университетской и архивной работы выступал с публичными лекциями по вопросам внешней политики. Лекции эти имели большой успех в кругу старой петроградской интеллигенции, в кругу крупных специалистов — врачей, инженеров, юристов и их семей. Сам Е. В. Тарле очень ценил эту аудиторию и дорожил возможностью своих публичных выступлений по вопросам внешней политики, возможностью критически отнестись к точкам зрения Покровского, Карахана, Литвинова и пр[очих] и тем самым показать «свое лицо» человека, самостоятельно и независимо разбирающегося в боевых вопросах европейской дипломатии. Когда от этих лекций пришлось ему отказаться, он ощущал это как большую потерю.

К 1925 г. относится сближение Е. В. Тарле с акад[емиком] Платоновым объяснявшееся в научных кругах как определенный тактический ход для вхождения в Академию наук. Говорили о ряде «вечеров», «обедов», на которых закреплялось это соглашение Е. В. Тарле с возглавлявшейся Платоновым группой академиков и пр[очими]. В научных кругах — университетских, архивных, литературных — возлагали большие надежды на то, что, став академиком, Е. В. Тарле оживит ряд мертвых учреждений, двинет работу, привлечет к ней новые силы и пр[очее]. Однако надежды эти ни в какой мере не оправдались в Академии, Е. В. Тарле оказался подголоском Платонова, ничем не корректируя даже установившегося во всех академич[еских] учреждениях архаического личного режима, далекого от интересов науки. Характерно, что в частных разговорах Е. В. Тарле охотно поддерживал резкие осуждения платоновского режима, подсмеивался¹ над штатом научных учреждений, набранном в 1925–26 гг., иронически отнесся к многим из изданий Археограф[ической] комиссии и Пуш[кинско]го Дома, но на вопросы, почему он не вмешивается во все эти безобразия, отделывался каламбурами² и шуточками. Такая же двойственность была в отношении Е. В. Тарле к М. Н. Покровскому, Адоратскому, Максакову, к университетс[кой] администрации и пр[очим], с одной стороны, комплименты, высокие словеса, с другой стороны, иронически отзывы и пр[очее]. Считали что эта двойственность объясняется желанием использовать в своих индивидуальных целях и правых, и левых. Одни обеспечивали академические лавры, другие — материальные блага, особенно возможность 1–5 м[еся]цев в году проводить в Париже. Тяжелое впечатление в самых широких кругах ленинградск[ой] научной общественности произвела позиция Тарле в вопросе об избрании в Академию А. Е. Преснякова. Признавая необходимость этого избрания, считая, что А. Е. Пресняков много может сделать и как ученый, и как организатор, Тарле в решительный момент не то «воздержался» от голосования, не то просто примкнул к комбинации, выдвинутой С. Ф. Платоновым (т. е. замене Преснякова — Любавским).

В течение последних месяцев мне не пришлось встречаться с Е. В. Тарле, как говорят, он очень подавлен был арестом и высылкой из

¹ Так в копии.

² В копии каламбурными.

Ленинграда одной из своих учениц, нигде не бывал, а потом уехал в Париж.

Оксман

Стромин

Копия; машинопись. Документ заглавия не имеет; в верхнем левом углу л. 61 напечатано КС-5. Копия. Т. 3. Л. 61-63.

127

Заявление Е. В. Тарле А. Р. Стромину

20 января 1931 г.

20Л¹

Уважаемый тов[арищ] Стромин,

очень прошу Вас о свидании с женой, согласно Вашему обещанию. После недели, проведенной в постели, я через силу поднялся, оделся и все ждал вызова. Очень прошу Вас не откладывать дальше!

Е. Тарле

Р. С. Я написал статью под названием «Кто такой Бенеш?» — в которой даю а б с о л ю т н о у нас неизвестные, но вполне точные данные об антисоветских интригах Бенеша в 1920–1929 гг. Сейчас эта статья явится драгоценнейшим оружием для Наркоминдела, для ТАССа, для сов[етской] прессы — в борьбе против выставляемой Брианом кандидатуры Бенеша в председатели «европ[ейского] комитета» — я ее принесу и вручу Вам (ее, конечно, можно использовать без подписи; можно и не печатая передать Литвинову. Он этих фактов не знает, иначе он бы, конечно, пустил их в ход, выступая с возражением против кандидатуры Бенеша (в официальном сообщении Наркоминдела)). А ведь вопрос о выборах Бенеша — уже через неделю, верно, решится. Факты эти — безусловно верны, но в Лиге Наций их, конечно, замалчивают, в газетах не пишут. Я уверен, что ТАСС протелеграфирует содержание этой статьи в Европу.

Е. Т[арле]

Подлинник; рукопись; автограф. Т. 7. Л. 180 и об.

¹ Первоначальное написание даты 10/1 почерком Тарле изменено на 20Л без особой отметки.

Заявление Е. В. Тарле В. Р. Домбровскому

[январь 1931 г.]

Л¹

Уважаемый тов[арищ] Домбровский,

обращаюсь к Вам по двум поводам. Тов[арищ] Стромин обещал дать мне свидание, но оно не состоялось. Видя мое удрученное и болезненное состояние, администрация ДПЗ снеслась по телефону, но ей не удалось связаться по телефону с тов[арищем] Строминным. В случае если он — вне города, не откажите, если это возможно, дать мне свидание все же. Я бы обратился к С. Г. Жупахину или В. А. Степанову², также ведшим мое дело, но они не участвовали ни разу в этих свиданиях³ и я не знаю, имею ли я какое-либо формальное основание обращаться к ним по этому поводу. К Вам же обращаюсь, как к главному начальнику СОУ. Если, действительно, тов[арищ] Стромин уехал или болен, не откажите мне в моей просьбе. Я почти неделю пролежал в постели больной. Второй повод — следующий: я написал статью под названием «Кто такой Бенеш?». Как Вы знаете, Бенеш именно теперь выставляются в председатели «Пан-Европы» в Женеве, и выставляет враждебная СССР группа держав. Я даю в своей статье шесть фактов, абсолютно у нас неизвестных, а в Европе намеренно замалчиваемых, о последовательной антисоветской деятельности и закулисных интригах Бенеша против СССР в течение 1919–1929 гг. Даже Наркоминдел не знает этих фактов, потому что непременно пустил бы их иначе в ход: ведь Бриан, отстаивая кандидатуру Бенеша, все время настаивает на его «беспристрастности». А Наркоминдел, протестуя против Бенеша, выдвигает лишь, главным образом, что Чехословакия не признала СССР, но ничего не говорит лично о самом Бенеше. Моя статья даст Наркоминделу очень могущественное (и неотразимое) оружие против вред-

¹ Число не указано.

² Так в подлиннике; правильно: М. А. Степанову. Слова к С. Г. Жупахину или В. А. Степанову подчеркнуты простым карандашом.

³ Слова в этих свиданиях подчеркнуты простым карандашом двойной чертой.

ной для нас кандидатуры Бенеша. Все эти факты мне были в свое время рассказаны проф[ессором] Луи Эйзенманом (лично близким Бенешу), Сеньобосом и другими очень осведомленными лицами, и я за точность их ручаюсь. Кое-что было и в печати в Европе. Видя, как разгорается теперь борьба из-за Бенеша, я решил, что обязан помочь по мере сил, и не откладывая, так как выборы Бенеша произойдут довольно скоро уже. Эту статью (конечно, неподписанную*) нужно бы немедленно напечатать, по-моему. Впрочем Вы сами прочтете и решите.

Я ее хотел передать тов[аришу] Стромину, ожидая, что меня вызовут на свидание. Статья — готова.

Уважающий Вас Е. Тарле

P. S. Я не сомневаюсь, что наше телеграфное агентство «ТАСС» немедленно перешлет содержание этой статьи в европейскую прессу. Сейчас при колебаниях в Женеве это может, положительно, сыграть неожиданно большую роль.

Е. Т[арле]

На обороте:

Тов[аришу] Домбровскому
Начальнику Секр[етно-]оп[еративного] упр[авления] ГПУ

Подлинник; рукопись; автограф. Т. 7. Л. 181–181 и об.

* Пока я тут сижу, я как личность равен нулю. (Примечание Тарле).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Докладная записка председателя ОГПУ В. Р. Менжинского
и помощника начальника Секретно-оперативного управления
ОГПУ Я. С. Агранова
генеральному секретарю ЦК ВКП(б) И. В. Сталину
и секретарю ЦК ВКП(б) В. М. Молотову
о предварительных результатах следствия
по «Академическому делу»

15 сентября 1930 г.

КОПИЯ

СТРОГО СЕКРЕТНО

Секретарю ЦК ВКП(б) тов[арищу] Сталину
Секретарю ЦК ВКП(б) тов[арищу] Молотову

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

В дополнение к нашим докладным запискам от 10 и 23 января 1930 года сообщаем новые данные по делу ликвидированной ПП ОГПУ в Ленинградском военном округе к[онтр]-р[еволюционной] монархической организации, возглавлявшейся академиком С. Ф. Платоновым.

По показаниям входивших в РУКОВОДЯЩЕЕ ЯДРО этой организации академиков — Платонова, Тарле, Лихачева, Любавского и профессоров Рождественского, Андреева, Бенешевича, Измайлова и др[угих] установлено следующее:

Организация именовалась «**ВСЕНАРОДНЫМ СОЮЗОМ БОРЬБЫ ЗА ВОЗРОЖДЕНИЕ СВОБОДНОЙ РОССИИ**».

Организация ставила своей целью свержение Советской власти при помощи вооруженного восстания и иностранной военной интервенции и установление конституционной монархии во главе с б[ывшим] великим князем Андреем Владимировичем.

В основу программы организации легли следующие положения:

«Будущая» Россия мыслилась, как федерация отдельных государств, имеющих свои правительства, парламенты, свободу языка и культурного развития, но сплоченных в единое целое Всероссийским правительством, возглавляемым монархом. Такие автономные государства предполагались на Украине, Кавказе, Сибири и на Дону. Лимитрофные государства должны были войти в федерацию. Самостоятельность признавалась лишь за Польшей и Финляндией.

На первое время после переворота предполагалось установление военной диктатуры с генералом **Лохвицким** (видный белоэмигрантский деятель) в качестве диктатора.

В области народного образования предполагалось восстановление дореволюционных норм, как для высшей, так и средней школы.

В области церковной политики предполагалось заключение унии католической и православной церквей.

Организация ориентировалась на Германию, с которой предполагалось заключение тесного военно-политического и экономического союза.

Возникновение организации относится к 1925 г., окончательное оформление и укрепление — к 1928 г. За время своего существования организацией проведены следующие практические мероприятия:

1. Установлена тесная деловая связь с националистической партией Германии в лице ее лидеров, профессоров **Отто Гетча**, **Шмидт-Отта** и **Ионаса**. Одновременно установлена связь с немецкой фашистской организацией «**Stahl Helm**» (**О. Гетч** является одним из руководящих деятелей этой организации).

Отношения с немецкими националистами поддерживались во время их неоднократных посещений СССР и во время зарубежных поездок **Платонова**, **Тарле**, **Егорова** и др[угих] членов организации.

Немцы оказывали регулярную денежную помощь «**ВСЕНАРОДНОМУ СОЮЗУ**» (около 5000 рублей ежемесячно).

Между руководителями «**ВСЕНАРОДНОГО СОЮЗА БОРЬБЫ**» **Платоновым**, **Тарле**, **Егоровым** и др[угими] и представителями немецких монархических кругов неоднократно велись переговоры с военной интервенции Германии в СССР.

Интервенция предполагалась, по плану организации, не позже весны 1931 года и должна была начаться высадкой десанта германских войск со стороны Балтийского моря с одновременным нападением на Ленинград и другие узловые пункты СССР германского воздушного флота, база которого устраивалась в Финляндии.

«СТАЛЬНОЙ ШЛЕМ» обязывался выставить 15 000 вооруженных обученных бойцов, которые должны были руководить действиями повстанческих отрядов.

2. «**ВСЕНАРОДНЫМ СОЮЗОМ БОРЬБЫ**» было поручено академику **Тарле** провести переговоры с французскими правительственными кругами с целью добиться согласия французского правительства на германскую интервенцию в СССР. Акад[емик] **Тарле**, в бытность свою в Париже в 1928 г., вел переговоры в этом направлении с **Брианом**, **Пуанкаре** и другими французскими государственными деятелями. По показанию **Тарле**, с французами удалось достигнуть соглашения, по которому Франция обещала не мешать интервенции и, формально не принимая в ней участия, послать свои войска в Польшу, которая должна была выступить одновременно с Германией.

3. Организацией было заключено соглашение с Ватиканом, который обязывался, на основе создания унии католической и православной церковей, вести антисоветскую пропаганду за границей и финансировать деятельность «**ВСЕНАРОДНОГО СОЮЗА БОРЬБЫ**». Переговоры с Ватиканом вел проф[ессор] **Бенешевич** — канонист, член-корреспондент Всесоюзной Академии наук и член Берлинской Академии наук. Соглашение было утверждено Папой **Пием XI**, с которым **Бенешевич** имел личное свидание в 1928 г. в исполнение своих обязательств Ватикан перевел «Союзу» 350 000 руб[лей] и развил интенсивную антисоветскую деятельность за границей.

4. В деятельности «**ВСЕНАРОДН[ОГО] СОЮЗА**» за рубежом принимали активное участие видные белоэмигрантские деятели (**Коковцов**, **Маклаков**, **Струве**, **Лохвицкий** и др[угие]). **Платонов**, по поручению «**ВСЕНАРОДН[ОГО] СОЮЗА**», вел в 1928 г. в Берлине переговоры с б[ывшим] великим князем **Андреем Владимировичем**, от которого он получил согласие на «восшествие на росс[ийский] престол».

5. **Платонов** был тесно связан с немецким консулом в Ленинграде **Цейхлиным**, который был в курсе деятельности организации. **Плато-**

новым регулярно передавались немцам отчеты в израсходовании полученных сумм. Отчеты сопровождались сообщением информационных сведений о внутреннем политическом положении СССР, о состоянии Красной армии и о деятельности Коминтерна.

Руководитель военной группы организации **Измайлов** регулярно доставлял за границу ген[ералу] **Лохвицкому** сведения о состоянии Красной армии.

Руководящим центром организации было намечено будущее правительство во главе с академиком **Платоновым** или **Кокцовым**. Министром иностранных дел был назначен **Тарле**, министром вероисповеданий — **Бенешевич**, министром труда — акад[емик] **Крачковский**, военным министром — ген[ерал] **Лохвицкий**, внутренних дел — **Струве**.

«**ВСЕНАРОДНЫМ СОЮЗОМ БОРЬБЫ**» была развернута энергичная деятельность внутри СССР.

1. Была создана военная группа организации, состоявшая из бывших офицеров (**Измайлова**, **Петрова**, **Пузинского**, **Кованько** и др[угих]), выработавшая конкретный план захвата Ленинграда и готовившая вооруженное восстание к началу интервенции.

2. Велась большая пропагандистская работа и работа по подготовке антимарксистских научных кадров, а также кадров будущих государственных деятелей. С этой целью была создана сеть кружков, находившихся под руководством отдельных членов организации. Эта сеть охватывала несколько сот научных работников в одном только Ленинграде.

Организацией проводилась вредительская деятельность в отдельных областях работы Академии наук — в экспедиционно-исследовательском деле и в деле изучения естественных производительных сил СССР.

3. Организацией велась работа по созданию центров «**ВСЕНАРОДНОГО СОЮЗА**» на периферии. В Москве существовал «**МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР**», в состав которого входили академики **М. К. Любавский** и профессора — **Д. Н. Егоров** (зам[меститель] Директора Публичной библиотеки им[ени] **Ленина**) **Готье** и **Бахрушин**.

Московским центром был создан ряд кружков из научных работников, преимущественно историков, среди которых велась систематическая монархическая пропаганда.

Филиалы организации были созданы: в Саратове, Минске, Киеве, Харькове, Баку и других городах.

Одновременно с «**ВСЕНАРОДНЫМ СОЮЗОМ**» раскрыта и ликвидирована немецкая шпионская сеть, возглавлявшаяся ученым сотрудником Академии Наук проф[ессором] **Мервартом**. **Мерварт** — старый немецкий шпион (с 1913 г.), состоял видным членом «Всенародн[ого] Союза борьбы», являясь по существу эмиссаром немецкой разведки при руководящем центре этой организации и — посредником между акад[емиком] **Платоновым** и немецким консулом в Ленинграде **Цейхлиным**. **Мерварт** дал откровенные показания о своей роли во «**ВСЕН[АРОДНОМ] СОЮЗЕ**», а также о своей шпионской сети, состоявшей преимущественно из инженеров и научных работников, служивших в различных учреждениях, занимавшихся, главным образом, изучением естественных производительных сил СССР.

Следствием также выявлена связь «**ВСЕНАРОДНОГО СОЮЗА**» в лице академика Платонова с ликвидированной ГПУ Белоруссии контрреволюционной «**СПИЛКОЙ ВЫЗВОЛЕНИЯ БЕЛОРУССИИ**». Эта связь была установлена в конце 1929 г. в Ленинграде во время приезда туда вице-президента белорусской Академии Наук **Некрасевича**, являющегося членом центра «**СПИЛКИ ВЫЗВОЛЕНИЯ БЕЛОРУССИИ**».

Следствие по делу «**ВСЕНАРОДНОГО СОЮЗА БОРЬБЫ**» ведется усиленным темпом.

Председатель ОГПУ **Менжинский**
Пом[ощник] нач[альника] СОУ ОГПУ **Агранов**

15 сентября 1930 года
гор[од] Москва.
Исх. № 264754.

*Печатное (описание — см. Предисловие к наст. вып. с. XXVI).
ЦФ ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. № 473. С. I–IV.*

Докладная записка Я. С. Агранова
В. Р. Менжинскому в связи с отказом Е. В. Тарле
от показаний, данных в процессе следствия

2 августа 1932 г.

Сов[ершенно] секретно

Председателю ОГПУ — тов[аришу] Менжинскому

СПРАВКА

по делу бывш[его] академика Е. В. Тарле

В связи с заявлением Е. В. Тарле, в котором он отказывается от своих показаний, данных им в процессе следствия по делу ликвидированной в Ленинграде ПП ОГПУ ЛВО контрреволюционной организации, возглавлявшейся бывш[им] академиком Платоновым, довожу до Вашего сведения следующее:

Прежде всего, необходимо бегло остановиться на обстоятельствах раскрытия и существе деятельности ликвидированной к[онтр]-р[еволюционной] организации.

В сентябре 1929 г., во время чистки аппарата Академии Наук СССР правительственной комиссией, в ПП ОГПУ ЛВО поступили сведения о том, что в здании Академии Наук существует нелегальное архивохранилище, в котором скрываются актуальные политические и военные документы, имеющие государственное значение, как, на-пр[имер]: подлинные акты отречения от престола Николай и Михаила Романовых, архивы ЦК партии КД, ЦКП СР, военно-морского министерства, жандармск[ого] управления, охраняемых отделений и т. д.

Произведенным Особой Следственной комиссией расследованием обстоятельств сокрытия в здании А[кадемии] Н[аук] политических документов государственного значения, было установлено, что это сокрытие было организовано некоторыми академиками, в том числе, акад[емиком] Платоновым и некоторыми научными работниками Вс[есоюзной] Академии Наук.

Произведенным ПП ОГПУ ЛВО по этому делу тщательным следствием в дальнейшем была раскрыта к[онтр]-р[еволюционной] организация, возглавлявшаяся академиком С. Ф. Платоновым.

Организация возникла в 1925 г. окончательно оформилась в 1928 г., именовалась «Всенародным Союзом Борьбы за возрождение Свободной России» и ставила своей задачей свержение советской власти путем вооруженного восстания, приуроченного к иностранной военной интервенции, и реставрации монархии во главе с быв[шим] в[еликим] к[нязем] Андреем Владимировичем.

Организация имела руководящий центр в составе академиков: Платонова, Тарле, Лихачева, Любавского, и профессоров: Измайлова, Рождественского и Андреева.

Организация занималась систематической пропагандой монархических идей, создала ряд кружков а[нти]/с[оветски] настроенных научных работников в Ленинграде, Москве и некоторых др[угих] городах СССР; организовала военную группу; установила тесную организационную и политическую связь с лидерами монархической белой эмиграции в Париже (Коконцов, Струве, Маклаков, Гукасов, генерал Лохвицкий и др[угие]) и рядом политических деятелей Франции и Германии, в частности с руководителями германской националистической партии и фашистской организации «Стальной шлем» — проф[ессором] Гетч[ем] и быв[шим] министром просвещения Шмидт-Отт[ом] и руководителем германской секретной разведки в Восточной Европе — Ионас[ом].

Ликвидированная организация получала регулярную денежную помощь от немецких националистов через немецкого генерального консула в Ленинграде — Цейхлина, являвшегося основным звеном для связи организации с зарубежьем.

Видную роль в организации играл также проф[ессор] Мерварт — агент германской секретной службы, создавший в Ленинграде сеть постоянных и эпизодических платных информаторов, занимавшихся широкой политической, экономической и военной разведкой на территории СССР.

Все арестованные руководители и члены организации дали в процессе следствия откровенные показания.

Роль Е. В. Тарле в организации была установлена, как его собственным признанием, так и показаниями Платонова, Лихачева, Любавского, Измайлова, Бенешевича, Рождественского, Мерварта и др[угих].

Особо важными следует считать показания б[ывшего] академика Платонова, который долгое время упорно молчал и сознался последним, дав четкие показания.

Нужно отметить, что показания Тарле во многих пунктах носили противоречивый и путанный характер. Были моменты, когда он отказывался частично от своих показаний. Но вслед за этим умолял уполномоченных, ведших следствие, взять от него показания, объясняя свои предыдущие отказы слабодушием. Наблюдалась также тенденция со стороны Тарле к даче преувеличенных, неверных показаний.

Его показания неоднократно проверялись. Все его основные показания (напр[имер], от 29/VI–30 г.) неоднократно возвращались ему для дополнительной проверки и внесения возможных поправок и уточнений. В таких случаях Тарле, детализируя отдельные факты, неизменно полностью подтверждал свои показания. (См. прилож[ение] №).¹

Помимо этого Тарле подвергался очным ставкам с обвиняемым Платоновым и др[угими], во время которых он также подтверждал свои показания. На очной ставке Тарле был показанием Платонова избличен в получении от Ватикана 30 000 рубл[ей] в пользу «Всенародного Союза борьбы за возрождение Свободной России», что раньше Тарле от следствия скрывал. (См. прилож[ение] №).¹

Почти все показания Е. В. Тарле писал собственноручно, находясь в камере.

Давая свои показания, Тарле всячески стремился создать впечатление полного раскаяния в своей к[онтр]-р[еволюционной] деятельности.

В деле имеется ряд его личных записок, адресованных следователям, в которых он подчеркивает свое положительное отношение к следствию и искренность, полноту и правдивость своих показаний. В одной из таких своих записок Тарле, между прочим, настаивает, чтобы следствие считало достоверным и те приведенные им факты, которые он иногда не в состоянии детализировать. (См. прилож[ение] №).¹

¹ Пропуск в подлиннике.

К характеристике Тарле следует добавить, что в заключительной стадии следствия он, желая смягчить свое положение, стремился возложить ответственность за свои действия на других членов организации.

Сомнительными следует считать те из показаний Тарле, где он говорит об оружии, имевшемся, якобы, в распоряжении организации и хранившемся в Пушкинском Доме Академии Наук, Гатчинском дворце-музее и Пушкинском заповеднике (около гор[ода] Пскова).

В процессе следствия никто из лиц, привлеченных к делу, за исключением Е. В. Тарле, своих показаний не менял.

Привлеченные по делу академики в течении предварительного следствия содержались под стражей на особо льготных условиях. Все, за исключением Тарле, пользовались усиленным пайком, длительными прогулками, частыми передачами и личными свиданиями с родственниками.

Тарле был арестован 28/1–1930 г. и постановлением Коллегии ОГПУ от 8/VIII–1931 осужден на 5 лет ссылки в г[ород] Алма-Ата.

Следует отметить, что находясь на свободе в Алма-Ате, Тарле неоднократно предлагал ПП ОГПУ в Казахстане свои услуги в качестве секретного осведомителя и систематически, по своей личной инициативе, давал ПП сведения о настроениях в среде научно-технической интеллигенции. Но его просьбы о принятии в число секретных осведомителей ПП ОГПУ Казахстана отклонены.

Заявление Тарле, в котором он отказывается от своих показаний, носит лживый характер и является очередным этапом в его недостойном поведении.

- Приложения:
1. Записки Тарле на имя бывш[его] нач[альника] Секр[етного] Отдела ПП ОГПУ ЛВО т[оварища] Жупахина и опер[ативного] уполномочен[ого] т[оварища] Стромина;
 2. Выдержки из показаний б[ывших] академиков Платонова, Любавского и Лихачева; профессоров Бенешевича, Рождественского и Мерварта; научн[ых] работников Ак[адемии] Наук Измайлова и гр[аждан]ки Л. А. Мерварт — о роли Е. В. Тарле в к[онтр]-р[еволюционной] монарх[ической] организ[ации], возглавлявш[ейся] С. Ф. Платоновым.

3. Заявл[ение] бывш[его] академика С. Платонова в Коллегию ОГПУ и
4. Протокол очной ставки между С. Ф. Платоновым и Е. В. Тарле

Агранов

2 августа 1932 г.

*Машинопись (отпуск).
Архив ФСБ по СПб. и области. № П-65245. Т. 12. Л. 168-172.*

Письма Е. В. Тарле
жене О. Г. Тарле и сестре М. В. Тарновской
из Дома предварительного заключения и из ссылки

14 марта 1930 г. — 2 октября 1931 г.

1

14 марта 1930 г.

Милая Ляличка,

получил сегодня (14/III) передачу, merci. Надеюсь, что это уже скоро будет не нужно. Много читаю. Лежу подолгу, пользуюсь врачебн[ыми] советами (насчет камней etc.). Скучаю по тебе и Масику. Погоды пакостные, но хоть не так досадно. Тут тепло и вообще гигиенично, и воздухом дышу достаточно. Читаю Джозефа Конрада — вещи его старые вроде «Гуап и Раммоли» меньше мне нравятся, чем более новые вроде «Репуара». Как жаль, что не мог поздравить с юбилеем Д. Б. Рязанова! Как только выйду, я напишу о нем (о его юбилее) статью. Это настоящий ученый. . . Поделуй от меня Маню, тетку, Вассу, щеночка тоже (как Масика, так и Олю). Целую тебя, малышка, много раз. Будь бодра, не падай духом.

14/III 1930. Пиши и пиши, твои письма доходят. Думаю по ночам, как Цыкадочка была в своих воззрениях на старьё в жизни и литературе! Старьё — такая гадость всегда! В английск[ой] литературе это сказал Уэльс¹.

Котлеты хороши, дичи — поменьше. Не разоряйся.

На обороте почерком Е. В. Тарле от Е. В. Тарле камера 153 II корпус. Почтовый штампель 18 3 30 20 с текстом Превратим отбросы домашнего хозяйства в золото, машины и тракторы. АРАН. Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 152. Л. 25 об.

¹ Так в подлиннике; современная транскрипция Уэллс.

[не позднее 14 апреля 1930 г.]

Милая Маничка, благодарю за открытки, за участие в передачах и т. д. Надеюсь, скоро увидимся. Время провожу в чтении. Книгу о Мечникове еще не получил, пока газеты все — читаю ежедневно.

Вообще же тянет к работе, для меня без работы быть больше 2 часов — уже трудно.

Целую тебя и А[лександр] Мих[айловну] и Таню.

Милая Ляличка, передай это Мане, когда увидишь. Одновременно пишу и тебе.

На обороте от Е. В. Тарле Д[ом] П[редварительного] З[аключения] кам[ера] 153 (II корп[ус]). Почтовый штемпель 14 4 30 15. Помета О. Г. Тарле Получено 15 апреля. Там же. Л. 90 об.

26 апреля 1930 г.

Апр[ель], 26

Ляличка, разглядел твою передачу, не посылай так много, мне ничего не нужно. Пошли жареного лука и ничего больше потому что ты разоряешься на передачи, а денег у тебя нет и быть не может теперь. Мне поэтому хочется чтобы ты поменьше посылала. Мне ничего не нужно.

Целую тебя очень.

Пиши чаще.

Надеюсь, скоро увидимся. Я бы уехал с тобой в Детское и никого на глаза не пускал бы никогда к себе.

Поцелуй Маню.

Привет всем нашим (тетке, Васке, Масику. . .)

Почтовый штемпель 24 9 5 30. Там же. Л. 59 об.

АРЕСКИЕ ЗУБЫ —
СЛОГО ЗДОРОВЬЯ
ПОЛЬЗУЙТЕСЬ
ПОРОШКОМ

«ОДЕНТИН»

ПОЧТОВАЯ
КАРТА
ПОСЫЛКА
ВОЗВРАТ
КАРТЕ АДРЕСА
ПЕРЕСЫЛАЕТ
ПОЧТОВЫХ

Куда:

Ленинград
С. И. Гургузеву
Улице Марше

Кому:

Набережная Гургузеву
Д. 30, к. 4

Издание НКП и П. Москва, № 071.
Тираж 1 000 000 экз., Москва, 1930. ГОЗНАК

4

30 апреля 1930 г.

Милая Ляличка,
надеюсь, что уже недолго в разлуке. Что-то от тебя писем совсем нет в последнее время. Много читаю. Целую тебя и Маню и всех наших. Что Масик и Васса? Отчего о них никогда ни слова?

30/IV

На обороте почерком Тарле II-153. Почтовый штемпель 20 8 5 1930. Там же. Л. 60 об.

5

[не позднее 20 мая 1930 г.]

Милая Ляличка,
у меня ничего нового. Надеюсь по-прежнему скоро увидиться с тобой и Масиком. Сдобу и хлеб и пр[очее] все получил аккуратно. Я уже писал тебе об этом. Пишу еще раз, так как м[ожет] б[ыть] то письмо затерялось. Как вас всех здоровье? Как твое ушко? Поцелуй их всех и тетку, и Васку и Масика.

Твой Евг[ений]

На обороте почерком Тарле Е. В. Тарле (153/к[орпус] II). Почтовый штемпель 21 5 30 20. Помета О. Г. Тарле Получено 22 мая. 10е письмо. Там же. Л. 64 об.

6

[не позднее 23 мая 1930 г.]

Милая Ляличка.
Как поживаешь?
Скоро может быть увидимся!
Целую

Евг[ений]

Поменьше разоряйся на передачи.

Почтовый штемпель 24 23 5 1930. Помета О. Г. Тарле Получено 24 мая. 11е письмо. Там же. Л. 42 об.

30–31 мая 1930 г.

Милая Ляличка.

Скоро должно быть уже увижу тебя и Масика. Писать не о чем сейчас, спасибо за письма. Они для меня большая радость.

Целую тебя, Маню, тетку, Вассу и Масика.

Суббота! <пятница> <30>31/V.

Евг[ений]

*На обороте почерком Е. В. Тарле Е. В. Тарле (к[амера] 153 II кор-
[пус]). Почтовый штемпель 24 14 6 30. Помета О. Г. Тарле 14 июня.
Там же. Л. 27 об.*

2 июня 1930 г.

Милая Ляличка.

Отчего нет писем от тебя? Скоро, м[ожет] б[ыть], увижусь с тобой и Масиком.

Целую.

ЕГ

Вторник.

2/VI

*Почтовый штемпель 05 06 30 13. Помета О. Г. Тарле Получено
6 июня. 13е письмо. Там же. Л. 5 об.*

¹ Слово суббота вписано дважды (первый раз — вместо зачеркнутого пятница).

2 июня 1930 г.

2VI

Милая Ляличка, м[ожет] б[ыть] скоро увидимся. Много читаю. Писать не о чем. Ты мне пиши! Целую вас всех, начиная с Мани и Масика.

Мане я написал отдельно.

Твой Евг[ений]

Почтовый штемпель 24 10 06 30. Там же. Л. 14 об.

6-9 июня 1930 г.

6VI

Милая Ляличка.

Твои письма доходят до меня исправно, только пиши их. Надеюсь, что скоро увижу тебя и Масика. Поцелуй Маню, тетку, Вассу и Масика. Отчего о тетке ничего не пишешь? Здорова ли она?

Я каждое письмецо перечитываю много раз, пиши, не ленись. У меня много планов работы, когда выйду отсюда. — Тут недурная французская библиотека, и я исключительно французские книги и читаю все время, с утра до вечера.

Пожми лапку Масику. Что он [поделывает?]¹ Получил только что передачу (12 ч[асов] дня, пятн[ица]). Очень все хорошо и вкусно, но ты не траться на это. Целую тебя очень.

Что Зинаида? Не болеет ли? Она и Васса всегда были прежде веселы бывали.

Суббота вечер. Целую тебя.

Сегодня — понедельник. 9 июня.

Понедельник. Целую тебя.

Почтовый штемпель 20 22 VI 30. Помета О. Г. Тарле Получено 23 июня. Там же. Л. 32 об.

¹ Одно слово залито чернилами.

**ОЧИСТИМ
НАШИ ДВОРЫ,
ЖИЛИЩА
И ПРЕДПРИЯТИЯ!**

**ГРЯЗЬ, МУСОР И НАСЕКОМЫЕ
ИСТОЧНИКИ ЗАРАЗЫ**

Газеты ВЛК и Т. Москва 8/1—1981.
№ 35. Тираж 1.000.000 экз. ГОСЦИК. 1981.

153

ПО
КА
САРТ

Куда Ленинград
Виле Бурагуевне
Магиле
Кому Набережная, 9 января
дом 30, кв. 4

12 июня 1930 г.

Милая Ляличка.

Получил разом много писем от тебя. Спасибо большое. Я эти дни в волнении и в надежде. М[ожет] б[ыть] скоро увидимся.

Целую тебя.

Милая Маничка, целую и благодарю за приветы.

Твой Евгений

12/VI 1930.

Четверг

Почтовый штемпель 24 14 06 30. Помета О. Г. Тарле 14 июня. Там же. Л. 30 об.

13 июня 1930 г.

Пятница 13/VI

Милая Ляличка.

Я твои письма получаю всё разом по несколько, — и всегда отвечаю тебе. Неужели ты не получаешь? Этого быть не может, я имею все основания быть уверенным, что письма исправно отправляются. Очень надеюсь скоро вернуться, наконец, домой. Я жажду дома устроить себе еще большую изоляцию, чем тут, сейчас, — никого и ничего не видеть (кроме тебя, Мани, Масика и двух-трех друзей, и то редко). А всех, кто сверх этого — гнать в шею, с порога. Это будет отныне правилом моего дома. Только что получил передачу, очень все вкусно хорошо, но не разоряться на передачи, заботься о себе, а не обо мне. Хлеб свежий, очень хорош. Васса делала? А Гортензии нет. Целую тебя очень. Пиши ежедневно, всё доходит, все корректны.

Что тетка? Целую Маню, тетку, Вассу, Масика. Привет обоим Таням.

Почтовый штемпель 24 14 06 30. Помета О. Г. Тарле 14 июня. Там же. Л. 28 об.

15 июня 1930 г.

15/VI

Милая Ляличка,
 мне сильно кажется, что скоро конец нашим бедствиям. Спасибо за передачу, зубной порошок не совсем тот, какой мне требуется, но сойдет и так. Письма твои я получаю вполне исправно, только пиши их. Всё доходит. Целую тебя и Масика, — и Вассу.

Мане я написал, поцелуй ее и тетку. Что она? Отчего о ней ни слова? Здорова ли она?

Твой Евг[ений]

Почтовый штемпель 20 22 06 30. Помета О. Г. Тарле Получено 23 июня. Там же. Л. 9 об.

[19 июня 1930 г.]

Милая Ляличка, что-то от тебя писем уже с неделю нет. Я очень беспокоюсь насчет твоего здоровья. Ты спрашиваешь, что я читаю: французскую литературу, тут имеющуюся. Читал эти дни Ругон-Маккар'ов. Устарело и слог дубовый, середины XIX века. А вот гении не устаревают нисколько! Думал о Достоевском недавно. Как тонко он рисует в Захлебнине потенциального злого <врага> неприятеля¹ Вельчанинова и даже Катерины Федосеевны! Хорошо было еще, что бодливой корове не было дано рогов! В Ругон-Маккарах и тени нет этой тонкости рисунка, хотя тема та же самая². Жаль, что я знаю Достоевского наизусть, — и не могу поэтому перечитывать. — Продолжаю сильно надеяться на скорое возвращение к работе. Поцелуй Маню, тетку, Масика, Вассу. Что тетка?! Четверг.

Целую тебя очень, бодрись и крепись.

Читаю много Гонсонт'ов.

Читаю дур, тут полное собрание есть.

Почтовый штемпель 20 22 06 30. Помета О. Г. Тарле Получено 23 июня. Там же. Л. 87 об.

¹ Слово неприятеля вписано вместо зачеркнутого врага.

² Слова хотя тема та же самая вписаны позднее.

[20 июня 1930 г.]

Милая Ляличка,
забыл тебе написать, чтобы ты прислала леденцы: Чай у меня теперь базис питания. Обед, впрочем¹, мне дают лазаретный, очень приличный во всех отношениях, и — когда бывает аппетит — я ем с удовольствием. Вспомнил, как в Фонтенбло от моего имени ты благодарила хозяйку за гораздо худший обед², хотя я тебе и не думал поручать. Но есть случай, когда не опровергнешь, чтобы не сказали от твоего лица: попробовал бы я перед этой злой старухой тебя оспаривать! Помнишь кочергу в ее руках? Мне все это кажется теперь сном, — и все-таки скоро увижу самое главное из всей³ этой картины: т[о] е[сть] тебя.

Целую тебя, Маню, тетку, Масика, Вассу.

Пиши.

Пятница.

Извини, что пишу о старом: живу воспоминаньями.

Почтовый штемпель 20 22 06 30. Помета О. Г. Тарле Получено
23 июня. Там же. Л. 18 об.

21 июня 1930 г.

Суббота 21/VI

Милая Ляличка,
получил разом твои письма от 11, 12, 13, 14 и 15 июня, и вижу, что и ты мои получила. Я и не сомневался, что ты их получишь аккуратно и быстро. Меня так тронули твои слова, спасибо за них, моя маленькая < . . >⁴. Много о тебе думаю и очень люблю тебя.⁵ Будь тверда и спокойна. Получил вчера от тебя передачу. Самое важное в этих переда-

¹ Слово впрочем вписано позднее.

² Слова за гораздо худший обед вписаны позднее.

³ Слово всей вписано позднее.

⁴ Рукой Тарле вымарано одно слово.

⁵ Предложение вписано позднее.

Крестбаны!

ОРГАНИЗУЙ
ПЛОДО-ОВОЩНЫЕ
И КАРТОФЕЛЬНЫЕ
КРУПНЫЕ КРЖОЗЫ!

Молодежь

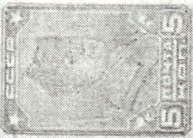

ПОДНИМАЙ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ

СВОЕГО ТРУДА.

ПЕРЕСТРАИВАЙ СВОЮ ЖИЗНЬ
НА НОВЫХ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ НАЧАЛАХ!

// ПЛОДОЦЕНТРА //

ПОЧТОВАЯ
КАРТЧКА
CARTE POSTALE

Куда *Ленинград*
См.е. Зинуровичи
Маре
Кому *Новременна Я Губора*
д. 30, к. 4

Издание НКК в Т. Москва № 2321.
Тир. 100000 экз. Москва, 1936. ГОЗТАК

чах, видеть, что ты «сегодня» жива и здорова, потому что есть твоя подпись о получении обратной передачи. Очень хорошие все вещи ты пересылаешь, спасибо. Сдобный хлеб Васса или тетка делала, — поблагодари обеих. Как же ты теперь после отъезда Вассы — совсем одна, как перст, в квартире? Зная твои расходы и доходы (с разными вычетами) я сознаю, что у тебя нет, конечно, денег и ты себя урезываешь во всем. Пожалуйста, не трать так много на передачи. Мне лишь бы чай был, больше ничего не требуется. И прежде всего думаю, что очень скоро уже буду с тобой. Целую тебя, беленькая. Маню и тетку тоже. И Масика тоже. Скоро буду с Вами обоими.

Почему Маня не пишет?

Все абсолютно доходит, и передачи и письма.

Почтовый штемпель 20 22 06 30. Помета О. Г. Тарле Получено 23 июня. Там же. Л. 13 об.

17

22 июня 1930 г.

22

Ляличка, хочу тебе еще несколько слов написать, в надежде, что скоро будем беседовать устно. Почему Васса уехала на 3 месяца? Очевидно, как я и думал, твои материальные дела крайне неважны. . . У меня — волнение и надежды на быстрое возвращение. Мне нужно будет несколько времени отдохнуть, и я немедленно потом примусь за работу. Ты помнишь, лет 8—9 назад (мы еще жили на Садовой) — я читал лекции рабочим Александро-Невского завода? Я с тех пор им не читал. А теперь осенью хочу прочесть, если пригласят опять, маленький курс этой же малочитавшей, но страшно чуткой публике. И когда не спится, — обдумываю эти лекции — и перевожу иностранные термины на русские (на этих терминах всегда все и срывается, так как их не понимают). Твои письма доходят, пиши их. Целую тебя очень, мое маленькое сокровище. Будь тверда.

Евг[ений]

Целую Маню, тетку и Масика.

Почтовый штемпель 24 14 07 30. Помета О. Г. Тарле 14 июля. Там же. Л. 29 об.

23 июня 1930 г.

23/VI

Милая Ляличка,
 продолжаю сильно надеяться увидеть тебя и Масика и всех вас вообще в скором времени. Получил вчера твое письмо от 18-го июня и два от Манички — от 18 и 20 июня, и вижу, что и вы мои получили. Никакого летнего пальто мне не нужно, и никаких вещей вообще (тем более, что, повторяю, у меня много надежд теперь на скорое возвращение). Читаю много (исключительно французское, — и между прочим Жюля Кларси, который более талантлив, чем я думал. Из его героев Пэнсон устарел меньше других. Но в общем темп рассказа — нудный, длинный, — теперь в такой манере не пишу.

Будь тверда и спокойна. Целую тебя очень, маленькая.

Пишу Мане одновременно.

Поцелуй тетку и Масика. Так он узнает по имени? Очень по вас обоим соскучился. Жаль, что Вассы нет.

Целую.

ЕГ

Почтовый штемпель (сетка) без даты. Помета О. Г. Тарле Получено 26 июня. Там же. Л. 10 об.

25 июня 1930 г.

Милая Ляличка,
 как твое здоровье? Пиши об этом всегда. Нужно крепиться и бодриться, я очень надеюсь теперь на скорое уже возвращение. От тебя и Мани получаю письма исправно, лишь бы вы писали.

Целую тебя очень. Почему так мало пишешь иногда? Пол-открытки. Маничкину открытку от 20-го получил уже 22-го. Сегодня четверг, 25. Отправлю тебе завтра утром обратную передачу.

Целую тебя, маленькая. И Масика. Что Маня и тетка? Поцелуй их.

Получил твои письма от 23-го, спасибо, моя золотенькая.

Чаю и сахару присылай, пожалуй побольше, остального довольно.

Надеюсь уже скоро вернуться!

Целую Масика.
Пиши, всё доходит до меня.

Почтовый штемпель 3 7 30 24. Поема О. Г. Тарле Получено 4-го июля. Там же. Л. 26 об.

20

27-29 июня 1930 г.

27-ое июня, утро

Милая Ляличка.

Никакого летнего пальто мне не нужно. Получил сегодня (вернее вчера вечером) твои письма от 22 и 23-го (и от 20-го). Спасибо. Думаю, что скоро буду с тобой и Масиком. По-видимому будем вместе проводить лето в Д[етском] Селе. К счастью, без прежних соседей. Если бы ты знала, как я хочу работать! Я теперь занимаюсь тем, что изучаю читая разных Кларси, Онэ и пр. — их синтаксис, сравниваю с бальзаковским и классиками. Я смогу теперь писать по-франц[узски] легче, чем по-русски, — так отточил стиль. Недаром из современных (тоже середина XIX в.) Григорович так подражал, им рисуя своих Акулин и их негодных отцов. Но у него все это неуклюже.

Целую тебя очень, маленькая. Не унывай. Скоро это окончится. Сегодня еще напишу.

Твой Евг[ений]

P.S. Получил твою передачу. Все очень хорошо, спасибо. Меня трогает твоя внимательность! Целую.

29 Суббота. Целую тебя, маленькая.

Почтовый штемпель 20 22 07 30. Поема О. Г. Тарле Получено 23 июля. Там же. Л. 31 об.

ПОЧТОВАЯ
КАРТОЧКА
CARTE POSTALE

*Аннушка
27.11*

Куда

Кеминград

О.Т. Морзе

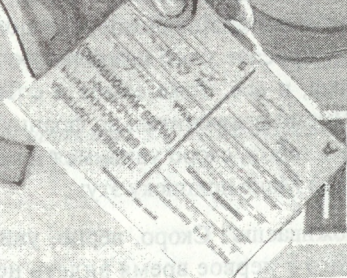
Кому

*Набережная Губаря
8-103-30, К 4*

Издатель: НКД РСФСР, Москва, 1950. ТУШНМ
Тираж 3 000 000 экз.

НЕУЖЕЛИ
ТЫ ЕЩЕ
НЕ ПОЛЬЗУЕШЬСЯ

**БЕСЦЕННЫМИ
РАСКУПАМИ?**
- МНОГО ТЕРЯЕШЬ!

29 июня 1930 г.

29

Милая Ляличка,
твое письмецо от 24-го меня очень порадовало: оно особенно бодрое!

Что Маня? Почему не пишет? Я ей аккуратно отвечаю. Читаю тут Армана Сильвестра. Однообразен! Герои его скучны и устарели. О своем Гуане он все стремится доказать, что был тот не только интеллектуально слаб, но и морально отвратителен. Будто это еще нужно теперь доказывать! (А вот Жюль Кларси гораздо талантливее). — Проведем часть лета в Д[етском] Селе. Хочешь? Что Грановская?

Целую тебя. Кажется — до скорого свидания!

Пиши, все письма доходят. Люди тут благородные.

Целую Маню, тетку, Масика.

Целую тебя, маленькая.

Почтовый штемпель 6 7 30 13. Там же. Л. 35 об.

30 июня 1930 г.

30VI

Милая Ляличка,
спасибо за письма. Думаю, что скоро вернусь. Первые дни ничего не буду делать, потом буду работать. Ты спрашиваешь, перечитываю ли я классиков? Беда, что я наизусть их помню. Не читал, напр[имер], с гимназии Тургенева — начал было «Дв[орянское] гнездо» — и все, все помню, и как Инсаров в воду бросает этого назойливого тевтона, который к сожалению, — выплыл, и все. Тоже самое и с Толстым и т. д. Нет, я их не перечитываю. Читаю исключительно французов. Я не хочу свиданий в этой обстановке с тобой, скоро увидимся дома. Целую тебя очень, моя маленькая. Передай Мане приписку эту:

Милая Маничка, как поживаешь? Скоро, верно, увидимся. Кроме Лели, тебя и Масика я никого в первое время видеть не захочу (еще.

впрочем, обеих Тань и Олю). Такой я стал мизантроп! Целую тебя очень!

Твой Евг[ений]

< . . . >¹ (Я сам зачеркнул начало фразы, не рассчитал, что нет места).

Почтовый штемпель с неразборчивой датой. Там же. Л. 11 об.

23

1 июля 1930 г.

Милая Ляличка, забыл тебе вчера написать (на твой вопрос), — что Пушкина я давно уже получил. Его можно и сто раз подряд читать и всегда — будто впервые. Вспомнил, перечитывая его — историч[ескую] литературу о Мазепе. Байрон его не понял, а Пушкин превосходно понял. — Что ты купила на книжном базаре? Ты писала, что была там. Черкни, не умерла ли Таня от рака? Позвони ей — если она жива — передай привет. Скажи, что я ей для Госиздата приискал тему из старой истории. Когда вернусь, расскажу, писать долго слишком. Наверно, она голодает, если больна и не может работать. Вполне ли здорова ты? Я не очень спокоен: в твоих письмах я вычитываю, как тебе тяжело. . . Скоро этому конец. Что ж, нужно было пережить и это. У меня есть и жажда работы и уверенность, что она будет возможна и плодотворна. Целую тебя, Ляличка. Поцелуй Маню, тетку и Масика. Оле и Таням привет.

Твой Е. Т.

Черкни, было ли письмо от издательства Дидо насчет I тома перевода моего «Рабоч[его] класса во Франц[ии]»? Не отказался ли он, видя, что я не отвечаю?

I/VII вечер.

Почтовый штемпель 3 7 30 24. Помета О. Г. Тарле Получено 4 июля. Там же. Л. 88 об.

¹ Рукой Тарле вымарано два слова.

1 июля 1930 г.

Милая Ляличка,

у меня продолжается надежда скоро тебя увидеть вместе с Масиком и лето еще успеем провести вместе. Можно в Д[етском] Селе, можно в городе, как ты захочешь, мне все равно. Лишь бы на порог никого не пускать, кроме Мани, Оли, Тани, если она не умерла от рака за это время. У меня ненормально-большая жажда работы и много планов.

Целую тебя очень, маленькая.
Поцелуй Маню, тетку, Масика.

Твой Евг[ений]

P. S. Ты спрашиваешь, что прислать? Леденцы, жареный лук, колбасы — если не трудно достать, — и гигиенич[еский] зубной порошок Гортензио. Это всегда нужно. Целую.

Евг[ений]

Пиши постоянно, все письма приходят аккуратно.
Все поправимо! Будь только здорова и крепись: уже недолго!

1/VI

Перечитал Бальзака. Очень устарел!
Маня пусть напишет.

На обороте почерком Е. В. Тарле От Е. В. Тарле к[амера]153 II корпус[ус]. Почтовый штемпель 19 7 30 20. Памета О. Г. Тарле Получено 20-го июля. Там же. Л. 24 об.

4 июля 1930 г.

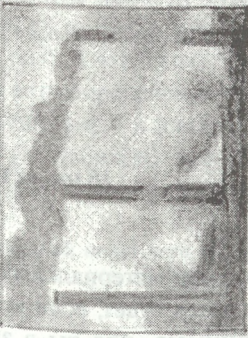
4/VI

Милая Ляличка,

сегодня пятница, пишу утром, еще передачи твоей не было поэтому. Я так жду твоей подписи на сопровождающей ее бумажке, — признак, что ты жива и здорова именно сегодня, сейчас!

Мое пребывание идет к концу и я надеюсь скоро увидеть тебя и Масика и всех прочих. Сегодня получу от тебя письма, мне уж сказали,

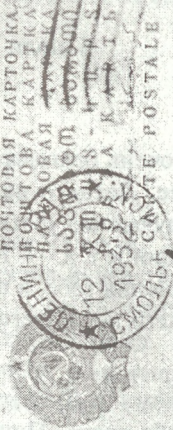
624-4-154

**СБОРОМ УТИЛЯ
МЫ ДАДИМ
ДОБАВОЧНЫЕ
МИЛЛИОНЫ РУБЛЕЙ
ДЛЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ
НАШЕЙ СТРАНЫ!**

Изд. АРТИИ. Ул. Рамес, 20/1. 1932.
№ 116. Тираж 1000 экз.
Москва, 1932. ГОЗНАК

*Александр
Наверенная 9
дом 30 1кв. 4
Вилле Зингерсберне
Пароль*

Kuoni
Kunni
Kunni
Kunni
Kunni
Kunni
Ohi

Koivu
Kouvi
Kouvi
Kouvi
Kouvi
Kouvi
A qui

*Наверенная 9
января 30 1кв 4*

что есть. Пока целую тебя, Маню, тетку, Масика. Еще припишу на этой же открытке.

Твой Евг[ений]

P.S. Получил твои письма от 26 и 19. Целую.

Почтовый штемпель 6 7 30 18. Там же. Л. 70 об.

26

5 июля 1930 г.

S/VII

Милая Ляличка, я получил передачу от тебя, очень благодарю, все очень хорошо. Синюю куртку получил, ношу ее. Летнего пальто и ничего вообще больше — не нужно. Деньги я получаю аккуратно, мне приносят и почтовый бланк, и потом еще квитанции и т. д. — Когда я пишу тебе о своих надеждах, то вовсе не для утешения тебе, а потому, что в самом деле они у меня сейчас имеются. Отчего нет ничего о Мане? Что с ней?

Я очень жду свидания с тобой и Масиком. Будем и в Д[етском] Селе, и дома. Почему ты туда не едешь? Целую тебя очень. Пиши, все письма твои доходят, иногда даже очень быстро (сравнительно). О Мане не забудь написать. Целую, маленькая.

*Почтовый штемпель и помета О. Г. Тарле идентичны письму 24.
Там же. Л. 73 об.*

27

[6 июля 1930 г.]

Милая Ляличка,
как только выйду, я примусь за упорядочение материальных своих дел, и все поправлю. Вот почему мне очень жаль будет, если квартира будет испорчена. Но, вместе с тем, я понимаю, что ты в затруднит[ельном] положении. Делай конечно, как найдешь более удобным и нужным для себя сейчас. Что же делать! Гребенку, монпансье, сахар — все получил и всегда все получаю утром, в пятницу, а, глав-

ное, твою подпись, знаю, что ты жива! — Кстати, спроси у казначея в Академии, нельзя ли заложить облигацию (я там подписался и давно выплатил). Все равно у тебя будут деньги на руках, хоть немного.

Целую тебя, маленькая моя.

Пиши.

Воскресенье. Что с Маней?

Ты вспомнила < . . >¹ Котел? Скверный был!

Почтовый штемпель и помета О. Г. Тарле идентичны письмам 24, 26. Там же. Л. 34 об.

28

7 июля 1930 г.

7/VII

Милая Ляличка,

получил вчера твои два письмеца, от 25 июня и 3 июля (а раньше уже — от 26 июня). Привет Масику — отсюда вижу, как он смотрит на купающихся. Ты спрашиваешь насчет синей куртки, — очень все хорошо, я ее ношу. И парусиновый костюм еще чист, незачем его возвращать тебе. Вообще — белья у меня масса, не посылай больше. Компот, который ты посылаешь, оч[ень] хороший, — ем. Вообще я ни в чем не нуждаюсь из материальной области. Обед лазаретный кот[орый] мне дают, не хуже, чем у Жени Тото, во всяком случае. Отчего ты не пишешь ничего о Мане? Меня это серьезно беспокоит. Больна она? А что Таня? Что рак ее, не прогрессирует ли? Позвони ей. У меня есть определенные надежды, и пишу я тебе об этом вовсе не в виде утешения, а в виде факта. Почему ты не в Д[етском] Селе? Мы втроем (с Масиком) туда съездим на 3–4 дня, как только я вернусь. Целую тебя, моя маленькая. Пиши, все доходит. Напиши о Мане!

Почтовый штемпель и помета О. Г. Тарле идентичны письмам 24, 26, 27. Там же. Л. 71 об.

¹ Рукой Тарле вымарано одно слово.

[8–9 июля 1930 г.]

Милая Ляличка, я очень занят эти дни и в <больших> надеждах.

Читал эти дни Клода Фаррера «La Bataille»*. Очень интересно и талантливо.

Только что подписал тебе доверенность в Академию. Что ты сегодня делаешь? Сегодня серая погода, но я такую люблю. Напиши о Мане. Целую тебя и ее. И тетку и Масика.

У меня белья оч[ень] много, не присылай уже. Синяя куртка хороша, ношу ее. Целую тебя очень, моя маленькая.

Вторник.

Среда. Целую тебя еще раз.

Почтовый штемпель и помета О. Г. Тарле идентичны письмам 24, 26–28. Там же. Л. 72 об.

[11 июля 1930 г.]

Пятница

Милая Ляличка, получил только что твою передачу, все очень хорошо, показывает твою милую догадливость. Благодарю очень. Жара не ощущается, к счастью мое обиталище на север и к еще большему удовольствию моему, я один. Это оч[ень] хорошо. Все что ты посылаешь, получаю исправно.

Неужели ты не в Д[етском] Селе? Как жаль! Бери Масика и поезжайте вдвоем.

Целую тебя.

Твой Евг[ений]

Почтовый штемпель и помета О. Г. Тарле идентичны письмам 24, 26–29. Там же. Л. 75 об.

* Битва. (фр.).

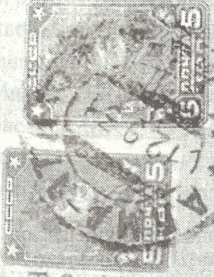
РОКК-
опора
санитарной
оборонь
СССР,

**ЛУЧШИЙ
ПОМОШНИК
КРАСНОЙ
АРМИИ!
ВСЕТРУДУЩИЕСЯ -
В РОНК!**

Издание НКП в Т. Москва, 8 — 1931.
Тираж 1.000.000 экз. ГОЗНАК изд.

ПОЧ
КАР
САПТ

Куда *Амниград*
Новоаремская, д. 30, кв. 4.
Кому *Сыне Григорьевне*
Марше

58X31 2

12 июля 1930 г.

Милая моя Ляличка, получил ряд твоих писем, в том числе от 9-го июля. Сегодня 12-ое. Вчера получил передачу. Merci. Не дели квартиру, если можно. У нас будет возможность, ведь Госиздат мне очень много должен, и я все получу, когда вернусь домой, они аккуратно платят. А квартиру жаль портить. Очень жаль!

Рад, что Таня здорова. Привет ей! Целую тебя очень, Кузине и Масику привет, и тетке. И Мане.

Твой ЕТ

Почтовый штемпель 8 ч[асов] 6 VIII 1930. Сокращая время пересылки, посылайте корреспонденцию воздушной почтой — воздушной почтой пересылаются все виды почтовых отправлений. Поема О. Г. Тарле Получ[ено] 6 ав[густа]. Там же. Л. 83 об.

13 июля 1930 г.

Милая Ляличка, зачем ты так возишься с доставаньем чернослива и т. д.? Я все получил, и «Южное солнце», и изюм, и все. Все это очень хорошо, и я очень благодарен. Папиросы пойдут рабочему, который у меня убирает. Молоко я не пью, сырой воды не пью. Читаю *Revue Critique* за старые годы (тут библиотека франц[узских] книг недурная), читаю о географии истории Коломейки при Пшемысле, — помнишь ты давно спрашивала насчет вод каких-то? Оказывается, что городишко — ничтожный, но уютный и был таким еще чуть не с XVI века. Масика поцелуй. Часто ли Вы гуляете с ним? Мне не жарко. Вообще я «физики» не чувствую теперь никакой, живу надеждами. Целую тебя очень. Костюм полотняный еще чист. Куртка синяя хороша. Целую.

13/VII. Воскресенье.

А что Маня? В чем дело? Как здоровье ее?

Почтовый штемпель и поема О. Г. Тарле идентичны письмам 24, 26–30. Там же. Л. 74 об.

14 июля 1930 г.

14/VII

Милая Ляличка,

ты спрашиваешь, страдаю ли я от жары, нет, нисколько. Почему Маня мне не ответила и не пишет вообще? Где она и как ее здоровье? У меня надежды определенные. Читал сегодня ночью Б. Иллеша «Тисса горит». Очень правдивая и тонкая вещица мемуарно-беллетристич[еского] содержания, о венгерской революции. Купи и прочти. Ты спрашиваешь, что посылать. Что хочешь, — лишь бы тебе не стоило возни и много денег. Колбасу напр[имер]; все равно. Целую тебя. Поцелуй Масика. Привет всем.

О Манином здоровье напиши.

Хорошо бы если возможно не делить квартиру.

Тут на франц[узском] языке — я читаю исключительно по-французски!

Тане скажи, что я ей принесу материалы для Госиздата, когда вернусь.

Если не дорого, купи Г р е ч а «Воспоминания» (Издат[ельство] «Academia». 1930).

Получил от Мани! от 8-го и от тебя от 8 и 9. Мерсі.

Маню целую.

*Почтовый штемпель и помета О. Г. Тарле идентичны письму 31.
Там же. Л. 61 об.*

16 июля 1930 г.

Среда 16/VII

Милая Ляличка,

что ты подделываешь? Пиши почаще, я о твоём здоровье оч[ень] беспокоюсь. Сам я здоров, — и эти все дни (и ближайшие) проходят незаметно, в интенсивной ежедневной работе. Настроение у меня —

надежды. Читаю «Revue Critique» за старые годы, есть статья о И. В. Лучицком. Целую тебя и Масика очень. Поцелуй Маню и тетку.

Твой Евг[ений]

Почтовый штемпель и помета О. Г. Тарле идентичны письмам 31, 33. Там же. Л. 38 об.

35

17–18 июля 1930 г.

Милая Ляличка, пишу тебе только чтобы сказать, что я здоров, и у меня надежды скоро тебя и Масика увидеть. Сегодня четверг. Завтра увижу твою подпись на передаче. Что-то от тебя несколько дней нет писем? Я тебе и Мане писал два дня тому назад (или три). Читаю «Strand Magazine», англ[ийский] журнал, довольно разнообразный. Передай привет всем, кто меня еще не успел забыть. Целую тебя очень (и Масика). Пусть и Маня пишет.

Твой Е[вгений]

Читал на днях *Les rois en exil* (Daudet)* старая манера. И все-таки талантливее Анатоля Франса во сто раз.

18/VII

P.S. Получил передачу. Merci. Все очень хорошо и вкусно. Меня трогает внимание. Не трать слишком много на это. Целую.

Маслины, сдобн[ый] хлеб, чернослив — все получил.

Почтовый штемпель и помета О. Г. Тарле идентичны письмам 31, 33, 34. Там же. Ед. хр. 153. Л. 3 об.

36

[6 июля 1930 г.]

Милая Ляличка,
зачем ты сидишь в городе на жаре? Отправляйтесь обе с Масиком в Д[етское] Село; если это возможно. Мне — не жарко, номера на се-вер. Сегодня не спалось, я стал читать критику Габриэля Моно на

* А. Доде. Короли в изгнании (фр.).

ВАЧЕМ
СТОЯТЬ В ОЧЕРЕДИ

СМА АОМА
ТЫ МОЖЕШЬ РАСПЛАТЯТЬСЯ
ЗА КОММУНАЛЬНЫЕ УСЛУГИ
ПУТЕМ
БЕЗНАЛИЧНЫХ РАСЧЕТОВ
ЧЕРЕЗ СБЕРКАССУ!

ПОЧТОВАЯ
ОТДЕЛЕНИЕ

UNITE POSTALE

24/12 313

Кыда

Клемензон
Виле Зуричеве
Маме

Косту

Набережная
9 августа 130
К 4

Казань, КРР № 1
Тел. 2-60-00-00
Тел. 2-60-00-00

Watterbach'a (Deutsche Geschichtsquellen im Mittelalter)*. Вспомнились лекции Фортинского. Ваттербах эрудит, но в теоретич[еском] смысле у него в голове каша изрядная. И хоть его переиздают до сих пор и он очень полезен для справок, но кажется теперь допотопным. И Габриэль Моно — тоже, и Фортинский тоже. Все они в экономической истории смыслили столько же, сколько Васса или Масик. Кстати, поцелуй обоих. Уже приехала она? Я за тебя спокойнее, когда она с тобой. Целую вас всех. Мане я ответил отдельно.

Четверг.

Почтовый штемпель и помета О. Г. Тарле идентичны письмам 24, 26–30, 32. Там же. Ед. хр. 152. Л. 66 об.

37

[18 или 25 июля 1930 г.]

Милая Ляличка,

получил передачу твою с твоим автографом, мерси! Сижу и обедаю — ем присланные тобою котлеты с огурцами, пью чай с изюмом etc. Все очень хорошо, оч[ень] вкусно. А еще бы лучше, если б все это ты съедала сама. Табак отдал рабочему, который у меня убирает камеру ежедневно (к счастью и уже давно, по моей просьбе я — один. Хотя сожители были один и другой хорошие, но я люблю быть один). Продолжаю читать Sainte-Beuve'a. Он — выше Лессинга по размаху. Целую тебя, моя крошечка и Масика тоже.

Пятница вечер.

Почтовый штемпель и помета О. Г. Тарле идентичны письмам 31–33, 35. Там же. Л. 56 об.

38

[19 или 26 июля 1930 г.]

Суббота

Милая Ляличка,

получил вчера передачу, и в ней фуражку летнюю, мерси. Все очень хорошо, вкусно, но ты не траться на это, теперь ведь трудно добывать

* Ваттербах. Немецкая историография в Средние века (нем.).

продукты, думай о себе, о не о мне. Твои письма и манины очень меня породовали. Поцелуй ее (и Масика). Какие такие прянички не приня- ли? Я видел твою карандашную строчку и порадовался, что ты их съешь, по крайней мере. Целую тебя очень.

Твой Евг[ений]

Много думаю о своей деятельности по выходе, у меня много планов.

Очень хороши конфекты к чаю, оч[ень] кстати.

Почтовый штемпель и помета О. Г. Тарле идентичны письмам 31, 33–35, 37. Там же. Л. 84 об.

39

20 июля 1930 г.

20/VII

Милая Ляличка,

что-то нет от тебя писем уж несколько дней. У меня нового ничего, много работаю, кажется идет к концу, жду свидания с вами всеми на нашей набережной. Как с квартирой? У меня белья довольно, не присылай очень много. Целую тебя маленькая. Целую тетку, Маню, Масика.

Твой Евг[ений]

P.S. Уже есть! И много!¹

P.S. Получил сразу много писем, отвечу завтра. Целую тебя маленькая. Вспоминаю как мы в Павловске пили чай год назад. Еще по- пьем его там! Не помню, был ли Масик с нами?

Читаю все «Strand Magazine». Английская литература.

Почтовый штемпель и помета О. Г. Тарле идентичны письмам 31, 33–35, 37, 38. Там же. Л. 2 об.

¹ Вписано под строкой: Что-то нет от тебя писем.

22 июля 1930 г.

22

Милая Ляличка,

сегодня получил разом много писем от тебя и от Мани (из Д[етского] Села, с припиской Оли и Тани). Я здоров, надеюсь скоро вернуться, в еде не нуждаюсь, на передачи не разоряйся. Костюм еще чист. Будь бодра и здорова. Очень вас с Масиком хочу увидеть поскорее, — но не тут, а у нас дома. Читаю «Strand Magazine». Журнал интересный и разнообразный и Revue Critique с интересными полемиками Гастона и Париса. Ты пишешь о кобылке, я вспомнил как объезжали ее. Теперь, в век автомобилей, это уже устарело. Побольше бывай в Д[етском] Селе, зачем тебе жариться в городе. Гортензия недавно даже приснилась, что-то тихо мяукала, я не разобрал. Целую вас с Масиком, а тетке, Мане пишу. Пиши каждый день. Все доходит.

Квартиру не дели, пока можешь.

Почтовый штемпель и помета О. Г. Тарле идентичны письмам 31, 33–35, 37–39. Там же. Л. 63 об.

23 июля 1930 г.

23

Милая Ляличка,

ты пишешь не только о Масике, но и о котенке, о котором? Я знаю одного — беленького, но тому он горла рвать не собирался, напротив. Я тоже думаю, что скоро увидимся. Я насчет будущего — по выходе — вполне спокоен; у меня есть определенные цели, вполне осуществимые и жажда работы. Между прочим, — я тут по ночам вырабатываю уже план маленького курса по новейшей истории для давно мною оставленной аудитории: Александро-Невского завода. Помнишь, меня на грузовике туда возил рабочий, приезжая за мною еженедельно на Садовую. Целую очень.

Евг[ений]

Пришли чаю (получаю все)

Вполне ли ты сыта?

Почтовый штемпель и помета О. Г. Тарле идентичны письмам 31, 33–35, 37–40. Там же. Л. 62 об.

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СТРАХОВАНИЕ
РСФСР**

**СТРАХОВАНИЕ ДАЕТ
ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ
ДОБАВОЧНОЕ
ОБЕСПЕЧЕНИЕ
К СОЦИАЛЬНОМУ
СТРАХОВАНИЮ**

ПЛАЧУ
РАБОЧИМ И СЛУЖАЩИМ
ЗА ДВА МЕСЯЦА
ПРЕЖДЕ ЧЕМ ПОЛУЧИТЬ
ПЕНСИЮ ПО СТАЖУ
ИЛИ ПО ВЕКАМ РАБОТЫ
В УДАЛЕННЫХ РАЙОНАХ

**РАЗВЕРНЕМ КОЛЛЕКТИВНОЕ СТРАХОВАНИЕ
ЖИЗНИ ЧЛЕНОВ ПРОФСОЮЗОВ**

**ДАВНО ДОБАВЛЕННЫЕ УСТАВОВА
НА ЕСЛИ ДЕНЕЖЕ ТЕМПОВ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ**

ПОЧТОВАЯ
КАРТОЧКА
САНКТ-ПОСТАЖ

Адрес
г. Ленинград
ул. Давидовая Зингеревна
Маркс

Кому:

Каверина Яковлева
г. 30 кв 4

Платить НКД и Т. Москва № 408
ФАН 1 180 000 087. Москва, 1959. 10591 АБ

23–24 июля 1930 г.

Среда 23. 12½ ночи

Милая моя Ляличка,
только что получил два твоих письмеца от 18 и 19 июля. Спасибо за них.

24/VII Четверг, утро

Ты спрашиваешь, что читаю. Исключительно англ[ийские] и франц[узские] книги. Если бы не твой Пушкин, отвык бы от русской грамоты. Его тянет перечитывать, — как магнит. Чехова не перечитываю, — слишком помню наизусть, и его «Девочку» прямо будто бы видел на днях наяву, припомнив ни с того, ни с сего. Но это — не Пушкин, которого 100 раз прочту и захочется сейчас же 101-ый раз. Оч[ень] интересны газеты с отчетом о XVI съезде. Но, конечно, нужно, чтобы Госиздат догадался книгу отдельно о нем издать: не сохранять же номера «Известий». Целую тебя, моя маленькая, скоро м[ожет] б[ыть] увидимся.

Целую Маню, тетку и Масика.

Что Масик?

Почтовый штемпель и помета О. Г. Тарле идентичны письмам 31, 33–35, 37–41. Там же. Л. 82 об.

[27 июля 1930 г.]

Милая Ляличка,

я тоже мечтаю о скором свидании с вами всеми. Пиши мне, бываешь ли ты в Д[етском] Селе хоть изредка? Конечно и Госиздат, и Firmin Didot приостановили печатанье обеих моих книг, т[а]к к[а]к без моей корректуры это совершенно невозможно. Но — все это восполнится и нагонится как только я вернусь. — Целую тебя, маленькая (и Масика тоже). Госиздат по договору много мне должен, но, конечно, пока не начнутся корректуры, едва ли что-нибудь сможет тебе дать авансом. Целую тебя очень. Целую Маню и тетку. Спроси Таню, пишет ли она еще «Прошлое Мальцевского завода»?

Скажи Тане, чтоб не бросала этой темы.
Воскресенье.

*Почтовый штемпель и помета О. Г. Тарле идентичны письмам 31,
33–35, 37–42. Там же. Л. 67 об.*

44

28 июля 1930 г.

Милая Ляличка,
как поживаешь? У меня большая радость: получил только что твои письма, в том числе за 24 июля (сегодня 28-ое)! У меня все надежды скоро с тобой и Масиком повидаться. Как ты кстати вспомнила Фон-тенбло: я о нем как раз читаю франц[узскую] книгу. Но память тебе изменяет: любитель кошек был кажется все-таки гнусный. А вот котенок там был у меня хороший, что правда то правда, это помню. Будь только здорова, больше от тебя ничего не требуется. Я буду очень много писать, как только выйду отсюда. Есть тема для Госиздата, и другая — для Рязанова. Целую Маню, тетку и Масика!

Отчего от него нет ничего?

Твой Евг[ений]

Целую тебя и Масика. 28-ое, суббота, вечер.
Что старая Акулина? Муж у нее пакостный, но она была хорошая, и колбаса хороша, и все, что ты присылаешь.

*Почтовый штемпель и помета О. Г. Тарле идентичны письмам 31,
33–35, 37–43. Там же. Л. 36 об.*

45

29 июля 1930 г.

29, Вторник, утро

Милая Ляличка,
получил вчера твое письмо от 27-го. Рыженькая девочка не должна стонать Масика с дивана, ей там не место, как и ее присным, а Масик — прелесть, я о нем часто думаю. А если эту курьезную старушку увидишь, кланяйся, я ее очень люблю, как и младшую ее дочь

(но только по-иному). У меня — дни поглощающие теперь всё мое внимание и у меня надежды вас всех скоро увидеть. Читал Georges Ohnet «Les batailles de la vie»* , прочти при случае, хоть он и устарел и кажется теперь допотопным. Целую вас с Масиком, Маней. Пиши, твои письма доходят все. Позвони Танюше, узнай насчет рецидива рака, очень боюсь за нее все-таки. Целую тебя очень, крошечка.

Говорила ли Тане о теме «Мальцев[евских] заводов»? Это для ее книжечки в Госиздате.

А что котятка поделывают?

Почтовый штемпель и помета О. Г. Тарле идентичны письмам 31, 33–35, 37–44. Там же. Л. 39 об.

46

31 июля 1930 г.

31

Милая Ляличка,

посылаю тебе обратную передачу. Как увидишь из записки при ней я прошу прислать только чаю побольше. Если уж очень хочешь еще что-нибудь послать, пошли масла или «охотничьих» колбасок. Но это неважно. Я думаю, что уже очень немного передач придется тебе делать, и что наша разлука идет к концу. Читаю Сэнт-Бёва (I том Portraits contemporains**), замечательная характеристика Шатобриана, прочти при случае). Читал вчера в газете, что прибыли новые рукописи в Музей Плеханова. Как неумоима Розалия Марковна! Какое прекрасное дело этот музей! Вот два учреждения, которые я люблю больше всех: 1) Централархив, — и 2) Плехановский Дом. Целую тебя, маленькая. Поцелуй Маню, тетку, Масика. Пиши о себе, заботься о себе побольше.

Помнишь Д[етское] Село, после операции? Опять будем там.

Почтовый штемпель и помета О. Г. Тарле идентичны письмам 31, 33–35, 37–45. Там же. Л. 68 об.

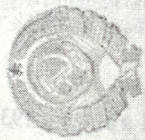
* Ж. Онэ. «Житейские битвы» (фр.).

** Портреты современников (фр.).

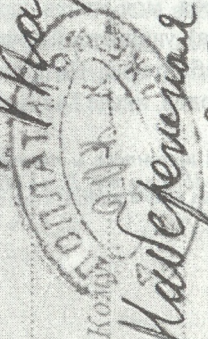
5 Лотерея Освабвяхимиа -
дасть 25.000.000 р.
на укрепление
обороны СССР!

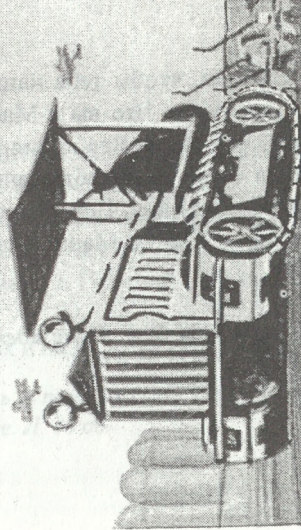
ПОЧТОВАЯ
КАРТОНКА
САНТИМЕТР

Куда Ленинград
Море Зинграбне

Набережная 9
г. 30 кв 4

КОЛКОЗНИКИ И КОЛКОЗНИЦЫ!
КРЕПИТЕ ОБОРОНУ СССР,
ПОКУПАЙТЕ БИЛЕТЫ
5-й ВСЕСОЮЗНОЙ ЛОТЕРЕИ
ОСВАБВЯХИМИА!

Издатель ВКЛ и Т. Москва 21/ХІ-1930
№ 15. Тир. 2 000 000 экз. ГОСНАК. 1931.

1 августа 1930 г.

I/VIII

Милая Ляличка,

как поживаешь? Я теперь занят каждый день, — и надеюсь что уже недолго буду в разлуке с Вами. Что Маня, тетка, Масик, Васса? Приехали ли уже? Пиши мне о себе, о близких. Много думаю о будущем, но мне все представляется в хорошем свете, по выходе отсюда.

Целую тебя, моя маленькая. Сейчас утро, еще передачи твоей не было (пятница), увижу твой почерк.

Целую тебя очень. Позвони Тане, пусть пишет о прошлом Мальцевск[их] заводов, иначе Госиздат даст тему другому.

Почтовый штампель и помета О. Г. Тарле идентичны письмам 31, 33–35, 37–46. Там же. Л. 41 об.

1 августа 1930 г.

Пятница 1 августа

Милая Ляличка,

пользуюсь всяким случаем, чтобы тебе написать. Сегодня еще от тебя передачи не было, еще утро. Что вы с Масиком делаете. Погода пасмурная, но это лучше, чем жара. Все время думаю о том, что буду делать по выходе. У меня есть вполне обдуманые планы вообще работы и отдельных работ. Считаю дни. Целую тебя очень. Как с квартирой? Удастся ли сохранить ее? Целую Маню и тетку — Масику привет, пожми ручку и поцелуй.

Почтовый штампель и помета О. Г. Тарле идентичны письмам 31, 33–35, 37–47. Там же. Ед. хр. 153. Л. 5 об.

2 августа 1930 г.

2/VIII

Милая Ляличка,
 раз ты хочешь видеться, я сказал, что и я хочу, и это устроится (хотя как раз заболел парикмахер и я неделю не брит, не пугайся моей щетины). Вообще же будем скоро уже видеться ежесекундно и не тут, а на набережной (тут я не очень хотел). Целую тебя очень. У меня масса планов работы на предстоящие месяцы; как только вернусь начну их осуществлять. Будь бодра, маленькая. Бери пример с Масика и Васки. Что Маня не пишет? Читал вчера в «Изв[естиях]» статью К. Радека. Талантлив до блеска, но путает фактич[еские] детали.

Целую тебя.

Почтовый штемпель и помета О. Г. Тарле идентичны письмам 31, 33–35, 37–48. Там же. Ед. хр. 152. Л. 57 об.

3 августа 1930 г.

3/VIII

Милая Ляличка,
 с каждым днем мне теперь легче ждать. Что ты подделываешь? Читаю Felicién de la Soacssée. Не так плох, как о нем пишут обыкновенно. Хочу писать Шарлю Шмидту как только выйду, чтобы скопировал для меня 4 рукописи о всех прериаляцах 1795 года, так как, раз уж задержалось печатание в Госиздате, можно было бы сильно дополнить книгу.

Поцелуй всех наших и пиши.

Почтовый штемпель и помета О. Г. Тарле идентичны письмам 31, 33–35, 37–49. Там же. Л. 40 об.

[не позднее 3 августа 1930 г.]

Милая Ляличка,

получил письмо от тебя и Мани, merci. Теперь оч[ень] надеюсь уже недолго до возвращения. У меня много проектов работы на осень и зиму. Даже хорошо, если Госиздат еще не начал печатать мой «Жерминаль и прериаль». Я его расширю целой главой. Очень хочу опять работать в одной комиссии в Публ[ичной] Библиотеке (которую так долго и усердно саботировали разные маститые и немаститые лентяи и саботеры). Вообще много думаю о будущем. Из-за того, что я тут столько читаю, я намерен по выходе, работать по 22 часа в сутки и мечтаю о работе, как о ни о чем другом. Книги пропускают наверно; заверни в бумагу и надпиши: «Следователю, кот[орый] ведет дело Е. В. Тарле». Я убежден, что дойдет. Целую очень. Читаю «Malkotik».

Масику и Котенку привет.

Мане пишу. Привет тетке.

Как с квартирой ты решила? . . . Если б не делить.

На обороте почерком Е. В. Тарле От Е. В. Тарле (к[амера] 153). Почтовый штемпель и помета О. Г. Тарле идентичны письмам 31, 33-35, 37-50. Там же. Л. 65 об.

4 августа 1930 г.

Милая Ляличка,

<что-то писем от тебя нет, я беспокоюсь>. Пиши по открытке ежедневно. У меня все эти дни — чувство приближения выхода отсюда. Много читаю. Хочется скорее приняться за работу. Когда я думаю о работе, мне иногда¹ начинает казаться что еще есть силы² от роду, так хочется побольше успеть³ сделать. Но первые дни — буду лежать на

¹ Слово иногда вписано над словами мне начинает.

² Слова еще есть силы вписаны вместо зачеркнутого мне (два слова неразборчиво).

³ Слово успеть вписано над словом побольше сделать

диване, — а допускать к себе буду только тебя, Масика и Маню. Целую тебя, очень, маленькая. Пиши.

PS. Получил разом много писем. От тебя, от Маниной Тани, от Мани и Лизис. . . Всех целую — отвечу всем. Спасибо!

4/VIII

Деньги получаю аккуратно и часто.

Никакого пальто мне не нужно!

Уже есть!!¹ Очень хорошая булка!

Почтовый штемпель (сетка) без даты. Пометка О. Г. Тарле Получено 13 ав[густа]. Там же. Л. 17 об.

53

4 августа 1930 г.

4/VIII

Получил, моя родненькая, сразу много писем от тебя. Крепись и будь бодра, у меня большая надежда скоро вас всех увидеть. Я здоров, не болей и ты, встречу меня здоровой. Целую тебя очень (и Масика). Получил и от Мани, и от Тани, буду им отвечать завтра. Пиши о себе.

Почтовый штемпель 12 8 30 24. Пометка О. Г. Тарле Получено 13 ав[густа]. Там же. Л. 96 об.

54

5 августа 1930 г.

5/VIII

Милая Ляличка,

в одном из твоих писем есть (прорвалось!) слова, показывающие, как тяжело тебе сейчас. Будь бодрее, уже скоро конец, и мы увидимся. < . . . >² (зачеркнуто мною, т[а]к к[а]к неуклюже начал фразу). Ты зна-

¹ Слова Уже есть!! вписаны вместо зачеркнутого что-то писем от тебя нет.

² Ручкой Тарле вымарано шесть слов.

ешь, я тут остановился на одной теме для Госиздата, о кот[орой] они давно просили меня, но я отказывался («Колониальная политика в эпоху империализма»). И уже составил план. Они хотят, чтобы было вроде учебника, а я хочу, — чтобы было более детально. Но они на это пойдут, конечно. Целую тебя очень. Таня Т. мне писала, и Манина Таня. Первой из них (помидор) телефонируй, следующее: «Спасибо, Таничка, за Вашу приписку и за память. Авось скоро увидимся».

ЕГ

Целую тебя и Масика, моя Ляличка.
Спасибо тетке за булку замечательную.
Зубного порошку у меня масса.

Почтовый штемпель отсутствует. Помета О. Г. Тарле Получено
13 ав[густа]. Там же. Л. 95 об.

55

6–7 августа 1930 г.

<6> 7/VIII

Милая Ляличка,
получил только что опять от тебя 5 р[ублей]. Почему так часто? М[ожет] б[ыть] сегодня услышу во сне твой голосок. Будь бодра, я уверен что мы скоро будем вместе. Как я завидую тебе, что Масик с тобою (т. е. и ему, и тебе). Завтра еще напишу. Сегодня вечером еще буду думать о тебе. — Я чувствую себя помолодевшим, так как переносусь в 1918 год, — передумываю очень многое. Целую тебя очень, — маленькая. Сегодня на воздухе пробыл около 2 часов, сидел и читал de la Saussure, перед вечером, когда уже не жарко. — Благодарю тетку за булку и труды. И тебя тоже. Но не очень работайте над этими передачами.

Почтовый штемпель отсутствует. Помета О. Г. Тарле Получено
13 августа. Там же. Л. 7 об.

10-11 августа 1930 г.

<10> 11/VIII

Милая Ляличка.

Получил позавчера передачу, очень благодарю за заботы и вкусные вещи (чернослив и т. д.), хлеб прекрасный, чай и т. д. Золотенькая моя, что ты подделываешь? Сегодня пасмурно, но это лучше чем жара, раз ты не в Детском, а в городе. Я по-прежнему в ожидании и надежде. Много читаю (André Gide «Les faux-monnayeurs»*, Merrick «P. Harper's ront»**) — как видишь, тут есть и англ[ийские] книги). Целую, моя крошечка. Пиши¹. Получил только что кучу писем от тебя и Мани. Спасибо, целую обеих. Есть письма от 9 августа . . .² осуждаю любя, не обижайся за нее. За Греча бесконечно благодарен. Целую Маничку (за Греча и без Греча).

Целую сестер, тетку и Масика.

Тебя — тысячу раз.

Почтовый штемпель 12 8 30 24. Помета О. Г. Тарле Получено 13 августа. Там же. Л. 6 об.

12 августа 1930 г.

12

Милая Ляличка, есть ли у тебя телефон? Почему Маня тебя «выписала», а не вызвала? Напиши непременно. Что за налог в 41 р[убль] и что за штраф в 30 р[ублей]!!! Я уплатил в прошлом году все, что полагалось! Как только выйду, обследую это дело, и подам заявление куда следует. Я теперь по ночам обдумываю лекции и выступления свои в будущем, книги которые еще напишу. Работать я буду пока не

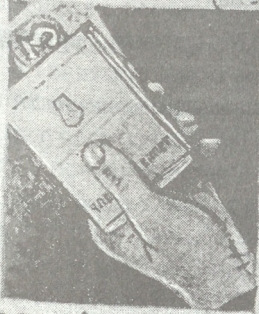
* А. Жид. Фальшивомонетки (фр.).

** Меррик. Мост Харпера (англ.).

¹ Текст от 10 августа (до слова Пиши включительно) написан фиолетовыми чернилами; следующая за ним приписка от 11 августа — синими.

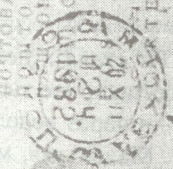
² Одно слово неразборчиво.

УКРЕПЛЯЙ КООПЕРАЦИЮ!
УПЛАТИ СВОИ ПАИ

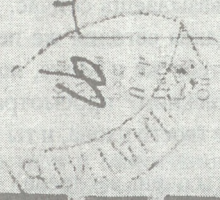

Бюл. НКВД, № 1, Г. Москва, 31.1.1932
№ 128. Тираж 1.000.000 экз.
Москва 1932. ГОЗНАК

ПОШТОВАЯ КАРТОЧКА
И ЦИТОВАЯ КАРТКА
500 РУБЛЕВЫХ
С - И К КАР К М И Р О В О
А К А Р К К М И Р О В О
КАРТЕ ПОСОЛ

*Александр
Горького Инженер № 44
№ 41
До Восточной
Маши
Литейного*

Копия
16075
16076
16077
16078
16079

околою, без этого я жить не могу. Тебя, Маню и Масика целую много раз. Что тетка? Поцелуй ее. Передай Оле, что она умница и что я за это ее люблю. Книги всякие приносите и чем чаще, тем лучше. Целую.

Евг[ений]

О телефоне ответь. Целую моя маленькая и драгоценная!

Почтовый штемпель 19 8 30 24. Помета О. Г. Тарле Получено 20 августа. Там же. Л. 97 об.

58

13 августа 1931 г.

13/АП

Милая Ляличка,

пишу под впечатлением свидания с тобой. Ты стала худенькая, и видно как тебе жилось! . . Я страшно рад был все-таки, что ты не пала духом. В субботу надеюсь снова тебя увидеть, — а через неделю, приблизительно, м[ожет] б[ыть] увижу и Масика. . . Маленькая, меня мучает, что ты себе во всем отказываешь сейчас. Не делай этого, это для меня хуже всего. Я не догадался сегодня же передать кому следовало¹ (при тебе) три открытки — тебе же и Мане, которые ты тут же конечно, через несколько минут должного² просмотра, верно, и получила бы. Все равно, я их передал после твоего ухода, и ты их получишь скоро.

Целую тебя, маленькая. Ты очень загорела!

Твой Евг[ений]

Почтовый штемпель и помета О. Г. Тарле идентичны письму 57. Там же. Л. 16 об.

¹ Слова кому следовало вписаны над словами (при тебе).

² Слово должного вписано над словом просмотра.

14 августа 1930 г.

14

С нетерпением жду субботы, моя родненькая, когда опять тебя увижу. Я думаю, что не будут тебе приятны эти испытания. Ты худенькая, и меня это мучает. Как ты питаешься?

Целую тебя, мое сердечко милое. И Масика тоже. Будут ли еще дни с тобой, с ним, с Ваской? . . . Неделю с хвостиком еще переждем во всяком случае. Целую тебя. Не писать бы, а жить с тобой — хотелось бы.

Поцелуй Маню и тетку.

Твой

Почтовый штемпель и помета О. Г. Тарле идентичны письмам 57, 58. Там же. Л. 79 об.

19 августа 1930 г.

19/VIII

Милая Ляличка,

еще раз перечитал твои и Маничкины открыточки милые. Как ты справляешься с бесчисленными расходами, да еще с этим неожиданно объявившемся налогом? Маня что-то пишет успокоительное, но я мало верю. В Госиздате лежит моя книга, (Жерминаль и прериаль), за которую я получил уже аванс в 300 рублей, — но за которую мне придется получить около 2500 рублей (20 листов по 125 р[ублей] за лист), значит — получить остается 2200 р[ублей]. Книга п р и н я т а и чуть ли не сдана была в январе в печать. Но — все конечно, застопорилось, пока я тут. Как только выйду, — я уверен, что они мне дадут еще аванс. Есть у меня и другие планы литер[атурной] и др[угой] работы. Но тебе-то сейчас от этого не легче. Целую тебя, крошечка милая. И Масика тоже. Крепись, маленькая.

На днях получишь свидание.

Почтовый штемпель и помета О. Г. Тарле идентичны письмам 57–59. Там же. Л. 76 об.

19 августа 1930 г.

19

Милая Ляличка,
я в большой тревоге, ты не пришла ни в среду, ни в понедельник. Не больна ли ты? Крошечка моя, когда же мы будем вместе? . . . Напиши немедленно как твое здоровье. Но я думаю все-таки, что на днях увижу тебя. — Отсчитываю дни, хочу чтоб две недели прошли скорее. . .

Целую тебя очень.

Принеси с собою побольше книг (всяких, потолще, я быстро читаю).

Целую Маню, тетку, Масика.

От тебя писем нет давно!

Почтовый штемпель 24 10 06 30. Там же. Л. 15 об.

20–21 августа

20–21ав[густа]

Милая Ляличка,
моя золотенькая, как я рад был тебя вчера увидеть. Но ты похудела, и это меня волнует, ты питаешься неважно, это ясно. Книги все очень умно тобою подобраны. Если достанешь, принеси Феохтистова «Воспоминания», Госиздат 1930 г. — И все вкусные вещи тоже оч[ень] хороши. Когда мы будем вместе на неделю запереть двери — и никого не видеть. . . Целую тебя, маленькая. Поцелуй Маню, тетку, Масика.

Среда. P. S. И еще бы книг, кроме Феохтистова. (Можно старых, какие под руками, напр[имер] франц[узских] или англ[ийских]).
(Четверг. Как жаль Бартольда).

Почтовый штемпель 29 8 30 20. Помета О. Г. Тарле Получено 30 ав[густа]. Там же. Л. 37 об.

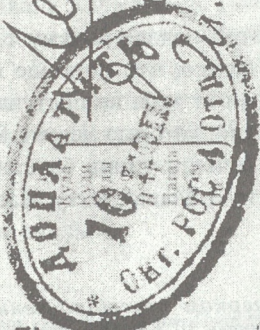
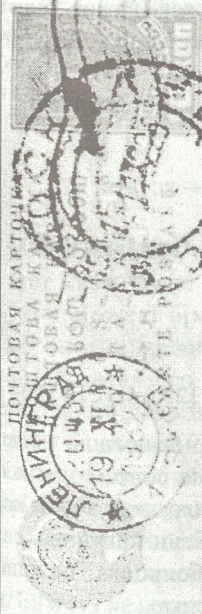
НИ

КИЛОГРАММ
УТИЛЯ
НЕ ДОЛЖЕН
ПРОПАСТЬ
БЕЗ
ПОЛЬЗЫ!

ВСЕ ДЛЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО
СТРОИТЕЛЬСТВА
В СССР!

Изд. НКПС. Ут. Единиц. 20/1 1932.
№ 147. Тираж 1.000.000 экз.
Масштаб. 1932 ГОЗНАК.

Ленинград
воспрелованная
Полтавн

Парне
Свое Зинурьевне

[23 августа 1930 г.]

Ляличка миленькая и родненькая, сегодня мы так и не повидались (это случайность). Я тебя очень целую, будь здорова только. Напиши потом, сейчас некогда. Когда придешь принеси книжек (важно количество, на лобом языке, что у тебя под рукой). Целую Маню, Лизу, тетку, Масика. Крошечка мо^с.

Евг[ений]

Суббота.

Вчера получил передачу. Спасибо большое. Всё — кстати.

Почтовый штемпель 29 8 30 20. Помета О. Г. Тарле Получено 30-го ав[густа]. *Там же. Л. 94 об.*

[29 августа 1930 г.]

Милая моя Ляличка, на этой неделе почему то не вышло наше с тобой свидание? Я все-таки думаю, что оно еще не совсем пропало. Сегодня пятница. Еще передачи от тебя не поступило, жду твоей подписи, сделанной твоими ручками, которые целую. Если получишь свидание, принеси книг каких хочешь, лишь бы побольше и потолще (быстро прочитываю). Целую тебя, Маню, тетку, Масика.

Твой Евг[ений]

На обороте помета почерком неустановленного лица (29-е ав[густа]?). Почтовый штемпель 30 8 30 24. Помета О. Г. Тарле Получено 31-го. *Там же. Л. 93 об.*

1 сентября 1930 г.

Маленькая, завтра вторник и я тебя увижу. Мне это страшно нужно. Сегодня получу от тебя письма, завтра увижусь. Сейчас оч[ень] занят (и тут это бывает!). — Скоро все-таки совсем увидимся.

Целую тебя, моя родненькая.

Поверю получишь это письмо уже после свидания со мной.

Твой Евг[ений]

<Вто> Понедельник 1/IX

Целую всех наших. Здесь ли Лизочка еще?

*На обороте почерком неустановленного лица Кор[пус] № II Кам[ера]
№ 153. Почтовый штемпель 6 9 30 20. Пометка О. Г. Тарле Полу-
чено 7го сентября. Там же. Л. 79 об.*

66

6 сентября 1930 г.

6

Милая Ляличка,

этот месяц будет последним в нашей разлуке безусловно, и я надеюсь что м[ожет] б[ыть] и раньше. Я почувствовал желание сегодня ночью опять перечитать только что прочитанный дневник Башкирцевой. И читал его с новым интересом. У нее есть выражения отчаяния, достойные Ивана Карамазова: («Dieu est méchant!»)*. Из других книг — записки Рошешуара очень интересны (для эпохи Наполеона I в особенности) Как ты умно подобрала книги, моя умница. Напр[имер] Гроссман о Д'Аршиаке тоже замечат[ельно] интересен, хоть он его идеализирует. Целую тебя, моя единственная. Что Масик? У бедной Башкирцевой — дважды был траур по аналогичным мотивам. Ей и тут не везло. . .

Целую тебя очень, очень.

Всем привет.

*Почтовый штемпель отсутствует. Помета О. Г. Тарле Получено
13 сен[тября]. Там же. Л. 4 об.*

67

9–12 сентября 1930 г.

9/IX

Милая Ляличка,

сегодня вторник, надеюсь с тобою увидеться. Еще несколько недель — и я вернусь. Теперь быстро замелькают. Принеси книг по-

* Бог зол! (фр.).

больше, это для меня — первейшая необходимость. Всё получаю, все книги. Я тебе пишу постоянно. От тебя вчера получил 3 открытки и от Манички одну. Поцелуй ее. Сакулин умер. Очень жаль, но смерть очень завидная: разрыв сердца без мучений. Мне не холодно, всё есть. Зачем ты стоишь в очередях для такой прихоти как виноград или арбуз для меня? Не делай этого. Целую твои ручки милые.

После свидания 12-го (пятница). Легче на душе. Спасибо. Целую ручки.

А ты все-таки и сегодня худенькая!

Почтовый штемпель 20 9 30 24. Помета О. Г. Тарле Получено 21 сен[тября]. Там же. Л. 23 об.

68

[не позднее 12 сентября 1930 г.]

Маленькая, вернулся к себе наверх, ел вкусные вещи, которые ты принесла (мне их все понесли вслед за мной). Сегодня ты лучше глядишь, но тетка худенькая и сама ты худенькая. Скажи Розалии Марковне, что ее цейлонский чай очень хорош, — и что я ее очень целую вообще. Книг чем больше принесешь, тем будет лучше, я их очень быстро прочитываю. Я пишу — но пока мысленно — книжку о колониальной политике европейск[их] держав, начиная с восстания сипаев в Индии в 1857 г. Но — в голове. На бумаге еще не могу. Да и уйма источников нужна. Госиздат давно от меня этой книги требует. Ты у меня единственное сокровище. Береги себя. Целую ручки твои.

Если найдешь *Graham: Indian Rebellion**, принеси.

Т. е. все книги, — одна другой лучше! Спасибо, родненькая.

Почтовый штемпель с неразборчивой датой. Помета О. Г. Тарле Получено 13 сен[тября]. Там же. Л. 3 об.

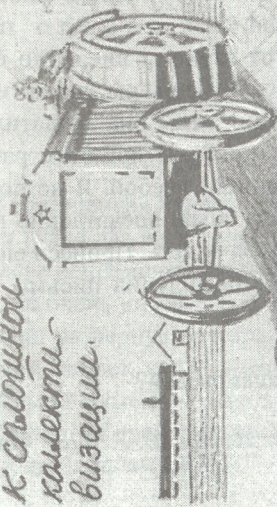
69

[не позднее 12 сентября]

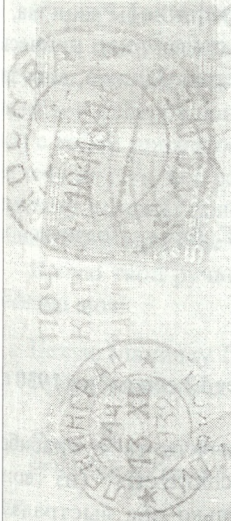
Только что получил снизу все книги, тобою сегодня принесенные: все прекрасно выбрано, все много нечитано; я теперь не знаю даже, с

* Грэхем. Индийское восстание (англ.).

Через успешное проведение
весеннего сева —
к сплошной
каллекти-
визации.

ираной
мивидаци
кумалества
как классой!

Аммузас
До воспрелвтам
м. Ночмант
Доме Бумаревбе
Тарме

Издатель: НКД. Москва, 1941. 103 л.
№ 30. Цена 2 рубля 40 коп. Тираж 100 экз.

чего начать! Ты моя умница всегда все делаешь как нужно. Д³ Аршиак конечно будет прочтен первым. Знаешь, когда я выйду, кроме тебя и Масика, — никого на порог к себе не пушу, так никого не хочется видеть. Этого издания Башкирцевой я не видел, прочту от доски до доски, конечно. Кстати: у меня (или в столовой) лежит толстеннейший том переписки Маркса с Энгельсом (1846–1849), изд[ание] Рязанова, в черном переплете. Это, если попадетя тебе на глаза, тоже принеси. Покупать не нужно, это есть у меня, я знаю твердо. Целую, моя золотая.

И Mürger кстати! Я его забыл совсем!
Всё прекрасно подобрано.

Почтовый штемпель отсутствует. Помета О. Г. Тарле Получено
13 сен[тября]. Там же. Л. 1 об.

70

[не позднее 12 сентября 1930 г.]

Милая моя Ляличка, получил сегодня передачу от тебя, спасибо, все очень хорошо. Читаю «Journ[al] de Marie Bachkirtzeff»* (из твоих книг). Какая потрясающая драма ее жизнь. Сколько она выстрадала разнообразнейших и адских терзаний (зная т в е р д о при том, что скоро умрет), сколько унижений от глухоты внезапно ее поразившей, — от трудностей артистич[еской] карьеры, зависти и клеветы и т. д., — и смерть на 24 году жизни! Этим она заплатила за богатство, — единственное, что дала ей судьба. И при этом работала по 9 часов в день над своей художеств[енной] учебой. Я не помню давно, чтобы что-нибудь произвело на меня такое впечатление при чтении, как эта книга. Ляличка, очень хочу тебя видеть. Принеси еще книг; чем больше тем лучше. От Маниной Тани получил письмо. Привет ей, Лизе, Мане, тетке, Масику, Оле.

Целую твои ручки.

Нет ли более полного издания Башкирцевой?

Почтовый штемпель отсутствует. Помета О. Г. Тарле Получ[ено]
13 сен[тября]. Там же. Л. 81 об.

* Дневник Марии Башкирцевой (фр.).

14 сентября 1930 г.

14/IX

Милая моя Ляличка,

я все под впечатлением свидания с тобой. Еще собери нервы, собери силы, еще дерганье нервов будет и конец близок, будем вместе, и — на нашей набережной. Золотенькая моя, помнишь Ипор? Я вспоминаю все, с тобой прожитое. . . Как хорошо, что я один, я никого кроме тебя не хочу видеть, все раздражают. Еще Маню хотел бы повидать. Дома я пролежу пластом полгода на диване, пускать буду лишь тебя, Масика и Маню, и изредка еще человек 5—6 друзей.

Целую твои ручки дорогие. — Книги твои — читаю без перерыва! Умница моя!

Целую Маничку. Привет Таням, Оле, тетке.

Арбуз и виноград и всё — очень хорошо.

Почтовый штемпель 16 9 30 20. Помета О. Г. Тарле Получено 17го сен[тября]. Там же. Л. 80 об.

15 сентября 1930 г.

15/IX

Милая и драгоценная Ляличка,

сегодня я гулял два часа подряд — такая хорошая погода. В октябре будем вместе непременно, на набережной нашей, с Масиком. Читаю твои книги, все очень интересно и в с е — поликратов перстень, как и у Башкирцевой; развернул Артюра Менера — описывает жизнь одной своей знакомой, пишет, что в момент, когда у нее молодой, красивый, богатой, любимой мужем, — п р о ч н о осталось в доме счастье, — небрежно брошенная спичка упала на ее платье — и она сгорела живьем!! Да. *Toujours la même histoire.** Воспоминания Менера — прекрас-

* Постоянно одна и та же история (*фр.*).

ны. И все, что ты принесла — одно лучше другого. Целую твои ручки. Получил твои письма от 9 и 10 и Манички. Пишу ей. Принеси носки. Целую твои ручки.

Почтовый штемпель 24 30 IX 1930. Поема О. Г. Тарле Получено 1 октября. Там же. Л. 44 об.

73

17 сентября 1930г.

17

Открытки никуда не годятся, — какая-то промокательная бумага. Ляличка, на предстоящие недели я смотрю как на последнее испытание. А там — я с тобой. Сегодня вторник, жду пятницы и тебя. Перечитываю Башкирцеву. Молодость (умерла 23½ лет), красота, богатство, талант, обожаема матерью, всю жизнь в Париже, Ницце, Италии, Испании — и глубоко, реально, непоправимо несчастна: полное сознание близости смерти (при мучительном страхе ее, и жажде жизни, и любви к жизни), — унижение от глухоты, работы по 12 ч[асов] в сутки над картиною — так как смерть за плечами, — и сознание, что все равно ничего не выйдет. . . Более потрясающих воплей отчаяния, чем в ее дневнике, — нет, и не может быть¹ и именно потому, что она тверда духом. Целую тебя.

Почтовый штемпель 20 9 30 24. Поема О. Г. Тарле Получено 21 сентября. Там же. Л. 22 об.

74

17 сентября 1930г.

17

Милая Ляличка,
на одной открытке всего не скажешь, пишу другую. Пришли носки, их у меня маловато. Нагрузка для нервов большая, но нужно перенести: Ты есть, я так — я не очень знаю, кому и к чему я кажусь в са

¹ Слова и не может быть вписаны позднее.

ПОКУПАЙТЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ

ЗАЙМЫ

СЛАВНЫЕ
ВЫИГРЫШИ

50.000р.

100.000р.

10 КОП.

ОКГ. РОС. Ч. О.

ОБЛИГАЦИЯ
В 100 РУБЛЕЙ.

Облигация 5% за 1930 года и беспроцентные амортизационные облигации 1929 года, можно купить, продать и заложить в любом банке и обмене.

133000
Ленинград
М. Норманн
до воспоминания

133000

Марле

Материалы НКВД, в т. ч. материалы НКВД
Дир. Губпрокур. Марле, 1000, 1000 НКВД.

Ольге Зн.

мом деле еще нужным. Читаю Miss Braddon «Captain of Vantous». Все вспоминаю и вспоминаю прошлое, такое недавнее. Никого, никого теперь на порог к себе пускать не буду, никого решительно. Золотенькая моя, мне хотелось бы теперь каждый день тебя видеть. Целую тебя, Маню, Лизу, тетку, Масика, привет Оле, Таням обеим. Целую твои ручки.

*Почтовый штемпель и помета О. Г. Тарле идентичны письму 73.
Там же. Л. 21 об.*

75

18 сентября 1930

Ляличка, мое золото родненькое. Сегодня 18-ое, поздравляю себя (больше, чем тебя). Вспоминаю все Ипор, еще будем купаться там! И знаешь, как я тебя безмерно люблю за что? За твои милые, убедительные немножко робкие словечки (в позапрошлом году): «Я бы даже пожила в Ипоре, лишь бы поближе к тебе». Эти словечки, если их расшифровать показывают всю твою душу, прелестную, деликатную, скромную — всю тебя. Нет, теперь, уж всюду будем вместе и вместе. Именно за эти словечки. Сегодня ни о чем кроме тебя не хочется думать! Годовщина! Целую твои ручки и глазки. А помнишь Koelner Dom: «Позвольте на вас взглянуть?». Еще будет все это! Только не болей, моя радость.

Ты у меня — все, что осталось.

*Почтовый штемпель 23 9 30 24. Помета О. Г. Тарле Получено
24 сен[тября]. Там же. Л. 91 об.*

76

18 сентября 1930 г.

18/IX

Ляличка золотенькая, поздравляю с нашей годовщиной. Я так хотел всегда твоего счастья, — а вот что случилось. Собери, крошечка, все свои нервы. Еще недолго теперь. Получил твою открытку от 12-го,

* Мисс Брэддон. Капитан Вантуз (англ.).

целовал ее много раз; и от 11-го тоже получил. Значит Васка — плутовочка немножко? Но она — преданный нам человек. А если ворует немножко, это еще не так ужасно. Прудон сказал: *la propriété c'est le vol*¹. Целую твои глазки милые. И Масика.

Еще напишу сегодня.

Почтовый штемпель и помета О. Г. Тарле идентичны письмам 73, 74. Там же. Л. 19 об.

77

19 сентября 1930 г.

19

Милая моя крошечка, сижу и обедаю принесенными тобою вкусными вещами. Но, конечно, ты транжиришь на это всё, а сама питаешься, верно, как попало? Теперь, впрочем, я спокоен за тебя! Васса заставит тебя есть, она тебя любит. А если она и увлекается иногда отчуждением, это еще не большая беда! Сегодня у тебя было личико встревоженное и страдающее, хоть ты и старалась это скрыть. Я хотел бы пожить, чтобы вознаградить тебя за эти месяцы. И ручки у тебя худенькие стали. Многих на своем веку видел, у многих имел успех, — а любил и люблю по-настоящему только одну тебя всегда и неизменно. Это — с 18 лет, когда встретил тебя. Целую твои ручки.

Почтовый штемпель 30 IX 30. Помета О. Г. Тарле Получено 1го октября. Там же. Л. 20 об.

78

[не позднее 25 сентября 1930 г.]

Ляличка, ты мне сегодня снилась, с грустным личиком. — Читаю Margot Asquith. Ее (по ее словам) кто-то сравнил с Башкирцевой. Только дурак мог сравнить: Margot — нахальная, самовлюбленная, самодовольная англичанка среднего ума, хотя считает себя гением. Хвастает же — так непристойно, что неловко читать даже. А издание прекрас-

¹ Собственность — эта кража (*фр.*).

ное. Хоть бы Госиздат догадался так издать мой «Жерминаль и прериаль». Он — у них уже принят, и контракт между мной и Госиздатом подписан уже и лежит у меня в столе. Но пока я тут, конечно, они ничего не начнут печатать. Мне хотелось бы написать не торопясь, между делом, по ночам, у меня в кабинете одну книжечку, которая раскрывает теорию вероятностей. Жаль, что математик-то я неважный. Но это будет нечто новое, кажется. Целую ручки.

Жду пятницы!!

Почтовый штемпель и помета О. Г. Тарле идентичны письму 77. Там же. Л. 48 об.

79

[не позднее 26 сентября 1930 г.]

Миленьякая Ляличка,

сегодня понедельник, до пятницы 4 дня. Я читаю твои книги, приношу тебе в пятницу прочтенные. Мне все предносятся разные прежней жизни хорошие¹ картины и все с тобой. Жизнь однако² вообще, большая гнусность, и я всегда завидую умершим. Но мне хочется еще с тобой пожить. Помнишь Ипор, Фонтенбло, Д[етское] Село, Неву и Масика? Читай Башкирцеву, я ее скоро буду наизусть знать. Приходи с Маней. Целую твои глазки и ручки. Привет всем.

Почтовый штемпель и помета О. Г. Тарле идентичны письмам 77, 78. Там же. Л. 43 об.

80

[не позднее 28 сентября 1930 г.]

Ляличка, в пятницу увидимся. Ты не беспокойся насчет хлеба: он не сохнет, да я и люблю сухой. В октябре все-таки думаю будем вместе, но, конечно, трепку нервов придется пережить (разбирательство, etc). Твое милое исхудалое личико все время предо мною. Очень целую тебя. Крепись, маленькая. Мы были слишком счастливы, за это

¹ Слово хорошие вписано позднее.

² Слово однако вписано позднее.

всегда судьба берет свой жестокий выкуп. Маничку поцелуй, тетку тоже. Вспомнил о ней вчера вечером по одному внешнему поводу.

Приходи с Маней. Твой Е[вгений].

Поцелуй Зиночку.

Цветы в воде.

Воскресенье.

Почтовый штемпель и помета О. Г. Тарле идентичны письмам 77-79. Там же. Л. 46 об.

81

[не позднее 30 сентября 1930 г.]

Ляличка, сегодня среда, скоро увидимся. Нужно пережить и пере-страдать еще немного. Крепись. Я живу и держусь из-за твоего существования. Читаю Беккета «The Slaghanger». Он очень тонок, лучше Мередита и Бернарда Шоу. Твои книги очень все интересны. Читала ли ты полет Кольцова в Ангору на аэроплане (в «Изв[естиях]»). Чуть не погиб. Очень интересно. Поцелуй всех друзей (кого стоит) и Масика, который, впрочем, больше чем наш друг. Принеси носки, у меня все прорвались почему-то до крайности. Золотенькая, когда мы будем вместе, все это покажется бредом злого психопата, — то что судьба со мной сделала. Целую ручки.

Евг[ений]

Почтовый штемпель и помета О. Г. Тарле идентичны письмам 77-80. Там же. Л. 49.

82

[не позднее 30 сентября 1930 г.]

Милая Ляличка,

пришел со свидания с тобой и Маней. Очень Вы обе меня развлекли, спасибо. Золотенькая моя, жизнь это злая обезьяна, которая мучает нас с перерывами от колыбели до могилы. Это еще Шекспир сказал. А нас с тобой она мучила последние годы совсем мало, все шло хорошо. Вот

и взяла реванш. Крошечка, я тебя жалею больше чем себя. Целую твои ручки и глазки. Маня — милая, что пришла. Поцелуй ее, Маничку, тетку, Масика.

Твой Евг[ений]

Почтовый штемпель и помета О. Г. Тарле идентичны письмам 77–81. Там же. Л. 45 об.

83

30 ноября 1930 г.

Милая Ляличка,
от тебя писем нет как нет. Мне сказали о свидании на днях предстоящем. Посмотрим. Читаю, работаю немного над одной статьей. Очень хочу тебя видеть. Ты и Масик — как живете? Целую тебя очень, моя головочка милая. Есть опять надежда. Как и чем ты питаешься?

Твой Евг[ений]

30/XI

Почтовый штемпель 23 12 30 15. Там же. Л. 86 об.

84

10 декабря 1930 г.

Милая Ляличка,
получил твое письмецо от 10-го. Ни в пятницу, ни в субботу — свидания не было, знаю какое это разочарование и для тебя и для меня. Но я надеюсь, что на днях оно будет. Мне все надоело и опротивело до черта, я живу только мыслью о тебе, моя золотенькая. Читаю Mrs. Asquith, что за несносная хвастунья! — Будь бодрa, моя маленькая. Этот проклятый год окончится и не повторится, — и будет нами забыт. Пиши чаще. Целую твои ручки. Целую Маню, тетку. Что Масик?

ЕТ

10/XII

Целую твои милые глазки. Вижу их!

Почтовый штемпель 23 12 30 15. Там же. Л. 85 об.

16 декабря 1930 г.

вечер 16/XII

Получил только что 3 р[убля] посланные тобою 13-го числа. Зачем ты это делаешь, крошечка? У меня деньги есть, расходов мало. А у тебя наоборот. Целую тебя очень, надеюсь на скорое свидание с тобой. Читаю mrs. Asquith. Вот она и эгоистка! Читаю новые варианты к «Детству и отрочеству»¹ (в новейшем изд[ании] Толстого). Что за гений чудовищный! Ему было всего 23 года, когда писал. Получил твое письмо от 10-го. Целую твои ручки милые и глазки.

Много читаю и очень тебя люблю.

Я тебя люблю больше всего на свете.

Почтовый штемпель 21 12 30 15. Там же. Ед. хр. 153. Л. 6 об.

[не позднее 19 декабря 1930 г.]

Милый мой и дорогой светик, я все время хочу о тебе думать, это успокаивает. Я только для тебя и из-за тебя хочу жить. Я знаю и вижу, как тебе тяжело теперь приходится, и отдал бы свою жизнь, чтобы тебе было легче. Очень серьезно прошу: не траться на передачи, питайся сама как следует, ты бледненькая стала, — а причина — все эти траты на меня. Целую твои ручки драгоценные и добрые глазки. О таких, как ты, говорит Сэнт-Бев² очень хорошо, — но уже не уместится: открытка кончается. Ты — лучше всех.

Почтовый штемпель 20 12 30 11. Ед. хр. 152. Там же. Л. 47 об.

¹ Здесь речь идет об отдельных книгах «Детство» и «Отрочество».

² Так в подлиннике. Современное написание Сэнт-Бёв.

ИШТИТЕ КАУЧУКОНОСНЫЕ РАСТЕНИЯ

ОНИ ОСВОБОДЯТ СССР
ОТ ИНОСТРАННОЙ ЗАВИСИМОСТИ
И УКРЕПЯТ ОБОРОДУ НАШЕЙ СТРАНЫ

МНОГО НЕИЗВЕСТНОГО ТАИТ В СЕБЕ
НАША РАСТИТЕЛЬНОСТЬ,
ОБСЛЕДУЙТЕ, ИЗУЧАЙТЕ ЕЕ!

КАУЧУК СОДЕРЖИТСЯ

В РАСТЕНИЯХ В МЛЕЧНОМ СОКЕ,
ВЕИДЕ, НИТЯИ, НАПЛИВОВ И Т.Д.

БЛИЖЕ К ПРИРОДЕ!

СООБЩАЙТЕ О ВСЕХ РАСТЕНИЯХ,
ПОДОЗРИТЕЛЬНЫХ ПО КАУЧУКУ
МОСКВА, МАРСЕЙКА 12
ИНСТИТУТ КАУЧУКА

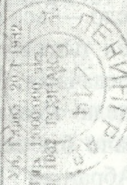
Инт. № 111111. Ул. Г. 2005. 2011 1989

М. 144. Т. 11. 1989. 0001. 1-1

Москва 1989

Москва 1989

Москва 1989

ПОЧТОВАЯ КАРТОНКА
ПОЧТОВАЯ КАРТОНКА
ПОЧТОВАЯ КАРТОНКА
ПОЧТОВАЯ КАРТОНКА
POSTAL CARD
POSTAL CARD
POSTAL CARD
POSTAL CARD
CARTES POSTALES
CARTES POSTALES

Алексей Град
г. Москва
до восстановления
Академии наук
Москва

Кому
Кому
Кому
U.S.C.
P.O.
P.O.
P.O.
P.O.
P.O.
P.O.

Кому
Кому
Кому
P.O.
P.O.
P.O.
P.O.
P.O.
P.O.

31 января 1931 г.

311

Милое солнышко, наконец я тебя повидал минутку. Ты мое единственное сокровище, но твои глазки были грустны. Ничего не поделаешь, подождем еще. Все, что вы обе принесли, очень вкусно и хорошо. Но не разоряйся на это! Книги очень интересны, как всегда. Я тебе верну в след[ующее] свидание Козьмина¹, он оч[ень] интересен, а ты его обменяй на Колосова «Тихомиров» (1930 г.). . .² Мемуары очень хороши: Читал Бенвенуто Челлини (XVI века) (новое издание 1929 г). Оч[ень] интересно, — что от его имени — в первом лице — печатала римская инквизиция. Оказывается, не он убил этого пьемонтского графа, — помнишь мы с тобой смотрели драму об этом во Флоренции, но из S. Angelo не мог опровергнуть.

Целую, моя крошечка.

Почтовый штемпель 4 2 31 8. Поема О. Г. Тарле Получено 4го фев[раля]. Там же. Л. 33 об.

88

[не позднее 3 февраля 1931 г.]

Крошечка, все-таки пиши мне, я — ни слова не получал уже 3 недели, как я тебе и сказал на свидании. Кто делал кизиловое варенье? Очень хорошее. И пирог сладкий, и повидло, и мармелад, и масло — все очень хорошо. Но еще лучше, чтобы все это осталось для тебя потому что, конечно, ты себя сильно урезаешь этими передачами. Как я рад был увидеть также Маню! теперь значит, через неделю только! Если бы хоть через 3 дня, хоть на 15 минут — совсем иначе бы себя чувствовал. Кроме Бенвенуто Челлини — читаю д'Абрантес (16-й том мемуаров о Наполеоне в Испанскую кампанию). Она пишет хорошо и не подозревает, что Наполеон вел себя в Испании, как настоящий разбойник.

¹ Так в подлиннике. Правильно Козмина.

² Два слова неразборчиво.

Целую тебя, мое золото. Пиши и будь здоровенькой. Поцелуй Маню и тетку (не забудь и Масика). Когда уже будем вместе, мечтаю постоянно об этом.

В прошлой открытке я тебе писал о Пуб . . .¹ и Санто-Оффичио, о Челлини «его . . .¹ которые в его *Memories* изд[ания] 1922 г.

Вспомнил пьемонтца у Бенвенуто: Муайэн де Низ, — находясь в St. Angello, был жертвой его.

Штамп Проверено Начальником Дома Предварит[ельного] Заключения.
Почтовый штемпель 4 2 31 8. *Помета* О. Г. Тарле Получено 4го февраля.
Там же. Ед. хр. 153. Л. 1 об.

89

[не позднее 16 февраля 1931 г.]

Милая Маничка, как поживаешь? Пиши, дорогая сестричка. Перечитывал о Захлебишине. Большим пакостником он выходит у Достоевского, еще хуже и гаже, чем в первоначальных редакциях романа. Кстати, читаю и Гросмана² «Русск[ая] пародия» (изд. Госиздата). Оч[ень] занятно. Целую. Опять есть некот[орая] надежда. Привет Таям.

Что мои оба Масика? Как питаются?

На обороте почерком Е. В. Тарле 153 к[амера]. *Почтовый штемпель* 17 02 31 20. *Там же. Ед. хр. 152. Л. 12 об.*

90

16 февраля 1931 г.

16

Ляличка, от тебя писем совсем нет, ни одного! Почему так? Читаю T. Abrambé. Очень интересно. Золотенькая моя, я много думаю о тебе. Как ты справляешься со всеми трудностями без меня?

Живу я только из-за тебя — так мне все надоело, так я раздражен нервами.

¹ Одно слово неразборчиво.

² Так в подлиннике. Правильно: Гроссмана.

Мне все время не только казалось, но мне и говорили, что такие люди как я нужны соввласти, что им еще предстоит работа в будущем, и ученая, и общественная. — И — освобождение не приходит и не приходит. Плевать на меня!¹ И если б я, напр[имер], умер от нервного удущья, то этим только избавил бы казну от расходов на мой обед.

Целую твои ручки дорогие.

Целую Маню, тетку, Масика.

Почтовый штемпель 17 02 31 20. Помета О. Г. Тарле Получено 18 фев[раля]. Там же. Л. 8 об.

91

19 марта 1931 г.

19/III

Милая моя крошечка,
целую твои ручки и глазки драгоценные. Мучаюсь, думая о твоём положении, изнурительной работе. Неужели ты еще не² Пиши мне, крошечка. Целую Маню и тетку.

ЕГ

Почтовый штемпель 21 3 31 8. Помета О. Г. Тарле Получено 21/III. Ед. хр. 153. Там же. Л. 4 об.

92

31 марта 1930 г.

Моя милая крошечка, все думаю и думаю о тебе. Писем от тебя нет вовсе, в чем дело? Жду не дождусь пятницы (сегодня 31 марта, вторник). Все размышляю о будущем, о работе etc. Но ничего не знаю определенно, трудно об этом думать. Выпил молоко, тобой принесенное, ем припасы, от тебя полученные. Не трать на меня ничего, теперь я просто не знаю, как ты живешь, как можешь питаться ничего не имея. . .

¹ Предложение вписано между строк.

² Так в подлиннике.

Целую твои ручки. Поцелуй Маню и тетку. И Масика.
Все-таки пиши.

На обороте почерком Е. в. Тарле камера 190 — Е. Тарле. Почтовый штемпель 21 IV 31. Помета О. Г. Тарле Получено 24/IV. 31. Там же. Л. 11 об.

93

15 апреля 1931 г.

15

Милая Ляличка, скучаю по тебе очень, жду 23-го. Я очень хочу тебя пораспросить как ты питаешься. Меня это очень мучает, а ты скрываешь от меня. Моя мечта, чтоб Вы виделись с Маней почаще. Я теперь с тобой не расстанусь ни на день никогда. Ты единственная, лучше всех и всего, моя крошечка. Целую твои ручки дорогие. Все вспоминаю Шопенгауэра. Напиши мне все-таки!

Я живу только потому, что ты жива, но я не уверен будешь ли ты жива; ты глядишь плохо, моя родненькая, моя единственная радость. Целуй тетку, Масику привет.

На обороте почерком Е. В. Тарле камера 190. Е. В. Тарле. Почтовый штемпель 29 4 31 11. Там же. Л. 12 об.

94

14 мая 1931 г.

14

Милая Ляличка, мое золотенькое солнышко, получил от тебя разом 4 открытки (последняя от 1 мая). Я живу только потому, что ты существуешь.

Крошечка моя, чем и как ты питаешься? Мне это покоя не дает. Я тебя целую тысячу раз. Пиши как можно чаще, это так нужно мне!

Что Масик? Поцелуй тетку.

На обороте почерком Е. В. Тарле от Е. В. Тарле [камера] 190. Е. В. Тарле. Почтовый штемпель 18 5 31 11. Помета О. Г. Тарле Получено 18 мая. Там же. Л. 15 об.

23 мая 1930 г.

Милая крошечка моя,
жду свидания, и все-таки пишу тебе, мое солнышко. Читаю много.
Еще больше думаю и думаю.

Твое положение меня очень заботит. Как ты живешь и будешь жить? Думаю о хорошем прошлом с тобою оно всегда было хорошим, моя радость.

Целую твои ручки драгоценные.

ЕГ

23/V

Отдаю тебе словарь. Отчего Маня не пишет? Я обижен этим. Передай ей.

Целую всех (и Масика).

На обороте почерком неустановленного лица к[амера] 190. Почтовый штемпель 24 5 31 22. Помета О. Г. Тарле Получено 25/V. Там же. Л. 14 об.

4 сентября 1931 г.

4/сент[ября]

Милая Ляличка,
обедал у Берты Александр[овны], ищу по городу комнату. Здесь туго с этим, но надежды не теряю (только ½ часа, как ищу ее). Тут есть университет, есть кроме того педаг[огический] институт и еще что-то. Нашу комнату сохрани, во всяком случае безусловно. Сегодня я говорил с очень почтенным представителем вполне компетентного сов[етского] учреждения, впечатление прекрасное. Целую твои ручки. Телеграфировал сегодня.

Письмо написано на обороте фотографии пейзажа с надписью Побережная ул. Алма-Ата. Почтовый штемпель Алма-Ата 5 IX 31. Там же. Л. 20 об.

7 сентября 1931 г.

Милая Ляличка, пиши так: город Алма-Ата (Туркестан), до востребования, мне, т. е. отдельными двумя словами: Алма-Ата. Комнаты еще нет, я живу у милой Б. А. и ищу. Завтра многое выяснится и в смысле занятий. Как только что-нибудь устроится телеграфирую; сегодня напишу тебе подробности, маршруты и пр[очее]. Дела напишу сегодня, подробно, в письме. Пока скажу так: климат превосходный, пейзаж — очарователен. Но — дорого и мало что можно достать (говорят; я лично не испытывал). У Б. А., с которой живет ее сын — студент (оч[ень] милый юноша) — есть дивный дымчатый котенок, с милыми умильными зелеными глазками, учтивенький, ласковенький и с тою готовностью на все доброе, хорошее и светлое, за которую я бы целовал его лапки три часа подряд. Он мне кого-то напоминает, т. е. я на него переносу мысль о ком-то.

Угадай о ком? Поцелуй тетку. Что Масик?

7/IX 1931

Тут роскошная баня, похожая на театр.

Почтовый штемпель Алма-Ата 9 IX 31. Там же. Л. 23 об.

9 сентября 1931 г.

Petite Hortense, je viens de recevoir votre carte du 1 septembre. — Alors vous allez au Théâtre des Artistes de Moscou, voir Pierre? Je me rejouis beaucoup de ce fait. Nous irons encore un beau jour voir «M-lle Beulemans» comme jadis. Vous êtes mon trésor, mon amour et mon maison Hortense. Écrivez moi de lettres plus longues que ça. Je vous ai écrit tout le long de ma route, je ne sais pas pourquoi vous n'en avez rien reçu. Je cherche une chambre et je la trouverai. Quant à la question d'appointments etc — je le saurai sous peu, je bien de tuyaux qui sont assez bons. Ma charmante hôtesse (à qui je suis arrivé comme une tuile sur la tête) me comble de prévenances et me régale de diners et de thés (et de cafés) hors ligne. Remercie à mon nom — chalereusement la petite naine: elle m'avait indiqué cette bonne fée qui me sauve.

**МОЯ
СБЕРЕГАТЕЛЬНАЯ
КНИЖКА**

**ПОМОЖЕТ
НАМ СЕО
ОТДОХНУТЬ ЛЕТОМ**

1950гг Ленинград
г. Норманам
по воспрееваниям

Кому Шаре
Ольге Григорьевне

Издание 1941 г. Тиражируется № 10000
Лит. 4.000.000-9/88 Удмурт. 1953. КОЗЛОВА

Je t'embrasse beaucoup, petite, toi et la tante.

9/IX, le soir.

Почтовый штемпель Алма-Ата 10 IX 31. Там же. Л. 24 об.

Перевод:

Малышка Гортензия, я только что получил твою открытку от 1 сентября — Итак вы ходите в Московский художественный театр смотреть Петра? Это меня очень радует. Когда-нибудь мы еще сходим на «M-lle [Beulemans]», как когда-то. Ты — мое сокровище, моя любовь и мой котенок Гортензия. Пиши мне письма длиннее этих. Я тебе писал всю мою длинную дорогу, не знаю, почему ты ничего не получила. Ищу комнату и найду ее. Что касается вопроса о жаловании и т. д., я узнаю это совсем скоро, у меня много довольно надежных источников сведений. Моя очаровательная хозяйка (на которую я свалился как черепица на голову) преисполнена предупредительности по отношению ко мне и потчует меня исключительными обедами, поит чаем (и кофе). Поблагодари от моего имени — горячо — маленькую карлицу: она мне указала эту добрую фею, которая меня спасает.

Целую тебя много раз, тебя и тетку.

9/IX, вечер

99

11 сентября 1931г.

11/IX

Petite, hier — rien reçu à la poste. Mes affaires vont assez bien et l'un de ces jours je sourai à quoi m'en tenir. L'université existe belle et bien, «Kasgon» (Kasahstanski gosudarstv[enni] universitet.), et il y a aussi d'autres vues et prospects. Je vous informerai au fur et à mesure. L'adoucissement j'annonce en general, le climat est excellent. Pas une goutte de pluie, le soleil de Mai fait ce temps sans discontinuer. Moi j'ai déjà (dans la même cour) une demi-chambre chez un citoyen qui se trouve ici aussi pour quelque temps, mais je continue à prendre le thé et le dîner cher B. A. Son fils est malade (la fièvre gastrique). Moi je me porte comme le Pont-Neuf. J'ai reçu une touchante carte postale d'Olia. Mes autres amis et amies n'arrivent pas à'avoir le temps nécessaire pour m'écrire. Et c'est très bien. Moi je m'en fiche.

Je vous embrasse petit écureuil.
Je n'y a pas de thé ici.

Почтовый штемпель Алма-Ата. 11 IX 31. Там же. Л. 18 об.
Перевод:

11/IX

Малышка, вчера — ничего не получил по почте. Дела мои идут довольно неплохо, на днях я узнаю, на чем остановить свой выбор (университет прекрасно существует, «Казгу» (Казахстанский государств[енный] университет[ет]), а также есть и другие виды и проекты. Я сообщу тебе по ходу дела. В основном намечается потепление. — Климат замечательный. Ни одной капли дождя, майское солнце весь этот период без перерыва. А у меня уже (в этом же дворе) есть комната пополам с неким гражданином, который находится здесь уже какое-то время. Но я продолжаю ходить пить чай и обедать к Б. А. Ее сын болен (гастрит). Я же чувствую себя как Новый Мост. От Оли получил трогательную открытку. У остальных моих друзей и подруг все никак не хватает времени мне написать. Да это и к лучшему. Мне наплевать.

Целую тебя, бельчонок.
Здесь нет чая.

100

[не позднее 12 сентября]

Милая крошечка, я приглашен в Казахстанский университет в качестве профессора и утвержден уже вчера Крайкомом (краевым комитетом) коммунистической партии, а след[овательно] и прочими властями в этом звании. Послезавтра узнаю точно размеры заработка. Верно на жизнь хватит, ибо мне поручают г л а в н ы й курс: общий курс новейшей истории. Оказалось, что здешний генеральный секретарь коммунистической партии Голощекин (т. е. главное по политическому значению лицо в Алма-Ата и во всем Казахстане) — меня хорошо знает. Во всяком случае, послезавтра выясню реально, что и как, — и либо напишу, либо протелеграфирую тебе. У < . . >¹ тех, о ком пишешь, — буду завтра. Но теперь университет даст мне комнату (обязан дать). Получу также дрова, карточки в хорошую столо-

¹ *Рукой Тарле вымарана одна фамилия.*

вую, etc. Целую тебя, м[ой] к[отено]чек. Масика не могли бросать! Целую тетку.

Теперь мне обязаны давать обеды (мне и тебе) по 1 р[ублю] за хороший обед. В столовой для научных работников.

Масику будет хорошо. Но — дорога!

Почтовые штемпели Алма-Ата. 12 9 31 и Ленинград 20 IX 31. Там же. Л. 22 об.

101

12 сентября 1931 г.

12/IX

Petite, aujourd'hui c'est un jour de cloture hebdomadaire et ce n'est que demain que j'aurai les détails sur mon service à l'université, sur les appointements etc. Mais d'ores et déjà cela apporte bien d'amélioration dans la situation matérielle (la chambre assurée, l'abonnement à de dîners — tres bons — que nous prendrons dans la salle à manger de la section des travailleurs de la science (1 rouble pour un dîner), le coopératif etc. etc. Et en même temps cela met en évidence l'absurdité et le paradoxe de la situation idiote ou l'on m'a mis en me privant de la chair: on me la rend à la cinquième journée après mon arrivée à Alma-Ata. On a volé à mon adorable hôtesse son petit chat (au poil gris fumeux), mais elle a tout de même son charmant garçon, dont la santé est retablie (qui s'apprête à partir l'un de ces jours pour Moscou). Je crois que le climat d'Alma-Ata ne fera pas de mal à notre Massik. Embrasse-le de ma part. Et la tante aussi. Je t'embrasse bien de fois.

ET

W. Pol. est une bigotte? J'irai la voir tout de même.

Почтовые штемпели Алма-Ата 12 9 31 и Ленинград 23 IX 31 22. Там же. Л. 21 об.

Перевод:

12/IX

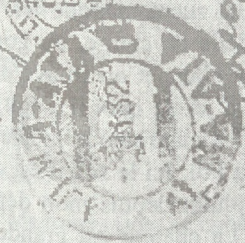
Малышка, сегодня — еженедельный нерабочий день, и только завтра я узнаю подробности о моей службе в университете, о жалованьи и т. д. Но уже сейчас это приводит к значительному улучшению материального положения (комната обеспечена, талоны на обеды — о ч е н ь х о р о ш и е , — которые мы получаем в столовой для научных работников (обед стоит 1 рубль), кооператив и т. д. и т. п. И в то

Хотели бы
как угодно
и своевременно
получать
ваши журналы
и журналы

**ПОДПИШИСЬ
НА ПОЧТУ
И У ПИСЬМОНОШЕВ
на дилительные сроки!**

Изд. ПИИ. Ул. Гамма, 25А, 1911.
Тел. 240, 200, 099, 042.
Почтовый ящик 1362, ГОСПИИ.

Каждому

ВСЕ
ТРУДЯЩИЕСЯ
В РАЙОНАХ
МОСКВЫ

Анна-Ана

До воспоминаний

Своего Гимназиста

Марк

же время это со всей очевидностью демонстрирует абсурдность и парадоксальность ситуации, в которую меня поставили, лишив кафедры: мне ее возвратили на пятый день по моем приезде в Алма-Ата. У моей обожаемой хозяйки украли ее котенка (с серо-дымчатой шерстью), но у нее есть все-таки ее очаровательный мальчик (который выздоровел), (который в ближайшие дни собирается ехать в Москву). Думаю, что климат Алма-Аты не навредит нашему Масику. Поцелуй его за меня. И тетку также. Целую тебя много раз.

ЕТ

В. Пол. — ханжа? Я схожу к ней все же.

102

12 сентября 1931 г.

12/IX

Je vous ai déjà écrit ce matin, petite hirondelle, et j'ajoute (parce que vous le demandez): si vous pouvez m'envoyer un peu de sucre et de thé — ce ne serait pas mal. (Mais j'en ai encore). — Le sucre manque ici. — On me dit que la Pol. est une bigotte, une chandelle de cierge, un goupillon desséché et que ce soit tout à fait superflu d'y aller; et on trouve excessif mon amour pour le petit Massik. (Vous voyez d'ici de quoi il s'agit). Moi, vous le savez, j'aime à parler du Massik et de sa maîtresse et même de les entendre vilipendes. Je vais aujourd'hui chez la Pol. Ici le soleil est comme à Nice au mois de juillet pas une goutte de pluie: depuis mon départ de Leningrad je ne vois que le ciel sans nuage. La chaleur est grande, mais supportable. On dit que même en octobre il font si chaud que au mois d'août! Cette année les fruits sont rares (la gelée de 4–5 mai a détruit la récolte). Je vous embrasse, petit écureuil.

On se baigne en rivière ici à présent.

Почтовые штемпели Алма-Ата 12 9 31 и Ленинград 23 IX 31 22. Там же. Л. 19 об.

Перевод:

12/IX

Я уже писал тебе сегодня утром, ласточка, и прибавлю (поскольку ты об этом спрашиваешь): если бы ты могла послать мне немного сахара и чаю, это было бы неплохо. (Но у меня они еще есть). — Сахара здесь нет. — Мне сказали, что Пол. — ханжа, восковая свечка, высохшее кропило, и совершенно бесполезно туда ходить; и находят чрезмерной мою любовь к Масику. (Ты увидишь, здесь о чем идет речь).

Я, тебе это известно, люблю говорить о Масике и о его возлюбленной, и даже слушать, как они друг друга поносят. — Иду сегодня к Пол. Здесь солнце как в Ницце в июле месяце, ни капли дождя: после моего отъезда из Ленинграда я вижу только безоблачное небо. Жара большая, но переносимая. Говорят, что даже в октябре так же жарко, как в августе! В этом году мало фруктов (заморозки 4–5 мая погубили урожай). Целую тебя, бельчонок.

Здесь сейчас купаются в реке.

103

14 сентября 1931 г.

Ma petite, ne vendez pas tout, nous aurons d'argent sous peu. Je vous écris une grande lettre. En attendant je vous embrasse. Je me porte bien, demain je savrai définitivement l'affaires de l'université. La Smirnova est introuvable. Mais, comme toutes les indications provenant de la Syrote, elle ne vaut pas grand chose, hein?

Je vous embrasse.

ЕТ

14/IX

Почтовые штемпели Алма-Ата 14 9 31 и Ленинград 24 IX 31 22. Там же. Л. 32 об.
Перевод:

Малышка моя, не продавай всего, у нас скоро будут деньги. Я пишу тебе большое письмо. Пока целую тебя. Чувствую себя хорошо, завтра окончательно узнаю о делах в университете. Смирнова ненаходима. Но как и все, что исходит от Сирот[ки]; но она не многого может стоить, а?

Целую тебя.

ЕТ

14/IX

104

14 сентября 1931 г.

14–IX

Милые котики, получил от Вас открытку от 4-го. Не имеет н и к а -
к о г о с м ы с л а продавать все за 400 р[ублей]: эти деньги я добуду

авансом у ГИЗа. Не продавай ничего. Ну, дело с моей службой в Казахстанском унив[ерситете], кажется, выгорит: самые могущественные власти высказались положительно. Сегодня я уже обедал в универс[итетской] столовой — 1) очень хороший обед в 3 блюда: вкусн[ый] борщ, 2) два куска жаркого не вареного, мягкого, вкусного с целой тарелкой пюре, и 3) компот (полная тарелка) — 2 рубля, без компота 1S р[убля], но, в самом деле, хорошая ресторанный-вкусная пища. Можно на дом брать, — а зимою можно и в столовой обедать (но — принося свой хлеб); пока — столовой нет, обедают под деревьями в саду («до ноября», наивно говорят тут, не зная, что в ноябре иногда бывает дождь). Тут безоблачная синева — месяцами, без капли дождя.

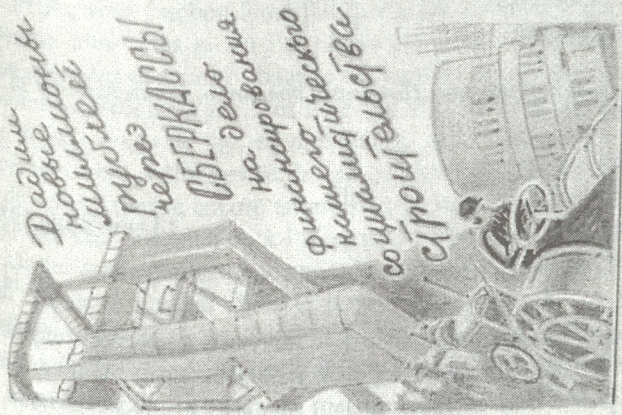
Ложная справочка! Я не могу разыскать Смирнову, кругом никто тут не знает. А Chandelle de cierge* вовсе не живет на Пролетарской, а служит там. Живет же у черта на куличках, за Головным Арыком (арыки — это горные ручьи, текущие тут по всем улицам, — и откуда ведрами берут воду по улицам).

Сегодня выяснилось, что уже послезавтра будем улавливаться о лекциях, числе часов etc. Б. Ал. оч[ень] сухо относится к моему желанию отыскать Chandelle de cierge. Но я уже было оставил письмо и жду словора, где и как встретиться. Сплю я теперь, сняв полкомнаты у нь] милого — тоже; каковой — тоже; — и в том же дворе, где Б. А., у каковой я столуюсь (реваншируюсь сахаром, арбузами etc). Кстати, если есть немного сахара — пришли, поскольку он тебе не нужен самой.

Люблю Вас, маленькие котики, за Ваш тихонький героизм: мыть полы Вам не придется. Тут кроме этих обедов (= 120 р[ублей] в месяц за обоих), я буду получать только что тут введенный ученый паек (очень обильный), кооперат[ивные] карточки etc. — и приличную зарплату. Послезавтра решится. Пока — идет предельно хорошо (т. е. решающее слово уже сказано). Но нужны детали.

Пишешь мне только ты и Оля. Я это очень запомню. Прошу тебя не кланяться никому, кроме Оли. Шут со всеми. Я Вам может быть, милый котик, буду телеграфировать послезавтра, если что-нибудь путное и точное выйдет. Б. А. — умна и азартна, сына обожает и кричит на него грозно. И называет его Ирккой (так как она ждала дочь, очень была раздражена, что родился сын и так как дочь должна была быть

* Свечка; в переносном значении ханжа (фр.).

Давим
новые
миллионы
руpees
через
СБЕРКАССЫ
на дело
напробованья.
Финансировать
наши предприятия
социальства
строительства

ПОСЛАНИЕ
№ 3 000 000 000
РОССИЯ 1991 ГОДА

Зурад
Алма-Ата

до Коммунистической

Мартин

(Ольге Зурагуевне)

Ириной, то она и сына называет всю жизнь) Ириной или Ирккой. Вообще, брат мой Саша заинтересовался бы ею. Мальчик милый, спокойный, — болезненный, 17 лет. Я лично оч[ень] боюсь за него — и тут бояться за него (и доктор тоже), но не говорят матери, чтоб не пугать: что-то не в порядке — в желудке. . . Злодей, к которому взывает Иван Карамазов, тоже замахнулся над бедным Ирккой. Если он умрет, она может сойти с ума. Об этом ни гу-гу маленькому брелочку. Может быть, это у него все-таки просто колит или гастрич[еская] лихорадка, а не что-нибудь злокачественное. — Тут был у нее на днях поэт Нельдихен: птичья рожа, вспухшее самолюбие, орал о конструктивистах, акменстах и еще каких-то столь же никому не нужных поэтических «школах» и течениях. Было скучно, я ушел к себе играть в шахматы. Тут сильные шахматисты. Я проигрываю 5% партий, выигрываю — 95%. Тут работать в унив[ерситете] и в архиве будет можно. Городишко — без всякого комфорта, — но климат первый сорт. Ни облачка, ничего, и жара, но терпимая.

М а с и к может погибнуть дорогой. Береги, чтоб его не украли на станциях. Все тут воруют, у Б. А. украли дымчатого котика, похожего на тебя, как две капли воды.

Не продавайте ничего, м[ожет] б[ыть] я извернусь деньгами. Теперь ведь ничего не купить наново.

Конечно, от Сиротки — ничего путного. (Она с одним д[окто]ром :накомится, но как с улицы: она ровно ничего не поняла в этой «рекомендации»)!

Целую Вас, крошечка.

Что Sorella? Пишите.

*На конверте штамп Заказное. Почтовый штемпель Алма-Ата 14 9 31.
Там же. Л. 33–34 об.*

105

14 сентября 1931 г.

14-IX

В этом дворе, где я в одной квартире ночую, а в другой столуюсь, я имею дело не только с благороднейшею и милевшею Б. А. и ее сыном и другими двумя очень симпатичными людьми и шахматистами, но также и Сильвой — псом умным и вдумчивым, кладущим мне на колени свою серьезную голову, сыном Сильвы — Милкой, рыжим очень

честным псенком — и до последнего времени — еще дымчато-серебряным котенком, похожим на моего как две капли воды (только улыбочки умной нет; остальное же все такое самое). Увы! Его украли, — и вот почему мне особенно жгуче хочется увидеть поскорее своего собственного. Завтра м[ожет] б[ыть] телеграфирую после унив[ерситета], если будет о чем. Тут нужен примус или самовар, нужен сахар, чай и все вообще. Особенно нет бумаги (нигде!) и сахару, хотя на сахар есть надежды. Дело с обедами решается положительно хорошо: обеды очень вкусные и дешевые берут на дом; столовая — зимняя <м[ожет] б[ыть]> будет < . . >¹, пока — в саду обедают. Нужны вилки, ножи (ложки — дают там). Есть большой парк. Вокруг сияют горы с вечными снегами. Приезжали на днях американские туристы (альпинизм — тут развит). Поцелуй тетку. Смирн[ову] разыскать не удалось. Никто ее не знает. Целую Вас, м[иленькие] к[отики].

14. – Вечер. Писчей бумаги нет абсолютно.

Т. е. на дом безусловно есть и будут обеды. А м[ожет] б[ыть] будет и зал роскошный зимою.

Почтовые штемпели Алма-Ата 15 9 31 и Ленинград 24 IX 31 22. Там же. Л. 30 об.

106

15 сентября 1931 г.

Petite, votre jambon fumé fait fureur ici: on me fête pour ce luxe (mon hôtesse et mes hôtes — où j'ai planté ma tente). Si vous m'envoyez ou si vous apportez dans votre bagage un jambon de ce genre, ce serait d'une ressource appréciable ici. Mes hôtes en ont fait un plat chaud et même ont pris un peu d'eau de vie, en préférendant, qu'un jambon de ce genre exige impérativement d'être arrosé. Il fait ce matin très chaud, 28° à l'ombre, et on dit que ça durera encore au mois. . . de novembre les 43° de latitude — ça correspond à Sienna ou à Piacenza. Je crois que ce matin je saurai bien de choses intéressantes pour nous, je vais à l'université. Oh, que je désire mon Hortense (surtout après la perte d'autre petit châtou fumeux-argent, dont je vous ai parlé).

Je vous embrasse, mon petit trésor. Embrassez la tante. A vous

ET

¹ *Рукой Тарле вымарано одно слово.*

Pas un jour de pluie! pas une heure!

15/IX

La Smirn[ova] toujours introuvable! Elle est un mythe?
Le sucre, le thé, le papier à écrire, le jambon fumé!

Почтовый штемпель Ленинград 22 9 31. Там же. Л. 36 об.

Перевод:

Малышка, твоя копченая колбаса произвела здесь фурор: меня на руках носят за эту роскошь (моя хозяйка — и мои хозяйка, — у кого я раскинул свой шатер). Если бы ты мне отправила или привезла с собой такую колбасу, это стало бы здесь ценным подспорьем. Мои хозяева сделали из нее горячее блюдо и даже выпили немного водки, считая, что такую колбасу обязательно требуется всприснуть. Сегодняшнее утро очень жаркое, 28° в тени, и говорят, что так будет продолжаться по... ноябрь месяц. Широта 43° соответствует Сиенне или Пьяченце. Думаю, что сегодня утром узнаю много интересного для нас, иду в университет. О, сколь желанна мне моя Гортензия (особенно после потери другого котенка, дымчато-серебристого, о котором я тебе писал). Целую тебя, мое маленькое сокровище. Поцелуй тетку. Твой

ЕТ

Ни одного дождливого дня! ни часа!

15/IX

Смирн[ова] все еще не находится. Не миф ли она?
Сахар, чай, писчая бумага, копченая колбаса!

107

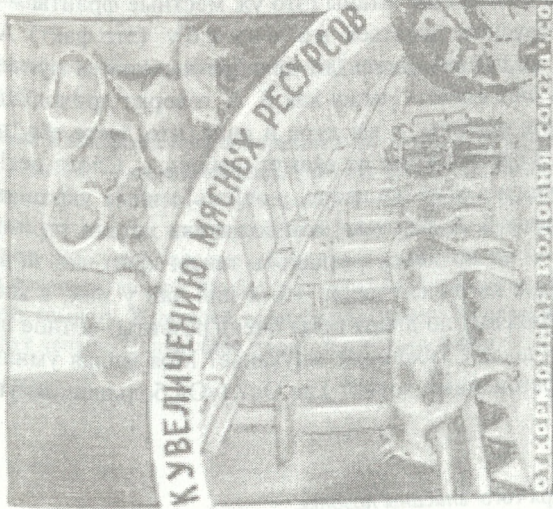
15 сентября 1931 г.

15/IX

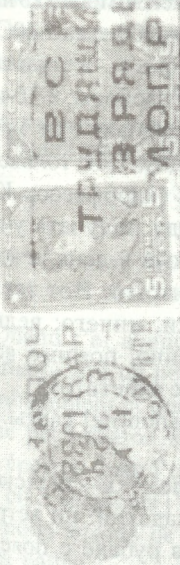
Милый котенок! Только что дело с универ[ситетом] решилось окончательно. Меня пригласили читать общий курс (2 часа в декаду), — с окладом в 200 с хвостиком в месяц, — а с января обещают 350–400 в месяц же. Но сегодня же выяснилось также¹, что краевая

¹ Слово также вписано позднее.

ЧЕРЕЗ ПРОМЫШЛЕННЫЙ ОТКОРМ

— К УЛУЧШЕНИЮ
СНАБЖЕНИЯ МЯСОМ
РАБОЧИХ

Копия
гос. филма Ана
до Восп. ред. вана

Ваше письмо
Мария

Подпись НЮН и Г. Мускобант № 4735
Ул. Гусаров, 123А. Москва 1039. 14.04.51.

секция научн[ых] работн[иков] рекомендует сверх того¹ здешнему Центрархиву меня на службу, и через неделю это решение (там меня хотят, а это равносильно еще 200 р[ублям] в месяц. Итого с 1 октября я м[ожет] б[ыть] буду получать 400 рублей в месяц (Универ[ситет] + Центрархив = 200 + 200)², а с 1 января 500 или 600. Универ[ситет] платит прекрасно: буду занят один раз в десять дней (и всего 2 часа!), т. е. — 9 дней абсолютной свободы, а 10-ый — 22 часа свободны; и за это 200 рублей! — Комнат обещают от Универ[ситета] две, но пока ищут (от Унив[ерситета]) одну. Как только устроится, напишу тебе. Ввиду моего нового звания («профессор Казах[станского] госуд[арственного] университета»), буду получать ученый паек (очень тут обильный, много хлеба, литр молока в день, а коровы тут замечательные (толще Марг[ариты]) и еще что-то. Вот только с комнатой — ни то ни се. Не продавайте, котики, ничего: ведь 400 р[ублей], это равно нулю, я достану их непременно, помимо всяких вещей. Обеды будем получать прекрасные (я их ем с аппетитом!).

Слушатели — казахи, собств[енно] кайсаки, бывш[ие] сарты. Почтенный народ. Очень почтенный и лаконичный.

Городишко без удобств, и деревянно-деревенски-азиатско-инженско-некомфортабельный. Но — климат — аркадский: ни ветра, ни дождя: ровная синева и жаркое солнце. Я хожу в рубахе с поясом, и никто тут никогда ничего не носит, кроме рубахи с галстуком или без галстука, — да иногда еще штаны (это уж местные франты — Брэммили; можно и в трусиках являться на службу (это факт). А можно и без трусиков, au naturel. Здесь до декабря кажется и присниться не может пиджак или жилет. Слышу как Б. А. говорит приходящей работнице: «Ваш муж пьяница, а вы дура и овца, что даете ему пропивать вас с детьми». Гортензия так не скажет, небось. . . Слога нет! Я кочую и имею ½ комнаты в этом же дворе, у оч[ень] милых украинцев, а обедаю и кофе пью у Б. А. Сегодня мои сожители хотели утром, чтоб я у нихпил чай, — но по двору раздалось такое: «Это что за вопиющее безобразие! Ни в каком случае!». Что япил чай у них, а кофе у Т. Б. Тут вообще сношения по двору дома очень развиты: вечное лето этому способствует. Где мое тихонькое мяуканье? Моя милая умильная умилбочка? Мой драгоценный котик? Где Он? («О» большое, из уважения к

¹ Слова сверх того вписаны позднее.

² Слова (Университет + Центрархив = 200 + 200) вписаны позднее.

Котенку). Целую Вас и все Ваши лапки. Поцелуй тетку и Маню, и Олю.

Если можете, пришлите бумаги, сахару, сухой колбасы.

Мальчику влетело за указание. . .

Это Вам не котенок тихонько мяукающий! Манечка! Тебя слышно в Ташкенте!

На конверте штамп Доплата. Почтовые штемпели Алма-Ата 15 09 31 и Ленинград 14 XI 31 11. Там же. Л. 8–10 об.

108

15 сентября 1931 г.

Quand j'ai avancé l'opinion que le petit maton qui repond au nom d'Hortense soit un petit animal idéal, hors prix — on m'a riposté que c'est un emballement et que peut-être, il est vraiment pas mal, — mais que, pour sûr, ce petit châton «est un habile personnage pour se faire une situation aussi énorme dans l'esprit d'un homme comme moi». Je crois que dans 10 jours on 2 semaines j'aurai une chambre. Attends mon télégramme ne vents rien, nous aurons de l'argent sons peu. Je vous embrasse vos jeux, vos petites pattes.

15/IX soir

Почтовый штемпель Алма-Ата 16 9 31. Там же. Л. 16 об.

Перевод:

Когда я высказал предположение, что котенок, отзывающийся на имя Гортензия, — маленькое идеальное животное, бесценное, — мне тут же возразили, что это — увлечение и что, может быть, он действительно неплох, но что, разумеется, этот котенок «довольно ловкое существо, раз сумел завоевать себе такое значительное место в душе такого человека, как я». Думаю, что через 10 дней или через 2 недели я получу комнату. Жди моей телеграммы, ничего не продавай, скоро у нас будут деньги. Целую тебя, твои глазки, твои лапки.

15/IX вечер

19 сентября 1931 г.

19/IX

Милая Ляличка, получил посланные тобою (deux cents)*, это было совсем лишнее. Я — в поисках комнаты, сегодня универ[ситет] скажет мне, нашел ли он для меня уже что-нибудь (3 дня он искал). Вообще же, с октября — безусловно будет (уступается профессором, едущим в годовой отпуск), — но м[ожет] б[ыть] и до тех пор будет, и я телеграфирую тогда тебе. Терпи это — с комнатами — беда. — Сахару не посылай, уже нашелся. А писчей бумаги — пошли (если есть там). Тут — ни листа нигде, ни за какие деньги. Погоды стоят дивные: мягчайшая жаркая весна или начало лета, ни ветерка, ни тучки, днем яркое солнце, ночью ослепительные звезды, которых я и не подозревал. Тропическое небо, Южный Крест! Целую.

Евг[ений]

Еще раз поздравляю с вчерашней годовщиной (5-ая!).

На открытке штамп Доплатить 20 коп[еек]. *Почтовый штампель* Алма-Ата 20 9 31. Там же. Л. 7 об.

20 сентября 1931 г.

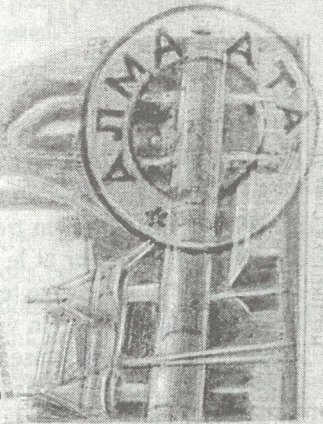
20-IX

Chere petite, la situation s'annonce assez favorablement: j'ai déjà pour le 15–17 octobre une bonne chambre (toute meublée), — et cette promesse est formelle. Mais indépendamment de cette combinaison, — j'ai une promesse encore plus formelle du recteur de l'université: «Nous vous donnerons deux chambres, sans peu, — et en attendant nous vous procurerons une chambre, soyez bien sûr». L'un de ces jours donc vous allez recevoir un télégramme décisif. — Le fils de Berte toujours — entre la maladie et la santé — part pour Moscou, elle est tres inquiète et nerveuse.

* Двести (фр.).

НА ЗАВЕРШЕНИЕ
ПЯТИЛЕТНИ
МОБИЛИЗУЕМ ЧЕРЕЗ ЗАЕМ
ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА!

ОБЩЕСТВЕННОСТЬ -
ПОДПИСКУ
СЛОВНО
ЗАКРЕПЛЕНИЕ

Карантин
г-жа Анна-Ана

До беспрепятственности
0.5. Марше

crie à tue-tête: «Ah, garçonnet gnole! Ah, égoïste abominable!», et l'embrasse après 5 minutes, et lui est tout à fait impossible. Cela m'amuse beaucoup. C'est une vaudeville qui se renouvelle tous les jours. (Et la voix . . . qu'on entend à Tachkent). A l'université on me comble d'amabilités.

Je vous embrasse. Ton petit maton.

Почтовый штемпель Алма-Ата 22 9 31. Там же. Л. 29 об.

Перевод:

20-IX

Дорогая малышка, ситуация обещает быть достаточно благоприятной: к 15–17 октября у меня уже будет хорошая комната (совершенно обставленная), — и это обещание определленно. Но независимо от этой комбинации, — у меня есть еще более определенное обещание ректора университета: «Скоро мы вам дадим две комнаты, — а пока мы вас обеспечим одной комнатой, не беспокойтесь». В ближайшие дни вы получите решающую телеграмму. — Сын Берты — ни болен, ни здоров — все еще уезжает в Москву, она очень волнуется и нервничает, оглушительно кричит: «Ах, глупый мальчишка! Ах, мерзкий эгоист!» и через 5 минут его целует, а он абсолютно невозмутим. Это меня сильно забавляет. Это водевиль, повторяющийся каждый день. (А голос . . . его и в Ташкенте слышно). В университете меня осыпают любезностями.

Целую тебя, мой котенок.

111

21 сентября 1931 г.

21/IX

Ma petite, à l'université j'aurai, dès 1 octobre le dedoublement du travail, — deux grands cours au lieu d'un seul dont il s'agissait jusqu'à ce jour. (Et dès 1 janvier on y ajoutera un troisième). Tout cela augment les appointements. Je vois que le recteur et le conseil désirent que je donne à l'université tout ce que je peux. En même temps on veut que les Archives de Kasakhstan m'invitent immédiatement. On va voir. — Tout cela donnera plus qu'il n'en faudra pour vivre avec Hortense et Massik, deux membres de ma famille. Et dites à la tante qu'elle recevra mensuellement sa pension de moi. J'ai une abondance de sucre! C'est le thé et le papièr à écrire qui manquent. Quant à la chambres, l'université me la donne, et promet (pour

plus tard) — même 2 chambres (avec electricité!). Je vous embrasse. Ne vendez rien. Nous aurons bien d'argent. A vous.

ET

En pur français: outre la s a r p l a t a je recevrai un grand paiok et un «paiok» avec des «giry».

Une chaleur! 28° à l'ombre.

Почтовый штемпель Алма-Ата 22 9 31. Там же. Л. 31 об.

Перевод:

21/IX

Малышка моя, с 1 октября в университете у меня работа раздваивается, — два больших курса вместо одного, о котором речь шла до сего дня. (И с 1 января к этому прибавится еще третий). Все это увеличивает оплату. Я вижу, что ректор и совет хотят, чтобы я давал университету все, что я могу. Одновременно хотят, чтобы Архив Казахстана пригласил меня немедленно. Посмотрим. — Все это даст больше, чем нужно для жизни с Гортензией и Масиком, двумя членами моей семьи. И скажи тетке, что она ежемесячно будет получать содержание от меня. — У меня и з о б и л и е сахара! А вот чая и писчей бумаги не достаёт. Что касается комнаты, университет мне её даёт и обещает (через некоторое время) — даже 2 комнаты (с электричеством!). Целую вас. Не продавайте н и ч е г о . У нас будет много денег. Ваш.

ET

На чистом французском: Кроме з а р п л а т ы я буду получать большой паек, и «паек» с «жирами».

Жара 28° в тени.

112

[не позднее 22 сентября 1931 г.]

Ma petite, j'ai reçu votre carte datée de 1-e — Chez qui («Т») avez vous été? Pourquoi cette «Т» vous conseille partir le 15? Pourquoi vous serez «peut être nécessaire»? Autant d'énigmes, que je ne parviens pas à déchiffrer. Vos lettres expriment une vive inquiétude, vous rédoutez l'indigence etc. Tranquillisez vous: j'aurai assez pour vivre avec mes deux matons; je suis déjà j u s q u ' a u janvier professeur à l'université avec 200 par mois et a p r è s 1 janvier avec 350 ou 400 par mois; et je serai des 1 octobre aux Archives de Cosakstan avec 200 par mois. Et il y a encore des perspectives tres interessantes et tout à fait possibles, parce que je serai

occupé à l'université de u x h e u r e s par . . . une decade! C'est à dire je serai tout à fait libre 9 jours et 22 heures — par decade!

Je vous embrasse, petite.

J'ai beaucoup de sucre. Reçu ce matin . N'envoi pas.

Et le paiok etc etc!

Почтовый штемпель Алма-Ата 22 9 31. Там же. Л. 37 об.

Перевод:

Малышка моя, получил твою открытку от 11-го. У кого («Т.») ты была? Почему эта «Т.» советует тебе уезжать 15-го? Почему ты «можешь понадобиться»? Столько загадок, которые я не в силах разгадать! Твои письма выражают живейшее беспокойство. Ты боишься нищеты и т. д. Успокойся: я буду иметь достаточно, чтобы жить с двумя моими котятками: я уже до 1 января профессор университета с окладом 200 в месяц, а после 1 января с 350 или 400 в месяц; и с 1 октября буду в Архиве Казахстана получать 200 в месяц. И еще есть очень интересные перспективы, и все это возможно, потому что в университете я буду занят д в а ч а с а . . . в декаду! (то есть я буду совсем свободен 9 дней и 22 часа — в декаду!)

Целую тебя, малышка.

У меня много сахара. Получил сегодня утром. Не посылай.

И п а е к и т. д. и т. п.

113

29 сентября 1931 г.

29/IX

Petite, — 2 jours sans nouvelles de votre part. Est-ce que mon maton est malade? Ici — la chaleur est plus grande que jamais: 29° à l'ombre! (comme à Nice au mois de juillet et après demain nous sommes en octobre!) — Et pas une pluie tout le temps! Mes affaires vont bien. Je travaille beaucoup, et le soir je joue aux échecs avec l'Ukrainien, un homme, aimable et sympathique qui m'a prouvé que si Pouchkine avait encore quelques qualités qui lui manquaient, il aurait été presque égal à Schewtchenko: peu s'en fallait. . . Les Archives désirent que je prenne le service le plus tôt possible. Si je le fais, je vous écrirai. J'ai acheté: (1) un fauteu, (2) une chaise, (3) une petite table; j'ai aussi — mais gratuitement — de l'univ[ersité] *topchan!* C'est l'ameublement comeplet pour la chambre. Cette chambre est ensoleillée (tres chaude en hiver!) et le paruil est devant

Алма-Ата

ПОДА
ВРЯДЫ
ПОДА

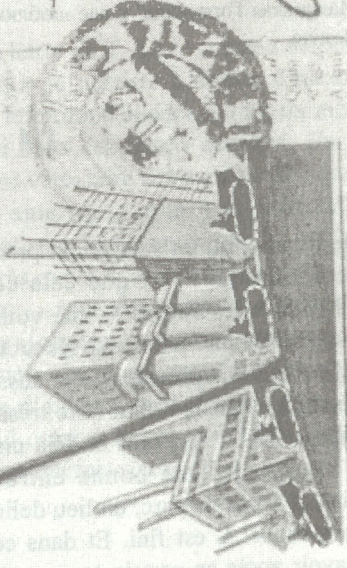

Алма-Ата

О.Г. Марне

до Воскресенья

СУЩЕСТВО БОЛЬШЕВИСТСКОГО
НАСТУПЛЕНИЯ СОСТОИТ ДАЛЕЕ
ТОМ, ЧТОБЫ МОБИЛИЗОВАТЬ
В НАСНУМ СРЕДСТВ НА ДЕЛО
ФАШИИ И СМЕРДАННИИ
НА ДЕЛО ФАШИИ И
НОВАВ И НАШИХ СОВ.
РОЗОВ И КОЛХОЗОВ.
(СТАЛАН)

№ 101, ПЕТУ-Ун, Ереван 25.11.1941
№ 101, Тар, 1000000000
С.С.С.Р., 1932 ГОДИН.

la porte de la maison (et à 10 pas de l'université! l'endroit est bix le meilleur, en ville.

Petite Hortense, je vous aime.

Je vous embrasse.

Почтовый штемпель Алма-Ата 29 9 31. Там же. Л. 27 об.

Перевод:

29/IX

Малышка, — 2 дня без новостей от тебя. Что, мой котенок заболел? Здесь — жара сильнее, чем когда-либо: 29° в тени! (как в июле в Ницце, а послезавтра октябрь!) — И ни одного дождя за все это время! Дела мои идут хорошо. Работаю много, вечером играю в шахматы с украинцем, любезным и симпатичным человеком, который мне показывал, что если бы у Пушкина было бы еще несколько качеств, которых ему не хватало, он мог бы быть почти равным Шевченко: почти что. . . Архив хочет, чтобы я приступил к работе как можно скорее. Если я это сделаю, я тебе напишу. Я купил: 1) кресло; 2) стул; 3) маленький столик; у меня есть — но бесплатно — от Унив[ерситета] *топчан*. Это полная обстановка комнаты. Эта комната очень солнечная (очень теплая зимой!) и парк перед дверью дома (и в 10 шагах от университета). Место — лучшее в городе.

Маленькая Гортензия, я вас люблю.

Целую.

114

[не позднее 30 сентября 1931 г.]

Petite, il paraît qu'on veut à tout prix que je servisse aussi les Archives d'Etat de Kasahstan — et que cela commence immédiatement. Si on parvient à presser les choses — me voilà installé très confortablement au point de vue budgétaire parce que les archives me proposent aussi la *polnaia stavka* qui est assez appréciable, elle aussi. Je vous tiendrai au courant. Et à present, petite Hortense, il faut faire très saillir vos petites oreilles et écouter: *consum matum est*: j'ai d'ores et déjà une bonne chambre, avec électricité, avec un bon poêle, une bonne entrée, et 10 pas (litteralement!) de l'université, et 1 pas du parc, un lieu délicieux, et 1 pas de la *stolovaia* où je prends mes repos! C'est fini. Et dans ce même logement il y a un ferme espoir d'avoir après un certain temps une autre chambre. Le 10 octobre je puis déjà prendre possession de cette chambre. Et j'en déjà les lits, la table, un fauteuil, une chaise!!

Почтовый штемпель Алма-Ата 30 9 31. Там же. Л. 26 об.

Перевод:

Малышка, кажется, любой ценой хотят, чтобы я служил также в Государственном Архиве Казахстана — и чтобы это началось сейчас же. Если удастся поторопить дело — вот я и очень комфортабельно устроен с бюджетной точки зрения, так как архив мне предлагает полную ставку, которая также довольно весома. Я буду держать тебя в курсе. А ныне, маленькая Гортензия, нужно навести ушки и слушать: *consummatum est*¹: у меня уже есть хорошая комната с электричеством, с печкой, хорошим входом, в 10 шагах (буквально!) от университета и в 1 шаге от парка, чудное место, — и в 1 шаге от столовой, где я питаюсь! Кончено. И есть твердая надежда в той же квартире получить через некоторое время другую комнату, 10 сентября я могу уже вступить во владение этой комнатой. У меня уже есть кровати, стол, кресло, один стул!

115

30 сентября 1931 г.

30/IX

Petite, hier j'ai reçu une grande lettre de T. A.; le contenu de cette lettre m'a fait réfléchir et réanalyser. Mais je persiste à douter d'un amour et d'une amitié¹ qui s'expriment par le profond silence durant un mois, dans les circonstances où je me trouvais dans ces temps derniers. J'ai lui fait remarquer dans ma réponse, que je ne veux faire des manigances mondaines, que c'est avec une profonde amertume que j'ai constaté «son indisposition pour la plume» — et que je ne veux pas lui cacher, que j'attends son explication, que si après avoir lu sa lettre prochaine, — je ne l'acquiesce pas dans mon for intérieur, — tout sera rompu et fini (c'est à dire notre amitié de 25 ans), et elle rejoindra dans mes pensées la foule innombrable de mes bonnes connaissances qui préfèrent de garder le mutisme obstiné (ce dont je me fiche d'ailleurs, dans les hauts prix, moi). — Petite je vous écrirai encore. Le 5–6 octobre venez: la chambre sera prête. Et c'est un bonheur: on couche ici quelquefois sous l'étoile!

¹ свершилось! (лат.).

¹ Слова d'une amitié вписаны позднее.

J'embrasse la tante et Massik.
Je vous embrasse.

Почтовый штемпель Алма-Ата 30 9 31. Там же. Л. 25 об.
Перевод:

30/Х

Малышка, вчера я получил большое письмо от Т. А.; содержание этого письма заставило меня размышлять и снова анализировать. Но я упорно сомневаюсь в любви и дружбе, которые выражаются в глубоком молчании целый месяц, — учитывая обстоятельства, в которых я нахожусь в это последнее время. Я заметил ей в своем ответе, что не хочу делать ни малейших упреков, что я с глубокой горечью отметил ее «нерасположенность к перу» — и не хочу от нее скрывать, что жду ее объяснений и что, если по прочтении ее следующего письма, — я не оправдаю ее в глубине души, — все будет разорвано и кончено. (То есть наша 25-летняя дружба), и она мысленно мной будет отнесена к бесчисленной толпе моих добрых знакомых, которые предпочитают хранить упорное молчание (над чем я, впрочем, смеюсь). — Малышка, я тебе еще напишу. 5-6 октября приезжайте; комната будет готова. И это счастье: иногда здесь спим под звездами.

Целую тебя и Масика.
Целую тебя.

116

30 сентября 1931 г.

Mon petit maton, je viens de recevoir vos deux cartes des 20 et 21. La chambre sera à notre disposition le 10 octobre. Partez de Moscou à Alma-Ata le <4> 5 octobre (ou le 4) — et vous serez le 10 ici. Petite, je ne comprends rien de rien dans vos abréviations qui est ce «Н. Б.»? qui vous dit des choses importantes et dont les conseils pèsent gravement sur vos décisions? Et qui est ce «Тus. Ap.»? qui s'occupe de l'histoire du «край»? et qui veut me parler de cette entreprise scientifique? Autant d'énigmes insolubles pour moi. Je suis ravi de revoir mes petits animaux. Mais hélas! le Massik paye pour son billet au chemin de fer!! (La somme m'est inconnue). Je vous embrasse, ma petite. J'ai reçu une carte d'Olia qui me prouve efficacement qu'elle est vraiment mon amie.

Comme c'est bien de vous revoir.

Tachez d'avoir la platskarta du II cl[asse] de мягкий вагон с плацкартой.

30-IX-1931

Почтовый штемпель Алма-Ата 30 9 31. Там же. Л. 28 об.

Перевод:

Котеночек мой, только что получил твои две открытки от 20 и 21. Комната будет в нашем распоряжении 10 октября. Выезжайте из Москвы в Алма-Ату 5 октября (или 4) — и вы будете здесь 10-го. Малышка, я ничего не понимаю в твоих сокращениях, кто этот «Н. Б.»?, который говорит тебе важные вещи и советы которого серьезно влияют на твои решения? И кто этот «Tus. Ap.», занимающийся историей «края»? И кто хочет со мной поговорить относительно этого научного предприятия? Столько неразрешимых для меня загадок. Я в восторге, что увижу своих двух зверюшек. Но увы! Масик платит за свой железнодорожный билет! (Сумма мне неизвестна). Целую тебя, моя маленькая. Получил открытку от Оли, которая мне убедительно доказывает свою истинную дружбу. Как это хорошо снова вас увидеть.

Постарайся купить плацкарту II кл[асса] — мягкий вагон с плацкартой.

30-IX-1931

2 октября 1931 г.

2 окт[ября]

Милая крошечка, жду тебя, все есть, т. е. комната (Нарынская, 81). Нарынская улица. С вокзала идет регулярно грузовик-автомобиль в город. Телеграфируй из Москвы когда выедешь, я встречу. Телеграмму — срочную дай¹, п[отому] ч[то] простые идут, кажется, медленней поезда. Как я дождусь тебя! Я все время (была страшная возня из-за комнаты, до последнего момента ничего не было окончательно решено) боялся обнадеживать себя и тебя! Расскажу, когда увидимся. Бери мягкий вагон и плацкарту до Алма-Ата (прямой вагон от Москвы). Телеграфируй уже имея плацкарту, с вок-

¹ Слова срочную дай подчеркнуты двойной чертой.

зала московского, я высчитаю, когда выехать на вокзал тебя встретить (от станции и до города Алма-Ата далеко). Может быть, если вещей много, — возьмем арбакеши (20 рубл[ей]), — это удобно, подвезет прямо к дому. Целую несчетно.

Поцелуй тетку.

Почтовый штемпель Алма-Ата 4 10 31. Там же. Л. 2 об.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААН — Архив Академии наук
АН — Академия наук
АП РФ — Архив Президента Российской Федерации
АРА — Американская администрация помощи (American Relief Administration — ARA)
АЧ — Административная часть
б. — бывший
БАН — Библиотека Академии наук
БЮК — Бюро книгообмена Академии наук
ВКП (б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВОКС — Всесоюзное общество культурных связей
вол. — волость
ВУЗ — Высшее учебное заведение
вх. — входящий
ВЦИК — Всесоюзный Центральный исполнительный комитет
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ГДР — Германская Демократическая Республика
г. д. — год рождения
ГПУ — Государственное политическое управление
гр. — гражданин
губ. — губерния
ГУС — Главный ученый совет
д. — дело
ДПЗ — Дом предварительного заключения
ед. хр. — единица хранения
ЖАКТ — Жилищно-арендное кооперативное товарищество
ж.д. — железная дорога
зав. — заведующий
зам. — заместитель

им. — имени
КазПИ — Казахтанский педагогический институт
КГБ — Комитет государственной безопасности
КНБ — Комитет национальной безопасности
к. р. — контрреволюционный
ЛВО — Ленинградский военный округ
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
МБ — Министерство безопасности
МВД — Министерство внутренних дел
МГУ — Московский государственный университет
наб. — набережная
нач. — начальник
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
НКВД — Народный комиссариат иностранных дел
НЭП — Новая экономическая политика
обл. — область
ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление
оп. — опись
опер. — оперативный
Осваг — Осведомительное агентство Добровольческой армии
отд. — отделение
п. — пункт
пом. — помощник
п/нач. — помощник начальника
ПП — полномочное представительство
пр. — проспект
РАН — Российская Академия наук
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства
РКИ — Рабоче-крестьянская инспекция
РНБ — Российская национальная библиотека
РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РФ — Российская Федерация
РЦХИДНИ — Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории
с. г. — сего года
САСШ — Северо-Американские Соединенные Штаты

секр. — секретный
СМ — Совет министров
СНК — Совет народных комиссаров
СО — Секретный отдел
СОУ — Секретно-оперативное управление
СПб — Санкт-Петербург
СПбНЦ — Санкт-Петербургский научный центр
ср — социалист-революционер
СССР — Союз Советских Социалистических Республик
ст. — статья
США — Соединенные Штаты Америки
т. — товарищ
т. д. — так далее
т. к. — так как
т. п. — тому подобное
ТАСС — Телеграфное агентство Советского Союза
УК — Уголовный кодекс
УПК — Уголовно-процессуальный кодекс
упр. — управление
ф. — фонд
ФСБ — Федеральная служба безопасности
ЦА — Центральный архив
ЦИК — Центральный исполнительный комитет
ЦК — Центральный комитет
ч. — часть
ЧК — чрезвычайная комиссия
чл. — член
чл.-корр. — член-корреспондент

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН К ВЫПУСКАМ 1 И 2¹

- А[лександр] М[ихайловна], неустановленное лицо (2) 610
Авербах Л. Л. (1) XXXII
Августин Аврелий св. (2) LXIX
Ага-Магомет-Хан (2) CXXII
Агафонов В. К. (2) 12, 23, 32, 125, 261, 347, 348, 452
*Агранов (Сорензон) Я. С.
(1) XXVII, XXX, XXXIV–XXXVI, XLIV; (2) XX, XXI, XXIV, XXVI, XXVII, XLVIII–L, LXI, 576, 599, 603, 604, 608
Адамов Е. А. (2) 482, 486, 488
Адлер Б. Ф. (1) 76
Адмони В. Г. (2) LXXXV
Адмони-Красный Г. Я. (2) LXXXV
Адоратский В. В. (2) 594
Адрианов С. А. (1) 270
Азадовский М. К. (2) CXXXII
*Азов (Ашкинази) В. А. (2) 107, 345
Аитов Д. А. (2) 28, 44
Аитова (урожд. Маргулиес)
(2) 261, 453
Айзенберг В. А. (2) 347, 348, 453
Айхенвальд Ю. И. (2) 261, 439
Акимов (ошибочно) (2) 95
Акулина, персонаж повести Д. В. Григоровича «Деревня» (2) 622, 641
Акулов И. А. (1) XXXVII
Алашев А. А. (1) IX
*Алданов (Ландау) М. А. (2) 190, 236
Алдошин Г. Д. (1) XLII
Алеви Л. — см.: Галеви Э.
Александр I, имп. (2) CXVI, CXVII
Александр III, имп. (1) LXIII, LXVI, LXVII, 21
Александр Македонский (2) CVIII
Александров (ошибочно) — см.: Соколов Н. А.
Александров Г. Г. (2) 129, 130, 481
Алексеев В. М. (1) 172, 188; (2) XXVI, 210–217, 461, 462, 482, 486, 488
Алексеев Н. Н. (2) 250, 416, 465
Алексей Михайлович, царь
(1) 281, 283; (2) LXXXIII
Алексей Федорович — см.: Малов А. Ф.
Алексий (Симанский С. Ф.), епископ, впоследствии патриарх
(1) 254
Алексий человек Божий (1) 254
Алексинский Г. А. (2) 279, 423
Алферов Ж. И. (1) LX; (2) VII
Альбац Е. М. (2) VIII, XVIII
Алькин Ф. (2) 11
Алявдин А. П. (1) 179
Аманулла-хан (2) 152, 213, 232, 233, 375, 414, 480, 486
Амфитеатров А. В. (2) XVIII
Ананьич Б. В. (1) LXI; (2) VIII, XIII, XVIII, LVI, LVII, LXIII, XCVI
Андерсон В. М. (2) 488
Андреев (2) 586

¹ (*) Звездочкой отмечены псевдонимы.

- Андреев А. А. (2) СХVII
 Андреев А. И. (1) V, XXX, XXXI, XLII, XLVIII, LI, 4, 9, 22, 39, 42, 65, 73–75, 78–80, 89, 97, 98, 100, 104, 110, 114, 125, 156, 169, 170, 172, 174, 179, 181, 193, 202, 288; (2) XVI, XXI, XXII, XXVII, XXXV, XXXVII–XL, LI, 20, 60, 68, 69, 88, 102, 106, 107, 109, 138, 139, 142, 143, 155, 157, 159, 169, 177, 203, 209, 219, 268, 295, 341, 347, 350, 358, 359, 386, 387, 398, 413, 415, 457, 463, 472, 498, 511, 526, 599, 605
 Андреев И. Д. (1) 36, 38; (2) 35, 102, 106, 107, 175, 176, 388, 389
 Андресвский И. М. (1) 181; (2) 60
 Андрей Владимирович, вел. князь (1) XXXVIII, LXIII, LXVII, 21, 40, 45, 62, 83, 92, 114, 119–121, 123, 124, 141, 143–145, 149, 152, 156, 189, 238, 239; (2) XXXVII, XXXVIII, 18, 23, 24, 30, 31, 52, 58, 80, 90, 111, 112, 124, 125, 186, 189, 222, 241, 246, 247, 252, 256–258, 278, 280, 289, 354, 355, 357, 364, 411, 431, 432, 443, 498, 581, 584, 599, 601, 605
 Аникиев П. П. (1) VI, XLVIII, LI, 5, 9, 182, 234, 243–246, 252; (2) XVI, 460, 464
 Аникиевы (1) 244
 Анисимов А. И. (2) 95, 238, 357, 359
 Аничков Е. В. (2) 500
 Анненские (2) LXXXVI
 Антоний (Храповицкий А. П.), митрополит (1) 39, 220, (2) 319, 321, 378, 427, 459, 524
 Антонович В. Б. (1) 279
 Анфилов Б. И. (2) 389
 Анциферов Н. П. (1) VII, XXIV, XXXIX, XL, LIV, 177, 194; (2) XXXIV, С, 60, 61, 88, 91, 93, 97, 177, 215, 363, 369, 463, 466
 *Аренс (Альтер И. И.) (ошибочно: Аренберг) (2) 482
 *Арзубьев — см.: Губер П. К.
 Аркус (Аррус?) (2) 170, 458
 Арнё (2) 130
 Арнольди А. А. (1) VIII, 255
 Аррус (Аркус?) (2) 170, 458
 Артизов А. Н. (2) XVII
 Архангельский С. И. (2) ХСI
 *Аскольдов (Алексеев) С. А. (1) 181
 Астанин И. П. (1) IX
 *Ататюрк (Кемаль М.) (2) LXXXVIII
 Агила (2) CVIII
 *Ахмагова (Горенко) А. А. (2) 229
 Ахшарумов (2) 378, 524
 Ачесон Д. (2) СХXIV

 Б. А. — см.: Берта Александровна
 Бабенчиков П. П. (1) VI, XL, XLVIII, LI, 7, 9; (2) XVI
 Бабёф Г. (2) LXXXVII
 Багалеи Д. И. (2) 303, 379
 Баженин (2) 209
 Байрон Дж. Г. Н. (2) СХХХI, 625
 Бальзак О. де (2) 626
 Бальмонт К. Д. (2) 231
 Баньковский В. А. (1) VIII, 179; (2) 215
 Баранов-Гальперсон С. С. (1) X, 65, 66; (2) XXVII
 Баранова-Гальперсон Е. Г. (1) XI
 Барбашев А. И. (1) LXIV
 Барклай де Толли М. Б. (2) СХ, СХХV
 Баргольд В. В. (1) 24, 32, 34, 37, 172; (2) XXXV, 155, 200, 210, 212, 213, 215, 654
 Баскаков В. Н. (1) LXX, LXXXI
 Бато-Плеханова Е. Г. (2) 261, 453
 Бауман К. Я. (1) XXI
 Бах А. Н. (1) XIX, 25; (2) 180
 Бахрушин С. В. (1) VI, XLVIII, XLIX, LI, 5, 9, 76, 89, 98, 114, 156, 170, 202, 242, 249, 253, 254;

- (2) XVI, XXIX, XXXII, XXXIII, XL, 47, 155, 159, 377, 464, 517, 520, 521, 523, 525, 526, 602
- Бахтин В. В. (1) 179; (2) 102, 177, 200, 388
- Бахтин М. М. (2) СХХVII, СХХХ
- Башкирцева М. К. (2) 657, 660–662, 665, 666
- Беккет С. (2) 668
- Белавенец П. И. (2) 172, 209, 392
- Белавин (2) 301
- Белобородов А. Г. (2) 252
- Белозерская (в замуж. Булгакова) Л. Е. (2) СХХVII
- Беляев М. Д. (1) VII, VIII, XLI, 173; (2) XXI, XXII, 91, 371, 463
- Бенеш Э. (2) 595–597
- Бенешевич В. Н. (1) VI, IX, XX, XLI, XLVIII, XLIX, LI, 4, 9, 22, 121, 124, 159, 161, 163, 203, 204, 212–214, 219–221, 235, 239, 249; (2) XVI, XXIV, XXVII, LIII, LXXXVI, 38, 39, 48, 81, 82, 88, 90, 96, 97, 108, 121, 149, 155, 157, 164, 175, 176, 183, 184, 187, 203, 233, 234, 266, 270, 271, 277, 282, 283, 295–298, 304–306, 315, 317–319, 322, 339, 340, 362, 365, 371, 390, 415, 425, 431, 437, 455, 458–460, 463, 466, 468, 490, 575, 583, 599, 601, 602, 606, 607
- Бенешевич Д. Н. (1) VI, XLVIII, XLIX, LI, 7, 9; (2) XVI, XXVII
- Бенешевич Л. Ф. (1) IX; (2) 304
- Бенешевичи (2) 304
- Бенкендорф П. К. (1) 189
- Берганье Ж. (2) 264
- Бердяев Н. А. (2) LXVIII, XCV
- Бернадская Е. В. (2) СХХVIII
- Бернацкий (2) 241
- Бернштейн С. Н. (2) 34
- Бернштейн Э. (2) LXXXIV
- Берта Александровна, алмаатинская знакомая Е. В. Тарле (2) 677, 678, 681, 686, 688, 692, 696
- Бертело Ф. (2) 85–87, 89, 337, 338, 449, 483
- Бестужев-Рюмин К. Н. (1) LXIV, LXV, 257–263
- Бетман-Гольвег Т. (2) LXXXIII
- Бисмарк фон Шенгаузен О. (2) LXXXVIII, XCII, CXI
- Бирюкович В. В. (2) 387
- Блинов И. А. (2) 88, 121, 187, 203, 466
- Блок К. (1) 162, 226, 228; (2) LXXXVI, LXXXIX, XCVIII, CI, 12, 85–87, 115, 326, 441–443
- Блумберг-Коган Т. И. (1) VI, XLVIII, LI, 7, 9; (2) XVI
- Боайе П. — см.: Буайе П.
- *Бобо Пьер — см.: Боборыкин П. Д.
- Боборыкин П. Д. («Пьер Бобо») (2) СХХXI
- Богаевский Б. Л. (2) 217
- Богданов Н. (2) 48, 63, 65, 106, 573, 587, 588
- Богданович Т. А. («Танина Тания»: «Таня Б.») (2) LXXV, XCVI, 610, 625, 626, 629, 632, 638, 640–642, 644, 648, 649, 664, 673, 702
- Богословская (урожд. Толстова) Е. П. (1) 158
- Богословские (1) 159
- Богословский М. М. (1) LXXIV, 24, 55, 84, 85, 87, 89, 90, 98, 100, 102, 104, 114–116, 132, 151, 156, 158, 162, 170, 174, 183, 201–204, 207, 208, 216, 222, 223, 235–237, 241–243, 248–253; (2) XXXVI, XL, XLIV, XLV, XC, XCI, 20, 21, 26, 37, 47, 61, 68, 69, 80, 94–96, 104, 107, 109, 110, 119, 121–123, 125, 126, 134, 135, 137, 141, 142, 144, 145, 147, 148, 154, 155, 159, 160, 162, 166, 170–174, 176, 177, 193, 195, 197, 211, 215, 219, 231, 237, 238, 255, 268, 273, 294, 295, 305, 316, 317, 341, 350, 353, 358, 367, 371.

- 377–379, 381, 384, 398, 453, 473, 498, 506, 509, 517, 518, 520–524, 543, 578
- Богословский С. М. (1) 242
- Богоявленский С. К. (1) VII, 183, 242; (2) XXIV, XXXI, 155, 159, 377, 464, 517, 523, 526
- Болган (Булган?) (2) 306
- Болдырев Н. В. (1) 178; (2) 108, 221
- Болотников И. И. (1) LXVI
- Болховитинов (2) 279, 423
- Бонди В. А. (1) 181; (2) 161, 363, 464, 486, 488
- Бонкур П. (2) 85, 86, 89
- Борис Владимирович, вел. князь (1) 114
- Борис Годунов, царь (1) LXVI, 275, 284, 285; (2) 223
- Борисяк А. А. (1) XLIV; (2) 170, 458
- Бородин А. В. (1) VIII, 172; (2) 124, 155, 157, 171, 209, 392, 464, 472
- Бороздин И. Н. (2) 210, 488
- Бошняковский В. Ф. (1) 173, 174, 270
- Бочаров С. Г. (2) CXXVII, CXXVIII, CXXX
- Бочкарев В. Н. (1) 183
- Бошняк (2) 252, 422
- Браудо А. И. (1) 26, 152
- Браун Ф. А. (1) LXXII, 22, 26–28, 53, 54, 64, 65, 72, 108, 126, 155, 205; (2) 15, 16, 221, 222, 235, 236, 250, 357, 416, 417, 465, 501
- Брачев В. С. (1) XXVII, LII, 211; (2) VII, XVII–XX, CV
- Брейтбург (2) 261, 453
- Бриан А. (1) 162, 226, 228, 229, 231; (2) XCVIII, 13, 50, 53, 59, 85–87, 89, 114, 116, 262, 264, 265, 272–274, 289–294, 326, 328–332, 337, 338, 440, 444–449, 480, 481, 483, 487, 533, 584, 585, 595, 596, 601
- Бриллиантов А. И. (1) IX; (2) XXIV; 175, 306, 460
- Брокгауз Ф. А. (1) 285; (2) LXXXVIII
- Брокдорф-Ранцау У. (2) 357
- Брусилов А. А. (1) 249; (2) 80, 104, 114, 123
- Бруцкус Б. Д. (2) XCV
- Брэддон (2) 664
- Брэммель Дж. (2) 692
- Брюллова-Шаскольская К. П. (2) 203, 466
- Буайе П. (1) LIX, 27, 28, 51, 62, 118, 129, 206, 227; (2) LXXXIX, 28, 29, 245, 246, 279–282, 428–430, 580
- Бубнов А. С. (1) XXI; (2) C, CI
- Бубнов Н. М. (1) LXIV; (2) LXX
- Буганов В. И. (2) XVII
- Буденный С. М. (2) 173, 281, 404
- Бузескул В. П. (1) 55, 172, 175; (2) XXXVI, XLVIII, LXXXVI, XC, XCI, 59, 60, 69, 96, 103, 142, 155, 158, 192, 197, 207, 218, 303, 335, 350, 379–381, 455, 462, 474, 489, 525, 526
- Бузни В. М. (1) 179
- Буковецкая М. А. (2) 102, 177, 179, 383
- Буковецкий А. И. (2) 108
- Булгаков М. А. (2) 335, 365, 524
- Булгаков С. Н. (2) LXVIII, XCV, 379, 524
- Бунин И. А. (2) 231, 420
- *Буревестник — см.: Зайдель Г. С.
- Бурцев В. Л. (2) 348, 454
- Бутенко В. А. (1) VII, VIII, 32, 170; (2) XXXV, 220, 455, 464
- Бутс Дж. У. (2) CXXX
- Бухарин Н. И. (1) XIX–XXII; (2) XXI, CVI, 33, 34, 207, 485
- Бьюкенен Дж. У. (2) CXXX
- Бэкон Ф. (2) LXXXVII
- Бялыницкий-Бируля А. А. (1) VII, 173; (2) XXIV

- Вавилов Н. И.** (2) XVII
Вадон (2) 444
Вайнштейн О. Л. (2) CXVI
Валанстин (2) 267
Валк С. Н. (1) LXIX; (2) 169, 209, 387
Вальдемарс (2) 112, 343
Вальденберг В. Е. (1) XX; (2) 121, 466
Ванини Дж. (2) LXXII
Ванцетти Б. (2) 94, 229, 365, 479
Васенко П. Г. (1) VII, VIII, LXV, 174, 245, 269; (2) 18, 20, 60, 68, 76, 154, 155, 158, 186, 203, 220, 229, 231, 268, 269, 295, 301, 341, 463, 467
Василий Архипович, неустановленное лицо (2) 225, 592
Васильев (1) XXXII
Васильев А. А. (1) 27, 31, 50, 156; (2) XC, 340, 61, 101, 119, 122, 123, 148, 155, 164, 211, 221, 226, 230, 231, 235, 257, 258, 348, 383, 420, 428, 433, 454, 465, 467
Васильевский В. Г. (1) LXIV, LXV, 259–263, 270
Васса (Васка), домработница Е. В. Тарле (2) 609, 610, 612–614, 616–618, 620, 621, 636, 644, 645, 653, 665
Ваттербах В. (2) 636
Вашингтон Дж. (2) CXXIV, CXXX
Введенский А. А. (1) VII, 31, 32, 38, 97; (2) 167, 178, 179, 199
Введенский А. И., профессор логики (1) 244
Введенский А. И., первоиерарх обновленческой церкви (2) 305
Введенский А. Н. (2) 382
Введенский С. Н. (1) 170
Вебб (Уебб) С. (2) 534
Вебер М. (2) CXX
Вейнберг (2) 170, 174, 181, 374, 458
Вейнтрауб В. (2) CII
Вейцман Х. (2) 50
Вениамин (Казанский В. П.) св., епископ, впоследствии митрополит (2) 101, 304, 339
Венгури Ф. (2) LXV, LXXIV, LXXXI, LXXXII, CV, CXV, CXVI
Венцковский (Витковский?) (2) 277, 417
Вергонье — см.: Берганье Ж.
Веретов В. (2) XV
Вержбицкий Ю. А. (1) VIII, XLVIII, 255
Вернадские (2) XC
Вернадский В. И. (1) XXI, XXII, 24, 38, 43, 72, 77, 176; (2) XXIII, XC, 61, 91, 101, 103, 155, 219, 347, 363, 383, 454, 463
Вернадский Г. В. (1) XXII, 38; (2) XC, 61, 168, 347, 465
Вернадский М. В. (2) 419, 468
Верховский А. И. (1) XII, 254; (2) 252
Верюжский В. М. (1) 254
Веселовский А. Н. (1) 257
Веселовский С. Б. (2) XXXI, 47, 377, 517, 520, 521, 523, 525, 526
Вестфальд (2) 15
Виардо-Гарсиа М.-П. (2) CXXX
Вигдорчик (2) 453
Вильгельм II, кайзер (1) 139; (2) LXXXIX, XCII
Вильсон У. (1) 49
Вильямс Г. (2) 322, 424
Вильямс, супруги (2) 322, 424
Винклер (1) 54, 117, 129, 140, 165
Виноградов И. А. (1) 39, 132, 183
Виноградов К. (1) 254
Виппер Р. Ю. (1) 285, 286
Вирт К.-Й. (2) 62, 120, 146, 164, 165, 503, 519
Витковский (Венцковский?) (2) 277, 417
Витте С. Ю. (1) LXIX; (2) LXXV, XCI, XCI, 116
Виттенбург П. В. (1) VIII, XXXIX, 178; (2) XXXIII, 374, 458, 464
***Витязев (Седенко) Ф. И.** (1) X, 66; (2) XXXIX

- Вишняк М. В. (2) 81, 279
 Вишнякова А. Ф. (2) 219
 Владимирцов Б. Я. (1) 172, 176;
 (2) 210–214, 462
 Водовозов В. В. (2) LXVIII–LXXI,
 XCV, XCVI, 43
 Водовозов В. И. (2) LXVIII
 Вознесенский, священник (2) 301
 *Вознесенский И. — см.: Перченко
 Ф. Ф.
 Воинов И. А. (2) 588
 Войков П. Л. (1) LXIX, 31, 61, 152,
 153, 199; (2) 479, 485, 486
 Войно-Ясенецкий А. В. — см.: Лука,
 архиепископ
 Волгин В. П. (1) XLVI, XLVII;
 (2) 218, 530
 Волин Б. М. (2) CXIX
 Волковы (1) 50
 Волковысский Н. М. (2) 107
 Волконский Н. Г. (2) 345
 Володин (2) 477, 478
 Вольнский (1) XXXII
 *Вольтер (Аруз Ф.-М.)
 (2) LXXXVII
 Вольфсон И. В. (1) 66, 182
 Вонзан — см.: Рябченко
 Воронов Е. П. (1) 223
 Воронцов С. Р. (2) CXXXI
 Ворошилов К. Е. (1) XXIX;
 (2) 275, 404, 480
 Воскресенский А. А. (1) 177
 Врангель П. Н. (2) 136, 330, 344, 348,
 393, 419, 431
 Вульфийс А. Г. (1) VI, IX, XLVIII,
 LI, 8, 9, 183; (2) XVI, XLVII, 98,
 167, 168, 177, 178, 180, 346, 366,
 369, 370, 382–384
 Высотские (2) 334
 Вышнеградский А. И. (1) LIX, 50, 196
 Гааз Ф. П. (2) LXXXI, CXVI
 Габаев Г. С. (1) VIII, 183; (2) 31, 47,
 157, 392
 Габихт (2) 250
 Газединовы (2) LXVI
 Галеви Эли (Даниэл) (2) LVIII, 51,
 85, 113, 483
 Галкина (урожд. Васильева) (2) 36
 Гальнбек И. А. (2) 374
 Гальперн А. Я. (2) 245, 322, 418, 424,
 425, 466, 500
 Гандельман М. (2) 51, 266
 Гарнак А. фон (2) 342
 Гастон (2) 638
 Гашетт — см.: Nchette
 Гвичардини Ф. (2) LXXXVII
 Гегель Г.-В.-Ф. (2) CVIII
 Гедин С. (2) 480
 Гедройц К. К. (2) 227, 228, 235, 252,
 422, 423
 Гейман В. Г. (1) 74
 Гельбке (1) 48
 Гельмерсен В. В. (1) VII, 179;
 (2) 221, 465
 Гельфанд (2) 261, 439
 Ген В. (2) LXXXI
 Гендельсман (2) 454
 Генкин Ф. М. (2) 46
 Георг V, король (2) 412
 Гермоген (Долганов Г. Е.), епископ
 (1) 59
 Гермоген, патриарх (1) 281
 Герсеванов (2) 240, 242, 267, 279,
 422, 423, 428, 433, 465
 Герстен Э. (2) 23, 26, 33, 38, 261, 453
 Герцен А. И. (1) 5; (2) LXXXI,
 CXXVIII, CXXX
 Герье В. И. (1) 132
 Гессен А. И. (2) 347
 Гессен И. В. (1) 97; (2) 61, 232, 376
 Гессен С. И. (2) 108
 Гёте И.-В. (2) CVIII
 Гетч О. (1) LIX, 6, 26, 41, 43, 44, 53,
 54, 69, 71, 73, 76, 87, 117, 119, 124–
 126, 129, 138–144, 146, 147, 149–
 151, 154–156, 163, 165, 167–169,
 185–189, 192, 193, 195, 205, 207,

- 238, 251; (2) 15, 17, 19, 23, 27, 29, 47, 52, 53, 59, 60, 69–71, 73, 75, 80, 89, 110, 112, 113, 116, 119, 120–122, 155, 164, 165, 178, 182, 222, 246, 247, 250, 251, 276, 283, 285, 286, 291, 294, 326, 331–333, 342, 343, 352–355, 357, 359, 365, 400, 409–413, 416, 422, 435, 436, 448, 451, 454, 455, 457, 460, 466, 467, 478, 487, 489, 497, 498, 503, 506, 509, 510, 518, 519, 523, 542, 584, 600, 605
- Гизетти А. Л. (1) 180; (2) 103
- Гизо Ф. (1) 261
- Гильфердинг Р. (2) ХСII
- Гинденбург П. фон (1) 44; (2) 74, 256, 345, 354, 411, 412
- Гинзбург С. М. (2) 32, 347, 348, 454
- Гиппиус З. Н. (2) 38, 81, 231, 420
- Гирс М. М. (1) IX, 179; (2) 82, 155, 219, 238, 269, 367, 390, 460, 463
- Глаголева А. П. (1) IX, 35
- Глубоковский Н. Н. (1) 221, 239; (2) 389
- Гнатовский (2) 44
- Гоголь Н. В. (2) СХХVIII
- Годуновы (1) 275
- Голенищев-Кутузов М. И. (2) CVIII, СХ, СХХVI, СХХVII
- Голицын Н. В. (1) 26; (2) 209
- Голицын (*Муравлин) Д. П. (1) 75
- Голицыны (1) 276
- Голощекин Ф. И. (2) 681
- Голубев С. Т. (1) 279
- Голубцов И. А. (2) XXXI
- Горбунов Н. П. (1) XIX, XXI; (2) 209
- Горенберг (2) 33
- Горин П. О. (2) ХСIV
- Горовидов (2) 348
- Городцов В. А. (1) 249, 253, 255
- *Горожанин (Кудельский) В. М. (2) XXVII, 586
- Горчаков М. И. (2) 39, 199, 232
- Горчинский П. А. (2) 199
- *Горький (Пешков А. М.) М. (1) XLIV; (2) СIII, CV, 512
- Готовцев (2) 232, 376, 454
- Готье Ю. В. (1) VI, XI, VIII, XLIX, LI, LXXIV, 5, 9, 55, 76, 89, 98, 104, 156, 170, 202, 216; (2) XVI, XXIV, XXXII, XXIX, XL, 47, 155, 159, 189, 201, 350, 377, 414, 453, 464, 490, 517, 520–526, 602
- Гофман М. Л. (1) 54, 55; (2) 100, 231, 345
- Грабарь В. Э. (2) 482
- Градовский А. Д. (1) LXIV, 258, 262
- Грановская Е. М. (2) 624
- Грановский Т. Н. (1) 261
- Грант У. С. (2) СХХХ
- Гревс И. М. (1) XXXIX, 177; (2) XLVIII, LXXIX, LXXXV, LXXXVI, CIX, 93, 97, 98, 101, 102, 155, 177, 200, 215, 216, 219, 221, 268, 269, 301, 346, 366, 369, 370, 384, 388, 389, 463
- Греков Б. Д. (1) VII, LXV, 38, 180
- Гренфельд (2) 240, 241, 244, 247–250, 256, 408, 428, 465
- Греч Н. И. (2) 633, 650
- Григорий (Чуков Н. К.), митрополит — см.: Чуков Н. К.
- Григорович Д. В. (2) 622
- Григорьев Д. (2) XVII
- Гримм Д. Д. (2) 158, 472
- Гримм Э.-А. Д. (2) LXXVII, 151, 482
- Гримстед П. К. (2) LIII
- Гринберг (1) 139
- Гринвальд М. К. (1) 31, 180, 194; (2) XXXV, CIV, 18, 88, 96, 97, 121, 167, 168, 187, 199, 203, 346, 382, 383, 385, 387, 466
- Грицевич — см.: Миркин-Гецевич Б. С.
- Громан В. Г. (2) 151, 191, 366, 414, 548
- Гронский П. П. (2) 452

- Гроссман Л. П. (2) 91, 363, 657, 673
 Грузенберг С. О. (2) 488
 Грушевский М. С. (1) 172, 175;
 (2) 26, 60, 158, 380, 463, 526
 Губер (*Арзубьев) П. К. (2) 107, 347
 Губкин И. М. (1) XX, XXI; (2) XXI
 Гукасов (Гукасянц) А. О. (2) 90, 95,
 164, 227, 257, 258, 432, 433, 548,
 605
 Гуковский А. И. (2) 200
 Гульбин Г. Г. (1) VI, XLVIII, LI, 7, 9;
 (2) XVI, XXVII
 Гумилев Н. С. (2) 107, 345
 Гурвич Г. Д. (2) 261, 347, 453
 Гуревич Л. Я. (2) 44
 Гурко-Кряжин В. А. (2) 488
 Гурлянт И. Я. (2) XXIII
 Гуро (2) 281, 429
 Гучков А. И. (1) 48, 62; (2) 90, 257,
 311, 375, 456
 Гуйо Р. (2) 262, 334, 450, 453, 482
- Д'Абрантес (2) 672
 Д'Аршиак О. (2) 657, 660
 Д'Эстре Ф. (2) 291
 Далин В. М. (2) XCVIII
 Даллес Дж. Ф. (2) CXXIV
 Данилова О. В. (1) 30
 Данини (Глаголева-Данини) С. М.
 (1) VII, 184; (2) 93, 167, 177–179,
 199, 215, 346, 382, 387
 Данну (2) 272, 279–282, 336, 428–
 430, 450, 580
 Дантон Ж.-Ж. (2) LXXXVII, 428
 Дауэс Ч. Г. (2) 74, 341
 Дашкевич Н. П. (2) LXX
 Двигубский (2) 373
 *Деборин (Иоффе) А. М. (1) XIX–
 XXII, 24, 35; (2) XXI, 193, 206, 361
 Дежан (Дежант) (2) 334
 Дейч Л. Г. (2) XCIX, CII
 Делакруа (2) XC, 129, 546
 Делянов И. Д. (1) 21
 Демусьяк Г. И. (1) XXV
- Деникин А. И. (2) 136, 151, 266, 330,
 344, 348, 419
 Денисевич (1) 8
 Дервиз П. П. фон (2) 198
 Державин Н. С. (2) 168
 Дерюгин К. М. (2) 94, 97, 369
 Десов (1) XXIV
 Джефферсон Д. (2) CXXX
 Дживилегов А. К. (2) 377, 488, 489
 Джонсон Э. (2) CXXX
 Джунковский В. Ф. (1) XXVI, 22, 23;
 (2) 104
 Дзержинский Ф. Э. (2) 46, 267, 570,
 573, 586
 Дзюбинский В. А. (2) 488
 Дидо Ф. — см.: Didot F.
 Диллон (1) 153
 Диль Ш. (2) LXXXIX
 Димитрий Самозванец (Лжедимит-
 рий) (1) 275, 281
 Димитрий, второй Самозванец
 (1) 276
 Димитрий, священник Введенской
 церкви (2) 301
 Димитрий, царевич (1) 275, 285
 Димитрий Павлович, вел. князь
 (1) LXIII, LXVII, 21, 144
 Дионисий (Зобниковский Д. Ф.),
 архимандрит (1) 281
 Дирксен Г. (2) 16, 481
 Длугановский (2) 373
 Дмитриевский А. А. (1) 184;
 (2) 102, 155, 175, 460, 464
 Дмитриевский С. А. (2) 129, 482
 Добиаш-Рождественская О. А.
 (2) LXXXVI, 93, 98, 101–103, 177,
 200, 300, 346, 366, 369, 370, 388
 Добкин А. И. (1) XXIV;
 (2) XXXIV, C
 Добровольская Н. А. (2) 32
 Добролюбский К. П. (2) LXXXVII
 Довгалевский В. С. (2) LXXXIX,
 129, 130, 264, 265, 337, 444, 492,
 528, 531, 546

- Довнар-Запольский М. В. (2) 380
 Доде А. (2) 634
 Долгоруков П. Д. (2) 103, 229, 365, 414, 483
 Домбровский (2) 374
 Домбровский В. Р. (1) XLII, LIV, LVIII, 78, 79, 233; (2) 559, 596, 597
 Донну — см.: Данну
 Достоевская А. Г. (2) LXXII, 231
 Достоевский А. А. (1) VII, 172
 Достоевский Ф. М. (1) 270; (2) LXXII, CXXVIII–CXXX, 231, 232, 617, 673
 Дрезен А. К. (2) 199
 Дрио Э. (2) LXXXIX, 122, 274, 535
 Дрожжин (2) 572
 Дружинин В. Г. (1) VII, VIII, LX, LXIV, 43, 177; (2) XXII, XXIV, XLVI, 60, 155, 301, 463
 Дружинин Н. М. (2) XXXII, CXIV–CXVI
 Дубасов Ф. В. (2) 279, 423
 Дубасова (2) 279, 284, 423
 Дубин В. В. (2) 552, 560
 Думбадзе И. А. (2) 135
 Думер П. (2) 487, 488
 Дунаевский В. А. (2) LXV
 Дурново П. Н. (1) 42, 43
 Дурновцев В. И. (2) LXV
 Дымман А. А. (2) 172, 173, 392, 483
 Дьяконов М. А. (1) LXIV
 Дюмюр Ж. (2) 51, 334, 335, 449
- Евдокимов Г. Е. (2) XXI–XXIV, 529, 531
 Евлогий (Георгиевский В. С.), митрополит (1) 118, 214, 220; (2) 102, 107, 108, 141, 150, 283, 319, 321, 378, 389, 426, 427, 459, 469, 524
 Егоров Д. Н. (1) V, XLVIII, XLIX, LI, 5, 9, 28, 45, 47, 55, 76, 89, 98, 102, 104, 105, 116, 117, 122, 125, 126, 129, 143, 151, 156, 159, 161–163, 170, 189, 193, 202, 204; (2) XVI, XXIV, XXVII, XXIX, XL, XLV, LXXXVI, 19, 37, 47, 60, 97, 107, 109, 145, 155, 157, 159, 165, 177, 218, 268, 273, 315, 316, 342, 350, 377, 378, 410, 414, 464, 472, 482, 486, 489, 503, 504, 508, 511, 517–523, 525, 526, 600, 602
 Егоров С. К. (2) LXIV
 Егорова Е. Я. (1) 20
 Езерский Н. Ф. (2) 374
 Екатерина II, имп. (2) CXI, CXVI, CXX–CXXIII
 Елизаров (1) 97
 Елисеев С. Г. (1) 27; (2) LXXXIX, 36, 214, 215, 454
 Ельцина З. Я. (2) 5, 614, 668
 Енукидзе А. С. (1) XXVI, 23; (2) С, 188, 488
 Еремин С. А. (1) VIII
 Ермак Тимофеевич (1) 286, 287
 Ермилов (1) LVI
 Эрнштедт П. В. (1) 38
 Ерусалимский А. С. (2) LXV, CXXIV
 Есаков В. Д. (1) XX, XXVII, XXVIII
 Есина А. Б. (1) XXXVI; (2) XCIX
 Ефрон И. А. (1) 285; (2) LXXXVIII
- Жандр** (2) 36, 38, 454
Жданов Б. Н. (1) VIII
Жебелев С. А. (1) 38, 172, 176, 184; (2) XXXVI, LXXXVI, 34, 61, 74, 96, 98, 155, 160, 213, 221, 370, 379, 382, 414, 415, 462
Жижиленко А. А. (2) 158, 472
Житуренко (ошибочно) — см.: Жижиленко А. А.
Жонкьер (2) 425, 427, 428
Жорес Ж. (2) LXXXIX
Жукович П. Н. (1) 254
Жупахин С. Г. (1) XXXVII, XXXVIII, XLII–LIV, LVII, LVIII, 29, 32, 33, 36, 37, 39–42, 46–49, 51, 57, 58, 69, 74, 75, 77–81, 83–91, 94, 255;

- (2) 17–19, 22, 24, 29–31, 35, 37, 39, 48, 49, 51, 55–57, 61–65, 77, 78, 100, 106, 133, 476, 477, 564, 567, 574, 576, 577, 585, 590, 596, 607
- Заболотный Д. К. (2) 273
- Завадский С. В. (2) 158, 472
- Завитневич В. З. (2) 306
- Загорский С. М. (2) 157, 472
- Зайдель Г. С. («Буревестник») (1) XLV, LI; (2) XLVIII, ХСVII, 200
- Зайончковский А. М. (2) 171, 393
- Зайцев Б. К. (2) 420
- Зак (2) 424
- Залманов — см.: Заломон
- Заломон (Залманов) А. С. (1) 45, 54, 117, 129, 139, 140, 155, 159, 163, 165
- Залусский А. С. (1) LIX, 31
- Замен К. Е. фон (1) 117, 118, 122, 127, 156, 165, 166, 207, 226
- Замысловская Е. К. (2) 221
- Замысловский Е. Е. (1) 263
- Заозерский А. И. (1) VII–IX, 32, 38, 173; (2) 18, 39, 61, 88, 93, 98, 155, 167–169, 179, 180, 201, 219, 269, 346, 366, 369, 383–386, 453, 455, 463, 466
- Заславский Д. О. (2) LXVIII
- Зауер (1) 65, 73, 126
- Захаров В. П. (1) LXI
- Захер Я. М. (2) ХСVII
- Зволянский С. Э. (2) LXXII
- Зворыкин-Невструев (2) 227, 235, 247, 248, 250, 252, 279, 422, 423
- Зеелер В. Ф. фон (2) 104
- Зеленецкий А. А. (1) VI, XLVIII, LI, 7, 9; (2) XVI
- Зеленина М. Н. (2) СХХVIII
- Зеленский В. Д. (2) 156, 374
- Зелинский Ф. Ф. (1) 22; (2) LXXXVI, 184, 203, 276, 304, 305, 417, 431, 466
- Зенгер Г. Э. (2) LXXIII
- Зенгер Н. Г. (2) СХII
- Зернов Н. М. (1) 28, 50, 118, 156
- Зернова М. Н. (1) 50
- Зерновы (1) 119
- Здравомыслов К. Я. (1) 254
- Зильберштейн И. С. (2) СХХХII
- *Зиновьев (Радомысльский) Г. Е. (2) 103, 479, 485
- Зиссерман П. И. (1) VIII, XLVIII, 173, 215, 255
- Знаменский Ф. И. (1) IX
- Зноско (2) 393
- Зубашев Е. И. (2) 108, 345, 413
- Зубкин (2) 570
- Зубов В. (2) СХХII
- Ибаррури Д. (2) СХХХ
- Ибсен Г. (2) LXVIII
- Иван IV Грозный, царь (1) LXXIV, 273–275, 285, 286; (2) СХХХI
- Иванов Ю. Ф. (2) СХХVII
- Игельстром А. В. (2) 409, 512
- *Изгоев (Ланде) А. С. (2) ХСV, 61
- Измайлов Н. В. (1) V, XI, ХХVII, XL, XLI, XLVIII, LI, 3, 4, 9, 45, 66, 74, 75, 84, 85, 87–89, 91, 92, 98–100, 104, 114, 116, 118, 151, 156, 162, 167, 169, 170, 172, 174, 179, 181, 182, 184, 193, 202, 203, 212, 215, 216, 223, 229, 237, 250–253; (2) XII, XVI, XXI, XXII, XXVII, XXVIII, XXXV–XL, XLII–XLVI, LIII, 30, 36, 37, 47, 60, 68, 69, 71, 79, 80, 82, 83, 87–89, 91, 92, 97, 104, 105, 109–111, 123, 124, 134, 135, 138, 139, 142–147, 150, 152–155, 157–159, 161, 162, 164, 166, 167, 171–174, 177, 182, 185–187, 191, 193–197, 203–205, 209, 218, 222, 227, 229, 231, 232, 237–240, 242–244, 248, 249, 251, 253–256, 259, 267, 268, 275, 277, 283, 295, 298, 315–318, 322–325, 341, 350, 358, 362–364, 367, 368, 381, 382, 390–396, 398,

- 399, 401–403, 406–409, 413, 455, 459, 463, 467, 472, 489, 497–499, 504, 506–513, 515, 518, 525, 527, 543, 576–579, 599, 602, 605–607
- Измайлова (урожд. Платонова) Н. С. (1) 15, 38, 154, 155; (2) XXXVIII, 167, 186, 199, 268, 346, 382
- Измествев П. П. (2) 173, 345, 393
- Илиодор (Труфанов С.), иеромонах (2) 150
- Иллеш Б. (2) 633
- Ильина И. В. (2) СХVII
- Иконников В. С. (1) 279
- Ионас (1) LXXII, 6, 47, 52, 54, 69, 70, 73, 76, 78, 80, 124, 125, 129, 139–144, 146, 147, 149–151, 155, 156, 163, 165, 167–169, 185–188, 192, 193, 205, 207, 251; (2) 59, 110, 165, 222, 276, 283, 291, 326, 353, 410, 412, 437, 460, 600, 605
- Иоффе А. Ф. (2) 22, 34, 99, 163, 180, 182, 233, 374
- Ипатьев В. Н. (2) 99, 155, 180, 233
- Ипсиланти А. (2) СXXXI
- Ирка, прозвище сына Берты Александровны (2) 686, 688, 696
- Истомин В. И. (2) СХIV, 43, 45
- Истрин В. М. (1) 24–26, 34, 37, 172; (2) 15, 155, 163
- К. Р.** — см.: Константин Константинович, вел. князь
- Кавелин К. Д. (1) 197, 262, 267, 270
- Каганович Б. С. (2) XXXIV, XXXV, LXIII, LXV, ХСVI, С, СI, СXXXII
- Каганович Л. М. (1) XXIX, XXXII
- Казанович Е. П. (1) 179
- Казаринов (2) 278, 432
- Казембек (2) 458
- Кайо Ж. (2) 118
- Калинин М. И. (1) XXIX, XLVII; (2) СХVII
- *Каменев (Розенфельд) Л. Б.** (2) 485
- Каменев С. С.** (2) 173
- *Каменева** (урожд. Бронштейн) О. Д. (2) 485, 489
- Каминка А. И. (2) 261, 439
- Камюзо (2) 451
- Кан А. С. (2) СХХV
- Кан С. Б. (2) СХХV
- Кандыба Н. А. (2) 170, 181, 458
- Канчаловский — см.: Кончаловский Д. А.
- Капица П. Л. (2) 434
- Карабасниковы — см.: Карабасниковы
- Карамзин Н. М. (1) 256, 265
- Карахан (Караханян) Л. М. (2) 593
- Карабасниковы (1) 50
- Кардовский (2) 556, 560
- Кареев Н. И. (1) 32; (2) XLVII, XLVIII, LXXVI, LXXVII, LXXX, LXXXV, LXXXVI, 93, 98, 102, 103, 178, 180, 346, 366, 369, 370, 381, 382, 384, 387
- Карл XII, имп. (1) 282
- Карнеги Э. (2) 422
- Карпинский А. П. (1) XXVIII, XLVI, XLVII, 39; (2) ХСVIII, 98, 233, 370
- Карповы (1) 48
- Карпыкова Г. А. (2) ХV
- Каррик В. В. (2) 48, 420
- Карсавин Л. П. (1) 48, 154; (2) LXXXV, 20, 22, 23, 100, 101, 108, 121, 169, 202, 220, 231, 235, 346, 383, 386, 417, 465
- Карские (2) 437
- Карский Е. Ф. (1) 24, 34, 37, 97, 172; (2) 22, 61, 63, 96, 99, 126, 155, 181, 210, 214, 216, 223, 224, 230, 266, 277, 303, 350, 367, 370, 413, 415, 431, 437, 461, 462, 525
- Карташев А. В. (1) 118, 163, 179, 213, 226; (2) 241, 320, 321, 417, 419, 425, 427, 428
- Карье (2) CIV
- Касперовская В. К. (1) 35, 97
- Кассо Л. А. (2) LXXIX, 218, 593

- Катто-Шанди — см.: Чатгопадхья
 Вирендранатх
 Каутский К. (2) LXXIII, CI
 Каутский Л. (2) CI
 Кауфман А. Е. (2) 107, 345
 Кафка Ф. (2) X
 Кашин В. Н. (2) 168, 169, 386
 Кейнс Дж. М. (2) 553
 Кемаль М. — см.: Атагюрк
 Келлерман Б. (2) 74
 Келлог Ф. Б. (2) 241, 479
 Керенский А. Ф. (1) 22; (2) LXXXII, XCIII, 50
 Кирилл Владимирович, вел. князь
 (1) 40, 75, 114, 144, 145;
 (2) XXXIX, 16, 23, 90, 112, 125, 241, 252, 258, 284, 289, 354
 Кирилл (Смирнов К. И.), митрополит
 (1) 254
 *Киров (Костриков) С. М.
 (1) XXXVI; (2) XXI, XXII
 Киселевская С. Л. (1) IX
 Кистяковский И. А. (2) 28, 81, 242, 472
 Китаев (2) 301
 Кишера Ж. (2) LXVII
 Кларендон Дж. У. (2) LXXXVII
 Кларси Ж. (2) 621, 622, 624
 Клемансо Ж. (2) LXXXIX, XCII, 115
 Климанов Л. Г. (1) XLVII
 Клочков М. В. (1) 183
 Клок А. фон (2) LXXXII
 Клэр М. А. (1) VI, XLVIII, LI, 8, 9;
 (2) XVI, XXVII
 Ключевский В. О. (1) LXIV, LXXIV, 132, 262, 273; (2) CXXI, 523
 Ковалевский В. (2) 157
 Ковалевский М. М. (2) 35, 96, 126, 500
 Кованько А. А. (1) VIII, XLVIII, 182;
 (2) 602
 Коврайский Д. В. (1) VII, 179;
 (2) 61, 221
 Коган П. С. (2) 522
 Кожухов С. И. (2) CXXXV, CXXXVI
 Козак (1) 26, 159
 Козеко И. А. (1) LXIV
 Козлов (2) 43, 45
 Козлов В. П. (1) LXI; (2) LIII
 Козмин Б. П. (2) 672
 Коковцов В. Н. (1) LIX, 27, 39, 40, 62, 65, 98, 117, 122, 126, 127, 129, 155, 165, 166, 206, 207, 225, 226, 239; (2) XXIII, XXXVII, 13, 23, 24, 26, 27, 29, 31, 47, 53, 80, 81, 90, 141, 145, 149, 165, 166, 157, 182, 185, 187, 203, 226, 227, 230, 231, 235, 242, 244, 245, 249, 252, 256, 278, 279, 288, 293, 294, 332, 355, 403, 407, 418, 419, 422, 423, 432, 433, 436, 442, 448, 468, 470, 499–501, 548, 601, 602, 605
 Коковцов П. К. (1) XXI
 Кокошкин Ф. Ф. (2) LXXXV
 Кокская Е. А. (2) 387
 Колобков В. А. (1) XXVII, XXVIII, XXXI, LXXXII
 Колосов Е. Е. (2) 672
 Колчак А. В. (2) 136, 344, 418
 Кольшкевич (2) 177, 261
 Кольцов А. В. (1) XIII, XVIII, XIX, XXI
 *Кольцов (Фридлянд) М. Е. (2) 668
 Комаров В. Л. (1) XLVII, 24
 Комарович В. Л. (1) 181
 Кондаков Н. П. (1) 22
 Кондратьев Н. Д. (1) XII; (2) 548
 Кони А. Ф. (2) 366
 Конрад Дж. (2) 609
 Конради (1) 50
 Кононов Н. С. (2) 374
 Константин Константинович, вел. князь
 (1) 12, 29, 123, 280; (2) 14
 *Константинов А. (2) CVI
 Кончаловский (2) 160
 Кончаловский Д. А. (2) 107, 378, 523
 Коплан Б. И. (1) VII, 34, 172, 402
 Копп В. Л. (2) 129–131, 492, 493, 528, 531

- Корвин-Круковская Т. А. (1) VI, XLVIII, 6, 9; (2) XVI, 223
- Корнеджи — см.: Карнеги Э.
- Корнилов А. А. (2) LXXXI
- Корнилов В. А. (2) CXIV
- Корнилович О. Е. (1) IX, 31; (2) 167, 178, 382
- Королев, владелец номеров в Перми (1) 153;
- Королев, возможный участник кружка преподавателей (2) 177
- Короленко В. Г. (2) 305
- Корш Ф. Е. (1) 26
- Костомаров Н. И. (1) 275; (2) LXVI
- Костычев С. П. (2) 33, 155
- Косырев (2) 27
- Котляревский Н. А. (1) 22; (2) 108
- Кравец (2) 560
- Краевич Б. К. (1) LXXI, 154; (2) 27, 29, 61, 90, 100, 157, 227–229, 240–244, 246–250, 253, 254, 256, 267, 275, 278, 295, 348, 403, 407, 408, 417, 432–434, 465, 467, 499, 581
- Краевич Д. Б. (1) 50; (2) 28, 29, 187, 229, 234, 432
- Краевич Е. К. (1) 28; (2) 226, 229, 230, 233
- Краевич К. Д. (2) 348
- Краевичи (1) 27, 28, 48, 50, 119, 159, 167; (2) 13, 27–30, 76, 96, 100, 119, 151, 164, 186, 201, 203, 226, 230, 234, 235, 237, 240, 242, 244–246, 250, 255, 258, 272, 276–284, 341, 348, 349, 355, 356, 417, 428, 432, 433, 453, 499
- Краевич (урожд. Платонова) Н. С. (1) LXXI, 26, 27, 62, 65, 127, 154, 155, 159, 160, 187, 231, 233; (2) XXIII, XXVIII, XC, 13, 90, 151, 164, 172, 226, 230, 234, 238, 241, 243, 246, 249, 251, 252, 254, 257, 276, 280, 281, 348, 355
- Крамарж К. (2) 461
- Красножен М. Е. (2) 35
- Краснок Л. Е. (1) IX
- Красовский М. В. (2) 560
- Крачковский И. Ю. (1) 23, 37, 40, 172; (2) XXIII, XXVIII, XXXIV, XXXVII, 22, 31, 60, 155, 157, 210, 213, 215, 277, 298, 431, 455, 461, 462, 472, 488, 602
- Крашенинников М. Н. (2) 35
- Краюхин С. (2) XVII
- Краюшкин А. А. (2) LV
- Крейслер (Крейцлер) (2) 416
- Крестинский Н. Н. (1) XIX, LXXII; (2) 188, 189
- Кржанская — см.: Скржинская Е. Ч.
- Кржижановский Г. М. (1) XIX–XXII, XXIX, XLVI, XLVII; (2) XXI, XXV
- Криницкий А. И. (1) XXI
- Кристи М. П. (2) 334
- Криштофович А. Н. (1) VI, XLVIII, 6, 9; (2) XVI
- Крохмаль В. И. (2) 261
- Круглевская Л. К. (2) 284, 343
- Крузе Э. (1) 274
- Крумин Я. М. (2) 409
- Круланков С. (2) 5
- Крупп фон Болен и Гальбах (2) 498
- Крупская Н. К. (1) XXIX
- Крыжановский В. И. (1) VIII, 374
- Крыленко Н. В. (1) XXIX, XXX, XXXIV; (2) XXI, XXIX, 12
- Крылов А. Н. (1) 50, 159, 176; (2) XXIII, 34, 61, 163, 458, 462
- Ксения Александровна, вел. княгиня (2) 257, 267, 433
- Кубасов И. А. (1) XXVII; (2) 157, 472
- Куйбышев В. В. (1) XX, XXI; (2) 275, 480
- Кульман Н. К. (1) 27, 50, 78, 119, 155, 156, 165, 196; (2) 36, 38, 235, 355, 356, 428
- Кун Н. А. (1) 38
- Кун Бела (2) 32, 133

- Кунце (1) 216, 222, 236, 241, 242
 Куприянов П. Ф. (1) 180
 Куприянов Я. П. (1) VIII, XLVIII
 Курнаков Н. С. (1) 24, 34, 37
 Кутепов А. П. (1) 154; (2) 81, 82, 267, 280, 284, 348, 433
 Кутлер Н. Н. (2) 552, 561
 Кутузов Дм. (2) CVI
 Кутузов М. И. — см.: Голенищев-Кутузов М. И.
 Кутыловская Ю. Ю. (1) LXI
 Кушевский (2) 301
 Кюхельбекер В. К. (2) LXXXI
- Лавров П. А. (1) 24, 26, 34, 37, 172; (2) 15, 193, 223, 231
 Лазарев П. П. (1) 34, 37
 Лазарев-Станишев (2) 393
 Лазаренко А. Н. (2) 158, 472
 Лазарис Г. В. (1) 31, 61, 222
 Ламанский В. И. (1) 268
 Ланглюа Ш. (1) 191, 228; (2) 163, 481, 483, 494
 Ланжевен П. (2) LXXXIX
 Ланн Е. Л. (2) CXXVII–CXXX
 Лаппо И. И. (1) 269; (2) 28, 231, 461
 Лаппо-Данилевский А. С. (1) LXIV, LXV, LXIX, 38, 182; (2) 59, 167, 169, 219, 386, 457
 Лапшин И. И. (2) 202, 221, 231, 383, 420, 465
 Лашкуль (2) 393
 Лебон (2) 262
 Левендаль (2) 116, 262, 264, 328
 Левенсон (1) 28, 48, 54, 88, 119, 122, 123, 165
 Леви С. (2) LXXXIX, XC, XCVIII, 34
 Левин Л. Т. (2) 63, 437
 Левинсон-Лессинг Ф. Ю. (1) 24, 34, 37; (2) 22
 Лёвшин Б. В. (2) LXIV
 Легра (2) 440
 Леля — см.: Тарле О. Г.
 Леман А. А. (2) 177
- Лемуанон (2) LXVIII, 293, 329–331, 445, 448
 *Ленин (Ульянов) В. И. (1) XIII, 5, 174, 199, 201; (2) LXV, XCII, CII, CXVIII, CXXIV, CXXXV, CXLIII, 190, 208, 335, 464, 520, 525, 600
 Леонов В. П. (1) LX; (2) LXIV, LXVI
 Лепехин М. П. (1) LXI; (2) LXXXIII, LXIV
 Лера В. (2) 334, 335, 339, 450, 451
 Леритье М. (2) 20, 76, 122, 274, 334, 342, 450
 Лермонтов М. Ю. (2) CXXVIII, 306
 Лесгафт П. Ф. (2) LXXV, 11
 Лессинг Г.-Э. (2) 636
 Лефевр Ж. (2) LXXIX
 Лешерн (2) 279
 Лжедимитрий — см.: Димитрий Самозванец
 Ли Р. Э. (2) CXXX
 Либкнехт К. (2) 493
 Либталь М. Э. (1) IX; (2) 167, 178, 179, 199, 346, 382, 383
 Ливанова (урожд. Любавская) В. М. (1) XLIX; (2) LI
 Линкольн А. (2) CXXX, CXXXI
 Лисицына А. (2) XVII
 Лисовский Н. М. (1) LXIV
 *Литвинов (Валлах; Финкельштейн) М. М. (2) 228, 262, 264, 431, 480, 486, 487, 547, 593, 595
 Лифшиц Я. Л. (2) 347
 Лихачев Д. С. (2) XII, XVIII
 Лихачев Н. П. (1) V, XXIII, XLV, XLVI, XLVIII, XLIX, LI, 3, 9, 23, 24, 45, 48, 71, 75, 84, 85, 87, 89, 98, 100, 102, 104, 110, 114, 116, 125, 140, 151, 156, 162, 169, 170, 172, 193, 202, 204, 212, 222, 229; (2) XVI, XXIV, XXVI, XXVII, XXXVI–XL, XLIII, XLIV, XLVI, LIII, XCVIII, 18, 20, 30, 37, 60, 68, 69, 73, 80, 87, 97, 109–111, 125, 136, 139, 141, 143, 145, 146, 150, 152–

- 155, 158, 159, 165, 177, 182, 191, 194, 203, 211, 212, 216, 229, 232, 238, 268, 295, 298, 341, 350–352, 358, 364, 367, 371, 398, 413, 415, 457, 462, 467, 507, 511, 543, 585, 599, 605–607
- Лихачева (урожд. Карпова) Н. Г. (1) 48
- Лихтенберже А. (2) 500
- Личков Б. Л. (2) 103
- Лобанов А. Г. (2) XIV
- Лобанов С. А. (1) VI, XLVIII, LI, 7, 9; (2) XVI
- Лозинская Т. Б. (1) XXXIX
- Лозинский Г. Л. (1) 27, 50, 119, 155, 156; (2) 235, 261, 347, 348, 454, 465
- Лопатина Е. Н. (2) 334
- Лосиевский И. Я. (2) LXXX
- Лосский Н. О. (2) 202, 231, 346, 383, 465
- Лохвицкий Н. А. (1) 166, 167, 169, 207, 216, 226, 239; (2) 27, 28, 30, 38, 61, 81, 90, 99, 104, 187, 203, 227, 235, 240–245, 248–250, 252, 254–256, 267, 278, 280, 284, 288, 291, 317, 322, 323, 390, 397, 400, 402, 403, 407–409, 418–423, 428–430, 432, 433, 442, 447, 455, 465, 467–469, 489, 499, 501, 509, 511–513, 515, 527, 579, 600–602, 605
- Лузин Н. Н. (2) 115
- Луи-Филипп — см.: Людовик-Филипп
- Лука (Войно-Ясенецкий А. В.) св., архиепископ (2) XVII
- Лукач Г. (2) CXX
- Лукин Е. В. (1) XLII, LXI; (2) VII, XIII, XVIII
- *Лукин (Антонов) Н. М. (1) XX–XXII, 25; (2) XXI, XLVIII, XCVII, 193, 206, 361
- Лукомский Г. К. (2) 28, 428
- Лукьянов С. А. (2) 157, 472
- Луначарский А. В. (1) XVI, XXI, XLVI, 199; (2) LIX, LXVIII, 11, 188
- Лурье Х. Г. (2) XCVII, 200
- Лутохин Д. А. (2) 15, 108, 345
- Лучицкая О. И. (2) LXVII
- Лучицкая С. И. (2) LXVII
- Лучицкий И. В. (2) LXVII, LXVIII, LXX, LXXIII, LXXXVII, LXXX. 41–43, 634
- Лушер (2) 85, 480, 481
- Львов (1) 65, 66
- Любавский М. К. (1) V, XXXVI–XXXVIII, XLVI, XLVIII, XLIX, LI, LXIII, LXV, 3, 4, 9, 24, 28, 47, 55, 76, 89, 90, 98, 102, 104, 112, 115, 122, 140, 146, 149, 151, 156, 162, 170, 174, 183, 193, 202, 204, 216, 236, 237, 242, 251; (2) XVI, XXIV, XXVII, XXIX, XXXVI, XL, XLIII, XLV, XLIX, LI, LII, LXXX, XCVIII, 19, 20, 26, 33–35, 37, 47, 59, 60, 71, 87, 96, 98, 107, 109, 135, 137, 144, 154, 155, 157, 159, 165, 177, 201, 203, 218, 231, 232, 268, 273, 294, 315, 317, 341, 350, 358, 359, 364, 370, 377, 381, 410, 415, 431, 453, 462, 472, 490, 506, 517, 518, 520, 522–526, 594, 599, 602, 605–607
- Любименко И. И. (2) XCI
- Люблинская А. Д. (2) CXXVIII, CXXIX
- Люблинский В. С. (2) CXXV
- Любомиров П. Г. (1) LXV, LXXIV, 170; (2) 155, 158, 220, 381, 465, 503, 525
- Людендорф Э. (2) 113, 118, 345
- Людовик-Филипп, король (2) 11
- Люксембург Р. (2) CI, 493
- Ляличка — см.: Тарле О. Г.
- Ляпунов Б. М. (1) 24, 26, 34, 172, 176; (2) 61, 155, 193, 223, 463
- Ляпунов П. П. (1) 277
- Лященко (2) 301

- Мазепа И. С. (2) 625
- Мазон А. (1) 27, 78, 129, 206, 223, 227; (2) LXXXIX, CI, 12, 15, 34, 262, 367, 452, 453, 533
- Майков В. В. (2) 155
- Майков Л. Н. (1) 267
- Майкова М. С. (2) 371, 372
- Макаров И. С. (2) XXXII, 402
- Макиавелли Н. (2) LXXXVII, CVIII
- Маклаков В. А. (1) 27, 39, 62, 65, 98, 126, 127, 129, 155, 156, 165–167, 169, 206, 207, 216, 226, 239; (2) XXIII, XXXVII, 28, 30, 53, 61, 90, 125, 157, 187, 190, 203, 221, 227, 235, 250, 251, 278, 289, 303, 355, 356, 420, 421, 433, 456, 463, 469, 601, 605
- Маколей Г. Б. (2) LXVI
- Максаков В. В. (2) 163, 200, 491, 594
- Макьявелли — см.: Макиавелли Н.
- Малсин А. И. (2) 221
- Маленков Г. М. (2) CXVII
- Малкин М. М. (2) CXXX
- Малов А. Ф. (1) VIII, 172, 174, 255
- Малянтович П. Н. (2) 251, 421
- Мамальшский Н. Н. (1) VIII
- Мандель (2) 115
- Манниня Тая — см.: Щепкина-Куперник Т. Л.
- Маннергейм К.-Г. (2) 144, 342
- Манфред А. З. (2) LXV
- Маня — см.: Тарновская М. В.
- Марат Ж. П. (1) 7; (2) LXXVII
- Маргулис М. С. (2) 261, 453
- Марен Л. (2) 480, 481
- Мария Феодоровна, имп. (1) 50; (2) 280, 281, 356, 357
- Маркевич А. М. (1) 55, 182
- Маркс К. (1) 198; (2) LXXIII, LXXIV, XCVIII, 11, 133, 484, 493, 528, 537, 660
- Март Н. Я. (1) XXXIX, XLVII, 24; (2) XXXIV, 26, 34, 99, 213
- Мартель Р., коммунист (1) 41; (2) 108, 367
- Мартель, иезуит (1) 41; (2) 108
- Мартинсон Ф. А. (1) VII, LX, 179; (2) XXI
- *Мартов Л. (Цедербаум Ю. О.) (2) 54, 169
- Мартынов М. Н. (1) XLIX, 31; (2) LI
- Марузо Ж. (2) CI
- Марченко (1) 27; (2) XXIII
- Маршак С. Я. (2) CXXXIII
- Маршан Р. (2) 444
- Масарик Т. (2) 216
- Масик, кот Е. В. Тарле (2) 477, 609, 610, 612–614, 616–618, 620–622, 624–626, 628–630, 632–634, 636–638, 640–642, 644–646, 648–650, 652–654, 656, 657, 660, 661, 664–666, 668, 669, 673, 674, 676–678, 682, 684, 685, 688, 697, 702, 703
- Массон Ф. (2) 44
- Матковская З. Н. (2) 383
- Матъез А. (1) 162, 191, 226, 228; (2) LXXIX, LXXXVII, LXXXIX, XCVIII, 12, 13, 34, 325, 440
- Маяковский И. Л. (1) 35; (2) 98, 169, 370
- Медведь Ф. Д. (1) 11; (2) 4, 54
- Мейер А. А. (1) XXIV, 181; (2) 60
- Мейер Э. (1) 139, 140; (2) 20, 125, 291, 342
- Мельгунов С. П. (2) LXXXI, 36, 38, 81, 82, 228, 420, 454
- Менер А. (2) 661
- Менжинский В. Р. (1) XXXIV–XXXVII; (2) XX, XXIV, XXVI, XLVIII, LXI, 599, 603, 604
- Меншиков А. С. (2) CXIII
- Меньшиков Л. П. (2) 81
- Мерварт А. М. (1) V, VI, X, XXXVIII, XLVIII, XLIX, LI, 3, 4, 6, 9, 65, 70–73, 78, 123, 129, 142, 160, 161, 163, 168, 169, 180, 188, 193, 203, 204, 222, 249, 251; (2) XVI, XXVII, LI, LIII, 16, 60, 62,

- 70–74, 97, 116–119, 122, 188, 273, 284, 285, 412, 413, 437–439, 455, 460, 463, 489, 603, 605–607
- Мерварт Л. А. (1) VI, XXXVIII, XLVIII, LI, 8, 9, 70; (2) XXVII, XLIX, LI, LIII, 284, 437, 455, 463, 607
- Мерварты (2) 62, 63, 73, 119, 183, 223, 437–439, 461
- Мередит Дж. (2) 668
- Мережковский Д. С. (2) 38, 81, 420
- Меркати, кардинал (1) 213, 214; (2) 297, 425
- Мессинг С. А. (2) XXVII, 484
- Мечников И. И. (2) 610
- Мешков (2) LXIII
- Миккола И. Ю. (2) 89
- Микоян А. И. (1) XXIX
- Миллер А. А. (1) 35
- Миллер О. Ф. (1) 257
- Мильеран А. (2) 114
- Милюков П. Н. (1) 12, 28, 62, 163, 239; (2) XXIII, LI, LXXXII, 189, 190, 201, 202, 219, 231, 282, 347, 428, 452, 453
- Милюкова А. С. (2) 347
- Минин (Захаров-Сухорук) К. М. (1) 264, 265, 277
- Минор О. С. (2) 334
- Минорский В. Ф. (2) LXXXIX, 38, 214, 215, 348, 454
- Минц И. И. (2) CXX
- Минцлов С. Р. (2) 236
- Минчина В. — см.: Регенер В.
- Мирабо О.-Г.-Р. (2) LXXXVII
- Миркин-Гецевич Б. С. (2) 201, 202, 428, 452, 453
- Миролубов Г. Л. (1) 74
- Мироненко С. В. (1) LXI
- Миронов (2) 572
- Миронов Н. М. (2) 214, 215
- Мискау — см.: Пюклер-Мюскау
- Митрофан св., епископ Воронежский (2) 300
- Митроцкий А. В. (1) IX
- Митроцкий Г. В. (1) 182
- Митроцкий М. В. (1) IX, 118, 182
- Михаил Александрович, вел. князь (1) XXVI, LXIII, LXVII, 21, 145, 153; (2) 90, 375, 604
- Михаил Феодорович, царь (1) 283
- Михайлов А. Д. (2) 110
- Михайлова В. А. («тетка») (2) 6, 175, 478, 565, 609, 610, 612–614, 616–618, 620, 621, 624–626, 628, 630, 632, 634, 636–638, 640–642, 644, 646, 649, 650, 652–654, 656, 660, 661, 664, 668, 669, 673, 674, 676, 678, 680, 682, 684, 689, 690, 693, 704
- Михайловский Н. К. (2) LXXXIII
- Модзалевский Б. Л. (1) 22, 183
- Молас Б. Н. (1) VII, XXV, 75, 180; (2) XXI, XXII, XCVII, 155
- Молок А. И. (2) LXV, XCVII
- *Молотов (Скрябин) В. М. (1) XXIX; (2) XX, XXIV, XXVI–XXXI, XLI–XLII, XLVIII, XLIX, LXI, CII, CXII, CXIX, 485, 534, 599
- Моно Г. (2) 634, 636
- Мор Т. (2) LXIX, LXX, LXXII
- Мордвинов (2) 246, 247, 411
- Морозов Н. А. (1) 7; (2) 91, 161, 229, 273
- Мосевич А. А. (1) XL–XLIII, 11, 13, 56, 57; (2) XXXIII, 4, 5, 572, 577, 585
- Москвин А. М. (2) 157, 472
- Мосолов (1) 214; (2) 320, 425
- Мохова Н. В. (1) LXI
- Мрочковский С. И. (1) 31, 199
- Муайэн де Низ (2) 673
- Муклевич Р. А. (2) 157, 171, 392, 472
- Муравлев-Голицын — см.: Голицын (Муравлин) Д. П.
- Муравьев Н. К. (2) LXXII, 251, 421
- Мурзин И. П. (2) 308
- Муссолини Б. (2) 434, 486
- Мутьян (2) 261

- Мухин С. (1) 13
 Мюскау — см.: Пюклер-Мюскау
 Мякотин В. А. (2) 344, 345, 383
 Мякотина В. А. (2) 229
- Найдич И. А. (2) 33, 347
 Наполеон I, имп. (2) LXV, LXXVIII, LXXIX, LXXXVIII, XC, CV—CXII, CXIV, CXXIV, CXXV, CXXVII, 12, 13, 128, 657, 672
 Наполеон III, имп. (2) CXIV
 Насонов А. Н. (1) 24, 32; (2) 18, 88, 93, 167–169, 382, 385, 386, 466
 Нахимов П. С. (2) CXIV
 Невзоров А. С. (2) 35
 Недзведская О. К. — см.: Недз-вецкая-Самарина О. К.
 Недзвецкая-Самарина О. К. (2) 102, 380
 *Невский В. И. (Кривобоков Ф. И.) (1) 199
 Незеленов А. И. (1) 257
 Некрасова В. Л. (2) 121
 Некрашевич (2) 603
 Некрылова А. Ф. (1) LXI
 Нельдихен С. Е. (2) 688
 Нессельроде К. В. (2) CXIII
 Нефедьева (2) 187, 203, 466
 Нечаева Е. Н. — см.: Федотова Е. Н.
 Никитин П. В. (2) 273
 Никитский А. Н. (2) 378
 Никитский, священник (2) 378
 Никифоров П. М. (1) 188
 Николаев А. С. (1) 35; (2) 98, 175, 370
 Николай (Ярушевич Б. Д.), епископ, впоследствии митрополит (1) 254
 Николай I, имп. (2) CXIII, CXV, CXXXI
 Николай II, имп. (1) XXVI, LXVII, 59, 79, 153, 280; (2) 14, 90, 110, 111, 190, 195, 245, 247, 252, 300, 375, 501, 523, 604
 Николай Михайлович, вел. князь (2) 14
- Николай Николаевич, вел. князь (2) LXXXI, 23, 30, 352, 354
 Никольский Н. К. (1) XXX, XXXI, 21, 24, 34, 39, 172, 176, 177; (2) XXIII, 465
 Ниткина (2) 43
 Ницше Ф. (2) LXXII, CXX
 Нищенко В. К. (1) 178
 Нобель Э. (2) 552, 557, 560, 564
 Новгородцев П. И. (2) 524, 552, 560
 Новиков В. Д. (2) LXIV
 Новиков Н. И. (2) CXXI
 Новицкий В. Д. (2) LXVIII, LXXI, 43–44, 529, 531
 Нольде Б. Э. (2) 12, 61, 84, 85, 90, 99, 114, 120, 151, 155, 227, 231, 235, 241, 242, 245, 257, 258, 266, 274, 276, 279, 284, 289, 337, 338, 348, 355, 356, 366, 418, 419, 421–424, 428, 431–433, 440, 449, 451, 454, 465, 469, 499
 Носов Н. Е. (2) CXXXVI
 Носов С. Н. (2) X, XIV, XVII, XVIII
- Обновленский А. П. (1) 181
 Одинец Д. М. (2) 452
 Одинцова Н. (2) XVIII
 Озе А. (2) LXXVI, LXXXIX, XC, XCVIII, 12, 34, 51, 440, 500
 Озолн (2) 405
 Окинин Н. М. (1) VI, XLVIII, LI, 7, 9; (2) XVI
 Оксман Ю. Г. (1) VII, 181; (2) LV, 33, 34, 91, 592, 595
 Олар А. (2) LXXXVI, LXXXIX, LXXXVII, LXXXIX, 72, 118, 201, 202, 334
 Ольга Александровна, вел. княжна (1) LXIII, LXVII, 21, 123
 Ольденбург Е. Г. (1) 39; (2) XXXIV
 Ольденбург С. С. (1) 39, 48, 154; (2) 13, 24, 228, 235, 279, 348, 355, 356, 423, 428, 454, 465

- Ольденбург С. Ф. (1) XIX, XXII, XXVII–XXXI, XXXIX, XLIV, LXXI, 21, 22, 24, 26, 34, 39, 43, 64, 66, 79, 143, 176, 180;
(2) XXII, XXIII, XXV, XXVI, XXXIII, XXXIV, LXXXIX, 21, 22, 26, 91, 132, 210–212, 214, 228, 233, 355, 363, 409, 487, 499, 512, 523, 554
- Оман Э. (1) 129
- *Онегин (Отто) А. Ф. (1) LXXI, 27, 39, 62, 65, 98, 126, 155, 158
- Онора (2) 85–87, 89, 116, 262, 326, 441, 442
- Ону А. М. (2) 434
- Онэ Ж. (2) 622, 642
- Орбели И. А. (2) 178, 364
- Орджоникидзе Г. К. (1) XXVIII, XXIX; (2) XXI, XXII
- Ордин Б. К. (1) 177; (2) 155, 464
- Орлов (2) 301
- Орловский (2) 389
- Орнатский Ф. Н. (2) 301
- Оросин Г. И. (1) VIII
- Осипов В. П. (2) 409, 512
- Ославская (2) 388
- Отгокар Н. П. (2) 121, 126, 434, 466
- Оуэн Р. (2) CXXXI
- Павел Александрович, вел. князь**
(1) 6; (2) 247
- Павлов И. П. (1) XIX; (2) XXVI, 129
- Павлов-Сильванский Н. П.
(1) LXV, 269
- *Павлович М. П. (Вельтман М. Л.)
(2) 210, 480
- Павлуцкий (2) 393
- Палей (урожд. Карнович) О. В.
(2) 247
- Пальвадре Я. К. (2) 35
- Пальме (1) 44, 54, 139, 155
- Пальмерстон Г. Дж Т. (2) CXIII
- Пальмьери А., кардинал (2) 183, 270, 271, 297, 306, 318, 319, 340, 425
- Пальчинский П. А. (2) XCV, 163, 198, 414, 483, 548, 552, 561, 564
- Панеях В. М. (1) LXI; (2) VIII, XIII, XVIII, LVI, LXIII, XCVI
- Панков (2) 512
- Панкратова А. М. (2) CXIV, CXVI–CXX
- Панфилов (1) 27
- Парамонов (2) 301
- Парис (2) 638
- Паскаль Б. (2) CXXXVIII
- Паскевич И. Ф. (2) CXIII
- Пасов (2) 170, 458
- Пелио — см.: Пеллио П.
- Пеллио П. (2) LXXXIX, 462
- Пенго Л. (1) 162, 226, 228;
(2) LXXIX, 50, 51, 53, 59, 70, 75, 84–87, 89, 113–116, 120, 260, 263, 265, 274, 293, 326, 336, 440, 451, 445, 447, 449, 483, 487
- Пенлеве П. (2) LXXXIX; 12, 85, 87, 89
- Первольф (*Пересветов) И. И.
(2) 174, 392
- Пергамент М. Я. (2) 148, 158, 228, 472, 482, 486, 490
- Пересветов И. — см.: Первольф И. И.
- Перетц В. Н. (1) LIX, 24, 177;
(2) XXIII, 155, 462
- Перец — см.: Перетц В. Н.
- Перимов (1) 55
- Перченко Ф. Ф. (*Вознесенский И.)
(1) XIII, XIX, XX, XXIV, XXV, XXXIII, XLVI; (2) VII, XVII, XVIII, XXXI, XLVI, LVI
- Пескер Д. (2) 44
- Петерс Я. Х. (1) XXV, XXVII, XXX, XXXIV; (2) XXI
- Петр I, имп. (1) 54, 78, 96, 200, 201, 259, 264, 270, 271, 281, 282, 284, 287; (2) CXXXIII, CXXXVI, 197
- Петрищев (2) 322, 466, 500
- Петров, сотрудник Музея этно-графии (1) 64

- Петров, участник клуба инженеров (2) 374
- Петров, участник следствия (2) 46
- Петров А. А. (1) VI, XLVIII, LI, 5, 9, 31, 91, 93, 94, 174, 216, 255; (2) XVI, XXI, XXVII, 47, 61, 82, 124, 171, 178, 179, 209, 220, 301, 392, 464, 602
- Петров В. А. (2) 383
- Петров Д. К. (1) 181
- Петров Е. Н. (1) 255; (2) 167, 199, 350, 381, 382, 387, 455, 527, 530
- Петров Ф. Н. (1) 69
- Петровский (2) 170, 458
- Петровский Г. И. (1) XX
- Петрушевский Д. М. (1) LXV; (2) СІХ, 103
- Пешехонов А. В. (2) ХСV
- Пешкова (урожд. Волжина) Е. П. (2) С, СІІІ
- Пигулевская (урожд. Стебницкая) Н. В. (2) 159
- Пидотти Г. А. (1) ІХ
- Пий X, папа римский (2) 501
- Пий XI, папа римский (2) 296, 297, 426, 601
- Пиленко А. А. (2) 499
- Пилкин С. К. (1) VII, LX, 172; (2) XXI
- Пилсудский Ю. К. (1) 229; (2) 256, 266, 276–278, 283, 305, 417, 430, 431, 485
- Пиотровский (2) 170
- Пичета В. И. (1) VI, XXXVI, XXXVII, XLVIII, XLIX, LI, 6, 9, 28, 47, 174; (2) XVI, XLIX, 59, 155, 158, 266, 380, 381, 410, 431, 465, 525
- Плансон (2) 279, 421
- Плагон (2) LXIX
- Плагонов М. С. (1) 12, 13
- Плагонов С. Ф. (1) V, XI, XIX, XXIII, XXVI–XXXIII, XL–XLVI, XLIX–LVII, LXIII–LXXXIV, 3, 9–12, 14, 16–20, 22, 24–49, 51–60, 62–97, 99–104, 106, 107, 109–111, 113–122, 124–146, 148, 149, 151–154, 157–161, 163, 164, 167–170, 172–176, 181, 183–192, 194–198, 200, 201, 205, 207, 209–212, 214, 215, 217, 218, 223–225, 227–251, 253–256, 279–281, 288; (2) XVI–XXVIII, XXXIII, XXXV–XLVII, L, LII–LIV, LVI, LXXX, LXXXVI, XC, XCI, XCIV, XCVIII, XCIX, 13–31, 33–38, 47, 52–54, 57–61, 63, 64, 68–71, 73–76, 79–85, 87–96, 98, 99, 101, 103, 105, 107–113, 115, 116, 119–127, 132–136, 139–147, 149–152, 154–165, 167, 169–178, 180–185, 187, 189–191, 193–195, 197–205, 208–223, 226–238, 240–252, 254–260, 263, 266–274, 276–286, 288–291, 293–296, 298, 300, 304–306, 315–323, 325, 326, 330–334, 336–345, 347–360, 362, 363, 365, 366, 368–377, 379–384, 386–390, 392–394, 398–403, 407–413, 415–438, 442, 444, 447–462, 465, 466, 468, 469, 471, 473, 478, 484, 486, 487, 489, 490, 497–501, 503, 504, 506–523, 525–528, 542, 543, 546–549, 559, 575–585, 594, 599–608
- Плагонова М. С. (1) VII, XL, 12, 13, 15, 41, 70, 79; (2) 61, 187, 203, 234, 252, 489
- Платонова Н. Н. (1) 101, 118, (2) 13, 280, 281, 348
- Платонова Н. С. (1) VII, XL, LXXI, 15, 70, 76, 79, 179, 182; (2) XXVII, XXXVIII, 63, 82, 162, 171, 172, 184, 185, 187, 203, 269, 349, 372, 383, 394, 437, 465
- Плетнев В. Д. (2) 124, 171, 209, 392
- Плеттиц Дора фон — см.: Путлиц Дора фон
- Плеханов Г. В. (2) LXXXII, 261, 642
- Плеханова (урожд. Боград) Р. М. (2) СІІ, 103, 261, 642, 658

- Победоносцев К. П. (2) LXXXII
 Повало-Швейковский (2) 98, 369
 Поволоцкий Я. П. (2) 185
 Подобедов (2) 570
 Пожарский Д. М., князь (1) 264, 265, 277
 Позерн Б. П. (1) XVIII
 Познер С. В. (2) 347, 454
 Покровский М. М. (2) 518
 Покровский М. Н. (1) XIV–XVII, XIX–XXIV, XXVII, XXIX, XXXVI, XXXVII, XLV, LXXII–LXXIV, 25, 35, 44, 47, 60, 61, 97, 124, 159, 198; (2) XII, XXI, XXV, XLVII, XLVIII, LXXXVI, XCI, XCIII, XCIV, XCIX, CIII, CXVIII–CXX, 33, 175, 193, 206, 234, 491, 494, 593, 594
 Покровский Ф. И. (1) VII, VIII, LX, 172; (2) XXI, XXII, 463
 Полевой П. И. (1) VI, XLVIII, LI, 7, 9; (2) XVI, XXVII
 Полетика Н. П. (2) CII
 Полиевктов М. А. (1) 170, 269
 Половинкина Л. И. (1) IX
 Половцева К. А. (2) 60
 Полосин И. И. (1) 55, 174; (2) XXXII
 Помпонацци П. (2) LXVIII
 Попов Е. Н. (1) 174
 Попов (*Попов-Ленский) И. Л. (2) 387
 Поповский М. А. (2) XVII
 Поппер К. (2) LXXIV
 Португалов (2) 22, 33
 Потемкин В. П. (2) CXVIII
 Потемкин Ф. В. (2) XCVII
 Правилова Е. А. (2) LVII
 Преображенский В. Д. (2) 211, 217
 Преображенский М. Т. (1) 177
 Пресняков А. Е. (1) LXV, LXIX, 35, 53, 54, 180, 269, 278, 279; (2) XLVII, LII, LXXXV, LXXXVI, 26, 32–35, 159, 189, 382, 594
 Прибылев А. В. (2) 229
 Пригожин (2) 200
 Приселков М. Д. (1) VII–IX, 172; (2) 93, 98, 155, 167, 179, 189, 201, 219, 220, 238, 346, 366, 367, 369–371, 386–388, 453, 464
 Прозоров П. И. (1) VIII
 Прокопий Кесарийский (1) 261
 Протасова — см.: Протасьева В. А.
 Протасьева В. А. (2) 503
 Прудон П.-Ж. (2) 665
 Пуанкаре Р. (1) 162, 226, 228, 229, 231; (2) LXXXVIII, XCII, 85, 86, 89, 115, 116, 257, 262, 265, 273, 274, 287, 288, 290, 292–294, 326–329, 332, 441–445, 447, 448, 480, 481, 483, 487, 533, 584, 585, 601
 Пузинский В. Ф. (1) VIII, XLVIII, 182, 216, 255; (2) 47, 82–84, 124, 171, 209, 392, 455, 464, 498, 602
 Путилов А. С. (1) VII, XLVIII, 181; (2) 157, 209, 472, 498
 Путлиц (Плеттиц) Дора фон (2) 61, 62, 187, 188, 439
 Пушкин А. С. (1) LXX, LXXI, 256, 285; (2) CI, CXV, CXXXVIII, 13, 199, 222, 231, 232, 521, 607, 625, 640, 700
 Пыпин Н. А. (1) VIII, 172, 174, 215, 255
 Пэнго — см.: Пенго Л.
 Пюклер-Мюскау (1) 123; (2) 246, 411, 584
 Рабинович М. Б. (2) CXXV
 Рабле Ф. (2) CXXVII
 *Радек (Собельсон) К. Б. (2) CI, CV, CVI, 265, 485, 492, 645
 Радищев А. Н. (2) CXXI
 Радлов Э. Л. (1) 32, 76, 77, 124, 184, 187; (2) XXXV, 18, 20, 62, 108, 146, 155, 188, 464
 Радциг С. И. (1) 184
 Раева (2) 208

- Раевский Н. В. (1) VIII, 178;
(2) XXI, 61, 155, 221, 374, 458, 464
- Разоренов (1) XXV
- Раковский Х. Г. (2) LXXXIX, 130, 479, 487, 488
- Рамзин Л. К. (1) XXXIV;
(2) XXXIII, L, LI, CVI, 549, 552, 557, 558, 560–562
- Ранке Л. фон (2) LXXXVII
- Распутин (Новых) Г. Е. (1) 59;
(2) 190
- Ратенау В. (2) 342
- Рахматуллин М. А. (2) XVII, XVIII
- Ревидцов М. П. (2) 152, 153, 395
- Ревидцов П. (2) 152, 395
- Ревиньи (2) 326, 336, 337, 339, 449
- Регенер (урожд. Минчина) В.
(2) 61, 187, 439
- Регенсберг — см.: Регенер (урожд. Минчина) В.
- Редько А. М. (2) 229
- Резерфорд Э. (2) 434
- Рейнхардт — см.: Регенер (урожд. Минчина) В.
- Рейсер С. А. (2) LIX
- Рейхенман — см.: Регенер (урожд. Минчина) В.
- Ренар Ж. (2) 34, 217, 334, 450
- Рену Л. (2) CI
- Ренувен П. (2) XCVIII
- Ренхорт — см.: Регенер (урожд. Минчина) В.
- Репников Н. И. (1) 64, 65, 72, 73;
(2) 209
- Репуло А. В. (2) LIII
- Риман (2) 374
- Рифатер (2) 262
- Робеспьер М. (2) LXXVII, LXXXVII, CIV
- Рогинский А. Б. (1) XXIV;
(2) XXXIV, C
- Роджерс К. Р. (2) LXXXIII
- Родзянко В. (2) 195, 207
- Родзянко М. В. (1) 27, 118
- Рождественский С. В. (1) V, IX, XXX, XXXI, XXXIX, XLI, XLII, XLVIII, XLIX, LI, LIII, LVI, LX, LXV, LXIX, 4, 9, 31, 45, 53, 73, 75, 84, 85, 87, 89, 98, 100, 104, 114, 151, 156, 169, 170, 172, 174, 193, 194, 202, 204, 212, 229, 235, 237, 242–246, 248, 249, 252, 269; (2) XVI, XXI, XXII, XXIV, XXVII, XXXV–XL, XLIV, XLV, XLVII, LII, 18, 20, 30, 36, 37, 59, 60, 68, 69, 75, 76, 81, 87, 88, 93, 98, 101–104, 108, 109, 111, 121, 125, 135, 137, 139–141, 143–146, 150, 152, 154, 155, 157–159, 167, 177, 178, 180, 186, 196, 200, 203, 215, 222, 223, 229, 231, 232, 238, 259, 268, 295, 298, 300–303, 317, 322, 334, 341, 346, 350, 351, 357, 358, 361, 366, 367, 370, 371, 381–384, 388, 390, 398, 402, 403, 407, 413, 415, 456, 463, 467, 472, 489, 498, 508, 510, 511, 520, 582, 599, 605–607
- Рожков Н. А. (2) 236, 237
- Розанов В. В. (2) CXXXVIII
- Розанов М. Н. (2) 231
- Розанов С. П. (1) VII, 34, 173;
(2) 518
- Розенталь (2) 219
- Роллан Р. (2) CIII
- Романов Б. А. (1) VII, XXXVIII, LXVI, LXIX, 31, 32, 174; (2) LI, LXXXVI, 61, 93, 155, 167, 169, 178, 179, 199, 209, 220, 270, 346, 382, 385, 455, 463
- Романов Михаил — см.: Михаил Александрович, вел. князь
- Романов Николай — см.: Николай II, имп.
- Романовы, династия (1) 29, 82, 275, 283; (2) 257, 258, 300, 331, 375, 443, 604
- Ростов Алексей — см.: Сигрист С. В.

- Ростовцев М. И. (2) XXIII, XXXVII, XCIV, 61, 95, 96, 154, 155, 166, 189, 201, 221, 231, 322, 382, 420, 421, 453, 454, 465
- Ротштейн Ф. А. (2) 228, 431, 488
- Рошешуар (2) 657
- Рубцов Д. А. (1) VIII
- Руденко С. И. (1) VIII, 174, 374, 458, 464
- Рудзугак Я. Э. (1) XXIX
- Рудовский С. Я. (1) XLII
- Руз де Журкел (1) 27
- Рузский Н. В. (2) 195, 207
- Румянцов П. А. (2) CXXI, CXXVI
- Рутенбург В. И. (2) LXX
- Рыдзевская Е. А. (1) VII
- Рыжков — см.: Рышков В. А.
- Рыков А. И. (1) XXVIII, XXIX, XLIV; (2) 21
- Рылеев К. Ф. (1) 7, 8
- Рысс П. Я. (2) 22, 33, 348, 454
- Рышков В. А. (1) LIX, 23, 93, 94
- Рябченко (1) 50
- *Рязанов (Гольдендах) Д. Б.
(1) XIX–XXII, LXVIII, 25, 55, 60, 61, 183, 199, 223, 233, 284; (2) XCI, 193, 206, 336, 484, 609, 641, 660
- Саверушева К. Ц. (2) XVII
- Савин А. Н. (2) LXXX, LXXXVI
- Савинков Б. В. (*Ропшин В.)
(2) 173, 423
- Савицкий П. Н. (2) 168, 383
- Садиков П. А. (1) VII, 74, 172;
(2) 199, 200, 222, 232, 383, 385
- Садовский Ю. В. (1) XXV, XXVII, XXXIV, LIV, 503, 504
- Саломон — см.: Заломон А. С.
- Сакко Н. (2) 94, 229, 365, 479
- Сакулин П. Н. (2) XXXVI, 155, 231, 658
- Салтыков М. Е. (*Щедрин Н.)
(2) CXXXVIII
- Самба М. (2) LXXXIX
- Самойлович А. Н. (1) XLIV, 172
- Саньяк Ф. (2) LXXVI, LXXXIX, XCVIII
- Сафаров (2) 485
- Сватиков С. Г. (1) 22, 27; (2) 12, 36, 38, 104, 348, 454
- Сватикова П. В. (2) 22, 33, 36
- Свердлов Я. М. (1) LXXIV
- Свечин А. А. (1) XII
- Святский Д. О. (2) 103
- Северцов А. Н. (2) 155, 159, 273, 523
- Сегье (2) 326, 336–338, 449
- Седаков С. Ю. (2) XVIII
- Селуйт (2) 264
- Семенов Ю. Ф. (2) 90, 227, 252, 258, 278, 338, 365, 366, 423, 431, 465
- Семевский В. И. (2) LXVIII
- Семенов-Тянь-Шанский В. П.
(1) XXXIX; (2) XXXIV
- Сенпор (2) 326, 334–336, 450, 452
- Сент-Бёв Ш.-О. (2) 636, 642, 670
- Сеньобос Ш. (2) LXXXIX, XCVIII, 51, 113, 597
- Сенявин Д. Н. (2) CXXXIII
- Серафим Саровский св. (2) 60
- Сергеевич В. И. (1) LXIV, 258, 259, 262
- Серебряков М. В. (2) 97
- Серебрянский Н. И. (1) VII, 174
- Середонин С. М. (1) LXIV
- Сибом Ф. (2) LXXIII
- Сиверс А. А. (1) XX, LX, 181;
(2) 88, 121, 155, 187, 203, 464, 466
- Сигрист С. В. (*Ростов А.) (1) IX, XXXII, XL, XLI; (2) VII, XVII, XXXV, 167, 382
- Сидоров А. Л. (2) CXVIII–CXX
- Сидоров Н. И. (1) VII, 74, 172
- Сильверсван Б. П. (2) XVIII
- Сильвестр А. (2) 624
- Сильман Т. И. (2) LXXXV
- Симонов И. И. (1) LXIV
- Скобелев М. И. (1) 126;
(2) CXVI, 488

- Скоропадский П. П. (2) 28, 428, 472
Скржинская Е. Ч. (ошибочно: Кржанская) (1) 38; (2) 200, 388
Скрибанович Ф. Ф. (1) VII, 22, 183; (2) 104
Слащев Я. А. (2) 173
Слепков А. Н. (2) XCIV, XCV, 104
Смирнов А. П. (1) 180; (2) 370
Смирнова (2) 685, 686, 690
Снесарев А. Е. (1) XII
Соболев А. А. (1) LXVII
Соболев В. С. (1) LXI
Соболевский А. И. (1) 22, 24, 27, 50
Сойкин П. П. (1) 182; (2) 161, 363
Соколов В. Н. (2) 587, 588
Соколов Г. П. (1) VIII, 182, 216, 255
Соколов И. И. (2) 175, 306
Соколов Н. А. (ошибочно: Александров) (1) 153; (2) 245
Соколов Ю. П. (1) 182, 216, 255; (2) 88, 124, 155, 171, 187, 209, 392, 409
Соколовский Г. Н. (1) VII, XXV, 75, 180
*Сокольников (Бриллиант) Г. Я. (2) 553
Солженицын А. И. (2) XXIX
Соловьев Вл. С. (2) LXXVIII, CXXVIII, CXXIX, 321
Соловьев С. М. (1) 197, 262, 267, 270, 271; (2) LXVI, CXXI
Сольц А. А. (2) XCIX, C
Сонни А. И. (2) LXX, LXXI
Сорокин П. А. (2) XCV, 35, 231
Спекторский Е. В. (2) 29, 38, 81, 224, 231, 420, 461
Спенсер Г. (2) LXXIII
Сперанский В. Н. (2) LXXIV, 61, 190, 218, 231
Сперанский М. Н. (1) 34, 174; (2) 462, 518
Спиноза Б. (1) 197
Спицын А. А. (1) 35, 64, 72, 178; (2) 465
Срезневский В. И. (1) VII, XXVII, XXX, 21, 22; (2) XXII, 187, 203
Ставрович А. М. (2) 187
*Сталин (Джугашвили) И. В. (1) XXIX, XXXII, XXXVI, XLVII; (2) XII, XX–XXII, XXIV, XXVI–XXXI, XLI, XLII, XLVIII, XLIX, LXI, CIII, CV–CVII, C XIII, CXVIII–CXX, CXXII, CXXIV–CXXVI, 275, 480, 599
Стаценко Д. (2) XVII
Стеклов В. А. (1) XV, 23; (2) 407, 409, 512
Степанов А. А. (2) 18, 93, 168, 385
Степанов М. А. (1) XLII, LVIII, 8, 57, 58, 68, 69, 74–77, 91–94, 100, 104–106, 114, 115, 128, 129, 146–151, 154–157, 161–164, 166–170, 172–174, 192–194, 212, 214, 215, 218, 225, 227–229, 233, 241–243, 251, 253; (2) XXXIV, 10, 13, 14, 16–18, 46, 66, 67, 477, 478, 559, 562, 577, 578, 585, 587, 588, 596
Степанов С. Л. (1) LXIV, 32
Степанова Н. М. (2) LXIV
Степашин С. В. (1) LX, 32; (2) VII
Степун Ф. А. (2) 108
Стефанович Е. Д. (2) CXXVIII
Строгановы (1) 286, 287
Строев П. М. (1) 266, 267
*Стромин (Геллер) А. Р. (1) XXIV, XXXIV, XXXIX, XL, XLII, XLIII, 3, 8–10, 67, 68; (2) XXXIII, LVI–LIX, LXI, 3, 66, 67, 77, 82, 84, 88, 91, 93, 95, 97, 100, 105, 106, 108, 126, 127, 153, 166, 178, 183, 200, 209, 224–226, 235, 239, 253, 258, 268, 273, 282, 285, 294, 296, 303, 306, 343, 345, 350, 352–358, 360, 363, 365, 367, 369–371, 374, 376–380, 382–385, 392, 393, 396, 398–400, 402–406, 408, 412, 419, 424, 426–428, 430, 431, 433, 440, 444–446, 451, 455, 456, 467, 470, 474–476, 478, 482–486, 490, 496, 497, 501–505, 511, 516, 527, 532, 533, 558, 564, 567, 577, 580, 585, 588–592, 595–597, 607

- Струве В. В. (2) LXXXVI, 103, 178, 200, 364
- Струве П. Б. (1) XXVI, 28, 62, 129, 163; (2) XXIII, XXXVII, XLV, LXXIV, 12, 61, 90, 103, 151, 157, 190, 235, 289, 320, 321, 355, 356, 366, 417, 421, 424, 425, 427, 428, 433, 447, 454, 465, 472, 499–501, 548, 601, 602, 605
- Суворов А. В. (2) CXXI, CXXII, CXXVI
- Султан-Шах М. П. (2) 300
- Суходольский (1) 236, 241
- Сухомлин В. В. (2) CI
- Сухомлинов М. И. (1) 257
- Сырцов С. И. (1) XXIX
- Сыщиков А. Д. (1) 279
- Сэ А. (2) LXXVI, LXXIX, XCVIII, 500
- Т. Б., неустановленное лицо
(2) 692
- Таганцев Н. С. (2) 345
- Таганцева (1) 117
- Тагер Е. Б. (2) 421
- Талейран Ш.-М. (2) CX, CXI, CXXIV
- Тамерлан (Тимур) (2) CVIII
- Тан-Богораз В. Г. (2) 212
- Танина Тая — см.: Богданович Т. Д.
- Танич (2) 250
- Тая: 1) «Манина Тая» — см.: Щепкина-Куперник Т. Л.; 2) «Танина Тая»; «Тая Б.» — см.: Богданович Т. Д.
- Тарановский В. Ф. (2) 202, 231
- Тарле А. В. (2) 688
- Тарле В. Г. (2) LXVI
- Тарле В. Е. (2) LXVII
- Тарле Е. В. (1) V, XXXIV–XXXVII, XL, XLII, LI, LII, LVI, 3, 9, 24, 31, 32, 37, 38, 41, 42, 45, 65, 73, 75, 78, 84, 85, 87, 98, 100, 104, 116–118, 121–123, 127, 129, 134, 136, 137, 145, 151, 156, 159–163, 169, 170, 172, 177, 179, 180, 184, 190, 191, 193, 202–204, 206–208, 212, 213, 218–222, 225–232, 235, 237, 239, 242, 248–252; (2) XII, XIV–XVI, XIX, XXIV, XXVII, XXXV–CXXXII, 3–6, 8–10, 13–19, 22, 24–27, 29–32, 35–37, 39–52, 54–58, 61–68, 70, 71, 73–79, 82, 84–93, 97, 100, 101, 105, 106, 108, 109, 111–127, 129, 131–138, 140–142, 144, 146–149, 152–155, 157–170, 173–175, 177, 178, 180–185, 189–204, 206–214, 216–226, 228–230, 232–244, 246–250, 253–259, 261, 263, 265, 267–270, 272, 273, 275–282, 285–287, 289, 292, 294, 296, 303, 306, 315, 318–322, 325, 327, 328, 331–339, 343, 358, 376, 383, 398, 403, 407, 413, 415, 462, 469, 475–478, 484, 485, 490–494, 496–498, 501–517, 526–529, 531–533, 535–537, 539, 541–545, 547, 548, 551, 553, 554, 556, 558, 559, 562, 564, 565, 567–587, 589–597, 599–602, 604–610, 612–614, 618, 625, 626, 628–630, 632, 634, 637, 638, 641, 646, 648, 649, 652, 656, 668, 669, 673, 674, 676, 677, 681, 689, 697
- Тарле Е. Ф. (2) 16, 91
- Тарле (урожд. Михайлова) О. Г. («Леля», «Ляличка») (2) LXI–LXIV, LXVI, LXVII, LXXI, XCVI, XCIX, C, CI, CV, 6, 175, 268, 477, 565, 589, 609, 610, 612–614, 616–618, 620–622, 624–626, 628–630, 632–634, 636–638, 640–642, 644–646, 648–650, 652–654, 656–658, 660–662, 664–666, 668, 669, 672–674, 678, 694
- Тарле Р. А. (2) LXVI
- Тарновская (урожд. Тарле) М. В. («Маня») (2) LXI, XCVII, XCIX, C, 61, 62, 187, 439, 478, 609, 610, 613.

- 614, 616–618, 620, 621, 624–626, 628–630, 636–638, 640–642, 644–646, 648, 650, 652–654, 656, 658, 660–662, 664, 666, 668, 669, 673, 674, 676, 677, 693
- Гарновский А. И. (2) XCVII
- Гаубе И. (1) 274
- Гаубе М. А. (2) 235, 500, 501
- Творогов Л. А. (1) IX
- Тентель А. А. (1) 49; (2) 105, 284
- Теньер (1) 129
- Теплова (2) 338
- Тетка — см.: Михайлова А. В.
- Тимашев Н. С. (2) 23, 24, 157, 288, 442, 469
- Тимофеев Иван (1) 267
- Тираспольский (2) 32
- Тиханова (Клименко) М. А. (1) 38; (2) 93, 102
- Тихомиров Л. А. (2) 672
- Тихомиров М. Н. (2) XXXII
- Тихон (Белавин В. И.) св., патриарх (1) 41, 231; (2) 107, 305, 321, 389, 423, 426
- Тихонов А. Н. (2) 374
- Тихонова (ошибочно) — см.: Тиханова М. А.
- Тищенко А. (1) 13
- Товбин Д. Г. (2) 556, 558–560
- Токарский Н. М. (2) 170, 458
- Толоконцев (1) 23
- Толстая А. Л. (2) 229
- Толстой А. Н. (2) 365
- Толстой Д. А. (2) 34
- Толстой И. И. (1) 178; (2) 221
- Толстой Л. Н. (2) LXXII, CXXVIII, 624, 670
- Тома А. (2) 86
- Томсинский С. Г. (1) 97
- Томский М. П. (1) XXIX
- Торну (2) XC
- Тотлебен Э. И. (2) CXIV
- Тото Ж. (2) 629
- Трейчке Г. (2) CXXIII
- Триллисер М. А. (2) 483
- Троицкий Н. А. (2) LXV
- *Троцкий (Бронштейн) Л. Д. (1) 201, 209; (2) 21, 154, 194, 205, 251, 335, 398, 399, 450, 484, 514
- Трубецкой Д. Т. (1) 278
- Трубецкой Е. Н. (2) LXX
- Туберозов Н. В. (1) 254
- Тубянский М. И. (2) 213
- Тугаринов И. А. (1) XV
- Тураев Б. А. (1) 269
- Тураева (урожд. Церетели) Е. Ф. (1) 269; (2) 160, 175, 300, 301, 460
- Тургенев И. С. (2) CXXXI, 624
- Тхоржевский С. И. (1) VII–IX, 32, 181; (2) 18, 167, 199, 346, 382, 385, 455, 464
- Тьерри О. (1) 261
- Тыркова (в замуж. Вильямс) А. В. (2) 424
- Тэри Г. (2) 130
- *Тэффи (Лохвицкая) Н. А. (2) 38, 420
- Тюхменев (1) 55
- Уебб — см.: Вебб С.
- Ульянов Н. И. (1) 55
- Ульяновская В. Л. (1) XVII
- Уншлихт И. С. (2) 479
- Уорд Л. Ф. (2) LXXIII
- Урицкий М. С. (2) 83, 244, 404, 529, 531
- Усас (1) 78; (2) 99, 375
- Успенская Н. Э. (2) 62, 233, 234
- Успенские (2) 188
- Успенский Ф. И. (1) 32, 177, 179; (2) XXXV, LXXXVI, XC, XCI, 62, 90, 181, 221, 233, 234, 340, 371, 374
- Устимович П. М. (1) 39
- Ухтомский Н. (2) 393
- Ухтомский Э. Э. (2) 393
- Ушаков Ф. Ф. (2) CXXI, CXXIII
- Уэллс Г. Дж. (2) 609

- Фармаковский М. В. (2) 217
 Фаррер К. (2) 630
 Фасмер М. (1) 129, 205; (2) 222, 235, 358, 417, 465
 Федин К. А. (2) 365
 Федоров Н. Ф. (2) XVI
 Федотов Г. П. (1) 50; (2) LXXXVI, 32, 107, 381, 383, 388
 Федотова (урожд. Нечаева) Е. В. (2) 22, 32, 101, 388
 Фейгин Л. (2) CXI
 Фейгина С. А. (2) CXI, CXXV
 Фейнберг (2) 378
 Фендель И. С. (2) 200
 Феодор Иоаннович, царь (1) 275, 285
 Феоктистов Е. М. (2) 33, 654
 Феррингер А. Б. (1) 50, 159, 223; (2) 428
 Ферсман А. Е. (1) XIX, XXII, XXX–XXXIII, XXXIX, 24, 159, 176; (2) XXIII, XXV, XXXIII, XXXIV, L, 21, 22, 87, 93, 97, 103, 154–156, 160, 163, 170, 171, 173, 181, 182, 217, 221, 267–269, 285, 369, 371–374, 396, 406, 413, 436, 457, 458, 462, 498, 548
 Ферсман Е. (2) 181, 374
 Фетисов И. И. (1) VIII
 Фигатнер Ю. П. (1) XXIV–XXXV; (2) XXI, XXII, XXVI, XXXIII, XXXIV, L, 546
 Фигнер В. Н. (2) XXXIX
 Филипченко Ю. А. (2) 155
 Философов Д. В. (2) 51, 81, 420, 466
 Философов М. Д. (2) 178, 364
 Финн-Енотаевский А. Ю. (2) 35, 108
 Флакк (Флак) Ж. (2) LXXXIII
 Флетчер Дж. (1) 274, 275
 Флит А. (2) 107, 345
 Флитнер Н. Д. (2) 178, 364
 Флоренский П. А. (2) 524
 Флоринский Т. Д. (2) 228
 Фокс Ч. Дж. (2) CXXX
 Фомина Э. А. (1) LXI; (2) LXIV
 Фондаминские (2) 334
 Фондаминский (*Бунаков) И. И. (2) 334, 348, 454
 Форд Г. (2) 208
 Форстен Г. В. (1) 30
 Фортинский В. Я. (2) 636
 Форгов В. Е. (2) LXIV
 Фортунатов Ф. Ф. (1) 26
 Фош Ф. (2) 281, 429
 Франк С. Л. (2) 202, 381
 Франклин Б. (2) CXXX
 *Франс (Тибо) А. (2) 634
 Франц-Фердинанд, эрцгерцог (2) XCII
 Францев В. А. (2) 224, 417, 434, 455, 461, 464, 466
 Фрейденберг (2) 558, 560, 562
 Фрейдлин (2) 170
 Фрейндлих (2) 458
 Фрейтаг фон Лоринговен А. Л. (1) 238; (2) 23, 222, 342
 Френкель Л. Д. (2) CXII
 Фридолин П. П. (2) 160, 382
 Фриче В. М. (1) XX, XXI, 25; (2) XXI, 193, 206, 361
 Фришман (2) 572–574, 587
 Фришфельд А. Ф. (1) X
 Фролов (2) LXXV
 Фрунзе М. В. (2) 514
 Фукье-Тенвиль А.-К. (2) CIV
 Фурман Б. Э. (1) X; (2) 63, 437
 Фурман Э. Б. (1) IX, X
 Фурсенко А. А. (2) CI
 Фуше Ш. (2) CXXIV
 Фюстель де Куланж Н.-Д. (2) LXXIII
 Хабалов С. С. (2) 195, 398
 Халтурин Д. Н. (1) VIII, XXV, 178; (2) XXI, XXXIII, XXXIV, 82, 155, 157, 221, 269, 374, 458, 463, 472, 498, 506, 526, 527
 Халтурин С. Н. (2) 5, 83, 94, 523
 Харитон Б. О. (2) 107, 345

- Хилинский К. В. (1) 269; (2) 266, 277, 431, 466
 Хлевнюк О. В. (2) LVIII
 Ходасевич В. Ф. (2) 237
 Хоментовская А. И. (2) LXXXCVI, CXII
 Хрулев С. А. (2) CXIV
- Цамутали А. Н. (1) LXI; (2) VIII, XIII, XVIII, LXIII, XCVI
 Цвибак М. М. (1) XLV; (2) XCVII, 199, 545
 Цезарь, Гай Юлий Цезарь (2) CVIII
 Цейхлин (1) 6, 44, 70, 71, 75–77, 79, 142, 143, 147, 160, 168, 169, 187, 188, 251; (2) XXIII, XXVIII, 15, 16, 60, 71–74, 85, 116–119, 165, 236, 286, 412, 413, 437–439, 460, 489, 601, 603, 605
 Цемш Н. С. (2) 179, 199, 200, 382
 Церетели Г. Ф. (1) 184; (2) 160, 382, 465
 Церетели Е. Ф. — см.: Тураева Е. Ф.
 Церетели И. Г. (2) 22, 32, 347, 348, 454
 Цихоцкий (2) 41
 Цицерон Марк Туллий (2) LXXXVII
 Цыперович (2) 208
- Чаадаев П. Я. (2) 322, 428
 Чаев Н. С. (1) VII, 38, 74
 Чапкевич Е. И. (1) XLIX; (2) LI, LXV, LXVI, CII, CVII
 Чаттопадхья Вирендранатх (Катто-Шанди) (2) 486
 Чайнов А. В. (1) XII
 Челлини Б. (2) 672, 673
 Челнокова (1) 50
 Челпанов Г. И. (2) LXX, LXXI, 524
 Ченслер Р. (2) CXXXI
 Чепурин Н. В. (1) IX, 182; (2) 175, 176, 184, 301, 460, 464
- Черепнин Л. В. (2) XXXI–XXXIII
 Чернобаев А. А. (1) XXXVII
 Чернов С. В. (1) LI
 Чернов С. Н. (1) 170, 211; (2) 155, 158, 220, 381, 465, 503, 525
 Черномский (2) 301
 Чернышев (2) 35
 Чертков В. Г. (2) 229
 Черток (2) 46
 Черчилль У. (2) CXXXIII
 Чехов А. П. (2) 229, 640
 Чечулин Н. Д. (1) LXIV, 43
 Чешер (2) 558, 562
 Чикини А. И. (1) 41
 Чингисхан (2) CVIII
 Чистов В. М. (1) VIII
 Чичерин Б. Н. (1) 197, 267
 Чичерин Г. В. (2) 188, 262, 264, 479, 486, 488
 Членов (1) 55
 Чоловский (1) 222
 Чубинский М. П. (2) 28, 29, 231, 428
 Чудов М. С. (1) XXXII; (2) XXII
 Чуков Н. К. (впоследствии митрополит Григорий) (1) 254
 *Чуковский К. И. (Корнейчуков Н.) (2) LXXXVI, 107
- Шайтан** М. Э. (2) 93, 94, 102
 Шаль П. (1) 28, 129, 227
 Шамиль, имам (2) CXVI
 Шамонин Б. Н. (1) 118; (2) 221, 226–228, 235, 257, 348, 428, 454, 465
 Шамонина (урожд. Платонова) В. С. (1) 15
 Шангин М. А. (1) VII, 174
 Шанон (2) 417
 Шапошников Б. М. (1) LXVI
 Шарлети С. (2) 12, 34, 113, 116, 129, 264, 326, 328, 329, 445
 Шатилова Т. И. (1) IX; (2) 167, 178, 199, 346, 382
 Шатобриан Р. (2) 642
 Швецов С. П. (2) 229

- Шебеко Н. Н. (2) 281, 356
 Шебунин А. Н. (1) VII–IX. XXXV, XLIX, LIX, 31, 184; (2) XLIII, LXXXVI, 61, 88, 93, 103, 167, 177, 179, 199, 219, 346, 382, 385, 390, 455, 463, 467
 Шевченко Т. Г. (2) 700
 Шекспир У. (2) LXXII, XCVII, 668
 Шейнин А. К. (1) IX
 Шелавин (2) 393
 Шенг (Штрэнг?) (2) 393
 Шенталинский В. И. (2) LV
 Шеншин (2) 252, 423
 Шереметев С. Д. (1) LXIX, 284
 Шереметевы (2) 372
 Шестаков А. В. (2) 454, 462
 Шестериков С. П. (1) VIII, 215, 255
 Шетти Г. (2) 12
 Шеффле А.-Э. (2) LXXIII
 Шиле Д. К. (1) X
 Шилов А. А. (1) VII; (2) 169, 209, 387
 Шиман Т. (1) 138
 Шингарев А. И. (2) LXXXV
 Шишкевич (2) 393
 Шишкевич З. А. (2) 173, 186, 393, 394, 506, 508
 Шишмарев В. Ф. (1) 178
 Шкафер (2) 558
 Шляпкин И. А. (1) LXIV
 Шмидт Ш. (2) LXXXVI, LXXXIX, XCVIII, 600, 605, 645
 Шмидт-Отт Ф. (1) LIX, LXXII, 6, 47, 52–54, 64, 65, 69, 71, 72, 77, 80, 117, 119, 122, 124, 125, 139, 140, 142, 146, 147, 168, 187, 204, 207, 251; (2) 15, 17, 19, 20, 29, 52, 53, 59, 60, 70, 73, 110, 222, 352–354, 410, 600, 605
 Шмурло Е. Ф. (1) LXIV; (2) 296, 434, 466
 Шнеур З. (2) 32
 Шольц Э. Э. (1) VII, XXVI, 75, 179, 180
 Шопенгауэр А. (2) LXXXVII, XCVII, CXXXVIII, 676
 Шошин (2) 252, 423
 Шоу Дж. Б. (2) 668
 Шпенглер О. (2) XCIII
 Штаден Г. фон (1) 274
 Штакельберг (урожд. Егорова-Гурская) Н. С. (1) VII, 31; (2) XLVI, XLVII, LVII, 167, 178, 179, 199, 382, 383
 Штейнберг М. О. (2) CI
 Штейнберг Н. Е. — см.: Щупак Н. О.
 Штейнфельд (2) 452
 Штелин (1) LIX, 27, 54, 87, 88, 120, 123, 139, 149, 155, 165
 Штельцер — см.: Штольцер
 Штольцер (1) 76, 188
 Штреземан Г. (2) 71, 74, 116, 260, 354, 481
 Штрэнг — см.: Шенг
 Шуйские (1) 275, 276
 Шуйский В. И. (1) 276
 Шульгин В. В. (2) 28, 90, 157, 375, 472
 Щегловитов И. Г. (2) 209
 Щегловитова М. Ф. (2) 209, 247
 Щеголев П. П. (2) XCVII, 33, 387
 Щедрин Н. — см.: Салтыков М. Е.
 Щепкина-Куперник Т. Л. («Манин Таня») (2) XCVI, С, 625, 626, 648, 649, 660, 664, 673
 Щерба Л. В. (2) 231
 Щербаков А. С. (2) CXVII, CXVIII
 Щербатской Ф. И. (1) 32, 172, 176; (2) XXXV; 61, 210, 211, 213–217, 462
 Щупак (урожд. Штейнберг) Н. О. (2) CI, CII, CIII, 12, 22, 32
 Щупак С. Д. (2) CXI
 Эберман В. А. (1) VII, 180
 Эдуард VII, король (2) XCII

Эзенман Л. (1) 27; (2) LXXXIX, XC,
XCVIII, 76, 84, 113, 440, 481, 483,
597
Эйдельман Л. (2) 50
Эйзенберг (2) 22, 33, 261
Эйзенберги (2) 334
Эйзенман Л. — см.: Эзенман Л.
Эйнштейн А. (2) 379, 524
Эйхенбаум Б. М. (2) CXXV
Элькин Б. С. (2) 261, 439
Энгельгардт Б. М. (1) VII, 173
Энгельс Ф. (2) LXXIII, XCV, CXVIII;
11, 133, 484, 493, 528, 537, 660
Эрбет (2) 451, 481, 547
Эрнст Н. Л. (1) 65, 72, 73
Эрнштедт — см.: Ернштедт П. В.
Эррио Э. (2) CII, CIII, 86, 87, 89,
325, 338, 480
Эфрон И. А. — см.: Ефрон И. А.

Юденич Н. Н. (2) 194, 205, 398, 418
Юдина М. В. (2) CXXVII
Юнг (2) 480
Юсипенко И. (2) LXVII
Юсупов Н. Б. (2) 94
Юсуповы (2) 385
Юшков Л. П. (2) 170, 458

Яблоновский (Яблоновский-
Снадзский) А. А. (2) 239
Ягода Г. Г. (2) XXI–XXIV, 483
Яковенко А. (2) 301
Яковенко П. А. (2) 305
Яковлев А. И. (1) VI, XXXVII,
XLVIII, L, LI, 5, 9, 55, 89, 98, 174;
(2) XVI, XXIV, XXXI, XXXIII, XL,
CXIX, 47, 157, 159, 273, 350, 377,
414, 465, 472, 486, 489, 490, 517,
520, 522–526
Яковлев А. Н. (2) LII
Яковлев К. Ф. (1) L
Яковлев Н. Н. (2) CXIX
Ясинский А. И. (2) 94, 158, 380, 523,
525

Ястребов (2) 571
Ященко А. С. (2) 261, 453

Abrambé T. (2) 673
Arnö — см.: Арнё
Asquith M. (2) 665, 669, 670

Bachkirtzeff M. — см.: Башкирцева
М. К.
Bär M. (1) 274
Boyer P. — см.: Буае П.
Braddon — см.: Брэддон

Chanon — см.: Шанон

Daudet A. — см.: Доде А.
de la Saussel (2) 649
Didot F. (2) 11, 625, 640
Doundouk (2) CXV

Felicien de la Soàcsée (2) 645
Fletcher G. — см.: Флетчер Дж.

Gide A. (2) 650
Goncourt E. et J. (2) 617
Gorki M. (2) — см.: *Горький (Пеш-
ков А. М.)
Graham (2) 658

Hachette (2) 185
Halévy É. (2) — см.: Галеви Эли
Hauser H. (2) LXXXIX
Haüser (2) 440
Hitler A. (2) CXX
Hösch E. (2) LXV, CII, CXXIII

Kruse E. — см.: Крузе Э.

Lukács G. — см.: Лукач Г.

Mürger (2) 660
Merrick (2) 650

Napoleon I — *см.*: Наполеон I, имп.
Nietzsche F. — *см.*: Ницше Ф.

Ohnet G. — *см.*: Онэ Ж.

Platonov S. F. — *см.*: Платонов С.Ф.
Presnjakov A. — *см.*: Пресняков
А. Е.

Quichera G. — *см.*: Кишера Ж.

Rolland R. — *см.*: Роллан Р.

Sainte-Beuve Ch.-O. — *см.*: Сент-Бёв
Ш.-О.

Staden H. von — *см.*: Штаден Г. фон
Stählin — *см.*: Штелин

Stchoupak N. — *см.*: Щупак (урожд.
Штейнберг) Н. О.

Taube Johann — *см.*: Таубе И.
Tarle E. — *см.*: Тарле Е. В.

Venturi F. — *см.*: Вентури Ф.
Venzkovsky — *см.*: Венцковский
Vitkovsky — *см.*: Витковский

Watterbach W. — *см.*: Ваттербах В.
Weintraub W. — *см.*: Вейнтрауб В.
Wisniewski S. (2) LXV, CIX

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие ответственного редактора	V
Предисловие	XIX
Евгений Викторович Тарле. Биографический очерк	LXV
1 Постановление о производстве обыска у Е. В. Тарле и его задержании в качестве подозреваемого по делу № 1803 28 января 1930 г.	3
2 Ордер, выданный ПП ОГПУ ЛВО на производство обыска у Е. В. Тарле и его арест 28 января 1930 г.	4
3 Протокол о производстве обыска в квартире Е. В. Тарле и его задержании 28 января 1930 г.	4
4 Анкета арестованного Е. В. Тарле 28 января 1930 г.	5
5 Дубликат квитанции о принятии в доме предварительного заключения ценностей от арестованного Е. В. Тарле	8
6 Анкета и протокол допроса Е. В. Тарле, произведенного начальником СО ПП ОГПУ ЛВО М. А. Степановым 30–31 января 1930 г.	9
7 Протокол допроса Е. В. Тарле, произведенного М. А. Степановым 3 февраля 1930 г.	13
8 Заявление Е. В. Тарле заместителю начальника СОУ ПП ОГПУ ЛВО С. Г. Жупахину 4 февраля 1930 г.	17

9	Протокол допроса Е. В. Тарле, произведенного С. Г. Жупахиным и М. А. Степановым 8 февраля 1930 г.	17
10	Собственноручные показания Е. В. Тарле 11 февраля 1930 г.	18
11	Собственноручные показания Е. В. Тарле 14 февраля 1930 г.	19
12	Собственноручные показания Е. В. Тарле 15 февраля 1930 г.	22
13	Собственноручные показания Е. В. Тарле 17 февраля 1930 г.	24
14	Собственноручные показания Е. В. Тарле 19 февраля 1930 г.	27
15	Собственноручные показания Е. В. Тарле 20 февраля 1930 г.	29
16	Собственноручные показания Е. В. Тарле 20 февраля 1930 г.	30
17	Собственноручные показания Е. В. Тарле 21 февраля 1930 г.	31
18	Собственноручные показания Е. В. Тарле 24 февраля 1930 г.	32
19	Собственноручные показания Е. В. Тарле 27 февраля 1930 г.	36
20	Собственноручные показания Е. В. Тарле 2 марта 1930 г.	37
21	Выписка из дела № 228–1900 г. Особого отдела Департамента полиции об Е. В. Тарле 15 октября 1901 г.	40
22	Письмо и[сполняющего] о[бязанности] заведующего Архивом революции и внешней политики Истомина сотруднице 4-го отделения СО ОГПУ СНК Ниткиной со сведениями об Е. В. Тарле [не позднее 5 марта 1930 г.]	43
23	Сопроводительное письмо начальника 10-го отделения СО ОГПУ СНК Ф. М. Генкина М. А. Степанову о посылке запрошенных архивных материалов об Е. В. Тарле 5 марта 1930 г.	46
24	Собственноручные показания Е. В. Тарле 8 марта 1930 г.	47
25	Заявление Е. В. Тарле С. Г. Жупахину с сопроводительной запиской начальнику ДПЗ Богданову 12 марта 1930 г.	48
26	Заявление Е. В. Тарле С. Г. Жупахину 16 марта 1930 г.	49
27	Собственноручные показания Е. В. Тарле 18 марта 1930 г. ...	50
28	Собственноручные показания Е. В. Тарле [не позднее 30 марта 1930 г.]	52

29	Заявление Е. В. Тарле С. Г. Жупахину с сопроводительной запиской помощнику начальника ДПЗ 1 апреля 1930 г.	55
30	Заявление Е. В. Тарле С. Г. Жупахину 2 апреля 1930 г.	55
31	Заявление Е. В. Тарле С. Г. Жупахину [7 апреля 1930 г.?]	56
32	Заявление Е. В. Тарле С. Г. Жупахину 9 апреля 1930 г.	57
33	Собственноручные показания Е. В. Тарле 11 апреля 1930 г.	58
34	Собственноручные показания Е. В. Тарле 11 апреля 1930 г.	61
35	Заявление Е. В. Тарле С. Г. Жупахину с сопроводительной запиской начальнику ДПЗ Богданову 13 апреля 1930 г.	63
36	Заявление Е. В. Тарле С. Г. Жупахину 13 апреля 1930 г.	64
37	Заявление Е. В. Тарле С. Г. Жупахину с сопроводительной запиской начальнику ДПЗ Богданову 15 апреля 1930 г.	65
38	Постановление начальника 4 отделения секретного отдела А. Р. Стромина по делу № 1803 о привлечении Е. В. Тарле в качестве обвиняемого 15 апреля 1930 г.	66
39	Постановление А. Р. Стромина об избрании меры пресечения для Е. В. Тарле 15 апреля 1930 г.	67
40	Собственноручные показания Е. В. Тарле 15 апреля 1930 г.	68
41	Заявление Е. В. Тарле С. Г. Жупахину 17 апреля 1930 г.	77
42	Собственноручные показания Е. В. Тарле 17 апреля 1930 г.	79
43	Протокол допроса Е. В. Тарле, произведенного А. Р. Строминым 18 апреля 1930 г.	82
44	Собственноручные показания Е. В. Тарле 19 апреля 1930 г.	84
45	Собственноручные показания Е. В. Тарле 20 апреля 1930 г.	89
46	Собственноручные показания Е. В. Тарле 21 апреля 1930 г.	92
47	Собственноручные показания Е. В. Тарле 22 апреля 1930 г.	97
48	Письмо Е. В. Тарле С. Г. Жупахину 23 апреля 1930 г.	100
49	Собственноручные показания Е. В. Тарле 24 апреля 1930 г.	101

50	Заявление Е. В. Тарле С. Г. Жупахину с сопроводительной запиской начальнику ДПЗ Богданову и телефонограммой А. Р. Стромину 24 апреля 1930 г.	106
51	Собственноручные показания Е. В. Тарле 26 апреля 1930 г. ...	106
52	Собственноручные показания Е. В. Тарле 9 мая 1930 г.	109
53	Письмо Е. В. Тарле А. Р. Стромину 17 мая 1930 г.	127
54	Собственноручные показания Е. В. Тарле 20 мая 1930 г.	134
55	Собственноручные показания Е. В. Тарле 23 мая 1930 г.	154
56	Собственноручные показания Е. В. Тарле 24 мая 1930 г.	167
57	Собственноручные показания Е. В. Тарле 25 мая 1930 г.	178
58	Собственноручные показания Е. В. Тарле 29 мая 1930 г.	183
59	Собственноручные показания Е. В. Тарле 31 мая 1930 г.	201
60	Собственноручные показания Е. В. Тарле 4 июня 1930 г.	210
61	Заявление Е. В. Тарле А. Р. Стромину 7 июня 1930 г.	224
62	Заявление Е. В. Тарле А. Р. Стромину [7 июня 1930 г.]	225
63	Заявление Е. В. Тарле А. Р. Стромину [8 июня 1930 г.]	225
64	Собственноручные показания Е. В. Тарле 10 июня 1930 г. ...	226
65	Собственноручные показания Е. В. Тарле 12 июня 1930 г. ...	236
66	Собственноручные показания Е. В. Тарле 13 июня 1930 г. ...	240
67	Собственноручные показания Е. В. Тарле 14 июня 1930 г. ...	254
68	Собственноручные показания Е. В. Тарле 15 июня 1930 г. ...	259
69	Собственноручные показания Е. В. Тарле 16 июня 1930 г. ...	268
70	Собственноручные показания Е. В. Тарле 17 июня 1930 г. ...	273
71	Собственноручные показания Е. В. Тарле 21–22 июня 1930 г.	285
72	Протокол допроса Е. В. Тарле, произведенного А. Р. Строминым 24 июня 1930 г.	294

73	Протокол допроса Е. В. Тарле, произведенного А. Р. Строминым 26 июня 1930 г.	296
74	Протокол допроса Е. В. Тарле, произведенного А. Р. Строминым 28 июня 1930 г.	303
75	Показания Е. В. Тарле [не позднее 29 июня 1930 г.]	315
76	Собственноручные показания Е. В. Тарле [не позднее 29 июня 1930 г.]	318
77	Собственноручные показания Е. В. Тарле [не позднее 29 июня 1930 г.]	322
78	Собственноручные показания Е. В. Тарле [не позднее 29 июня 1930 г.]	325
79	Собственноручные показания Е. В. Тарле [не позднее 29 июня 1930 г.]	333
80	Сводный протокол показаний Е. В. Тарле, составленный А. Р. Строминим 29 июня 1930 г.	343
81	Заявление Е. В. Тарле С. Г. Жупахину 7 июля 1930 г.	476
82	Письмо Е. В. Тарле О. Г. Тарле с сопроводительной запиской М. А. Степанова Володину [не позднее 11 июля 1930 г.]	477
83	Протокол допроса Е. В. Тарле, произведенного А. Р. Строминым 21 июля 1930 г.	478
84	Протокол допроса Е. В. Тарле, произведенного А. Р. Строминым 23 июля 1930 г.	485
85	Заявление Е. В. Тарле в Коллегию ОГПУ 10–11 августа 1930 г.	491
86	Заявление Е. В. Тарле А. Р. Стромину 12 августа 1930 г.	497
87	Собственноручные показания Е. В. Тарле 14 августа 1930 г.	497
88	Заявление Е. В. Тарле А. Р. Стромину [16 августа 1930 г.] ...	502
89	Протокол допроса Е. В. Тарле, произведенного А. Р. Строминим и оперуполномоченным СО ОГПУ Ю. В. Садовским 17 августа 1930 г.	503
90	Заявление Е. В. Тарле А. Р. Стромину 22 августа 1930 г. ...	504

91	Заявление Е. В. Тарле А. Р. Стромину 23 августа 1930 г.	505
92	Заявление Е. В. Тарле А. Р. Стромину 28 августа 1930 г.	505
93	Собственноручные показания Е. В. Тарле 30 августа 1930 г.	506
94	Собственноручные показания Е. В. Тарле 30 августа 1930 г.	511
95	Собственноручные показания Е. В. Тарле 2 сентября 1930 г.	517
96	Заявление Е. В. Тарле в Коллегию ОГПУ 24 сентября 1930 г.	528
97	Заявление Е. В. Тарле члену коллегии ОГПУ Г. Е. Евдокимову 26 сентября 1930 г.	529
98	Предписание А. Р. Стромина Е. В. Тарле 26 сентября 1930 г.	532
99	Заявление Е. В. Тарле А. Р. Стромину 27 сентября 1930 г. ...	532
100	Заявление Е. В. Тарле в Коллегию ОГПУ 27 сентября 1930 г.	533
101	Дополнение Е. В. Тарле к заявлению в Коллегию ОГПУ 27 сентября 1930 г. [не ранее 27 сентября 1930 г.]	539
102	Заявление Е. В. Тарле в Коллегию ОГПУ 28 сентября 1930 г.	542
103	Собственноручные показания Е. В. Тарле 3 октября 1930 г.	548
104	Заявление Е. В. Тарле в Коллегию ОГПУ 4 октября 1930 г.	553
105	Собственноручные показания Е. В. Тарле 4 октября 1930 г.	556
106	Протокол допроса Е. В. Тарле, произведенного начальником СОУ ПП ОГПУ ЛВО В. Р. Домбровским и М. А. Степановым 5 октября 1930 г.	559
107	Собственноручные показания Е. В. Тарле 7 октября 1930 г.	562
108	Анкета арестованного Е. В. Тарле 8 октября 1930 г.	565
109	Квитанция комендатуры АОУ ПП ОГПУ ЛВО о принятии денег от Е. В. Тарле 8 октября 1930 г.	568
110	Квитанция комендатуры АОУ ПП ОГПУ ЛВО о принятии вещей от Е. В. Тарле 8 октября 1930 г.	569

- 111 Сопроводительное письмо помощника начальника Отдела центральной регистратуры СОУ ОГПУ СНК Зубкина в ПП ОГПУ ЛВО об этапировании Е. В. Тарле и пересылке его личного дела и переписки 23 ноября 1930 г. 570
- 112 Ордер Отдела центральной регистратуры СОУ ОГПУ СНК на этапирование Е. В. Тарле в распоряжение СОУ ПП ОГПУ ЛВО 23 ноября 1930 г. 571
- 113 Служебная записка помощника начальника Внутренней тюрьмы ОГПУ СНК Миронова в СО ПП ОГПУ ЛВО о препровождении денег, принадлежавших Е. В. Тарле 24 ноября 1930 г. 572
- 114 Письмо секретаря СОУ ПП ОГПУ ЛВО Фришмана начальнику ДПЗ Богданову о внесении на личный счет Е. В. Тарле принадлежавших ему денег 26 ноября 1930 г. 573
- 115 Письмо секретаря СОУ ПП ОГПУ ЛВО Фришмана в Тюремный отдел ОГПУ СНК о получении принадлежавших Е. В. Тарле денег 26 ноября 1930 г. 574
- 116 Заявление Е. В. Тарле С. Г. Жупахину 28 ноября 1930 г. 574
- 117 Протокол очной ставки между С. Ф. Платоновым и Е. В. Тарле, проведенной С. Г. Жупахиным, М. А. Степановым, А. А. Мосевичем и А. Р. Строминным 29 ноября 1930 г. 577
- 118 Письмо заместителя начальника СО ОГПУ СНК Горожанина в СО ПП ОГПУ ЛВО о пересылке денег, принадлежавших Е. В. Тарле 9 декабря 1930 г. 586
- 119 Письмо секретаря СОУ ПП ОГПУ ЛВО Фришмана начальнику ДПЗ Богданову о внесении на личный счет Е. В. Тарле принадлежащих ему денег 11 декабря 1930 г. 587
- 120 Рапорт врача ДПЗ В. Н. Соколова начальнику ДПЗ Н. Богданову о состоянии здоровья Е. В. Тарле и сопроводительное письмо Н. Богданова М. А. Степанову 18 декабря 1930 г. 587
- 121 Заявление Е. В. Тарле А. Р. Стромину 20 декабря 1930 г. ... 589
- 122 Заявление Е. В. Тарле А. Р. Стромину 31 декабря 1930 г. ... 589

123	Заявление Е. В. Тарле С. Г. Жупахину [1930 г.]	590
124	Заявление Е. В. Тарле А. Р. Стромину [1930 г.]	591
125	Заявление Е. В. Тарле А. Р. Стромину [1930 г.]	592
126	Показания Ю. Г. Оксмана, относящиеся к Е. В. Тарле [1930]	592
127	Заявление Е. В. Тарле А. Р. Стромину 20 января 1931 г.	593
128	Заявление Е. В. Тарле В. Р. Домбровскому 20 января 1931 г.	596

<i>ПРИЛОЖЕНИЯ</i>		598
-------------------	--	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Докладная записка председателя ОГПУ В. Р. Менжинского и помощника начальника Секретно-оперативного управления ОГПУ Я. С. Агранова генеральному секретарю ЦК ВКП(б) И. В. Сталину и секретарю ЦК ВКП(б) В. М. Молотову о предварительных результатах следствия по «Академическому делу» 15 сентября 1930 г.	599
--	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Докладная записка Я. С. Агранова В. Р. Менжинскому в связи с отказом Е. В. Тарле от показаний, данных в процессе следствия 2 августа 1932 г.	604
--	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Письма Е. В. Тарле жене О. Г. Тарле и сестре М. В. Тарновской из Дома предварительного заключения и из ссылки 14 марта 1930 г. — 2 октября 1931 г.	609
--	-----

Список сокращений	705
-------------------	-----

Указатель имен к выпускам 1 и 2	708
---------------------------------	-----

На фронтисписе помещена фотография Е. В. Тарле, сделанная в 1928 г. в Брюсселе.

Подписано к печати 1.IX.98
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 26, 14. Уч.-изд. л. 29, 51
Тираж 1500 экз. Заказ 111

* * *

Издательский отдел Библиотеки Российской АН
(199034, Санкт-Петербург, Биржевая линия, 1)
Ротапринт РПМ Библиотеки Российской АН
(199034, Санкт-Петербург, Биржевая линия, 1)